THE LIBRARY OF CONGRESS

РАЗНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ

С. Аксакова.

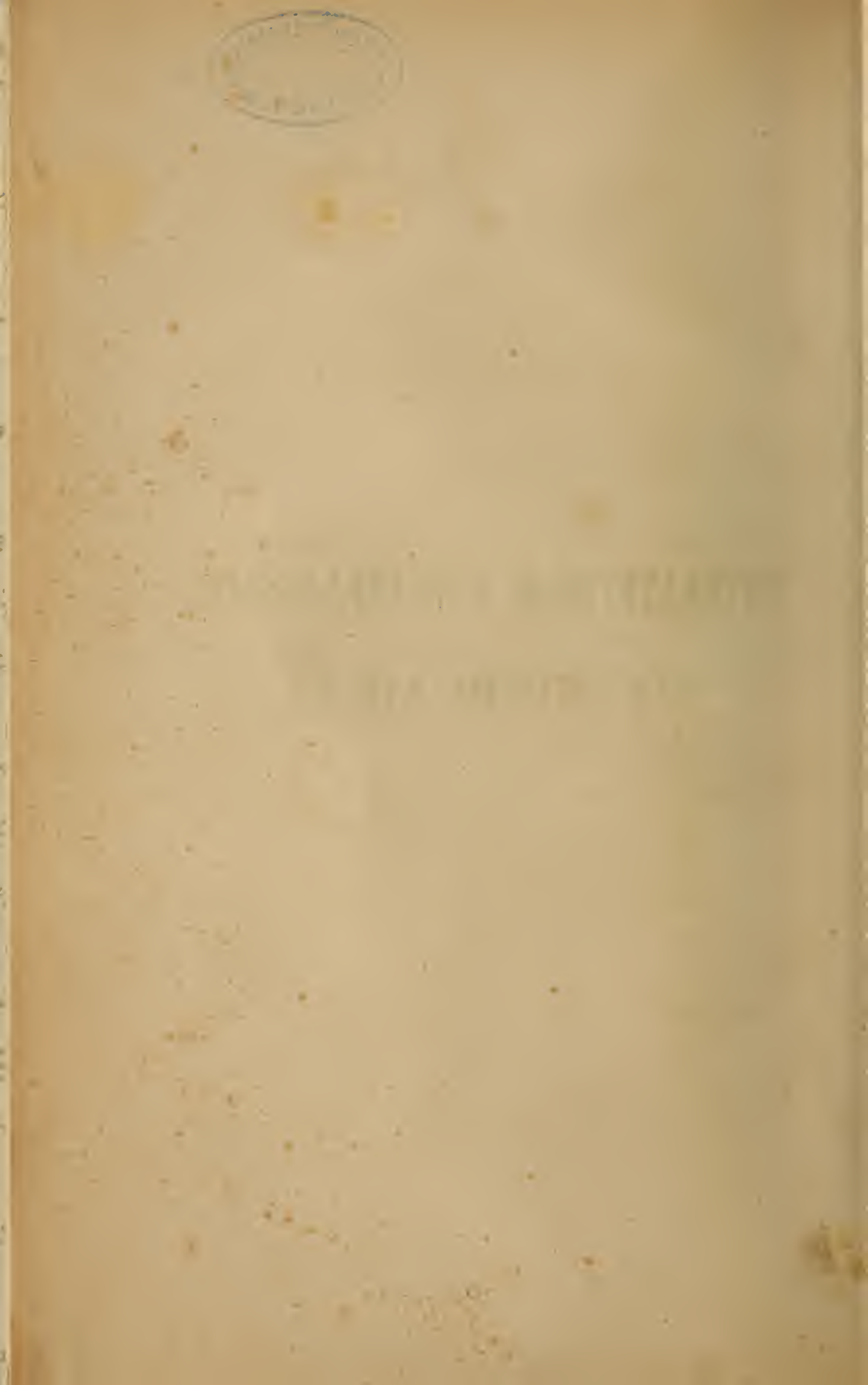
МОСКВА.
Въ типографіи Л. Степановой,
при Императорскихъ Московскихъ Театрахъ.
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было, въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 20 Октября, 1858 года.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.



ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Благодаря трудамъ нашихъ библіографовъ и біографовъ, трудамъ, принимаемымъ читающею публикою съ видимымъ участіемъ, мы имѣемъ теперь довольно важныхъ свѣдѣній о писателяхъ второстепенныхъ, которые начинали приходить у насъ въ забвеніе потому, что они имѣли достоинства, относительныя къ своему времени. Кромѣ того, что всѣ такія біографическія свѣдѣнія и розысканія любопытны, полезны и даже необходимы, какъ матеріалъ для исторіи нашей литературы, — въ этомъ вниманіи, въ этихъ знакахъ уваженія къ памяти второстепенныхъ писателей, выражается чувство благодарности, чувство справедливости къ людямъ, болѣе или менѣе даровитымъ, но не отмѣченнымъ такимъ яркимъ талантомъ, который, оставя блестящій слѣдъ за собою, долго не приходитъ въ забвеніе между потомками. Писатели второстепенные приготовляютъ поприще для писателей первоклассныхъ, для великихъ писате-

лей, которые не могли бы явиться, еслибъ предшествующіе имъ литературные дѣятели не приготовили имъ матеріала для выраженія творческихъ созданій,— среды, въ которой возможно уже проявленье великаго таланта. Всякой кладетъ свой камень при построеніи зданія народной литературы; велики или малы эти камни, скрываются ли внутри стѣнъ, погребены ли въ подземныхъ сводахъ, красуются ли на гордомъ куполѣ — все равно, труды всѣхъ почтенны и достойны благодарныхъ воспоминаній.

Желая по возможности содѣйствовать успѣху важнаго, по моему убѣжденію, дѣла, я хочу присоединить къ нему и мою скудную долю. Я нисколько не беру на себя обязанности библіографа, или біографа, я не собираю свѣдѣній изустныхъ и печатныхъ, разбросанныхъ по журналамъ и брошюркамъ: я стану разсказывать только то, что видѣлъ и слышалъ самъ, при моихъ встрѣчахъ съ разными литераторами. Моя цѣль — доставить матеріалъ для біографа. Я разскажу также о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производили на общество тогдашнія литературныя явленія, именно въ томъ кругѣ, въ которомъ я жилъ, или, правильнѣе сказать, куда я заглядывалъ до 1826-го года. Съ этого времени разсказы мои будутъ подробнѣе, послѣдовательнѣе и точнѣе.

1812-й ГОДЪ.

Въ началѣ 1812-го года, зимою, Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ познакомилъ меня въ Москвѣ съ нѣкоторыми литераторами и, прежде всѣхъ, съ Сер. Ник. Глинкою, издававшимъ тогда «Русскій Вѣстникъ». Шушеринъ звалъ издателя «Русскимъ мужичкомъ». Его оригинальная личность, его патріотическое участіе въ Московскихъ событіяхъ 1812-го года гораздо замѣчательнѣе его многотомныхъ сочиненій; говорить о немъ съ полной свободою еще не время. Скажу только, что я нашелъ тогда въ Сергѣѣ Николаевичѣ Глинкѣ, не смотря на его странности въ пріемахъ, привычкахъ и сужденіяхъ, — самаго добраго, прямаго, открытаго и правдиваго человѣка. Русское направленіе было для него главнымъ дѣломъ въ жизни; проповѣдывать его онъ считалъ своимъ гражданскимъ долгомъ: ибо такое проповѣдываніе онъ находилъ полезнымъ для государства, котораго былъ гражданиномъ. Это слово часто употреблялось Глинкой въ разговорахъ. Онъ никогда не принадлежалъ къ числу исключительныхъ, такъ называемыхъ и тогда, Славянофиловъ. Воспитанникъ Кадетскаго корпуса, товарищъ и пріятель Озерова, онъ былъ такой же горячій любитель Французскаго языка и Французской литературы, какъ Озеровъ, зналъ хорошо этотъ языкъ, помнилъ множество стиховъ и прозы

лучшихъ Французскихъ писателей и любилъ читать ихъ наизусть. Онъ былъ живаго, даже торопливаго нрава: весь состоялъ изъ порывовъ. Онъ думалъ, говорилъ и писалъ, такъ сказать, *на ходу*, сентенціями; а потому все, имъ написанное, не смотря на природную даровитость автора, не выдерживало и тогда моего юношескаго разбора и суда Во всѣхъ его сочиненіяхъ, безъ исключенія, вездѣ вырывались горячія слова, живыя выраженія, даже строки, полныя внутренняго чувства; онѣ производили сначала впечатлѣніе, но, повторенныя сочинителемъ нѣсколько разъ, иногда не кстати, сдѣлавшись стереотипными, казенными фразами — онѣ начинали уже опошливаться и надоѣдать людямъ разборчивымъ, а потому и взыскательнымъ. Я не знаю, кто-то сказалъ, вѣроятно послѣ нашествія Французовъ, и сказалъ довольно вѣрно, что «Глинка былъ бы не дуренъ, еслибъ у него не было соуса изъ «вѣры, вѣрности и Донцевъ (*), который и хорошъ для винегрета, а онъ обливаетъ имъ всѣ блюда». Впрочемъ въ отдаленныхъ углахъ Россіи, особенно послѣ великаго двѣнадцатаго года, особенно на Дону, Глинка пользовался большимъ авторитетомъ. Успѣхъ его «Русскаго Вѣстника» и еще болѣе блистательный, хотя не продолжитель-

(*) Въ 1813-мъ году С. Н. Глинка напечаталъ книжку или брошюрку. «Вѣра, вѣрность и слава Донцевъ»; она-то вѣроятно подала поводъ къ разсказанной мною шуткѣ.

ный, успѣхъ его пансіона для Донцевъ, служатъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Доброта души С. Н. Глинки была извѣстна его знакомымъ: онъ не могъ видѣть бѣднаго человѣка, не подѣлившись всѣмъ, что̀ имѣлъ, забывая свое собственное положеніе и не думая о будущемъ, отчего, не смотря на значительный иногда приливъ денегъ, всегда нуждался въ нихъ.... Но, повторяю, рано еще говорить обо всемъ на бѣло̀.— Сер. Ник. Глинка очень меня полюбилъ, особенно за мое Русское направленіе. Онъ захотѣлъ познакомить меня съ Никол. Мих. Шатровымъ, который былъ тогда въ славѣ, и въ свѣтскомъ обществѣ и въ кругу Московскихъ литераторовъ, за стихотвореніе свое: «Мысли Россіянина при гробѣ Екатерины Великой» (*), въ которомъ точно очень много было сильныхъ стиховъ; они казались смѣлыми и удобоприлагались къ современной эпохѣ. Еще болѣе славился Шатровъ подражаніями или переложеніями псалмовъ Давида, которыя положительно имѣютъ большое достоинство. Шатровъ былъ сынъ плѣннаго Персіянина *Шатра*, вывезеннаго мальчикомъ въ Россію около 1727-го года. Шатръ воспитался въ домѣ Мих. Аѳан. Матюшкина, командовавшаго Русскими войсками въ

(*) Въ послѣдствіи оно называлось иначе, а именно: «Праху Екатерины Второй»; подъ симъ заглавіемъ напечатано оно въ третьей части «Стихотвореній Н. Шатрова», изданныхъ въ пользу его отъ Россійской Академіи.

Персидскомъ походѣ; у него же въ домѣ выросъ и воспитался Н. М. Шатровъ, котораго потомъ определили въ службу въ Москвѣ, гдѣ онъ успѣлъ познакомиться и сблизиться со многими знатными людьми, и особенно съ другомъ Новикова и покровителемъ знаній и талантовъ, богатымъ бариномъ, П. А. Татищевымъ, у котораго въ домѣ и жилъ. Умомъ, дѣльностью по службѣ и талантомъ, а всего болѣе покровительствомъ Татищева, Шатровъ скоро проложилъ себѣ дорогу. Дослужившись до чина, который давалъ ему право на потомственное дворянство, онъ просилъ себѣ грамоты и герба. Императоръ Павелъ I-ый приказалъ ему составить гербъ, помѣстя въ немъ золотую лиру въ голубомъ полѣ (*). Шатровъ не имѣлъ научнаго образованія, но Русскую грамоту зналъ твердо и языкъ у него вездѣ правиленъ и благозвученъ. Онъ былъ не маловажнаго о себѣ мнѣнія, и въ тоже время человѣкъ веселый и любезный по своему; въ молодости онъ вѣроятно былъ очень хорошъ собою; къ обществу высшаго или, вѣрнѣе сказать, лучшаго круга новыхъ литераторовъ онъ не принадлежалъ; по крайней мѣрѣ я никогда не видалъ его ни у Кокошкина, ни у другихъ. Шатровъ обласкалъ меня и между прочимъ

(*) Все это я слышалъ тогда же отъ Шушерина нѣсколько въ превратномъ видѣ; но сказанное мною здѣсь сообщено мнѣ изъ достовѣрныхъ источниковъ С. А. М. и П. И. Б.

спросилъ, знакомъ ли я съ знаменитытъ Русскимъ писателемъ, Николаемъ Петровичемъ Николевымъ? Должно признаться, что я не имѣлъ никакого понятія о знаменитости Николева; слыхалъ только отъ Шушерина объ его трагедіи: «Сорена и Замиръ», напечатанной въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ» и не попавшей въ «Творенія Николева», которую обыкновенно называли просто «Сорена». Шушеринъ говаривалъ мнѣ, что въ ней есть славныя мѣста, но что послѣ Крюковскаго и Озерова ее читать нельзя, потому что языкъ слишкомъ устарѣлъ. Хотя я очень помнилъ два стиха изъ одной рукописной сатиры Кн. Горчакова: (*)

«Гусситы, Попугай предпочтены Соренѣ
И Коцебятина одна у насъ на сценѣ,»

изъ которыхъ я долженъ былъ заключить, что Сорена имѣетъ высокое достоинство; но на ту пору я все это забылъ и откровенно отвѣчалъ, что не имѣю понятія о Николевѣ. Шатровъ удивился, посмотрѣлъ на меня съ улыбкою сожалѣнія и сказалъ: «это отъ того, что вы всегда жили въ Петербургѣ, а тамъ не умѣютъ и не хотятъ цѣнить Московскихъ талантовъ. Я познакомлю васъ съ Николевымъ и попрошу его прочесть что-нибудь изъ новой его трагедіи

(*) Рукописныя сатиры Кн. Горчакова пользовались въ восьмисотыхъ годахъ большою извѣстностью и особеннымъ уваженіемъ въ славянофильскомъ кругу Шишкова. Кажется, онѣ никогда не были

«Малекъ-Адель», заимствованной изъ «Матильды» (*); эта трагедія лучше всѣхъ его прежнихъ сочиненій и написана съ такимъ огнемъ, какъ будто ее писалъ молодой человѣкъ. Поѣдемте завтра же поклониться нашему славному слѣпцу». Я очень былъ радъ такому предложенію. Шатровъ прочелъ намъ два новыхъ псалма и какое-то патріотическое стихотвореніе; псалмами я восхищался отъ искренняго сердца.

Тотъ же день Шушеринъ, чтобы приготовить мнѣ хорошій пріемъ, съѣздилъ къ Николеву, разумѣется разхвалилъ меня и мое чтеніе и, къ сожалѣнію, наговорилъ лишняго о моемъ восхищеніи и благоговѣніи къ таланту хозяина. Шушеринъ однако успѣлъ меня предупредить о томъ и дать мнѣ болѣе подроб-

---

напечатаны. Въ нихъ сильно и рѣзко выставлялись тогдашнія злоупотребленія. Описывая роскошные пиры чиновниковъ, наворовавшихъ себѣ богатство отъ продовольствія солдатъ, сочинитель говоритъ:

«Межъ тѣмъ какъ воинъ, къ нимъ пришедшій на клюкѣ,
И черезъ нихъ однихъ не въ лавровомъ вѣнкѣ,
Простря подъ окошью изстрѣленну десницу,
За счастье чтитъ достать отъ нихъ стола крупицу.»

Не менѣе знаменательны и слѣдующіе два стиха, которые говоритъ одинъ изъ общественныхъ грабителей:

«И шествуя путемъ воровъ безъ остановки,
На шеѣ съ лентою, избавлюсь отъ верevки.»

Да проститъ мнѣ тѣнь благороднаго сочинителя этихъ стиховъ, если память моя сколько-нибудь ихъ исказила!

(*) Матильда или Рыцари Крестовыхъ походовъ. Сочиненіе Г-жи Коттенъ. Въ брошюрѣ «Памятникъ друзей Н. П. Николеву» два раза упоминается о ненапечатанной трагедіи «Матильда»; вѣроятно, ее слышалъ я подъ названьемъ «Малекъ-Адель».

ное понятіе о Соренѣ, даже прочелъ нѣкоторыя мѣста наизусть. Онъ разсказалъ мнѣ, что Николевъ любитъ похвалы и что мнѣ, какъ очень молодому (мнѣ было 20-ть лѣтъ) и неизвѣстному литератору, только что вступающему на это поприще (я переводилъ тогда «Филоктета»), необходимо высказать мое удивленіе къ великимъ твореніямъ Николева. Это меня порасхолодило, но дѣлать было нечего. Я пріѣхалъ на другой день по утру къ Шатрову, и мы вмѣстѣ отправились къ слѣпому поэту, который желалъ казаться зрячимъ и очень не любилъ, если кто-нибудь давалъ ему чувствовать, что знаетъ его слѣпоту. Объ этомъ предупредилъ меня Шатровъ. Николевъ принялъ насъ въ своемъ кабинетѣ: онъ былъ одѣтъ парадно и неопрятно, чего по слѣпотѣ своей не могъ видѣть, но чего терпѣть не могъ. Онъ даже хвалился всегда свѣжестью своего бѣлья и чистотою въ комнатахъ, тогда какъ, напротивъ, все было грязно и въ безпорядкѣ: разумѣется, никто не выводилъ его изъ пріятнаго заблужденія. Николевъ сидѣлъ въ креслахъ, у письменнаго стола; возлѣ него стоялъ мальчикъ. Отворяя намъ дверь, человѣкъ громко сказалъ: «Николай Михайловичъ и господинъ Аксаковъ». Николевъ всталъ, очень свободно пошелъ намъ на встрѣчу, протянулъ мнѣ руку, привѣтствовалъ очень ласково, запросто поздоровался съ Шатровымъ и, пригласивъ насъ сѣсть, воротился къ своимъ кресламъ и сѣлъ въ нихъ такъ ловко, что

еслибъ я не былъ предупрежденъ, то не догадался бы, что онъ слѣпъ, тѣмъ болѣе, что глаза его были совершенно ясны. Хозяинъ былъ очень любезенъ; но въ этой любезности слышалось снисхожденіе знаменитаго писателя, который съ высоты своего величія, благодушно и привѣтливо обращается къ простымъ смертнымъ. Шатровъ, безъ всякихъ церемоній, называлъ его въ глаза «великимъ Николевымъ», и онъ принималъ такія слова, какъ должную и привычную дань, все равно, какъ будто называли его Николаемъ Петровичемъ. Я кое-какъ подлаживался къ Шатрову; и еслибъ Николевъ не былъ слѣпъ, то могъ бы замѣтить, по моему смущенному лицу, что я говорилъ не искренно. Впрочемъ едва ли такъ. Тутъ самоувѣренность была такъ сильна, что и смущеніе и молчаніе было бы принято за выраженіе того благоговѣнія, съ которымъ обыкновенный человѣкъ приближается въ первый разъ къ великому человѣку. Разговоръ вертѣлся на сочиненіяхъ хозяина; Шатровъ управлялъ разговоромъ и лгалъ на меня безсовѣстно, разумѣется, на счетъ моего благоговѣнья къ сочиненьямъ Николева. Когда рѣчь дошла до новой трагедіи хозяина, до «Малекъ-Аделя», то я сказалъ, что былъ бы очень счастливъ, еслибъ могъ ее прочесть или что-нибудь изъ нея услышать. Николевъ отвѣчалъ, что «кромѣ писца никто не имѣлъ его трагедіи въ своихъ рукахъ, но что онъ самъ, зная ее наизусть, *играетъ* нѣкоторыя сцены изъ нея

друзьямъ своимъ, потому что драматическое сочиненіе надобно *играть*, а не читать». Шатровъ началъ просить, чтобы *безсмертный* Николевъ сыгралъ какую-нибудь сцену. Я присоединилъ мою убѣдительную просьбу, и Николевъ согласился. Онъ вышелъ на средину комнаты и продекламировалъ цѣлую, очень большую сцену, играя всѣ лица, разными голосами, предварительно называя ихъ по именамъ, переходя съ мѣста на мѣсто и принимая приличное ихъ характерамъ положеніе. Не смотря на такіе комическіе пріемы, не смотря на мимику и жесты, доводимые до крайняго излишества, мнѣ показалось тогда такъ много силы въ стихахъ и огня въ выраженныхъ чувствахъ, что я на первый разъ былъ увлеченъ и превозносилъ искренними похвалами игру и сочиненіе хозяина. Впослѣдствіи я слышалъ еще нѣсколько сценъ, которыя уже не производили на меня такого впечатлѣнія; но изъ всего слышаннаго я вывелъ заключеніе, что въ трагедіи много сильныхъ мѣстъ, а въ чувствахъ Малекъ-Аделя много пылкости. У меня врѣзались въ памяти четыре стиха, которые говоритъ, кажется, — Матильда, можетъ-быть и кто-нибудь другой,—описывая скачущаго на конѣ «Малекъ-Аделя»:

Блисталъ (*) конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Атлантскихъ горъ,
Стрѣла летяща — бѣгъ, свѣща горяща — взоръ,

(*) Не отвѣчаю за слово: «блисталъ». Иногда мнѣ кажется, что вмѣсто него стояло: «сверкалъ».—«Малекъ-Адель» значитъ пламень битвы, такъ говорилъ мнѣ Шатровъ.

Дыханье — дымъ и огнь, грудь и копыта — камень,
На немъ — Малекъ-Адель или сраженій пламень».

Что сдѣлалось съ этой трагедіи, равно какъ и со всѣми рукописными сочиненіями Николева, умершаго въ 1815-мъ году—ничего не знаю (*). Изъ приведенныхъ мною четырехъ сильныхъ стиховъ можно заключить, что вся трагедія написана въ такомъ же лирическомъ, восторженномъ духѣ.

Продекламировавъ сцену, Николевъ, совершенно какъ зрячій, воротился къ своимъ кресламъ и сѣлъ на нихъ. Шатровъ не преминулъ назвать его неподражаемымъ актеромъ и писателемъ. Чтеніе или игра Николева была самая напыщенная, неестественная, пѣвучая декламація, не совсѣмъ однако похожая на обыкновенное тогда чтеніе на распѣвъ трагическихъ стиховъ; что же касается до огня, до пылу, то его было гораздо болѣе во внѣшнемъ выраженіи, чѣмъ во внутреннемъ чувствѣ. Тогда не многіе понимали это различіе; но сила, стремительность, поражающія и увлекающія сначала всякаго слушателя, — были въ его чтеніи. Николевъ былъ очень доволенъ собою и говорилъ, что давно такъ хорошо не игралъ; онъ сдѣлался веселѣе, разговорчивѣе и ласковѣе; заставилъ меня прочесть одинъ монологъ изъ переводи-

(*) По свѣдѣніямъ, полученнымъ мною отъ почтеннаго С. А. М., находившагося въ близкихъ сношеніяхъ съ Н. П. Николевымъ, всѣ его бумаги перешли въ руки Н. М. Шатрова и вѣроятно были доставлены имъ ближайшему наслѣднику.

маго мною тогда «Филоктета», похвалилъ и переводъ и чтеніе, и, услышавъ отъ Шушерина, что я перевелъ стихами комедію Мольера: «Школа мужей», потребовалъ, чтобъ я непремѣнно прочелъ ему свой переводъ. Потомъ пригласилъ меня пріѣзжать, какъ можно чаще, къ нему, обѣщая прочесть мнѣ много койчего «важнаго и забавнаго»; потомъ, взявъ слово, что завтра мы пріѣдемъ къ нему обѣдать, отпустилъ насъ съ Шатровымъ, осыпавъ меня множествомъ любезностей на Русскомъ и даже на Французскомъ языкѣ.

Шатровъ не былъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня Николевымъ: похвалы мои казались ему холодны, а замѣчанія, откровенно высказанныя мною Шатрову, — непозволительными. Ему было дико, что двадцатилѣтній юноша, ничего еще не сдѣлавшій въ литературѣ, смѣетъ судить и критиковать писателя, котораго онъ (Шатровъ) и весь кружокъ его считаетъ великимъ писателемъ. Онъ высказалъ мнѣ довольно прямо свои мысли и назвалъ мои сужденія «самонадѣянной дерзостью молодаго человѣка»; но въ послѣдствіи я убѣдился, что Шатровъ немножко прикидывался передо мною, какъ передъ новичкомъ, изъ какихъ причинъ — не знаю. Да и возможно ли, чтобы человѣкъ, писавшій тогда прекраснымъ языкомъ, даже и теперь сохраняющимъ свое достоинство, не чувствовалъ устарѣлости, неестественности, пухлости, а иногда и уродливости языка

Николева?... Шушеринъ понималъ это совершенно. Шатровъ однако сказалъ мнѣ, въ видѣ наставленія, что и великіе люди имѣютъ свои странности, иногда доходящія до смѣшнаго. «Такъ и Николевъ, продолжалъ онъ, имѣетъ странное желаніе казаться зрячимъ и любитъ говорить о чистотѣ своего платья и опрятности своихъ комнатъ, тогда какъ мошенники-слуги одѣваютъ его въ черное бѣлье, нечищенное платье и содержатъ его комнаты засоренными и грязными; вотъ завтра будемъ мы обѣдать у него, и я васъ предупреждаю, что кушанье будетъ приготовлено жирно и даже вкусно, но все будетъ подано неопрятно, особенно столовое бѣлье. Николевъ любитъ, чтобъ его гости кушали много и хвалили кушанья: отъ перваго можно себя уволить, а второе необходимо». Шатровъ простился со мною съ чувствомъ своего достоинства и превосходства. Я разсказалъ все Шушерину. Онъ смѣялся и увѣрялъ, что Николай Михайловичь «задаетъ мнѣ тоны», что онъ самъ забавляется надъ смѣшными причудами Николева и даже надъ его слѣпотою, и что со временемъ все это я самъ увижу. Шушеринъ не предупредилъ меня, что Николевъ обѣдаетъ въ два часа съ половиной; я пріѣхалъ нарочно пораньше, то есть, въ три часа, и все таки заставилъ полчаса себя дожидаться. Это было мнѣ очень досадно и очень меня смутило. Я думалъ, что мы только двое съ Шатровымъ будемъ обѣдать у Николева; но я нашелъ тамъ и Шу-

шерина, и С. Н. Глинку, и Н. И. Ильина, и еще нѣсколько человѣкъ, вовсе мнѣ незнакомыхъ. Предсказанія Шатрова совершенно оправдались: обѣдъ былъ жиренъ, вкусенъ и неопрятенъ; всѣ комнаты были въ безпорядкѣ. Хозяинъ посадилъ меня возлѣ себя, ласкалъ и подчивалъ радушно. Вина было довольно, и какъ Николевъ наливалъ мнѣ изъ своей бутылки, то вино оказалось отличное, а у другихъ гостей посредственное; даже подаваемыя вина особо были разнаго достоинства: хозяину подавали одно, а гостямъ другое. Въ послѣдствіи я слышалъ отъ Шатрова, что Николевъ до того вѣрилъ своей прислугѣ, особенно своему любимцу камердинеру и дворецкому; что не было возможности самымъ близкимъ людямъ убѣдить его въ неряшествѣ его слугъ и плутняхъ его любимца. Николевъ, кромѣ поэзіи, имѣлъ претензію быть и гастрономомъ, и политикомъ, и свѣтскимъ человѣкомъ, чѣмъ безъ сомнѣнія онъ и былъ въ свое время. За обѣдомъ и помину не было объ литературѣ; говорили о Наполеонѣ, объ его тайныхъ замыслахъ, о городскихъ новостяхъ и преимущественно о скандалезныхъ исторіяхъ. Хозяинъ представлялъ любезнаго весельчака: смѣялся и заставлялъ смѣяться, разсказывая множество нескромныхъ анекдотовъ «веселаго прошедшаго времени», которые непріятно было слышать изъ устъ слѣпаго старика. Вообще можно было замѣтить, что Николевъ нѣкогда живалъ въ знатномъ кругу и былъ извѣстенъ при дворѣ. Н. И.

Ильинъ сидѣлъ подлѣ меня, и я возобновилъ съ нимъ Петербургское знакомство. Въ обращеніи Ильина была всегда какая-то важная чопорность, которая именно тогда особенно кинулась мнѣ въ глаза, равно какъ и его высокое о себѣ мнѣніе; со мною онъ былъ благосклонно ласковъ и звалъ меня къ себѣ. На другомъ концѣ стола предсѣдательствовалъ Шатровъ; по порученію хозяина, онъ всѣхъ угощалъ и, зная наизусть его нравъ, старался поддержать шумную веселость гостей; Шушеринъ усердно помогалъ ему. Когда встали изъ-за стола, Николевъ взялъ меня подъ руку и вмѣстѣ со мною отправился въ гостиную; мы шли впереди всѣхъ. Хозяинъ спросилъ меня: «не правда ли, что у меня довольно весело?» Я, разумѣется, отвѣчалъ утвердительно и горячо. «Нынче пропадаетъ умѣнье жить весело», сказалъ съ сожалѣніемъ весьма довольный собою хозяинъ. Я понялъ, что Николеву нуженъ вожакъ и довольно искусно исполнилъ это дѣло: то есть, велъ его такъ, какъ будто мы шли вмѣстѣ; онъ сѣлъ на диванъ, а гости расзѣлись около него: подали кофе, ромъ и ликеръ. Я замѣтилъ, что всѣ были довольно веселы. Разговоръ не замедлилъ склониться къ литературѣ или, лучше сказать, Шатровъ не замедлилъ круто своротить его на эту дорогу, обратившись съ просьбою, отъ имени всѣхъ, чтобы великій Николевъ, безконечно разнообразный въ своихъ твореніяхъ, прочелъ что-нибудь изъ своихъ эротическихъ и сати-

рическихъ сочиненій. Хозяинъ не замедлилъ согласиться, началъ читать и читалъ очень много, основываясь на томъ, что я, какъ новичекъ въ Москвѣ и въ литературѣ, ничего еще не слыхивалъ изъ его заповѣдныхъ мелочей и шалостей.

Ничего изъ слышаннаго мною не сохранилось въ моей памяти; помню только, что Николевъ прочелъ всѣмъ извѣстную тогда пародію на Тредьяковскаго, которую я зналъ наизусть еще въ Петербургѣ:

Азъ Тредьяковскій, строгій *піита*,
Краснаго слога борзый *писецъ*,
Сирѣчь чья стопно мысль грановита —
Что же бы въ рифму? Русскій пѣвецъ.
Брякну стихами пѣсни похвальны
Ратничкамъ Русскимъ, аки Руссакъ:
Прочь скоротечно мысли печальны!
Васъ не изволю слушать никакъ; и пр.(*).

Тутъ только я узналъ, что она принадлежала Николеву. Часа черезъ два Николевъ легъ спать, и гости разъѣхались. Черезъ нѣсколько дней я былъ у Николева одинъ по утру, согласно его приглаше-

(*) Эта пародія была напечатана въ 4-мъ томѣ «Твореній» Николева, (1797) подъ названьемъ: «Ода 1-я Россійскимъ солдатамъ на взятіе крѣпости Очакова сего 1796-го года, Декабря 6-го, сочиненная отъ лица нѣкоего древняго Россійскаго піиты; она начинается такъ: «Азъ чудопѣвецъ» и пр.

Годъ поставленъ не вѣрно. Очаковъ взятъ въ 1788 году.

Поздн. прим. сочинителя.

нію и моему обѣщанію. Мальчикъ отъ него не отходилъ, часто исполняя разныя его приказанія. Вѣроятно, онъ давно служилъ при своемъ господинѣ; онъ былъ такъ наметанъ, что по одному знаку безъ словъ отгадывалъ, что̀ ему нужно, и всегда стоялъ противъ своего барина. Разговоръ не долго держался на постороннихъ предметахъ и скоро перешелъ къ сочиненіямъ хозяина. Читая какую-то пьесу наизусть, онъ запнулся, сдѣлалъ знакъ рукой мальчику, и тотъ сейчасъ бросился къ шкафу, досталъ изъ него и принесъ, кажется, пять большихъ книгъ, въ листъ, въ переплетѣ, но рукописныхъ; это были сочиненія Николева (*). Онъ попросилъ меня, чтобы я въ такомъ-то томѣ отыскалъ такую-то піесу и началъ бы ее читать вслухъ. Едва я дошелъ до того мѣста, гдѣ поэтъ остановился, какъ онъ вспомнилъ забытый стихъ и продолжалъ уже декламировать самъ. Подобное обстоятельство, случившееся еще нѣсколько разъ, конечно изобличало слѣпоту Николева; но онъ и тутъ продолжалъ прежнюю комедію: заглядывалъ ко мнѣ въ книгу, какъ будто справляясь, не ошибся ли я, потомъ бралъ ее въ руки и, какъ будто по книгѣ, продолжалъ чтеніе начатой мною піесы. Были ошибки, пожалуй, смѣшныя, но скорѣе

(*) Сочиненія Николева были давно напечатаны (1795—1797); отъ чего подали намъ рукописныя — не знаю. Вѣроятно, это были сочиненія исправленныя и дополненныя самимъ авторомъ.

жалкія. Въ стихотвореніяхъ Николева было множество примѣчаній, разумѣется, писанныхъ прозою; ихъ всѣ читалъ уже я, и авторъ слушалъ съ наслажденіемъ. Онъ придавалъ великую важность своимъ примѣчаніямъ и весьма наивно говорилъ, что тутъ скрыта бездна знаній и учености, и что однѣ примѣчанія могли бы составить великую славу ихъ сочинителю. О новѣйшихъ писателяхъ по большей части онъ говорилъ съ насмѣшкою или презрѣніемъ. Мнѣ очень хотѣлось выслушать всего «Малекъ-Аделя», но авторъ не сталъ читать, откладывая это до другаго времени. Въ послѣдствіи, бывая довольно часто у Николева, я слышалъ нѣсколько сценъ изъ «Малекъ-Аделя», но всегда при другихъ посѣтителяхъ, на единѣ же онъ никогда не читалъ мнѣ своей трагедіи. Вѣроятно, Николеву одного меня или вообще одного слушателя, было мало, потому что въ присутствіи Шатрова и Глинки онъ охотно разыгрывалъ нѣкоторыя сцены; всей піесы я никогда не слыхалъ, а потому и содержанія ея хорошенько не знаю.— Предсказанія Шушерина оправдались: Шатровъ мало по малу началъ при мнѣ подшучивать надъ Николевымъ и особенно надъ его стараніемъ скрывать свою слѣпоту. Конечно, эта странная слабость, казалось бы несвойственная умному человѣку, какъ то уменьшала то сожалѣніе, которое чувствуется всѣми къ человѣку, лишенному зрѣнія. Обманъ являлся такъ явенъ, что иногда нельзя было не улыбнуться; но

Шатровъ наводилъ Николева наглымъ образомъ на смѣшные промахи и ставилъ его въ каррикатурныя положенія, даже до неприличія. Это были совершенно школьничьи шутки, которыя меня никогда не забавляли, а также и С. Н. Глинку; но Шушеринъ очень ими потѣшался и даже подстрекалъ Шатрова къ разнымъ выдумкамъ. Что за мудреное созданіе человѣкъ! Шатровъ любилъ Николева, какъ близкаго роднаго, ухаживалъ за нимъ во время его болѣзни, развлекалъ во время скуки, видѣлъ въ немъ великаго писателя, прибавляя по секрету, что у него много и дряни, — и тотъ же Шатровъ ругался надъ слѣпотой Николева и задыхался отъ сдержаннаго смѣха, когда слѣпецъ натыкался на подставленный ему стулъ и больно ушибался (*).

Я вторично встрѣтился съ Н. Н. Ильинымъ, кажется, на литературномъ вечерѣ у Ѳ. Ѳ. Кокошкина. Ильинъ съ благосклонною важностью опять пригласилъ меня къ себѣ, и я на другой день поѣхалъ къ нему; жилъ онъ ужасно далеко, гдѣ-то за Красными воротами, въ деревянномъ ветхомъ домишкѣ, помнится, своей сестры. Онъ помѣщался очень тѣсно, въ небольшомъ чуланѣ, который съ важностью называлъ своимъ «рабочимъ кабинетомъ». Все обличало большой недостатокъ состоянія, и въ тоже время ярко

(*) Черезъ восемь лѣтъ Шатровъ ослѣпъ и прожилъ еще слишкомъ двадцать лѣтъ.

и каррикатурно прикрывалось великолѣпіемъ обращенія. По важности пріемовъ и тона можно было принять Ильина за богатаго вельможу, а ветхость шлафорка и всей обстановки обличали въ немъ бѣдняка. Мнѣ сей часъ пришелъ въ голову Испанскій дворянинъ, Донъ Ранудо де Калибрадосъ, выведенный въ комедіи Коцебу, который, три дня не ѣвши, ковырялъ въ зубахъ. Вспоминая теперь объ этихъ людяхъ, я нахожу, что Ильинъ и Николевъ разыгрывали одну и туже комедію: слѣпой представлялъ зрячаго, а бѣднякъ знатнаго богача. Ильинъ принялъ меня однако съ большою вѣжливостью и даже ласкою, не теряя впрочемъ своего высокаго достоинства. У этого господина было такое же огромное самолюбіе, какъ у Шатрова и Николева, но онъ умѣлъ его скрывать въ Петербургѣ. Я видѣлъ его по крайней мѣрѣ двадцать разъ у Шушерина, и не болѣе, какъ за годъ; тогда это былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Ну, подумалъ я, какъ разбухаетъ авторское самолюбіе въ Москвѣ! Впрочемъ это было справедливо только въ отношеніи къ тремъ сочинителямъ, сей часъ мною названнымъ, принадлежавшимъ къ особому кругу людей съ отсталыми понятіями. Сценическіе успѣхи Ильина вскружили ему голову. Въ самомъ дѣлѣ, «Лиза или торжество благодарности» и «Рекрутскій наборъ», пьесы точно съ нѣкоторымъ достоинствомъ, особенно послѣдняя, — производили при своемъ появленіи, и въ Москвѣ и въ

Петербургѣ, такое сильное впечатлѣніе, даже восторгъ, какого не бывало до тѣхъ поръ, какъ мнѣ сказывали старожилы-театралы. Я видѣлъ много разъ эти піесы на сценѣ, когда онѣ были уже не новость, и могу засвидѣтельствовать, что публика и плакала на взрыдъ, и хлопала до неистовства: въ Петербургѣ поменьше, въ Москвѣ побольше. Говорятъ, вызовъ, на сцену авторовъ начался съ Ильина (*). Въ послѣднее время онъ ничего уже замѣчательнаго не писалъ и отдыхалъ на лаврахъ. Самолюбіе Н. И. Ильина довольно выражается тѣмъ, что онъ въ послѣдствіи одну изъ своихъ ничтожныхъ театральныхъ пьесокъ, печатно посвятилъ «Великому своему учителю Фонъ-Визину.» Въ этотъ разъ я замѣтилъ въ Ильинѣ еще другую слабость, которая и тогда уже развивалась въ немъ наравнѣ съ авторскимъ самолюбіемъ, а въ послѣдствіи выросла до нелѣпыхъ и гибельныхъ размѣровъ — слабость къ знати. Онъ безпрестанно упоминалъ о своемъ близкомъ знакомствѣ съ знатными людьми: графы, князья, генералы и дѣйствительные тайные совѣтники не сходили у него съ языка. У князя Юсупова онъ ужиналъ, у княгини N. N. завтракалъ, у графа Шереметева обѣдалъ, у графини N. N. былъ на балѣ, съ его высокопревосходительствомъ

(*) Кажется, это несправедливо: Н. П. Николевъ былъ вызванъ за свою «Сорену» въ 1783-мъ году, три представленія сряду. «Памятникъ друзей Н. П. Николеву», стр. 21.

ѣздилъ на охоту, со всѣми короткій другъ—только у него было и, рѣчей. Мнѣ стало это гадко, и когда онъ предложилъ мнѣ свое покровительство, чтобъ познакомить меня въ нѣкоторыхъ знатныхъ домахъ, то я съ горячностью молодости выразительно ему отвѣчалъ, что ищу знакомства людей, отмѣченныхъ дарами Божьими, а не знатностью. Ильинъ осудилъ мою выходку и сказалъ что-то въ родѣ наставленія. Когда я собирался уѣхать, благосклонный хозяинъ спросилъ меня, куда я ѣду; я отвѣчалъ, что домой, то есть, въ домъ, нанимаемый моимъ семействомъ въ Старой Конюшенной.—«Въ чемъ вы пріѣхали?»—«На извощикѣ,» отвѣчалъ я. — «Ну такъ я васъ довезу. Мнѣ самому надобно ѣхать въ Старую Конюшенную къ княгинѣ N. N.: я у нея обѣдаю;» сказалъ Ильинъ, свистнулъ, и видя, что никто не идетъ, принялся звонить въ колокольчикъ; наконецъ пришелъ старый слуга, очень бѣдно одѣтый, и хозяинъ величественно сказалъ: «прикажи кучеру Ѳедору заложить мнѣ возокъ или лучше сани, потому что дорога дурна (тутъ послѣдовало молчаніе): въ корень—оленя, на пристяжку — куницу.» Лакей отвѣчалъ, что лошади давно готовы. Хозяинъ попросилъ позволенія одѣться и вышелъ; одѣвался очень долго; я проклиналъ себя, что не отказался отъ его предложенія. Наконецъ пришелъ, одѣтый съ большой изысканностью и претензіей на щегольство, считавшій себя въ тоже время красавцемъ, ужасно надоѣв-

шій мнѣ, Н. И. Ильинъ, и мы вышли на крыльце. Увы! олень и куница оказались такими клячами, что мы едва дотащились до Старой Конюшенной, а баринъ безпрестанно приказывалъ сдерживать лошадей по причинѣ дурной дороги, которая въ самомъ дѣлѣ разрушалась отъ весенняго солнца. Въ другой разъ я уже не былъ у Ильина, не смотря на скорый его визитъ и учтивыя приглашенія.

Я поспѣшилъ разсказать Шушерину мое свиданіе съ Ильинымъ и думалъ удивить его; но Шушеринъ, посмѣявшись, сказалъ мнѣ, что онъ давно знаетъ эти грѣшки за Н. И., и что въ Москвѣ они пошли въ гору. Вообще Шушеринъ былъ оченъ уменъ и зналъ насквозь всѣхъ своихъ знакомыхъ; онъ любилъ посмѣяться надъ слабостями своего ближняго за глаза, и даже въ глаза, но такъ искусно, что ни съ кѣмъ не ссорился; онъ умѣлъ держать себя прилично въ разныхъ слояхъ общества. Я бывалъ съ нимъ вмѣстѣ на литературныхъ вечерахъ у Ѳ. Ѳ. Кокошкина, у котораго обыкновенно собирались Каченовскій, Мерзляковъ и Ѳ. Ѳ. Ивановъ, сочинитель драматическихъ піесъ: «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаютъ» и «Не бывать фатѣ» — піесъ, которыя въ свое время имѣли значительный успѣхъ. Ивановъ слылъ большимъ острякомъ, и въ самомъ дѣлѣ былъ остроумный и веселый собесѣдникъ. Пріѣзжали иногда гр. Салтыковъ, Вельяшевъ-Волынцевъ, Смирновъ, зять Мерзлякова, и другіе; Шушеринъ велъ себя съ боль-

шимъ тактомъ со всѣми. Кокошкинъ иногда читалъ на этихъ вечерахъ свой переводъ Мольерова Мизантропа и просилъ замѣчаній. Замѣчанія Каченовскаго всегда были очень дѣльны, но умѣренны, а Мерзляковъ, бывавшій по вечерамъ обыкновенно веселѣе, часто нападалъ безпощадно на переводчика. Одинъ разъ Кокошкинъ, выведенный изъ терпѣнья его безпрестанными придирками, положилъ рукопись на столъ, очень важно сложилъ руки и сказалъ: «Да помилуйте, Алексѣй Өедорычь, предоставьте же переводчику пользоваться иногда *стихотворной вольностью.*»—«Стихотворная вольность состоитъ въ томъ, чтобъ писать хорошо», возразилъ Мерзляковъ, произнося слова своимъ Пермскимъ выговоромъ на *о*. Всѣ громко засмѣялись и одобрили такой отвѣтъ. Но едва ли кто больше Мерзлякова пользовался такъ называемой стихотворной вольностью, въ которой онъ такъ рѣзко отказывалъ Кокошкину,—особенно въ своихъ переводахъ Тасса, изъ которыхъ отрывки онъ также иногда читывалъ у Кокошкина.... и никто кромѣ Каченовскаго не дѣлалъ ему никакихъ замѣчаній, да и тѣ были весьма снисходительны. Я тутъ же сообщалъ потихоньку Шушерину на ухо мои критическія замѣтки и одинъ разъ попросилъ у него совѣта: «не сказать ли мнѣ моихъ замѣчаній самому Мерзлякову?» Но Шушеринъ удержалъ меня, сказавъ: «ну, полно, любезный другъ, что тебѣ за охота? Вѣдь ты еще юноша, а это знаменитый мужъ, профессоръ

словесности. Разумѣй про себя и не дѣлай самъ того, что критикуешь у Мерзлякова.» Я послушался Шушерина и конечно сдѣлалъ хорошо. Нѣтъ однако никакого сомнѣнія, что переводъ Кокошкина много обязанъ своимъ достоинствомъ, правильностью и (по тогдашнему) чистотою языка, строгимъ замѣчаніямъ Мерзлякова.

Шушеринъ присутствовалъ также при чтеніи моего перевода Мольеровой комедіи «Школа мужей», которую я долженъ былъ наконецъ прочесть Николеву, по настоятельному его требованію. На чтеніе были приглашены Шатровъ и Глинка. Я пріѣхалъ вмѣстѣ съ Шушеринымъ, который обратился съ убѣдительнѣйшею просьбою ко всѣмъ присутствующимъ, чтобы они меня не щадили и прогнали *сквозь строй критическихъ розогъ*. «Это будетъ тебѣ полезно, сказалъ онъ мнѣ, отведя меня въ сторону; ты же любишь самъ критиковать, такъ попробуй на себѣ; я вѣдь нарочно подбилъ Николева, чтобъ онъ потребовалъ этого чтенія». Я былъ озадаченъ и смущенъ, и даже не совсѣмъ доволенъ; но Шушерина это забавляло и онъ трунилъ надо мной въ началѣ чтенія. Я читалъ первый актъ неудачно, такъ что Шушеринъ выходилъ изъ терпѣнья. «Что съ тобой сдѣлалось? говорилъ онъ мнѣ. Неужели ты струсилъ? Какъ тебѣ не стыдно, вѣдь это все шутка!» На второмъ актѣ я ободрился и дочиталъ хорошо свой переводъ. Замѣчаній дѣлали много, которыми я потомъ и вос-

пользовался; но по окончаніи піесы, очень хвалили и переводъ и чтеніе. Я успокоился и былъ очень благодаренъ Шушерину.

Между тѣмъ кончилъ я свой переводъ «Филоктета». Прочитавъ его сначала у Кокошкина, прочелъ и Николеву, въ присутствіи Глинки и Шатрова. Тогда не скупы были на похвалы, и право смѣшно вспомнить, какъ они хвалили меня за этотъ переводъ! Даже замѣчаній дѣлали мало, отговариваясь тѣмъ, что нечего замѣчать.

Остальное время пребыванія моего въ Москвѣ, до 15-го Іюня, было исключительно поглощено двумя спектаклями, въ которыхъ игралъ Шушеринъ, о чемъ я довольно говорилъ въ моихъ о немъ воспоминаніяхъ. Частыя свиданія съ Кокошкинымъ у директора театра А. А. Майкова, на репетиціяхъ въ самомъ театрѣ, которыя однако я слушалъ часто издали или стоя за другими, потому что Шушеринъ не пускалъ меня на аван-сцену, свиданія на предварительныхъ частыхъ пробахъ у Кокошкина въ домѣ, гдѣ я довольно наслушался, какъ хозяинъ ставилъ на роль «Энея» молодаго дебютанта Дубровскаго, вовсе не имѣвшаго таланта и физическихъ силъ для сцены, — сблизили меня съ Кокошкинымъ, не смотря на несходство нашихъ лѣтъ и свойствъ.

Во время представленія «Дидоны», я увидѣлъ Ильина въ креслахъ; онъ не садился на свое мѣсто, а картинно стоялъ у самаго оркестра, прислонясь къ бенуару, у всѣхъ на виду, безпрестанно кланяясь съ

знакомою знатью и разговаривая во время антрактовъ съ проходившими мимо него московскими джентельменами изъ первыхъ рядовъ креселъ. Изрѣдка онъ какъ-то величественно апплодировалъ Шушерину. Я сидѣлъ отъ него въ двухъ шагахъ и слышалъ, съ какимъ достоинствомъ и лаконизмомъ отвѣчалъ онъ одному молодому франту, разумѣется, не князю и не графу, который подскочилъ къ нему съ словами: «что это Шушеринъ все дрожитъ: это нынче не въ модѣ?»—«Хорошее всегда въ модѣ»,—и закричалъ браво Шушерину.

По окончаніи трагедіи, многочисленная публика при громѣ общихъ рукоплесканій, вызвала Шушерина, но дальновидный и разсчетливый старикъ вышелъ, ведя съ собою Борисову и Дубровскаго........ Онъ хорошо зналъ, какъ это будетъ пріятно директору и особенно Кокошкину, благосклонностью котораго очень дорожилъ.

Этимъ ограничиваются мои литератуныя и театральныя воспоминанія 1812-го года.

1815-й ГОДЪ.

Глубокой осенью, 1815 года, пріѣхали мы въ Москву. Я былъ въ ней проѣздомъ въ 1814-мъ году, всего на однѣ сутки, и у меня осталось въ памяти безконечное, печальное пожарище. Но теперь Москва представляла другое, болѣе отрадное зрѣлище. Ко-

нечно, слѣды исполинскаго пожара еще не были изглажены: огромные обгорѣлые каменные дома, кое-какъ прикрытые старымъ желѣзомъ, окна, задѣланныя деревянными досками съ нарисованными на нихъ рамами и стеклами, съ красными и закоптѣлыми полосами и пятнами по стѣнамъ, печальными знаками пламени, за три года вылетавшаго изъ всѣхъ отверстій зданія, пустыри съ обгорѣлыми фундаментами и печами, заросшіе густою травою, искрещенные прямыми тропинками, проложенными и протоптанными разсчетливыми пѣшеходами, самая новизна, свѣжесть множества деревянныхъ прекрасной новѣйшей архитектуры домовъ, только что отстроенныхъ или строющихся, — все краснорѣчиво говорило о недавнемъ посѣщеніи Европы...... Но не грустно было смотрѣть на возникающую изъ пепла Москву. Она сгорѣла не даромъ: палъ великій завоеватель, освобождена явно благословлявшая насъ, а втайнѣ уже замышлявшая козни Европа, имя Русскаго народа стояло на высшей степени славы, и не грустно, а весело было смотрѣть на шумно строющуюся, неприбранную, заваленную строительными припасами, Москву.

Мы наняли также новенькій домъ, только что отдѣланный, купца Чернова на Молчановкѣ. Я поспѣшилъ возобновить свои литературныя знакомства. Шушерина и Николева уже не было на свѣтѣ: Нико-

левъ умеръ въ этомъ же году, 24-го Января (*). Съ Ильинымъ я видался рѣдко, а съ Шатровымъ еще рѣже; съ Кокошкинымъ же и съ Сер. Ник. Глинкою, напротивъ, видался я очень часто. При первомъ взглядѣ, мнѣ кинулось въ глаза какое-то особенное выраженіе въ лицѣ Сер. Ник. Глинки, котораго я прежде не замѣчалъ: какъ бы слѣдъ прожитаго необычайнаго времени; это выраженіе сохранилось навсегда. Глинка, при первой встрѣчѣ со мною, напомнилъ мнѣ наше послѣднее свиданье и прощанье въ Іюнѣ 1812-го года. Я тогда былъ такъ еще молодъ, что всѣ справедливыя опасенія Глинки на счетъ возникающей военной грозы и страшныхъ силъ Наполеона казались мнѣ преувеличенными, а угрозы взять Москву и Петербургъ — намѣреніемъ запугать насъ и заставить заключить невыгодный для насъ миръ. Такъ думалъ не одинъ я; были люди постарше и поопытнѣе меня, разумѣвшіе, казалось, военныя и политическія дѣла, которые говорили, что у Наполеона закружилась голова, что онъ затѣялъ дѣло не возможное, что это мечта, гасконада. Конечно, дѣйствительность показала недальновидность этихъ людей; но давно ли мы всѣ считали высадку Англичанъ и Французовъ въ Крымъ, въ такихъ гигантскихъ размѣрахъ,—совершенно невозможною?.. И такъ

(*) Памятникъ друзей Николаю Петровичу Николеву. Москва, 1819-го года, стр. 10.

должно отдать справедливость провидѣнію Глинки: онъ и въ Іюнѣ 1812-го года не надѣялся, чтобы мы могли отразить военную силу — военною же силою. Онъ надѣялся на народную войну, на твердость правительства, и не ошибся. Много наслушался я любопытнѣйшихъ разсказовъ отъ С. Н. Глинки, который самъ былъ дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ великомъ событіи; долго, при каждомъ свиданіи, я упрашивалъ его разсказать еще что-нибудь (*); но все имѣетъ свой конецъ, и незамѣтно перешли мы съ нимъ отъ событій громадныхъ къ мелкимъ дѣламъ, житейскимъ и литературнымъ.

Въ 1812-мъ году, когда Императоръ Александръ пріѣзжалъ въ Москву, Сер. Ник. Глинка получилъ орденъ Св. Владиміра 4-ой степени «за любовь къ отечеству, доказанную сочиненіями и дѣяніями», какъ сказано было въ Высочайшемъ рескриптѣ. Я самъ читалъ этотъ рескриптъ: онъ особенно замѣчателенъ потому, что былъ написанъ на листочкѣ самой простой почтовой бумаги и написанъ рукою А. С. Шишкова. Это обстоятельство вполнѣ выражаетъ время: видно тогда было не до того, чтобы соблюдать обыкновенныя приличія и формы. Въ настоящее время Глинка имѣлъ довольно большой пансіонъ для дѣтей

(*) Въ 1812-мъ году С. Н. Глинка выдалъ книгу подъ названіемъ «Записки о 1812-мъ годѣ С. Г., *перваго ратника Московскаго ополченія*», но въ этихъ запискахъ помѣщены далеко не всѣ его разсказы.

генераловъ и офицеровъ Донскаго казачьяго войска и продолжалъ издавать «Русской Вѣстникъ» съ большимъ успѣхомъ.

У Н. И. Ильина, который сталъ еще важнѣе отъ какихъ-то своихъ успѣховъ по службѣ, я нашелъ, совершенно неожиданно, рукописный экземпляръ переведеннаго мною Филоктета, списанный рукою Шушерина собственно для себя. Передъ Французами онъ далъ этотъ экземпляръ прочесть Ильину, который не слыхалъ моего перевода. Въ суматохѣ бѣгства изъ Москвы, оба забыли объ этой рукописи. Шушеринъ вскорѣ умеръ, и она осталась у Ильина, который вспомнилъ о ней только тогда, когда я сказалъ, что у меня нѣтъ черноваго списка перевода Филоктета, а посланный экземпляръ въ цензуру, передъ нашествіемъ непріятеля, пропалъ безъ вѣсти. Я обрадовался моей находкѣ, и хотя Ильинъ не уступилъ мнѣ своего списка, но позволилъ снять копію. Я немедленно напечаталъ свой переводъ *въ пользу бѣдныхъ*. . . но увы, бѣднымъ пришлось бы не выручить своихъ денегъ, еслибъ трагедія была напечатана на ихъ счетъ: всего разошлось экземпляровъ семьдесятъ, а остальные сгнили въ кладовыхъ у Ширяева (*), или проданы на вѣсъ для издѣлій изъ папье-маше.

Кокошкинъ мнѣ очень обрадовался, и я ему. Деревянный домъ его на Арбатѣ сгорѣлъ, и онъ купилъ

(*) Первый тогдашній книгопродавецъ.

себѣ огромный каменный домъ у Арбатскихъ воротъ, гдѣ Мерзляковъ читалъ свои публичныя лекціи о Русской литературѣ и гдѣ въ послѣдствіи было столько прекрасныхъ благородныхъ спектаклей. Въ Кокошкинѣ не замѣтно было, что онъ пережилъ такую великую историческую годину: объ ней и рѣчи не было. Онъ весело встрѣтилъ меня литературными и театральными новостями, точно какъ будто ничего не случилось важнаго съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. «Милый, какъ я вамъ радъ! восклицалъ Кокошкинъ, обнимая меня при первомъ нашемъ свиданіи, какъ кстати вы пріѣхали: Алексѣй Θедоровичь у меня въ залѣ чичаетъ публичныя лекціи, и конечно ничего подобнаго Москва не слыхивала; я рѣшился поставить на сцену моего Мизантропа (онъ всегда называлъ его *мой*), я теперь весь погруженъ въ репетиціи — работы по горло. Ваши совѣты будутъ мнѣ полезны (разумѣется, это была учтивость). Кажется, я могу вамъ поручиться за два главныя персонажа: за Мочалова (*) въ Крутонѣ и за Львову-Синецкую въ Прелестиной. Ахъ, да вы и не знаете ея! Какой я нашелъ талантъ для Москвы, — и гдѣ же? — Въ Рязани, куда я уѣзжалъ отъ Французовъ. Синецкой 19-ть лѣтъ, собою прелесть, страстно любитъ театръ, умна и готова учиться съ утра до вечера. Поѣдемте

(*) Степанъ Θедоровичь Мочаловъ, отецъ нашего незабвеннаго П. С. Мочалова.

же завтра на репетицію, и я вамъ ее представлю; впрочемъ она не служитъ еще при театрѣ, а играетъ въ первый разъ, какъ дилетантка. Безъ нея конечно я не далъ бы Мизантропа. Что касается до Мочалова, то я самъ не ожидалъ, чтобъ онъ былъ такъ хорошъ въ Крутонѣ. Вы оставили Мочалова въ 12-мъ году весьма плохимъ актеромъ, но у него вдругъ открылся талантъ, и онъ сдѣлался любимцемъ публики; талантъ у него точно есть, и большой, но искусства, искусства мало. Я боялся двухъ вещей: во-первыхъ, что онъ не выучитъ роли (это его большой порокъ) и станетъ перевирать стихи, и во-вторыхъ, что онъ будетъ дуренъ во Французскомъ кафтанѣ; но ему такъ хотѣлось дать Мизантропа себѣ въ бенефисъ, что онъ заранѣе выпросилъ у меня пьесу и выучилъ роль претвердо. Я заставляю его репетировать во Французскомъ кафтанѣ со шпагой и треугольной шляпой—и вы удивитесь, какъ онъ ловко себя держитъ; съ его прекрасной наружностью и талантомъ онъ произведетъ большой эффектъ.... но чего мнѣ это стоило и стоитъ: этого никто, кромѣ васъ, не оцѣнитъ! Ну, да завтра вы все увидите». Хотя я самъ очень любилъ театръ, но не могъ не улыбнуться, слушая Кокошкина, который все это говорилъ съ такимъ театральнымъ жаромъ, какъ будто онъ игралъ роль человѣка, помѣшаннаго на любви къ театру. Вообще въ словахъ Кокошкина слышна была напыщенность, декламація, и это отнимало искренность у

его рѣчи, касающейся даже предмета, страстно имъ любимаго.

Мнѣ удалось слышать только одну лекцію Мерзлякова, именно ту, въ которой онъ разбиралъ Дмитрія Донскаго, и разбиралъ очень строго и справедливо. Не смотря на убѣдительныя и ясныя доказательства профессора, почти всѣ слушатели нашли такой разборъ любимой трагедіи пристрастнымъ и недоброжелательнымъ, даже осердились за него. Стихи Озерова, послѣ Сумарокова и Княжнина, такъ обрадовали публику, что она, восхитившись сначала, продолжала семь лѣтъ безотчетно ими восхищаться, съ благодарностью вспоминая первое впечатлѣніе,— и вдругъ, публично съ каѳедры ученый педантъ — чѣмъ былъ въ глазахъ публики всякій профессоръ— смѣетъ называть стихи по большей части дрянными, а всю трагедію — нелѣпостью.... волненіе было сильное. Едва ли кто нибудь изъ слушателей былъ такъ доволенъ, даже обрадованъ этой лекціей, какъ я, потому что лекція очень совпадала съ жестокимъ разборомъ Дмитрія Донскаго, написаннымъ А. С. Шишковымъ; разборъ этотъ я считалъ почти во всемъ справедливымъ. Послѣ чтенія былъ завтракъ у Кокошкина, и онъ, по моей просьбѣ, познакомилъ меня съ Мерзляковымъ; я съ горячностью высказалъ ему мое сочувствіе и уваженіе и сообщилъ о критикѣ Шишкова. Въ этотъ же день я видѣлъ въ первый и послѣдній разъ Батюшкова.

На репетицію Мизантропа я не попалъ, по какимъ-то особеннымъ обстоятельствамъ; но первое представленіе въ бенефисъ Мочалову, бывшее 15-го Декабря, я видѣлъ и не могъ забыть этого спектакля. Онъ произвелъ на меня самое пріятное и глубокое впечатлѣніе; Мочаловъ и Синецкая доставили мнѣ истинное наслажденіе, особенно Мочаловъ, потому что Синецкая была еще слишкомъ не опытна, а роль требовала искусной и опытной актрисы. Впрочемъ ея молодость, прекрасная наружность, благородство во всѣхъ движеніяхъ, необыкновенная чистота произношенія, обѣщали въ ней со временемъ замѣчательную артистку (что и оправдалось), и публика приняла ее съ громкимъ и общимъ одобреніемъ. Мочаловъ же былъ такъ хорошъ во всей піесѣ, что я лучше его не видѣлъ актера въ роли Мизантропа. Тогда же, по окончаніи піесы, я поспѣшилъ съ нимъ познакомиться; я нашелъ въ немъ очень добраго человѣка, любящаго свое дѣло, но понимающаго его только по инстинкту. Въ душѣ у него было много чувства и огня.

Чрезъ нѣсколько дней я уѣхалъ въ Петербургъ.

1816-й ГОДЪ.

Въ этомъ году, во время трехмѣсячнаго моего пребыванія въ Петербургѣ, когда я имѣлъ счастіе такъ близко узнать Державина, познакомился я са-

мымъ оригинальнымъ образомъ съ М. Н. Загоскинымъ, о которомъ до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія. Живя вмѣстѣ съ полковникомъ П. П. М-мъ, въ Гарновскомъ домѣ, я находился постоянно въ кругу Измайловскихъ офицеровъ; съ нѣкоторыми изъ нихъ я былъ знакомъ очень дружески, откровенно разсказывалъ имъ все, о чемъ говорилъ съ Гавриломъ Романовичемъ Державинымъ и, кстати, о всѣхъ моихъ литературныхъ убѣжденіяхъ. Тогда еще пользовалась успѣхомъ на театрѣ комедія кн. Шаховскаго: «Липецкія воды.» Я пріѣхалъ изъ Москвы, сильно возстановленный противъ этой комедіи; ея успѣхъ на сценѣ, котораго она конечно вполнѣ не стоила, еще болѣе раздражилъ меня. Въ откровенныхъ разговорахъ съ Державинымъ я жестоко критиковалъ «Липецкія воды». Старикъ соглашался иногда съ моими замѣчаніями и сказалъ мнѣ, чтобъ я написалъ обстоятельный разборъ комедіи кн. Шаховскаго. Я написалъ и прочелъ Гаврилѣ Романовичу, въ присутствіи его домашнихъ и нѣкоторыхъ обыкновенныхъ его посѣтителей; хозяинъ во многомъ былъ одного мнѣнія со мной; но двое изъ гостей горячо затупились за кн. Шаховскаго и въ опроверженіе моихъ критическихъ замѣчаній ссылались на комедію Загоскина: «Комедія противъ комедіи или урокъ волокитамъ», которой я еще не зналъ. Разумѣется, я прочелъ мою критику и въ Гарновскомъ домѣ, не пропустивъ случая побранить Загоскина, котораго

въ глаза не видывалъ и комедіи котораго не читалъ. Хозяинъ мой, М-въ, очень забавлялся моими выходками противъ Загоскина, близкаго ему родственника, и чтобъ еще болѣе потѣшиться моей горячностью, отыскалъ, завалившуюся гдѣ-то у него «Комедію противъ комедіи», подаренную ему отъ сочинителя съ родственной надписью, и далъ мнѣ прочесть. Все общество было противъ меня, и я, по моей вспыльчивости, очень разсердился за офицерскую антикритику и даже насмѣшки. Я сталъ читать въ слухъ пьесу Загоскина съ предубѣжденіемъ, даже съ положительнымъ намѣреніемъ найдти ее дурною. Безсовѣстно придирался къ каждому слову и, взбѣшенный моими антагонистами, наконецъ бросилъ подъ столъ комедію и сказалъ, что сочинитель глупъ. М-въ хохоталъ до упаду. — Чрезъ нѣсколько дней, будучи нездоровъ, я сидѣлъ одинъ дома; вдругъ съ шумомъ растворилась дверь, хозяинъ мой, М-въ, почти вбѣжалъ въ комнату, ведя за руку плотнаго молодаго человѣка, бѣлаго, румянаго, съ прекрасными вьющимися каштановыми волосами и съ золотыми очками на носу. Съ неудержимой веселостью и смѣхомъ М-въ подвелъ ко мнѣ неизвѣстнаго мнѣ господина и сказалъ: «это моя роденька, Михайла Николаичь Загоскинъ», и, обратясь къ Загоскину, продолжалъ, «а это мой Оренбургской землякъ, С. Т. Аксаковъ, который на дняхъ, читая намъ твою комедію, плюнулъ на неё, бросилъ подъ столъ и сказалъ, что авторъ

глупъ.» М-въ, очень довольный такой остроумной шуткой, принялся хохотать; но мы съ сочинителемъ комедіи стояли, какъ окаменѣлые, другъ противъ друга, каждый съ протянутою рукою — и конечно, были смѣшны. Загоскинъ, очень конфузливый и вспыльчивый отъ природы, покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, я также, но я опомнился первый и, кое-какъ собравшись съ духомъ, сказалъ: «ваша родня, а мой пріятель, Павелъ Петровичь, заранѣе придумалъ эту неприличную шутку, чтобы поссорить насъ при первомъ свиданіи и чтобы позабавиться нашей литературной схваткой.» Загоскинъ что-то пробормоталъ, и мы кое-какъ пожали другъ другу руки; но неугомонный М-въ началъ увѣрять, что все это правда. Я разсердился и весьма серьезно сказалъ ему нѣсколько жесткихъ словъ, которыя уняли и образумили его; онъ въ свою очередь сталъ извиняться и увѣрять, что онъ только хотѣлъ пошутить и что онъ очень желаетъ, чтобы мы были пріятелями. Черезъ нѣсколько минутъ, послѣ нѣсколькихъ пустыхъ фразъ, Загоскинъ, ѣхавшій куда-то на вечеръ, ушелъ. Я крѣпко поссорился съ М-мъ, даже хотѣлъ переѣхать отъ него на другую квартиру, и онъ едва упросилъ меня остаться. Надобно сказать, что М въ, встрѣтившись нечаянно съ Загоскинымъ на улицѣ, близъ Гарновскаго дома, вспомнивъ недавно происходившее чтеніе его комедіи, захотѣлъ потѣшиться и затащилъ къ себѣ своего родственника почти насильно, увѣривъ,

что имѣетъ сообщить ему что-то нужное. Можно судить, каковъ былъ сюрпризъ бѣднаго Загоскина, который не слыхивалъ даже моего имени! Я не имѣлъ духу сдѣлать визитъ ему и уѣхалъ изъ Петербурга, болѣе съ нимъ не видавшись.

Въ эти же три мѣсяца 1816-го года, столь счастливые для меня на знакомства съ замѣчательными людьми, увидѣлся я въ первый разъ съ кн. А. А. Шаховскимъ, и увидѣлся весьма непріятно. Я упомянулъ объ этомъ мимоходомъ, говоря о знакомствѣ съ Державинымъ, а теперь долженъ коснуться подробнѣе и отчасти повторить уже сказанное мною. Дѣло состояло въ томъ, что князь Шаховской, не смотря на свое дѣтское добродушіе, любилъ выказывать себя ѣдкимъ острякомъ и вообще былъ способенъ къ крайнему предубѣжденію. Онъ не благоволилъ къ Ѳ. Ѳ. Кокошкину, не благоволилъ къ его переводу Мольерова Мизантропа; поморщился, что М. И. Вальбергъ выпросила себѣ эту пьесу въ бенефисъ, и сдѣлалъ прекислую гримасу, когда я пріѣхалъ къ нему съ рукописью и письмомъ, въ которомъ Кокошкинъ предоставлялъ мнѣ свое право — поставить Мизантропа на Петербургской сценѣ. Мнѣ разсказывалъ покойный Я. Г. Брянскій, находившійся свидѣтелемъ перваго моего свиданія съ кн. Шаховскимъ и бывшій со мною въ послѣдствіи въ пріязненныхъ отношеніяхъ, что Шаховской, принявшій меня весьма сухо и отдѣлавшійся отъ меня въ

нѣсколько минутъ, послѣ моего ухода, разразился цѣлымъ потокомъ насмѣшекъ и брани на мою невинную личность. Шаховскаго трудно передразнить (*), еще труднѣе передать на бумагѣ его смѣшное бормотанье, какое-то особенное пришепетыванье, его горячность и скороговорку, которая иногда доходила до такого глотанья словъ, что нельзя было понять, что̀ онъ говоритъ; а потому я буду приводить его разговоры обыкновеннымъ образомъ, кромѣ нѣкоторыхъ словъ, что̀ конечно моимъ читателямъ, не знавшимъ лично кн. Шаховскаго, не передастъ его рѣчи. — Только что я вышелъ за дверь (сказывалъ Брянскій), кн. Шаховской вскочилъ съ креселъ, хватилъ себя ладонью по лысинѣ (это былъ его обыкновенный пріемъ, выраженіе вспышки), забормоталъ, затрещалъ и запищалъ своимъ въ высшей

(*) Одинъ только Сосницкій, въ роли Фальстафа, по совѣту самого же кн. Шаховскаго, умѣлъ мастерски передразнить его на сценѣ; но и тутъ произношеніе было передано не совсѣмъ вѣрно; за то весь комизмъ его фигуры, походка, движенье рукъ, всѣ пріемы и манеры, и даже вся мимика лица, были переданы въ совершенствѣ. Мнѣ разсказывали, что самъ же Шаховской, восхищавшійся на репетиціяхъ искусствомъ Сосницкаго, на настоящемъ представленіи разсердился на своего любимца и ученика и нашелъ его игру каррикатурною. Копія была такъ похожа на оригиналь, что въ креслахъ поднялся хохотъ, послышались восклицанія: «это Шаховской, это князь Шаховской!!», и послѣдовало такое продолжительное хлопанье, что актеры принуждены были на время остановиться въ представленіи пьесы. Повторяю, что я говорю слышанное мною: перваго представленія піесы я не видалъ.

степени фальшивымъ голосомъ: «Эго что еще? дулякъ Кокоскинъ переложилъ глупѣйшимъ образомъ на Лусскіе нравы несчастнаго Мольера и прислалъ къ намъ изъ Москвы какого-то дуляка ставить свой переводъ, какъ будто бы я безъ него не умѣлъ этого сдѣлать! Этотъ Кокоскинъ, этотъ накрахмаленный галстукъ, который не умѣетъ разинуть рта по человѣчески, хочетъ учить меня и всѣхъ Петербургскихъ артистовъ, черезъ своего длуга, какъ надобно разыграть Мольерову піесу! Да изъ этого надобно сдѣлать водевиль въ слѣдующій бенефисъ Марьи Ивановны. Хорошо! Мы позовемъ его повѣреннаго на лепетицію. Разумѣется, его никто не будетъ слушать; за то онъ насъ посмѣшитъ (*)». Вмѣсто того, чтобъ пригласить меня, какъ это водится, прочесть піесу артистамъ, въ ней играющимъ, кн. Шаховской самъ читалъ имъ переводъ Мизантропа, и тотъ же Брянскій сказывалъ мнѣ, что они не могли удержаться отъ смѣху, слушая Шаховскаго, который, браня Кокошкина почти послѣ каждаго стиха, до того горячился и до того былъ смѣшенъ, что никто не понималъ ни одного слова изъ піесы, и что наконецъ Шаховской самъ расхохотался..:... такъ и кончилась считка на 1-мъ актѣ. — Меня пригласили

(*) Передать рѣчь кн. Шаховскаго потому невозможно, что онъ иногда не выговаривалъ буквы *р*, иногда *с*, иногда *ш*; а въ иныхъ случаяхъ эти же самыя буквы произносилъ хорошо, а коверкалъ совсѣмъ другія.

на первую репетицію. Актеры читали скоро и довольно твердо, но заглядывали иногда въ роли. Мнѣ показалось, что многое понято не такъ и не такъ выражается, какъ слѣдуетъ; а потому, по выслушаніи пьесы, я весьма скромно сказалъ о томъ кн. Шаховскому, прибавя, что Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, мастерское чтеніе и сценическій талантъ котораго, а также знаніе театральнаго искусства, признаны всѣми, не одинъ разъ читалъ мнѣ свой переводъ, именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ я могъ прочесть его Петербургскимъ артистамъ и чтобъ они изъ моего чтенія поняли, чего желаетъ въ ихъ игрѣ переводчикъ Мизантропа. Я заключилъ свою рѣчь просьбою: позволить мнѣ прочесть піесу гг. участвующимъ актерамъ и актрисамъ. К. Шаховской, саркастически прищуря свои маленькіе глаза и нюхая табакъ своимъ огромнымъ носомъ или, лучше сказать, нюхая кончики своихъ пальцевъ, вымаранныхъ когда-то въ табакѣ, отвѣчалъ мнѣ, что трудъ мой былъ бы напрасенъ, что Петербургскіе артисты не станутъ играть по Московски, да и времени свободнаго не имѣютъ выслушать мою декламацію; что теперь они еще не знаютъ ролей; что меня пригласятъ на настоящую репетицію и что мнѣ предоставляется право остановить артиста и сдѣлать ему замѣчаніе, если я не буду доволенъ его игрой. Все это было говорено такимъ тономъ и съ такимъ выраженіемъ, что мнѣ не трудно было понять, какую смѣшную и

глупую роль играю я самъ въ этой комедіи. Но горячая любовь къ театру и желаніе оправдать довѣренность Кокошкина заставили меня еще разъ пріѣхать на репетицію. Это была предпослѣдняя репетиція, разумѣется, безъ ролей. Кн. Шаховской сказалъ актерамъ, чтобъ играли во весь голосъ, какъ на настоящемъ представленіи пьесы. Я заранѣе рѣшился никого не останавливать, да это и неудобно на главной репетиціи и совершенно нарушило бы ходъ и ладъ комедіи; но послѣ третьяго акта, я рѣшительно сказалъ кн. Шаховскому, что пьеса совсѣмъ идетъ не такъ, какъ желаетъ переводчикъ, что главныя лица: «Крутонъ (Альсестъ)» и «Прелестина (Солимена)» чрезвычайно холодны и не одушевляютъ своихъ ролей; что Брянскій грубъ, а не горячъ, и что въ немъ не слышно пламенной и чувствительной души Альсеста; что Валберхова тоже холодна; что Сосницкій отвратительно карикатуренъ.... Кн. Шаховской какъ будто почувствовалъ правду моихъ словъ, какъ будто вдругъ проснулись въ немъ добросовѣстность и любовь къ искусству, и онъ вдругъ заговорилъ совершенно другимъ, уже добродушнымъ тономъ. «Послушайте, сказалъ онъ, говоля по истинѣ и по плавдѣ, пьеса идетъ не холошо, да ей и нельзя идти холошо. Другъ мой Ѳ. Ѳ. (*другъ* въ подобныхъ случаяхъ значилъ у Шаховскаго бранное слово) самъ объ этомъ посталался. Я его очень люблю и уважаю, но

вѣдь онъ немножко нелѣпъ; вѣдь онъ самъ испакостилъ Мизантропа. Передѣлать совсѣмъ, какъ говорится, на Лусскіе нравы, храбрости у него не хватило, а все таки Альсеста перекроилъ въ Крутона, и Палату какую-то приплелъ и Лусскую пѣсню, и вышелъ — Господи, прости ему его соглѣшеніе — совершенный сумбуръ. Теперь эту пьесу нельзя иглать по Французскимъ традиціямъ, а вѣдь я знаю, что другу моему Ѳедору Ѳедоровичу хочется, чтобъ ее иглали по Французски; а по Лусски ее тоже нельзя иглать: развѣ это Лусскіе люди? Это не люди, это Богъ знаетъ кто такіе; съ луны попадали... Ну, развѣ такъ кто-нибудь говоритъ:

«И, словомъ, тотъ, кто другъ всего земнаго круга,
«Того я не могу считать себѣ за друга!...»

Вѣдь Мольеръ-то просто говоритъ: «другъ всего свѣта не можетъ быть моимъ другомъ».—Я тоже въ свою очередь почувствовалъ правду словъ кн. Шаховскаго и согласился съ нимъ, что переводчикъ сдѣлалъ ошибку. Но я старался доказать Шаховскому, что актеры, играющіе главныя лица въ комедіи, весь интересъ которой заключается въ яркомъ, выпукломъ, живомъ изображеніи людей, потому что эта пьеса характеровъ, а не интриги, — такой безжизненной игрой наскучатъ зрителямъ. Шаховской со мной не согласился и увѣрялъ, что пьеса пойдетъ отлично, забывъ уже, что сей часъ говорилъ о не-

возможности идти ей хорошо, и что онъ придастъ огня Брянскому и Вальберховой на вечерней репетиціи, которая будетъ у него на квартирѣ, — куда и пригласилъ меня; но я, разумѣется, не повѣрилъ его словамъ и не поѣхалъ на его домашнюю репетицію. Съ тѣхъ поръ я не видался съ кн. Шаховскимъ до 1826-го года, когда мы сдѣлались уже большими пріятелями.

Въ исходѣ Марта я воротился изъ Петербурга въ Москву. Я разсказалъ Кокошкину всѣ продѣлки кн. Шаховскаго; разсказалъ, съ какимъ успѣхомъ я читалъ его переводъ въ домѣ Державина, какъ былъ доволенъ Гаврила Романовичь и какъ велѣлъ его благодарить; разсказалъ даже и то, что послѣ перваго представленія «Мизантропа», во время антракта, передъ какой-то другой пьесой, я пошелъ въ ложу къ Державину, который при другихъ сказалъ мнѣ, что онъ «больше оцѣнилъ достоинство перевода, когда я читалъ Мизантропа у него въ гостиной, и что послѣ моего чтенія онъ остался недоволенъ игрою актеровъ». Кокошкинъ обнималъ и благодарилъ меня. «Ахъ, милый Сергѣй Тимоѳеичь, какъ мнѣ больно, говорилъ онъ, что этотъ сумасшедшій Шаховской такъ непріятно васъ встрѣтилъ. Вѣдь онъ сумасшедшій и не любитъ меня, считая, что я поклонникъ Карамзина и врагъ Шишкова, а я, какъ вы сами знаете, мой милый, ни чей не поклонникъ и не врагъ. Я вотъ не люблю двоедушія: когда я читалъ 1-й актъ моего Мизантропа въ Бе-

сѣдѣ Русскаго Слова, Шаховской больше другихъ меня хвалилъ. Ну, да я его усмирю при свиданьи».— Мнѣ показались странными и невѣроятными послѣднія хвастливыя слова; но чрезъ десять лѣтъ, когда кн. Шаховской, Кокошкинъ и я жили въ Москвѣ, я нѣсколько разъ имѣлъ случай видѣть, какъ равнодушная важность Кокошкина укрощала вспыльчивость кн. Шаховскаго, впрочемъ весьма податливаго на уступки.

Послѣдній мѣсяцъ жизни моей въ Москвѣ я былъ полонъ совсѣмъ другими интересами, а потому литературныя и театральныя мои знакомства не поддерживались съ прежнею живостью. Я видѣлъ однако Мочалова въ двухъ самыхъ лучшихъ его роляхъ, въ комедіяхъ «Гваделупскій житель» и «Тонъ моднаго свѣта». Обѣ эти пьесы, теперь давно забытыя, даже и тогда уже сходили съ репертуара и давались очень рѣдко; едва ли не въ послѣдній разъ видѣла ихъ тогда на сценѣ Московская публика, и вмѣстѣ съ нею я — въ первый и послѣдній разъ. Кокошкинъ, пользуясь сильнымъ авторитетомъ при театрѣ, устроилъ нарочно для меня оба спектакля: ему хотѣлось, чтобъ я видѣлъ Мочалова въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ хорошъ безукоризненно, и въ самомъ дѣлѣ Мочаловъ привелъ меня въ изумленіе и восхищеніе. Это было совершенство, котораго я и вообразить не могъ! Это было какое-то чудо, превращеніе! Мочалова въ другихъ піесахъ, особенно въ

трагедіяхъ, и Мочалова въ «Гваделупскомъ жителѣ» и преимущественно въ «Тонѣ моднаго свѣта» — нельзя было признать однимъ и тѣмъ же человѣкомъ. Еслибъ кто-нибудь видѣлъ Мочалова только въ этихъ двухъ піесахъ, онъ счелъ бы его за одного изъ первокласcныхъ, великихъ артистовъ; между тѣмъ какъ этотъ же самый актеръ являлся во всѣхъ трагедіяхъ безъ исключенія, а въ драмахъ и комедіяхъ съ исключеніями — весьма плохимъ актеромъ; у него бывали одушевленныя мѣста, но по большой части одушевленіе приходило не кстати, не къ мѣсту, однимъ словомъ: талантъ былъ замѣтенъ, но отсутствіе всякаго искусства, непониманіе представляемаго лица убивали его талантъ. У него былъ одинъ пріемъ, всегда блистательно удававшійся ему на Московской сценѣ: въ какомъ-нибудь патетическомъ мѣстѣ своей роли бросался онъ на аван-сцену и съ неподдѣльнымъ чувствомъ, съ огнемъ, вылетавшимъ прямо изъ души, скорымъ полушепотомъ произносилъ онъ нѣсколько стиховъ или нѣсколько строкъ прозы — и обыкновенно увлекалъ публику. Въ первый разъ это точно былъ сценическій порывъ, избытокъ вскипѣвшаго чувства, пришедшійся кстати и, по справедливости, восхитившій публику. Мочаловъ, замѣтивъ успѣхъ, сталъ употреблять этотъ пріемъ чаще; сначала тогда только, когда чувствовалъ приливъ одушевленія, а потомъ уже безъ всякаго прилива и совершенно не въ попадъ; но благосклонная и благодарная публика всегда наг-

раждала его громкими рукоплесканіями. Это его избаловало; онъ началъ плохо учить новыя роли, забывалъ старыя, излѣнился, загулялъ и началъ постепенно падать въ мнѣніи публики. Въ самое это время его подняла и отрезвила роль «Мизантропа», а потомъ роли въ «Гваделупскомъ жителѣ» и «Тонѣ моднаго свѣта». Я съ удовольствіемъ вспоминаю тогдашнее мое знакомство съ этимъ добрымъ и талантливымъ человѣкомъ; онъ какъ-то очень полюбилъ меня, и когда, уѣзжая изъ Москвы въ Августѣ, я заѣхалъ проститься, мѣсяца два передъ этимъ не видавшись съ нимъ, онъ очень непріятно былъ изумленъ и очень сожалѣлъ о моемъ отъѣздѣ, и сказалъ мнѣ: «ну, Сергѣй Тимоѳеичь, если это уже такъ рѣшено, то я вамъ открою секретъ: я готовлю Московской публикѣ сюрпризъ; хочу взять себѣ въ бенефисъ «Эдипа въ Аѳинахъ», самъ сыграю Эдипа, сынъ — Полиника, а дочь — Антигону. Вы послѣ завтра ѣдете, а мнѣ хочется, чтобъ вы насъ послушали. Паша, Маша, закричалъ онъ, ступайте сюда». Паша и Маша явились и вмѣстѣ съ отцемъ разыграли передо мною нѣсколько сценъ изъ Эдипа въ Аѳинахъ. Старикъ Мочаловъ могъ бы очень хорошо сыграть Эдипа, еслибъ понималъ лучше роль и не молодился. Мочаловъ-сынъ и тогда уже показывалъ необыкновенный талантъ, бездну огня и чувства; дочь ничего не обѣщала, не смотря на прекрасные глаза, хотя и была въ послѣдствіи нѣсколько лѣтъ любимицей Москвы

и даже знаменитостью, особенно когда выучилась съ голосу подражать нѣкоторымъ блестящимъ мѣстамъ въ игрѣ Семеновой, пріѣзжавшей отъ времени до времени восхищать Москву. Старикъ Мочаловъ просилъ меня никому объ этомъ не сказывать, даже Ѳ. Ѳ. Кокошкину, что̀ мнѣ было легко исполнить, потому что я до отъѣзда съ Кокошкинымъ не видался. Черезъ два дня я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію, съ намѣреніемъ прожить тамъ десять лѣтъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, меня увѣдомили, что старикъ Мочаловъ исполнилъ свое намѣреніе и далъ себѣ въ бенефисъ «Эдипа въ Аѳинахъ»; что самъ онъ большаго успѣха не имѣлъ, а сынъ и дочь были приняты публикой съ восторгомъ. Роль Полиника осталась одною изъ самыхъ блестящихъ ролей молодаго Мочалова.

1820 и 1821-й ГОДА.

Въ 1820-мъ году, въ исходѣ Августа, пріѣхалъ я по особеннымъ обстоятельствамъ, вопреки моему намѣренію прожить десять лѣтъ безвыѣздно въ деревнѣ, на годъ въ Москву, уже съ семействомъ. Я возобновилъ свое знакомство съ Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, начавшееся въ 1812-мъ году, передъ нашествіемъ Французовъ, и сдѣлавшееся очень близкимъ въ 1815 и 1816-хъ годахъ. Отъ него я узналъ, что М. Н. Загоскинъ, также уже женатый человѣкъ, отецъ

двухъ сыновей, переѣхалъ на житье въ Москву за два мѣсяца до моего пріѣзда, что онъ предобрѣйшій человѣкъ и очень часто у него бываетъ. Я разсказалъ Кокошкину про оригинальную встрѣчу съ Загоскинымъ и прибавилъ, что хочу съѣздить къ нему, что мнѣ совѣстно передъ нимъ, и что я постараюсь истребить непріятное впечатлѣніе, которое вѣроятно у него осталось отъ перваго нашего свиданія. Кокошкинъ разсмѣялся и сказалъ мнѣ, что я не имѣю понятія о добродушіи Загоскина. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько дней я встрѣтился съ нимъ у того же Кокошкина, и Загоскинъ, предупрежденный обо мнѣ въ хорошую сторону, равно и о томъ, что я хочу къ нему пріѣхать, что мнѣ совѣстно на него взглянуть — бросился ко мнѣ на шею, разцѣловалъ меня въ пухъ и чуть не задушилъ въ своихъ объятіяхъ, потому что былъ очень силенъ. «Ну, какъ вамъ не стыдно помнить о такомъ вздорѣ! сказалъ онъ; какъ я радъ, что мы съ вами встрѣтились и будемъ жить вмѣстѣ въ Москвѣ. Ну, давайте же руку и подружимтесь.» Все это было сказано такъ искренно, такъ просто и добродушно, что я полюбилъ Загоскина съ перваго разу. Онъ пользовался въ это время уже авторской извѣстностью и написалъ нѣсколько комедій въ прозѣ, которыя имѣли большой успѣхъ на театрѣ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. На другой день поутру, Загоскинъ предупредилъ меня, ранехонько пріѣхалъ ко мнѣ и просидѣлъ у меня

нѣсколько часовъ. Мы окончательно подружились и стали говорить другъ другу «ты.»

Загоскинъ былъ самый добродушный, простодушный, неизмѣнно-веселый, до излишества откровенный и прямо честный человѣкъ. Узнать его было не трудно: съ первыхъ словъ онъ являлся весь, какъ на ладо́нкѣ, съ перваго свиданья въ немъ никто уже не сомнѣвался и не ошибался. Соединяя съ такими качествами крайнюю довѣрчивость, даже легковѣріе и убѣжденіе, что всѣ люди — прекрасные люди, онъ, можно сказать, приглашалъ всякаго недобраго человѣка обмануть Загоскина, и конечно приглашеніе принималось часто, охотно, и едва ли какой нибудь смертный бывалъ такъ надуваемъ во всю свою жизнь, какъ Загоскинъ. Онъ имѣлъ прямой, здравый Русской умъ и толкъ; вся православная Русь знаетъ это изъ его сочиненій; но въ свѣтскомъ обществѣ самые ограниченные свѣтскіе люди считали Загоскина простякомъ: мошенники, вѣроятно, выражались объ немъ еще безцеремоннѣе. Даровитость его признавалась уже всѣми, но въ то время еще никто не подозрѣвалъ, чтобъ Загоскинъ могъ написать «Благородный театръ» и еще менѣе — «Юрія Милославскаго».

При первомъ свиданіи Загоскинъ разсказалъ мнѣ всю свою жизнь и свое настоящее положеніе, при чемъ однако не трудно было замѣтить, что у него лежало что-то на душѣ, что онъ чего-то непріятнаго и тяжелаго не договариваетъ. Онъ убѣдительно просилъ

меня, чтобъ я не отдавалъ ему визита; но я, разумѣется, его не послушалъ и на другой же день къ нему поѣхалъ. Загоскинъ жилъ въ домѣ своего тестя, въ мезонинѣ, съ женой и дѣтьми, и помѣщался очень тѣсно. Я видѣлъ, что мое посѣщеніе его смутило. Комнатка, въ которой онъ меня принялъ, была проходная; всѣ наши разговоры могли слышать посторонніе люди изъ сосѣднихъ комнатъ, а равно и мы слышали все, что около насъ говорилось, особенно потому, что кругомъ разговаривали громко, ни мало не стѣсняясь присутствіемъ хозяина, принимающаго у себя гостя. Загоскинъ, очень вспыльчивый, безпрестанно краснѣлъ, выбѣгалъ даже, пробовалъ унять неприличный шумъ; но я слышалъ, что ему отвѣчали смѣхомъ. Я понялъ положеніе бѣднаго Загоскина посреди избалованнаго, наглаго лакейства, въ домѣ господина, представлявшаго въ себѣ отраженіе старинмаго Русскаго капризнаго барина Екатерининскихъ временъ, по видимому не слишкомъ уважавшаго своего зятя. Я понялъ, чего не договорилъ Загоскинъ, и поспѣшилъ уѣхать, давъ себѣ слово никогда не смущать своими посѣщеніями новаго моего пріятеля. Онъ былъ такъ внутренно благодаренъ мнѣ за то, что уѣзжаю, что нѣсколько разъ принимался меня цѣловать, обѣщая всякій день навѣщать меня; даже въ тотъ же день хотѣлъ пріѣхать вечеромъ, но я сказалъ ему, что долженъ провести этотъ вечеръ у своей хозяйки, княгини Несвицкой. Загос-

кинъ сдержалъ свое обѣщаніе и бывалъ у меня всякій день, даже и въ тѣ дни, когда мы вмѣстѣ съ нимъ обѣдали или проводили вечера у общихъ нашихъ знакомыхъ. Правду сказать, я самъ жилъ довольно тѣсненько, и особеннаго кабинета у меня не было, но за то сидѣли мы въ маленькой угловой гостиной, гдѣ никто намъ не мѣшалъ и гдѣ могли мы говорить свободно и громко, потому что оба были большіе и горячіе крикуны.

Всего чаще мы бывали съ Загоскинымъ у Ѳ. Ѳ. Кокошкина, который жилъ постоянно въ Москвѣ, въ своемъ прекрасномъ и большомъ домѣ у Арбатскихъ воротъ, на углу Вздвиженки. Онъ пользовался тогда общимъ уваженіемъ, какъ литераторъ (за переводъ Мизантропа), какъ знаменитый декламаторъ, любитель и покровитель театральнаго искусства, какъ благородный артистъ и какъ гостепріимный хозяинъ: у него не рѣдко бывали всѣ Московскіе литераторы, и даже Петербургскіе, когда пріѣзжали въ Москву. Кокошкинъ, страстный охотникъ играть на театрѣ, подкрѣпленный моимъ горячимъ сочувствіемъ, не замедлилъ завести у себя въ домѣ благородные спектакли, въ которыхъ впослѣдствіи принималъ участіе и Загоскинъ, хотя онъ вовсе не имѣлъ сценическихъ дарованій и притомъ былъ забывчивъ, разсѣянъ и очень способенъ приходить въ крайнее смущеніе. Для перваго спектакля была выбрана комедія «Два Фигаро», піеса огромная, очень трудная для исполненія.

Главную роль стараго Фигаро игралъ Кокошкинъ мастерски, по общему признанію тогдашнихъ знатоковъ; молодой Фигаро, кажется г-нъ Ф-ръ, былъ недуренъ. Я также съ успѣхомъ занималъ роль гр. Альмавивы, обыкновенно пропадавшую на публичной сценѣ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, потому что ея никогда не игралъ хорошій актеръ, а роль требовала пониманія и труда. Долго работали мы общими силами надъ постановкой этой піесы, и я безпристрастно скажу, что не видалъ во всю мою жизнь такого непубличнаго, такъ называемаго, благороднаго спектакля. Самое большое затрудненіе представляли женскія роли; но тогда и это затрудненіе было счастливо побѣждено: наши благородныя артистки любили искусство, слушались совѣтовъ и не скучали репетиціями; роль же Сусанны съ блистательнымъ успѣхомъ игралась извѣстнымъ тогда въ Москвѣ талантомъ благородной сцены, Е. А. В-ю. Два раза смотрѣло лучшее Московское общество эту піесу, осыпая ее громкими рукоплесканіями, и долго шумѣла молва объ этомъ великолѣпномъ и по истинѣ прекрасномъ спектаклѣ. Сами актеры были очарованы имъ. Сойдя со сцены, мы были еще такъ полны своими и чужими впечатлѣніями, что посреди шумнаго бала, смѣнившаго спектакль, не смѣшались съ обществомъ, которое привѣтствовало насъ восторженными, искренними похвалами; мы невольно искали другъ друга и отобравшись особымъ кружкомъ, ра-

зумѣется, кромѣ хозяина, говорили о своемъ чудномъ спектаклѣ; тѣмъ же особымъ кружкомъ сѣли мы за великолѣпный ужинъ — и, Боже мой, какъ были счастливы! Я обращаюсь ко всѣмъ вамъ, моимъ сотоварищамъ и собесѣдникамъ въ этотъ вечеръ, уцѣлѣвшимъ на жизненномъ пути, вамъ, пощаженнымъ еще временемъ! Вы вѣрно не забыли этого спектакля и этого ужина, не забыли этого чистаго, упоительнаго веселья, которому предавались мы съ увлеченіемъ молодости и любви къ искусству; не правда ли, что это было что-то необыкновенное, никогда уже не повторившееся?...

Кокошкинъ приходилъ къ намъ, на минуту оторвавшись отъ своихъ почетныхъ гостей; онъ завидовалъ намъ и выпилъ въ честь нашего спектакля «актерскій бокалъ».

Загоскинъ не участвовалъ въ спектаклѣ, но присутствовалъ на каждой репетиціи, ужиналъ вмѣстѣ съ нами и раздѣлялъ наше увлеченіе. Ему уже хотѣлось играть самому, но онъ еще боролся съ своей робостью. На другой день мы всѣ собрались обѣдать къ Кокошкину. Странное дѣло! Многіе изъ насъ чувствовали какое-то грустное настроеніе духа; разумѣется, каждый приписывалъ это личному расположенію и каждый былъ удивленъ, замѣтивъ то же самое въ другихъ. Одинъ изъ самыхъ страстныхъ актеровъ написалъ стихи.... но къ чему таиться, — это былъ я. Стихи плоховаты, но въ нихъ именно

высказывалась грусть, что кончились наши заботы и тревоги, что уже не существуетъ предмета и цѣли нашихъ стремленій, что нѣтъ впереди такого спектакля, котораго мы ждали, къ которому готовились, какъ будто къ важному событію. Стихи пришлись очень кстати: они каждому объясняли его чувство и потому были приняты съ восторгомъ, отъ нѣкоторыхъ дамъ— даже со слезами. Вотъ уцѣлѣвшія въ памяти моей строки:

. . . .

«Гдѣ вы, тревожныя заботы, суеты,
Сердецъ пріятное волненье,
Боязни и надеждъ премѣнно ощущенье
И самолюбія мечты?
Гдѣ зрителей восторгъ и удивленье,
Талантамъ истиннымъ нельстивыя хвалы,
Рукоплесканій громъ, благодаренье,
Весельемъ искреннимъ шумящіе столы?
Исчезло все........ и пустота, смущенье,
Уныніе на сердце налегло!
Зачѣмъ же цѣли достиженье,
Свершившись — намъ отрадъ не принесло?

Здѣсь многихъ стиховъ не помню, но вотъ заключеніе:

«Прочь, души хладныя, хулители суровы,
Дерзающіе насъ съ презрѣньемъ порицать (*)!
Влачите рабскія приличія оковы!

(*) Этотъ стихъ относился къ двумъ значительнымъ дамамъ, родственницамъ Кокошкина, по покойной его женѣ.

Не вамъ божественный огонь въ себѣ питать.
Веселье чистое утѣхи благородной,
Любовь къ искусству — ты питай меня всегда,
Отъ предразсудковъ всѣхъ души моей свободной
Не покидай въ сей жизни никогда!

Сколько дѣтскаго и, пожалуй, смѣшнаго было въ этомъ увлеченіи! Какъ оно живо выражаетъ отсутствіе серьезныхъ интересовъ, или, пожалуй, серьезность интереса и взгляда на искусство, можетъ быть у многихъ безсознательнаго. Но пріятно вспомнить объ этомъ времени. Въ тридцать шесть лѣтъ постарѣли не мы одни, не наши только личности, — постарѣло или, правильнѣе сказать, возмужало общество, и подобное увлеченіе теперь невозможно между самыми молодыми людьми. Въ Москвѣ же тогда много находилось, даже пожилыхъ людей и стариковъ, для которыхъ спектакль «Два Фигаро» — былъ важнымъ событіемъ въ лѣтописяхъ благородной сцены театральнаго искусства. Но, конечно, никто такъ не оцѣнилъ и никто не принялъ такъ близко къ сердцу нашего спектакля, какъ Кн. Ив. М. Долгорукой, который былъ не только самъ *въ душѣ* страстный и отличный, по тогдашнему, актеръ, но не менѣе того любилъ щеголять постановкою благородныхъ спектаклей въ своемъ домѣ.

Князь И. М. Долгорукой былъ по истинѣ достолюбезное лице, также невозможное въ настоящее время. Онъ прекрасно изображенъ, какъ писатель и

и человѣкъ, въ біографіи, написанной М. А. Дмитріевымъ и напечатанной въ 1851-мъ году, подъ названіемъ: «Князь Иванъ Михайлычь Долгорукой и его сочиненія.» Онъ считался въ Москвѣ однимъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени и первымъ мастеромъ говорить въ обществѣ, особенно на Французскомъ языкѣ. Я помню, что на большихъ обѣдахъ или ужинахъ обыкновенно сажали подлѣ него съ обѣихъ сторонъ по самой бойкой говорунъѣ, извѣстной по уму и дару слова, потому что у одной не достало бы силъ на поддержаніе одушевленнаго съ нимъ разговора. Я самъ слыхалъ, какъ эти дамы и дѣвицы жаловались послѣ на усталость головы и языка, какъ все общество искренно имъ сочувствовало, признавая, что «проговорить съ Княземъ Иваномъ Михайловичемъ два часа и не ослабить живости разговора — большой подвигъ.» Это было дѣйствительно справедливо, только я думаю, что этотъ подвигъ больше требовалъ бойкости и быстроты рѣчи, любезной болтовни, чѣмъ настоящаго остроумія. При всей своей свѣтскости, Кн. И. М. бывалъ иногда простодушенъ и веселъ, какъ дитя, и, говоря по Русски въ короткомъ обществѣ мущинъ, очень любилъ выражаться не только по просту, но даже по простонародному; онъ любилъ употреблять слишкомъ рѣзкія и точныя слова, любилъ озадачивать ими своихъ слушателей.— Кокошкинъ давно уже познакомилъ меня съ нимъ, но

Князь мало обращалъ на меня вниманія: онъ любилъ свѣтскость и бойкость въ молодыхъ людяхъ, а именно этихъ качествъ я не имѣлъ никогда, я былъ даже немножко дикъ съ людьми, не коротко знакомыми; впрочемъ Князь пригласилъ меня на свой спектакль, который шелъ недѣли за двѣ до «Двухъ Фигаро». Спектакль состоялъ изъ двухъ небольшихъ пьесъ: комедіи «Холостый зарядъ», не знаю кѣмъ написанной, и пословицы (proverbe): «У семи нянекъ дитя безъ глазу» (кажется, такъ), сочиненной самимъ хозяиномъ. Послѣдняя пьеса была очень жива и забавна. Содержаніе ея состояло въ слѣдующемъ: одинъ Русской помѣщикъ-агрономъ, для лучшаго устройства своего хозяйства на иностранный манеръ, раздѣляетъ сельское управленіе на нѣсколько частей и каждую ввѣряетъ особому наемному управителю или директору, въ числѣ которыхъ находится ученый Нѣмецъ и еще кажется одинъ семинаристъ; всѣ директоры должны сноситься между собою письменно или словесно въ конторѣ, не выходя изъ назначенной имъ колеи, не переступая предѣловъ ихъ власти. Разумѣется, изъ этого выходитъ страшная кутерьма, такъ что и деревня совсѣмъ было сгорѣла отъ того, что завѣдывавшій пожарною частью не получилъ во время надлежащаго увѣдомленія. По счастью близкій сосѣдъ, не нововводитель, не агрономъ, а умный Русской помѣщикъ, увидя пожаръ, прискакиваетъ съ своими

людьми и пожарными инструментами и спасаетъ отъ конечной погибели село и домъ своего сосѣда. Онъ дѣлаетъ еще болѣе — онъ образумливаетъ помѣщика-агронома, который былъ не что иное, какъ своего рода и времени Кошкаревъ, выведенный Гоголемъ во 2-мъ томѣ «Мертвыхъ душъ». Я помню, что было очень много презабавныхъ сценъ, что зрители очень много смѣялись и что А. Д. Курбатовъ игралъ ученаго Нѣмца съ удивительнымъ совершенствомъ; вообще спектакль былъ слаженъ очень хорошо, и публика осыпала его громкими рукоплесканiями и единодушными, горячими похвалами. Хозяинъ былъ въ восторгѣ и, какъ я слышалъ, выражался нѣсколько иронически на счетъ будущаго спектакля у Кокошкина, о которомъ мы уже два мѣсяца хлопотали. Въ свою очередь и Кокошкинъ, великолѣпно и напыщенно хваля спектакль Кн. Долгорукова, прибавлялъ, по довѣренности, короткимъ людямъ, что «не велика премудрость поставить хорошо двѣ пьески, и что постановка серьозной, классической комедiи (ужъ какъ попали «Два Фигаро» въ классическiя комедiи — рѣшительно не знаю) требуетъ побольше трудовъ и знанiй.» До Князя И. М. дошли эти слова, и онъ, задѣтый за живое въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ: въ искусствѣ составлять благородные спектакли,—прiѣхалъ съ сильнымъ предубѣжденiемъ и расположенiемъ найти наше представленiе невыносимо скучнымъ. Но, какъ истин-

ный артистъ, онъ скоро забылъ мелочные разсчеты оскорбленнаго тщеславія, пришелъ въ восхищеніе и въ продолженіи всего спектакля безпрестанно повторялъ: «C'est magnifique, c'est sublime». Когда опустился занавѣсъ, онъ, съ живостью молодаго человѣка, прибѣжалъ къ намъ на сцену, всѣхъ насъ обнималъ, особенно меня, тутъ же признаваясь, что виноватъ передо мной, прося пріѣхать къ нему непремѣнно на другой день и обѣщая во всемъ мнѣ покаяться. Я пріѣхалъ на другой день по утру. Восхищеніе Кн. Ивана Михайлыча нѣсколько прошло или, лучше сказать, было уже подавлено досадой на блистательный успѣхъ нашего спектакля. Съ откровенностью, доходившею до излишества, онъ сказалъ мнѣ между прочимъ, что считалъ меня Оренбургскимъ медвѣдемъ, способнымъ сыграть развѣ степнаго помѣщика, а не графа Альмавиву........ Тутъ осыпалъ онъ меня похвалами, которыя мнѣ совѣстно повторять и которыя конечно были черезъ чуръ преувеличены; онъ кончилъ тѣмъ, что будто до сихъ поръ, не только зрители, но и сами актеры, не вѣдали, что́ такое «графъ Альмавива», и что теперь только познакомилась съ нимъ и поняла его публика. Потомъ вновь овладѣла имъ досада, и старикъ, ходя по комнатѣ, съ комическимъ жаромъ и дѣтскою наивностью говорилъ, какъ будто самъ съ собою: «какой счастливецъ этотъ Ѳедоръ Ѳедорычъ! Точно съ неба сваливаются ему таланты! И радъ бы былъ

сыграть большую комедію, да гдѣ же взять актеровъ? Гдѣ найти такую Сусанну, какая у него? Мало этого: ему вдругъ нежданно, негаданно, падаетъ охотникъ съ Рифейскихъ горъ, который цѣлый вѣкъ гонялся за оленями и ловилъ сурковъ, и въ этомъ охотникѣ открывается капитальный талантъ! Да и самъ Ѳ. Ѳ. съ роду ни въ чемъ не былъ такъ хорошъ, какъ въ старомъ Фигаро: эта роль выкроена по немъ.......» Не знаю, откуда пришли въ голову Кн. Долгорукову Рифейскія горы, олени и сурки, только они такъ прочно засѣли у него въ головѣ, что я никогда не могъ разувѣрить его, что не бывалъ на Рифейскихъ горахъ, не гонялся за оленями, не ловилъ сурковъ, и что я давнишній актеръ. Съ этихъ поръ Князь меня очень полюбилъ. Я много читывалъ ему изъ его ненапечатанныхъ сочиненій, и въ томъ числѣ огромную трагедію, въ три тысячи варварскихъ стиховъ, которая происходила въ невѣдомомъ мѣстѣ, у неизвѣстнаго народа. Впрочемъ сочинитель самъ подсмѣивался надъ своимъ твореніемъ. Когда въ послѣдствіи, уѣжая изъ Москвы, я пріѣхалъ съ нимъ проститься, онъ съ истинной грустью вскричалъ: «опять на свой Рифей, опять гоняться за оленями, опять ловить сурковъ! Ну тамъ ли ваше мѣсто?.......» Разумѣется я ему уже не противорѣчилъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ «Двухъ Фигаро», составился опять спектакль у князя Ив. Мих. Долгорукова. Я

самъ напросился сыграть какую нибудь роль, и хозяинъ съ благодарностью принялъ мое предложеніе; кажется, спектакль состоялъ изъ небольшой комедіи Н. И. Хмельницкаго: «Нерѣшительный или семь пятницъ на недѣлѣ», и также маленькой комедіи Коцебу: «Новый вѣкъ»; въ послѣдней я игралъ стараго купца или банкира «Верлова». Спектакль былъ миленькой, но должно признаться, что Кокошкинъ говорилъ правду: это были *пьески*!

Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ 1820-го и 1821-го годовъ мы составили еще нѣсколько спектаклей въ домѣ Кокошкина. Всѣ они были болѣе или менѣе замѣчательны по своей постановкѣ и по отличному исполненію нѣкоторыхъ ролей; но спектакль «Двухъ Фигаро» остался несравненнымъ и незабвеннымъ. Загоскинъ также рѣшился выйти на сцену; онъ выбралъ для этого маленькую пьеску въ стихахъ, кажется «Говорунъ», въ которой только одно и есть дѣйствующее лице, говорящее безпрестанно; она шла передъ большой комедіей Княжнина «Хвастунъ». Выборъ весьма неудачный, какъ и самая мысль сочинить такую болтовню; имени сочинителя не помню. Вѣроятно она была написана для извѣстнаго лица въ обществѣ, для извѣстнаго таланта, для мастера говорить живо, весело, разнообразно и увлекательно. Ничего этого въ Загоскинѣ не было, и я право не знаю, для чего мы допустили его играть эту роль. Правда, зрители безпрестанно хло-

пали и безъ умолку хохотали; но было смѣшно не представляемое лице, а Загоскинъ: съ первыхъ словъ онъ началъ уже конфузиться, перепутывать стихи, забывать роль и не слушать суфлера. Чѣмъ больше хохотала и чѣмъ больше хлопала публика, тѣмъ больше смущался бѣдный Загоскинъ — и нѣсколько разъ хотѣлъ уйти со сцены, не доигравъ пьесы. Кокошкинъ и всѣ мы, стоя за кулисами, знаками, жестами и поклонами едва могли упросить его, чтобъ онъ продолжалъ. По истинѣ сказать, явленіе было вполнѣ комическое. Загоскинъ бѣсился на себя, зачѣмъ онъ вздумалъ играть; кровь бросалась ему въ лице, онъ краснѣлъ, какъ буракъ, а по пьесѣ ему слѣдовало быть веселымъ, шутить и любезно болтать; эта борьба была такъ забавна въ Загоскинѣ, что людямъ, знавшимъ его коротко, трудно было удержаться отъ смѣха. Но Кокошкинъ и я, принимавшіе горячее участіе въ спектаклѣ, — не смѣялись, а испугались. Когда опустился занавѣсъ, Загоскинъ долженъ былъ, по пьесѣ, продолжать нѣсколько времени свою болтовню, но на сценѣ поднялся такой шумъ, крикъ и хохотъ, что зрители принялись аплодировать: Загоскинъ шумѣлъ и бранился, а мы всѣ неудержимо хохотали. Загоскинъ тутъ же наложилъ на себя заклятіе—никогда болѣе не играть, но «гдѣ клятва, тамъ и преступленіе», не знаю, кѣмъ-то было сказано, и сказано справедливо: Загоскинъ игралъ еще раза два, и каждый разъ съ такою же неудачею.

Самымъ интереснымъ спектаклемъ, послѣ « Двухъ Фигаро», была небольшая комедія: «Два Криспина», сыгранная вмѣстѣ съ какой-то піесой. Двухъ Криспиновъ играли знаменитые благородные актеры-соперники: Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ и А. М. Пушкинъ, который, также какъ и Кокошкинъ, перевелъ одну изъ Мольеровыхъ комедій: «Тартюфъ», и также съ передѣлкою на Русскіе нравы. Этотъ спекталь — была дуэль на смерть между двумя признанными талантами. Любители театральнаго искусства долго вспоминали этотъ «бой артистовъ». Слѣдовало бы кому-нибудь одержать побѣду и кому-нибудь быть побѣждену; но публика раздѣлилась на двѣ ровныя половины, и каждая своего героя считала и провозглашала побѣдителемъ. Почитатели Пушкина говорили, что Пушкинъ былъ гораздо лучше Кокошкина, потому что былъ ловокъ, живъ, любезенъ, простъ и естественъ въ высшей степени. Все это правда, и въ этомъ отношеніи Кокошкинъ не выдерживалъ никакого сравненія съ Пушкинымъ. Но почитатели Кокошкина говорили, что онъ, худо ли, хорошо ли, но игралъ Криспина, а Пушкинъ сыгралъ—Пушкина, что́ также была совершенная правда: изъ чего и слѣдуетъ заключить, что оба актера въ Криспинахъ были неудовлетворительны. Криспинъ—извѣстное лице на Французской сценѣ; оно игралось и теперь играется (если играется) по *традиціямъ*; такъ игралъ его и Кокошкинъ, но по моему игралъ неудачно, именно по недостатку есте-

ственности и жизни: ибо въ исполненіи самихъ традицій должна быть своего рода естественность и одушевленіе. Пушкинъ рѣшительно игралъ себя или, по крайней мѣрѣ,—современнаго, ловкаго плута; даже не надѣвалъ на себя извѣстнаго костюма, въ которомъ всегда является на сцену Криспинъ: однимъ словомъ, тутъ и тѣни не было Криспина.

Изрѣдка продолжалъ я видаться съ Н. И. Ильинымъ, который дѣлался какъ-то часъ отъ часу страннѣе и начиналъ какъ будто заговариваться. Люди, которые видались съ нимъ часто, замѣчали это уже давно, а теперь стали замѣчать всѣ. Онъ былъ прежде коротко знакомъ съ Кокошкинымъ; они даже нѣкогда игрывали вмѣстѣ на театрѣ, въ домѣ у кн. Юрья Владиміровича Долгорукаго, который все еще продолжалъ жить на Большой Никитской, въ своихъ безобразныхъ барскихъ палатахъ, одна половина которыхъ все еще оставалась не оштукатуренною. Я сказалъ: *продолжалъ жить*, во-первыхъ потому, что кн. Юрью Владиміровичу было, какъ говорили, за восемьдесятъ лѣтъ, а во-вторыхъ потому, что тридцать лѣтъ тому назадъ онъ уже умиралъ, лежалъ въ гробу, едва не былъ похороненъ, ожилъ какимъ-то чудомъ, и продолжалъ жить и давать спектакли. Такъ по крайней мѣрѣ утверждала общая молва; мнѣ помнится даже, что гдѣ-то было напечатано объ этомъ. — Во всѣхъ кругахъ общества говорили, что Ильинъ влюбленъ въ одну знатную графиню и что

онъ дожидается чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, чтобы сдѣлать формальное предложеніе; но кажется и чина статскаго совѣтника было довольно, чтобы вскружить бѣдную его голову. Я помню, что Кокошкинъ предлагалъ ему чрезъ меня принять участіе въ нашихъ спектакляхъ, а именно: сыграть роль «Верхолета» въ «Хвастунѣ» Княжнина, роль, которую онъ нѣкогда игрывалъ съ успѣхомъ: Ильинъ отвѣчалъ мнѣ, что *Россійскому* статскому совѣтнику, по его мнѣнію, неприлично выходить на сцену; но что онъ благодаритъ за приглашеніе и очень будетъ радъ посмотрѣть нашъ спектакль. Кокошкинъ и Кн. Ив. Мих. Долгорукой всегда его приглашали. Роль «Верхолета» я принужденъ былъ взять на себя. Это была съ моей стороны жертва; роль вовсе не шла ко мнѣ, и я былъ въ ней положительно дуренъ. Ник. Ив. Ильинъ уже не занимался литературой и даже говорилъ о ней съ пренебреженіемъ; авторская слава уже не плѣняла его: государственная служба, чины, ордена, высокія мѣста въ правительствѣ — вотъ что составляло предметъ его разговоровъ и желаній. Въ послѣдствіи несчастный Ильинъ, не дождавшись чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, сдѣлалъ предложеніе, получилъ отказъ, помѣшался окончательно и, кажется, скоро умеръ. Я получилъ объ этомъ извѣстіе уже въ деревнѣ. Любовь или честолюбіе были первоначальною причиною сумашествія бѣднаго Ильина—это былъ вопросъ и спор-

ный пунктъ въ Московскихъ гостиныхъ. Любопытно, что во время совершеннаго помѣшательства, Ильинъ опять обратился къ литературѣ и къ стихотворству, которымъ прежде никогда не занимался. Онъ душилъ стихами всякаго, кто только ему попадался.

Въ эту же зиму узналъ я, и очень горячо полюбилъ Александра Иваныча Писарева, который находился еще въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ; впрочемъ это было только за пол-года передъ выпускомъ воспитанниковъ. Онъ участвовалъ въ нашихъ спектакляхъ, хотя сценическихъ способностей у него было также мало, какъ у Загоскина. Не смотря на восемнадцатилѣтнюю молодость, блестящій острый умъ Писарева былъ уже серьозенъ и глубокъ. Вся пансіонская молодежъ признавала его превосходство, и всѣ, кто его зналъ, смотрѣли на Писарева, какъ на будущаго славнаго писателя; его проза и стихи превозносились, не только товарищами и начальствомъ пансіона, но и всѣми; театръ, литература, были его призваньемъ, страстью, жизнью. Съ перваго свиданья Писаревъ почувствовалъ искренность моего участія и полюбилъ меня, какъ брата; все время, свободное отъ класснаго ученья, онъ проводилъ у меня въ домѣ. Писаревъ имѣлъ раздражительный, но сосредоточенный характеръ; внѣшнее выраженіе у него было тихо, спокойно и холодно, даже и тогда, когда онъ задыхался отъ внутренняго волненія. Онъ не краснѣлъ ни отъ гнѣва, ни отъ радости, а блѣд-

нѣлъ. Это гораздо тяжеле, и вредно дѣйствовало на его всегда слабое здоровье. Писаревъ вышелъ вторымъ воспитанникомъ изъ университетскаго пансіона; онъ былъ очень друженъ только съ однимъ товарищемъ своимъ, Юшневскимъ; они оба получили при выпускѣ десятый классъ; но имя Писарева написанное золотыми буквами на мраморной доскѣ, осталось навсегда между именами Жуковскаго и другихъ отличныхъ воспитанниковъ. Въ ту же минуту, послѣ пансіонскаго акта, и за нѣсколько часовъ до личнаго со мной свиданія, Писаревъ написалъ ко мнѣ молодое, горячее письмо, которое къ сожалѣнію потеряно. Писаревъ немедленно уѣхалъ къ отцу и матери въ Орловскую деревню; не дождавшись его возвращенія въ Москву, я также отправился въ свой путь; но съ этого времени началась между нами живая, искренняя переписка, продолжавшаяся постоянно всѣ пять лѣтъ моего пребыванія въ Оренбургской губерніи. Загоскинъ и Кокошкинъ также были знакомы съ Писаревымъ и очень его любили, а равно и весь литературный кружокъ, собиравшійся въ домѣ Кокошкина. Я не называю всѣхъ членовъ, его составлявшихъ, я вспоминаю только о тѣхъ, кого уже нѣтъ на свѣтѣ. — Воспоминаніямъ о Писаревѣ надобно будетъ посвятить особую статью (*).

(*) Особой статьи я не написалъ; но о Писаревѣ я довольно говорю впослѣдствіи.

Поздн. прим. соч.

Лѣтомъ у насъ, то есть въ домѣ Кокошкина, былъ еще спектакль, который можно назвать прощальнымъ; онъ былъ приготовленъ секретно для сестры Кокошкина, Аграфены Ѳедоровны, въ день ея имянинъ, женщины рѣдкой по своей добротѣ и добродѣтельной жизни; мы сыграли маленькую комедію Коцебу: «Береговое право» и комедію Хмельницкаго: «Воздушные за̀мки.

Загоскинъ, по своему доброму и уживчивому нраву, примирился съ своимъ стѣснительнымъ положеніемъ, и литературная дѣятельность его проснулась. Въ этомъ же году онъ въ первый разъ началъ писать стихами, чего никакъ невозможно было предположить: онъ не имѣлъ уха и не чувствовалъ мѣры и паденія стиха. Своимъ посланіемъ къ Н. И. Гнѣдичу онъ удивилъ всѣхъ Московскихъ и Петербургскихъ литераторовъ. Обо всемъ этомъ написано мною подробно въ біографіи Загоскина.

Въ этотъ годъ, то есть съ Августа 1820 по Августъ 1821-го, собственно моя литературная дѣятельность ограничивалась немногимъ: я напечаталъ свой переводъ X сатиры Буало. Увы, я также подчинился нелѣпому направленію большой части литераторовъ того времени — и переложилъ Буало на Русскіе нравы! Казалось, такъ лучше, понятнѣе,

сильнѣе произведетъ впечатлѣніе на читателей, а притомъ—всѣ такъ дѣлали. Этотъ переводъ, читанный Кокошкинымъ и самимъ мною въ разныхъ общественныхъ кругахъ, имѣлъ успѣхъ и подкрѣпилъ мою небольшую литературную извѣстность, доставленую мнѣ переводомъ «Филоктета» и Мольеровой комедіи: «Школа мужей», которая игралась на Петербургскомъ театрѣ, тоже не безъ успѣха. Тогда же я написалъ и напечаталъ въ Вѣстникѣ Европы стихи «Уральскій козакъ» (истинное происшествіе)— слабое и блѣдное подражаніе «Черной шали» Пушкина—и «Элегію въ новомъ вкусѣ»—протестъ противъ туманно-мечтательныхъ стихотвореній, порожденныхъ подражаніемъ Жуковскому, — и наконецъ «Посланіе къ кн. В., въ отвѣтъ на его посланіе къ Каченовскому», не помню гдѣ напечатанное, которое начиналось такъ:

Передъ судомъ ума сколь, Каченовскій, жалокъ
Талантовъ низкій врагъ, завистливый зоилъ!
Какъ оный вѣчный огнь предъ алтаремъ Весталокъ,
Такъ втайнѣ вѣчный ядъ, даръ лютыхъ адскихъ силъ,
Въ груди несчастнаго неугасимо тлѣетъ.

Я вовсе не былъ пристрастенъ къ скептическому Каченовскому, но мнѣ жаль стало старика, имѣвшаго нѣкоторыя почтенныя качества, и я написалъ начало посланія, чтобъ показать, какъ можно отра-

зить тѣмъ же оружіемъ кн. В. (*); но Загоскинъ, особенно Писаревъ, а всѣхъ болѣе М. А Д., упросили меня дописать посланіе и даже напечатать. Они сами отвозили стихи Каченовскому, который чрезвычайно былъ ими доволенъ и съ радостью ихъ напечаталъ. Но я до сихъ поръ не знаю, по какой причинѣ, вмѣсто «Посланіе къ кн. В.» онъ напечаталъ: къ Птелинскому-Ульминскому», и вмѣсто подписи: С. А. — поставилъ цифры 200—1. Съ этого времени, Каченовскій всегда мнѣ очень привѣтливо улыбался и кланялся, чего удостоивалъ весьма немногихъ.

Въ продолженіе Великаго поста (1821-й годъ), кн. И. М. Долгорукій, котораго живая природа требовала дѣятельности современной, общественной, какъ бы ни было мелко ея содержаніе, составилъ у себя въ домѣ пріятельское литературное общество, надъ которымъ и тогда подсмѣивались иные члены и посѣтители. Нѣкоторые изъ насъ, конечно изъ одного желанія утѣшить любезнаго хозяина, согласились принять участіе въ его дѣтской или стариковской

(*) Посланіе мое начиналось такъ:

Передъ судомъ ума сколь, В., смѣшонъ,
Кто самолюбіемъ, пристрастьемъ увлеченъ,
Вѣкъ раболѣпствуя, съ слѣпымъ благоговѣньемъ,—
Твореній критику считаетъ преступленьемъ,
И хочетъ, всѣмъ на зло, чтобъ весь подлунный міръ
За Бога признавалъ имъ славимый кумиръ и проч....

забавѣ. Засѣданій было пять, и въ каждое я, какъ и другіе, представлялъ по одному и по два стихотворенія. Всѣ члены желали, чтобъ я читалъ ихъ сочиненія, а какъ это было невозможно, то, по предложенію хозяина, было постановлено правиломъ: чтобъ каждый сочинитель *самъ* читалъ свою пьесу. Все это очень живо разсказано въ брошюрѣ М. А. Дмитріева, и я добавлю только, что общество существовало, даже въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, и на слѣдующій годъ. А. Писаревъ, въ послѣдствіи также бывшій членомъ, писалъ ко мнѣ въ 1822-мъ году, что выбрано нѣсколько новыхъ членовъ и что на предпослѣднемъ засѣданіи, въ числѣ другихъ посѣтителей, находился *Главнокомандующій*, кн. Д. В. Голицынъ, который охотно принималъ участіе во всякой просвѣщенной забавѣ: слѣдовательно нѣтъ сомнѣнія, что собраніе было многочисленно, блистательно, и что хозяинъ былъ совершенно счастливъ.

Въ этомъ же году былъ я выбранъ въ дѣйствительные члены Общества любителей Россійской Словесности, при Московскомъ Университетѣ, и выбранъ единогласно. Я сознаюсь, что это было мнѣ очень пріятно и лестно. Я не представлялъ никакого сочиненія: и такъ меня удостоили этой чести за переводы. Кажется, при мнѣ, въ эту зиму были два публичныя засѣданія; посѣтителей было довольно, и мы съ Кокошкинымъ попеременно декламировали почти всѣ пьесы, разумѣется, по желанію самихъ со-

чинителей. Это общество имѣло значеніе и вліяніе. Московская публика приняла живое участіе въ его засѣданіяхъ и начала очень охотно посѣщать ихъ; потому что онѣ получили менѣе сухой, ученый характеръ, а болѣе чисто литературный, болѣе понятный, доступный людямъ свѣтскимъ, и особенно пріятный любителямъ изящной словесности. Собранія становились многочисленны и блистательны; образованныя женщины лучшаго круга оживляли ихъ своимъ присутствіемъ. Года, съ 1821-го по 1829-й включительно, можно назвать самымъ цвѣтущимъ періодомъ Московскаго Общества любителей Россійской Словесности, которое съ 1834-го года, безъ всякой видимой причины, перестало собираться и не собирается до сихъ поръ. Тоже случилось, въ разные сроки, со всѣми литературными обществами въ Россіи. — А. А. Прокоповичь-Антонскій былъ постояннымъ предсѣдателемъ Общества, въ его блистательное время. Едва ли не ему одному обязано оно своимъ процвѣтаньемъ. Не могу сказать, изъ какихъ причинъ, только Антонскій заботился и хлопоталъ о составленіи публичныхъ чтеній съ неутомимою ревностью; Мерзляковъ и Каченовской были главными его помощниками.

Въ Августѣ я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію, напутствуемый искреннимъ сожалѣніемъ и дружбою моихъ пріятелей, особенно Кокошкина и Загоскина. Писарева не было въ Москвѣ, и онъ горевалъ о

моемъ отъѣздѣ заочно, выражая свое огорченіе въ письмахъ ко мнѣ.

Я уѣхалъ изъ Москвы съ особеннымъ грустнымъ чувствомъ, никогда еще мною не испытаннымъ. Никогда еще не сживался я такъ съ Москвою, какъ въ этотъ годъ? Публичный театръ, частные спектакли, литературныя собранія, дружескій кругъ добрыхъ пріятелей, болѣе или менѣе сходныхъ со мною въ своихъ наклонностяхъ и увлеченіяхъ, а главное Москва, со всѣмъ своимъ историческимъ и народнымъ значеніемъ, яснѣе прежняго понятымъ и глубже почувствованнымъ мною, все вмѣстѣ наполняло мою душу, въ минуту разлуки, смущеніемъ и уныніемъ. Мнѣ самому было ново и странно такое чувство. Мнѣ ли страстному поклоннику вѣчныхъ красотъ природы и моего чуднаго, родимаго края, свободы его полей и лѣсовъ, его роскошнаго простора и приволья, мнѣ ли, безумному охотнику, — грустить, разставаясь съ неволей и шумомъ городской жизни, съ пыльной и душной Москвой? Всегда весело разставался я съ обѣими столицами, всегда съ радостнымъ волненіемъ спѣшилъ въ благословенную деревню..... и мнѣ больно было, что я не испытывалъ прежняго чувства. Конечно, были и другія причины: я уѣзжалъ не въ милое свое Аксаково, не на берега Бугуруслана, а въ другое имѣніе, находящееся въ глухомъ Белебеевскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, что мѣстоположеніе его было ровно и скучно, безъ освѣ-

жающей тѣни деревъ, безъ рѣки, слѣдовательно не привлекало охотника; кромѣ того, что я не любилъ этой деревни,—меня ждало другое горе: я долженъ былъ заняться хозяйствомъ, котораго терпѣть не могъ!.. Я смутно предчувствовалъ, что только тамъ ляжетъ на меня вся тяжесть ложныхъ и печальныхъ отношеній.... Но не въ моей природѣ было надолго предаваться унынію! Благодаря живости моего воображенія и мечтательному легкомыслію я разкрашивалъ радужными цвѣтами будущую мою сельскую дѣятельность, уже виднѣлась мнѣ въ отдаленіи Москва, и я съ горячею бодростью готовился къ новой для меня жизни хозяина, какъ единственному средству жить потомъ въ Москвѣ.

1825 и 1826 ГОДЪ.

Уже слишкомъ четыре года, жилъ я отдѣльно, съ своей семьей, въ Оренбургской губерніи, въ селѣ Надежинѣ, въ семи верстахъ отъ одного изъ самыхъ дряннѣйшихъ уѣздныхъ городишекъ въ Россіи «Белебея», произведеннаго въ званіе города изъ Чувашской деревушки, сидѣвшей на рѣчкѣ «Билыбей», которую Русскіе перекрестили въ «Белебейку.» Такихъ переименованій въ нашемъ уѣздѣ было множество. Я, напримѣръ, жилъ на рѣчкѣ «Сююшъ», получившей имя «Сивушка»; въ сосѣдствѣ же у меня

была деревня, прозывавшаяся по имени своей рѣчки, «Іу-елга»: ее просто звали «Иволга».

По принятому мною заранѣе плану: прожить десять лѣтъ безвыѣздно въ Оренбургской губерніи,—мнѣ оставалось жить въ деревнѣ еще одинъ годъ; но какъ въ продолженіе этого времени, я уѣзжалъ въ Москву ровно на годъ, то мнѣ слѣдовало прожить въ Надеждинѣ еще два года. Я давно уже разочаровался въ моихъ надеждахъ сдѣлаться хорошимъ хозяиномъ и накопить порядочную сумму денегъ до переѣзда на житье въ Москву. Я никакъ не ожидалъ такой неудачи. Прежде, въ отсутствіе моего отца, мнѣ случалось управлять нѣсколькими деревнями и смотрѣть за производствомъ сельскихъ работъ. Конечно, я занимался не прилежно, не охотно; но узналъ и понялъ дѣло хорошо. Видѣлъ, что можно ввести много улучшеній и слѣдственно — увеличить доходъ. Основываясь на такихъ данныхъ, я подумалъ, что, управляя собственнымъ имѣніемъ, имѣя такія сильныя побудительныя причины заниматься хозяйствомъ, при всей моей нелюбви къ нему, я надѣлаю чудеса. Но вышло совсѣмъ не такъ. Во-первыхъ, много прошло времени послѣ первоначальныхъ моихъ хозяйственныхъ опытовъ, и я не такъ уже поверхностно и легкомысленно смотрѣлъ на отношенія помѣщика къ своимъ крестьянамъ. Во-вторыхъ, мои хозяйственныя свѣдѣнія и опыты оказались вовсе недостаточными, потому что грунтъ земли въ Наде-

жинѣ былъ другой, и далеко не такъ хорошъ, какъ въ Аксаковѣ; да и значительная возвышенность мѣстности сильно охлаждала почву и подвергала растительность хлѣбовъ несвоевременнымъ морозамъ. Два неурожайныхъ года сряду, лишили меня бодрости. Нетерпѣніе и недостатокъ твердаго постоянства были свойственны моей впечатлительной природѣ — и я бросилъ хозяйство. Хорошо, что я скоро догадался *не мѣшать старостѣ*: все пошло по прежнему, и хозяйственныя дѣла пошли гораздо лучше; но за то нравственное мое чувство безпрестанно оскорблялось, и сознаніе въ собственномъ «безсиліи: быть полезнымъ» отравляло мою тихую, уединенную деревенскую жизнь.

Ружейная охота, степная, лѣсная и болотная, уженье форели всѣхъ трехъ родовъ (другой рыбы по близости около меня не было), переписка съ Московскими друзьями, чтеніе книгъ и журналовъ и наконецъ литературныя занятія наполняли мои лѣтніе и зимніе досужные часы, остававшіеся праздными отъ внутренней семейной жизни. Общества не было, или было такое, какое хорошо только въ художественномъ воспроизведеніи, а не въ дѣйствительности. Я перевелъ осьмую сатиру Буало, нѣсколько сценъ изъ Французскихъ трагедій и написалъ съ десятокъ посланій въ стихахъ. Статья моя о театрѣ и театральномъ искусствѣ, не помню только подъ какимъ заглавіемъ, была напечатана въ Вѣстникѣ Европы; туда

же послалъ я подробный и строгій разборъ «Федры,» переведенной Лобановымъ, но не знаю почему, Каченовскій не напечаталъ моей критики, и я болѣе ничего ему не посылалъ. Всего чаще переписывался я съ А. И. Писаревымъ, который во время моего отсутствія сдѣлался блистательнымъ водевилистомъ; водевили были всѣ переводные, но куплеты оригинальные и такъ хороши, что до сихъ поръ остаются лучшими водевильными куплетами. Всѣ, приспособленные къ настоящему времени литературной полемики, остроумные, колкіе и даже злые, они скоро доставили Писареву обольстительное титло — любимца Московской публики. Впрочемъ Писаревъ не одними водевилями заслужилъ свою извѣстность и славу. Кромѣ многихъ, по тогдашнему, прекрасныхъ стихотвореній, изъ которыхъ были особенно замѣчательны двѣ сатиры, напечатанныя подъ названьемъ «Посланій къ молодому любителю словесности,» онъ переложилъ гладкими и сильными стихами, старинную комедію Шеридана «Школа Злословія» и назвалъ ее «Лукавинъ,» по имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ, характеръ котораго развитъ Писаревымъ гораздо шире и полнѣе, чѣмъ у Шеридана. Онъ передѣлалъ также стихами Французскую комедію въ трехъ дѣйствіяхъ (Voyage à Dieppe) на Русскіе нравы и назвалъ «Поѣздка въ Кронштадтъ.» Обѣ комедіи были напечатаны и приняты всѣми безъ исключенія, разумѣется кромѣ литературныхъ вра-

говъ, съ великими похвалами. «Поѣздку въ Кронштадтъ» онъ посвятилъ мнѣ. Стихи въ ней еще лучше, чѣмъ въ «Лукавинѣ.»

Кстати: надобно предварительно сказать, что въ Москвѣ, черезъ годъ послѣ моего отъѣзда, изъ театральной конторы, находившейся подъ непосредственнымъ управленіемъ Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, образовалась отдѣльная дирекція. Директоромъ былъ опредѣленъ Кокошкинъ, а членомъ дирекціи по хозяйственной части — Загоскинъ; репертуарнымъ членомъ былъ назначенъ Арсеньевъ, человѣкъ очень любезный и образованный, даже знатокъ и страстный поклонникъ Греческой литературы; но въ репертуарныя дѣла онъ не мѣшался и предоставилъ ихъ Кокошкину, который, по страстной своей охотѣ къ театру, ревностно занимался репертуарною частью. Писаревъ, жившій у Кокошкина въ домѣ и находившійся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ нему и Загоскину, даже много обязанный имъ обоимъ, прямо попалъ въ театральную сферу, полюбилъ ее и опредѣлился въ службу дирекціи переводчикомъ и помощникомъ репертуарнаго члена Арсеньева; успѣхи піесъ на сценѣ, разумѣется, еще болѣе увлекли Писарева, и скоро онъ утонулъ въ закулисномъ мірѣ....

Наступила зима 1825 года. Все было тихо и спокойно въ нашей пустынной глуши. Ничто не предвѣщало важности грядущихъ событій, а между

тѣмъ историческая драма уже начиналась.... 6-го Декабря, на имянинахъ у кого-то изъ сосѣдей, гдѣ находились между прочимъ всѣ Белебеевскіе чиновники и жившій въ этомъ городкѣ прежній нашъ губернаторъ, М. А, Наврозовъ, получили мы извѣстіе, что Государь Александръ Павловичь скончался въ Таганрогѣ. Вѣсть эта поразила всѣхъ такимъ ужасомъ, какого я ни прежде, ни послѣ не видѣлъ и самъ не испытывалъ. Конечно, много было причинъ къ такому общему пораженію, но было что-то и особенное. Покойный императоръ находился въ самой порѣ мужества и зрѣлости человѣческаго возраста, ему шелъ 48-й годъ, всѣ привыкли считать его крѣпкимъ, здоровымъ, способнымъ переносить безвредно всякіе тѣлесные труды и всякія душевныя тревоги, которыхъ, какъ извѣстно, онъ испыталъ не мало; не было ни малѣйшаго слуха объ его болѣзни, даже о нездоровьи,— внезапная вѣсть объ его кончинѣ должна была потрясти всѣхъ. Это былъ громовый ударъ изъ безоблачныхъ небесъ. Притомъ смерть Императора, во время царствованія котораго совершились міровыя событія, котораго имя неразрывно связано съ «Вѣчной памятью двѣнадцатаго года,» возведшаго Россію на высшую степень славы и могущества, Императора, твердостью котораго, по общему убѣжденію, палъ Наполеонъ, недавно кончившій дни свои узникомъ на островѣ Св. Елены, смерть такого Государя, всѣхъ заставила невольно почувствовать безот-

четный страхъ. Когда мы нѣсколько опомнились и вышли изъ оцѣпенѣнія, первая мысль представилась: кто будетъ Царемъ? Всѣ присутствующіе, кромѣ меня и Наврозова, не сомнѣвались, что преемникомъ Александра Павловича будетъ Цесаревичь Константинъ; но мы съ Наврозовымъ, были убѣждены въ противномъ. Мы очень хорошо помнили, что въ 1820-мъ году былъ расторгнутъ бракъ Цесаревича съ его законною супругою и послѣдовалъ манифестъ, которымъ узаконялось, что всякій членъ Императорской фамиліи, вступившій въ брачный союзъ съ лицемъ, не принадлежащимъ къ владѣтельному дому, не можетъ сообщать ему права Императорской фамиліи и что дѣти ихъ на престолъ никогда взойти не могутъ. Вслѣдъ за тѣмъ Цесаревичь женился на графинѣ Ловичь, Полячкѣ и католичкѣ — какъ же можно было ей сдѣлаться Русской Императрицей? Притомъ впослѣдствіи носились темные слухи, что Цесаревичь Константинъ потому и получилъ согласіе Императора Александра на разводъ и вторичную женитьбу, что отрекся отъ права наслѣдія на Руской престолъ. Каково же было мое удивленіе, когда на другой день поутру, увѣдомили меня изъ города, что съ нарочнымъ курьеромъ полученъ указъ Правительствующаго Сената, извѣщающій о кончинѣ Императора Александра I-го и о присягѣ законному наслѣднику Его Константину Павловичу. Сильно смущенный, поѣхалъ я немедленно въ Белебей, чтобъ

потолковать съ Наврозовымъ. Тамъ уже всѣ присягнули. Людямъ, понимавшимъ сколько-нибудь дѣло, крѣпко не нравилась новая Императрица, хотя по слухамъ она была превосходная женщина. «Вѣру-то перемѣнитъ, говорилъ мой родственникъ, уѣздный судья, Бунинъ. Это пустое, будто католички вѣры не мѣняютъ. Для Всероссійскаго престола можно и двѣ вѣры перемѣнить. Да вотъ бѣда: кровь-то въ ней Польская; будетъ руку Поляковъ держать, а Константинъ Павловичь, говорятъ, и безъ того въ нихъ души не чаетъ.» Оставшись наединѣ съ Наврозовымъ, сообщили мы другъ другу свои тревожныя опасенія и разстались убѣжденными, что дѣла такъ идти не могутъ. Недѣли черезъ три, прочли мы въ Московскихъ Вѣдомостяхъ извѣстіе о 14-мъ Декабрѣ и въ слѣдъ за тѣмъ новый указъ о присягѣ новому Императору, Николаю Павловичу; а также Его манифестъ съ приложеніемъ всѣхъ бумагъ, касающихся до отреченія Цесаревича Константина Павловича, сначала отъ права наслѣдія, а потомъ отъ престола,— когда уже была принесена Ему присяга во всей Россіи. Въ уѣздѣ, въ которомъ я жилъ, вторая присяга не произвела никакого смущенія; помѣщики, чиновники и вообще весь грамотный людъ, не могли сомнѣваться въ правдѣ и подлинности актовъ и очень были довольны, что Цесаревичь не будетъ Императоромъ, потому что всѣ опасались Польскаго вліянія. Простой же народъ состоялъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ,

которые не присягаютъ, и изъ инородцевъ, то есть: Башкиръ, Татаръ, Мордвы, Чувашъ и Вотяковъ, которымъ, разумѣется, никакой не было надобности до законности правъ престолонаслѣдія, но которые, безъ сомнѣнія, пришли бы въ отчаяніе, еслибъ имъ объявили, что у нихъ не будетъ Царя. Сказывалъ мнѣ однакожъ исправникъ, что на двухъ горныхъ мѣдеплавительныхъ заводахъ, находившихся въ нашемъ уѣздѣ и состоявшихъ изъ однихъ раскольниковъ, много было толковъ, и что, по какимъ-то ихъ соображеніямъ, они ожидали, что Цесаревичь Константинъ будетъ благосклоненъ къ старовѣрамъ.

Въ началѣ 1826-го года мои собственныя печальныя обстоятельства нарушили тишину и спокойствіе моей деревенской жизни. Надежино никогда мнѣ не нравилось, а тутъ сдѣлалось даже противнымъ. Я рѣшился ускорить мой переѣздъ въ Москву, и въ Августѣ мѣсяцѣ, вмѣстѣ съ остальнымъ семействомъ, навсегда простился съ Оренбургскимъ краемъ.

1826 ГОДЪ.

1826-го года, 8-го Сентября, часовъ въ восемь вечера, въ осеннюю звѣздную ночь, остановилась наша карета передъ Москвой у Рогожской заставы. Москва, еще полная гостей, съѣхавшихся на коронацію изъ цѣлой Россіи, Петербурга и Европы, страшно гудѣла въ тишинѣ темной ночи, охватившей

ея сороковерстный Камерколежскій валъ. Десятки тысячь экипажей, скачущихъ по мостовымъ, крикъ и говоръ, еще неспящаго, четырехсоттысячнаго населенія, производили такой полный хоръ звуковъ, который нельзя передать никакими словами. Это было что-то похожее на отдаленные, безпрерывные громовые раскаты, на шумъ падающей воды, на стукотню мельницъ, на гудѣнье множества исполинскихъ жерноповъ. Никакой рѣзкій стукъ или крикъ не вырывался отдѣльно, все утопало въ общемъ шумѣ, гулѣ, грохотѣ, и все составляло непрерывно и стройно текущую рѣку звуковъ, которая съ такою силою охватила насъ, овладѣла нами, что мы долго не могли выговорить ни одного слова. Надъ всей Москвой стояла бѣловатая мгла, сквозь которую свѣтились милліоны огоньковъ. Блѣдное зарево отражалось въ темномъ куполѣ неба, и тускло сверкали на немъ звѣзды. И въ эту столичную тревогу, вѣчный шумъ, громъ, движеніе и блескъ — переносилъ я навсегда, изъ спокойной тишины деревенскаго уединенія, скромную судьбу мою и моего семейства. Въ эту минуту съ особенной живостью представилась мнѣ недостаточность вещественныхъ средствъ моихъ, непрочность надеждъ, и всѣ послѣдствія такого неосновательнаго поступка.... По подорожную прописали, часовому скомандовали: «подвысь»—и карета въѣхала въ Москву.

Домъ Кавелиныхъ, въ которомъ мы должны были

остановиться, послѣдній домъ тогда у Спаской заставы, былъ очень недалеко, но люди долго проискали его. Я самъ не умѣлъ указать, какъ проѣхать, потому что съ этой стороны никогда не подъѣзжалъ къ нему. Наконецъ кое-какъ отыскали дорогу. Хозяйки не было дома: она ночевала въ Вознесенскомъ монастырѣ у своей знакомой бѣлицы, для того, чтобъ быть поближе къ брату, который жилъ во флигелѣ Николаевскаго дворца, прямо противъ кабинета Государя, и не имѣлъ свободнаго времени, чтобъ ежедневно ѣздить для свиданія съ родными въ Таганку.

На другой день отправился я прямо въ контору театра, зная, что я навѣрное найду тамъ Кокошкина, Загоскина и Писарева. Большой Петровскій театръ (*), возникшій изъ старыхъ, обгорѣлыхъ развалинъ, лѣтъ двадцать непріятно поражавшихъ глаза Московскихъ жителей,—изумилъ и восхитилъ меня. Я еще горячо любилъ театръ; десятилѣтняя жизнь въ Оренбургской глуши, конечно, не могла охладить этой любви, и великолѣпное громадное зданіе, исключительно посвященное моему любимому искусству, уже одною своей внѣшностью привело меня въ радостное волненіе. Я вошелъ въ контору; въ первой комнатѣ, занятой столами чиновниковъ и множествомъ всякаго театральнаго народа, спросилъ я о Кокошкинѣ и За-

(*) Сгорѣвшій еще при Медоксѣ, кажется, въ 1805 году, передъ началомъ представленія 1-й части «Днѣпровской Русалки.»

госкинѣ; мнѣ отвѣчали, что они въ «присутственной комнатѣ;» я хотѣлъ войти въ нее, но стоявшій у дверей капельдинеръ, въ придворной ливреѣ, не пустилъ меня, говоря, что «безъ доклада директору и безъ его дозволенія, никто туда войдти не можетъ.» Напрасно я увѣрялъ, что директоръ мнѣ пріятель, что я хочу нечаянно его обрадовать, — капельдинеръ недовѣрчиво посматривалъ на мой поношенный, очень не модный сюртукъ, и не согласился пустить меня. Дѣлать было нечего. Я сказалъ свое имя и фамилію. Капельдинеръ растворилъ дверь, и едва успѣлъ выговорить: «Сергѣй Тимоѳеичь Аксаковъ,» какъ Кокошкинъ, ходившій по комнатѣ и говорившій съ какимъ-то значительнымъ господиномъ, забывъ свою обычную великолѣпную важность, выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и бросился обнимать меня.... Загоскинъ же, услыхавши мое имя, какъ буря возсталъ изъ-за стола, разбрасывая бумаги, опрокидывая кресла, давя людей, ворвался въ канцелярію, вырвалъ меня у Кокошкина и, говоря безъ преувеличенія, едва не задушилъ въ своихъ объятіяхъ: впрочемъ, это была его обыкновенная манера. Съ радостными восклицаніями ввели они меня въ свою присутственную комнату, и снова принялись обнимать. Непритворная радость свѣтилась на ихъ лицахъ. Я былъ сердечно растроганъ. Послѣ нѣсколькихъ отрывочныхъ, взаимныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, я спросилъ о Писаревѣ. Оба мои пріятеля

вскрикнули отъ удивленія, вспомнивъ, что онъ, по какому-то предчувствію моего пріѣзда, поѣхалъ провѣдать обо мнѣ въ Таганку, потому что зналъ адресъ дома, гдѣ я долженъ былъ остановиться. Значительный господинъ со звѣздою, видя, что директору не до него, раскланялся, и мы на свободѣ обо всемъ поразспросили другъ друга, обо всемъ переговорили другъ съ другомъ. Я не былъ знакомъ лично съ Верстовскимъ и Щепкинымъ, и потому сейчасъ послали за ними на сцену, гдѣ репетировалась для завтрашняго вечера, новая тогда, комедія въ стихахъ, Кн. Шаховскаго «Аристофанъ или представленіе комедіи Всадники,» которая игралась на Московской сценѣ съ большимъ успѣхомъ. Верстовскій опредѣлился директоромъ музыки въ Московскій театръ во время моего отсутствія, Щепкинъ также безъ меня поступилъ на сцену; но мнѣ столько объ нихъ писали, а имъ столько обо мнѣ наговорили и Кокошкинъ и Загоскинъ и особенно Писаревъ, что мы заочно были уже хорошо знакомы, и потому встрѣтились, какъ давнишніе пріятели, и даже обрадовались другъ другу. «Да зачѣмъ же, милый, сказалъ Кокошкинъ, обращаясь къ Загоскину, мы отвлекаемъ Михаила Семеныча отъ репетиціи? Лучше мы поведемъ на сцену Сергѣя Тимоѳеича: онъ увидитъ тамъ почти всю нашу труппу и наши будущія надежды.» Я охотно согласился, и мы пошли на сцену. Я никогда не могъ объяснить себѣ, отъ

чего репетиція піесы, разумѣется, уже хорошо слаженной, даже въ позднѣйшіе годы часто производила на меня очень сильное и пріятное впечатлѣніе. Я зналъ многихъ людей, которые утверждали, что никогда не надобно смотрѣть репетиціи, если хочешь вполнѣ почувствовать достоинство піесы въ настоящемъ представленіи, — и трудно спорить противъ этого мнѣнія; но на дѣлѣ я испытывалъ другое. Въ этотъ же день, о которомъ я говорю, мнѣ было весьма естественно предаться увлеченію. Я не видѣлъ театра пять лѣтъ, проживъ ихъ безвыѣздно въ деревнѣ. Взволнованный своимъ переѣздомъ въ Москву, горячимъ пріемомъ моихъ старыхъ и новыхъ пріятелей, а всего болѣе, притихшей на-время и съ новою силою вспыхнувшей, моей страстью къ искусству, взошелъ я на огромную, великолѣпную сцену Петровскаго театра, полную жизни, движенія и людей, мелькавшихъ, какъ тѣни въ полумракѣ, который сначала ослѣпилъ меня; громъ музыки, пѣніе хоровъ, пляски на праздникѣ Вакха, все это вмѣстѣ показалось мнѣ чѣмъ-то волшебнымъ. Я приглядѣлся къ темнотѣ, сталъ различать и узнавать людей; сцена очистилась, и мелодическій, звучный, страстный голосъ Аристофана, въ которомъ я не вдругъ узналъ молодаго Мочалова, — довершилъ очарованіе. Музыка, танцы, стихи, игра Мочалова и Синецкой, игра, которая въ самомъ дѣлѣ была хороша, показались мнѣ тогда чѣмъ-то

необыкновеннымъ, даже какимъ-то совершенствомъ. Во время антракта, толпа актеровъ и актрисъ, пѣвицъ и танцовщицъ, всякаго возраста, окружила насъ. Кокошкинъ не пропустилъ случая произнесть коротенькую, но торжественную рѣчь ко всѣмъ, насъ окружающимъ, въ которой, представляя мнѣ всю труппу, не поскупился наговорить мнѣ великолѣпныхъ похвалъ. Я возобновилъ мое знакомство съ Синецкой и Мочаловымъ, — который очень помнилъ, какъ отецъ заставлялъ его декламировать передо мною Полиника, —и познакомился со многими, которыхъ не зналъ. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я Сабурова и Рязанцева; Кокошкинъ назвалъ ихъ блистательными надеждами Московской сцены. Про Рязанцева и Щепкинъ шепнулъ мнѣ: «Это нашъ капиталъ.» Всѣ меня встрѣтили съ необыкновеннымъ радушіемъ, какъ мнѣ показалось тогда, при моемъ настроеніи увлекаться. Репетицію стали продолжать; мы сѣли съ Кокошкинымъ на помостъ храма Вакха, и онъ съ патетическимъ одушевленіемъ сказалъ: «не правда ли, милый, что мы въ Аѳинахъ? Шаховской ничего не написалъ, да и ничего не напишетъ лучше Аристофана.» Я не спорилъ. Я самъ находился въ какомъ-то упоеніи, да и піесы не зналъ. — Очень мнѣ хотѣлось дослушать репетицію Аристофана; но я, не смотря на свое увлеченіе, вспомнилъ, что мнѣ необходимо видѣться съ Кавелинымъ и что Писаревъ ждетъ меня въ Таганкѣ —

иначе онъ давно бы воротился. Не слушая убѣдительныхъ просьбъ Кокошкина: остаться на полчаса, чтобъ увидѣть Синецкую въ одной сценѣ, которую она, по словамъ его, превосходно играла, я извинился и уѣхалъ, давъ однако слово Кокошкину, что завтра пріѣду смотрѣть Аристофана въ его ложу или кресло. Кавелина я не засталъ; мнѣ сказали, что онъ съ сестрой уѣхалъ къ намъ, и я поспѣшилъ домой.

Точно, я нашелъ у себя дóма Кавелина съ его сестрой, и Писарева. Много произошло перемѣнъ съ Кавелинымъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. Изъ поручика или штабсъ-капитана Измайловскаго полка, онъ сдѣлался полковникомъ, флигель-адъютантомъ и однимъ изъ самыхъ близкихъ людей къ царствующему Императору.... Но всѣ разсказы были отложены до болѣе свободнаго времени, а теперь ему надобно было немедленно ѣхать, и мы простились. Писаревъ дожидался меня не даромъ. Кромѣ желанія поскорѣе меня увидѣть и обнять, ему нужно было предупредить меня и, къ сожалѣнію, весьма невыгодно, объ одномъ изъ близкихъ со мною людей. Разумѣется, мнѣ это было больно и непріятно, потому что всегда непріятно ошибаться; но меня гораздо болѣе огорчилъ самъ Писаревъ: онъ былъ худъ, блѣденъ, глаза его потеряли свой прежній блескъ и онъ довольно часто кашлялъ. Зловѣщая мысль промелькнула у меня въ головѣ, и сердце болѣзненно сжалось. Но я овладѣлъ собою

и съ наружнымъ спокойствіемъ выслушалъ невеселую повѣсть пяти лѣтъ, проведенныхъ нами въ разлукѣ. Здѣсь не мѣсто подробно разсказывать эту повѣсть, а скажу только, что я вывелъ изъ нея слѣдующее заключеніе: Писаревъ, будучи отъ природы очень слабаго сложенья, имѣлъ расположеніе къ раздражительности, которая ужасно развилась въ продолженіе нашей разлуки. По несчастію, эта раздражительность никогда не выражалась во внѣшности; холодный по наружности, онъ рвался внутренно, и эта постоянная тревога сокрушила его здоровье. Причинъ къ волненью было много: сначала блистательные успѣхи, и особенно на сценѣ, вскружили ему голову. Писаревъ, повидимому, очень спокойно раскланивался изъ директорской ложи съ публикой, вызывавшей его за каждую піесу восторженными криками; но послѣ каждаго вызова у него была лихорадка. На поприщѣ журнальной литературы, онъ не захотѣлъ сойтись съ издателемъ Московскаго Телеграфа. Онъ былъ правъ; но, можетъ быть, поступилъ слишкомъ рѣзко, и нажилъ себѣ заклятаго врага. Закипѣла страшная полемика; Писаревъ, умѣя наносить жестокія язвы своимъ противникамъ, не умѣлъ равнодушно сносить никакой царапинки. Раздражительность, желчность ослѣпляли его, и въ число его литературныхъ враговъ попали такіе люди, которые заслуживали полнаго уваженія по своимъ талантамъ. Публика любитъ

пѣтушиный бой, и осыпая громкими рукоплесканьями острые и злые куплеты Писарева, она съ такимъ же удовольствіемъ читала язвительныя выходки противъ него въ Московскомъ Телеграфѣ, не разбирая, справедливы они, или нѣтъ. Публика тѣшилась, а бойцамъ была накладна эта потѣха; для Писарева, по крайней мѣрѣ, она была очень вредна. — Писаревъ говорилъ со мной много и долго, съ внутреннимъ волненіемъ, отъ котораго часъ отъ часу становился блѣднѣе. Я поспѣшилъ остановить его и успокоить, сколько могъ. Онъ хотѣлъ было остаться до 6-ти часовъ вечера, то есть, до начала спектакля, но я, подъ разными предлогами, выпроводилъ его. Я зналъ, что, оставшись со мною, онъ не пересталъ бы разсказывать мнѣ про свое прошедшее и настоящее, и не пересталъ бы волноваться.

На другой день мы отправились въ театръ. Великолѣпная театральная зала, одна изъ огромнѣйшихъ въ Европѣ, полная зрителей, блескъ дамскихъ нарядовъ, яркое освѣщеніе, превосходныя декораціи, богатство сценической постановки,—все вмѣстѣ взволновало меня болѣе вчерашняго; я долженъ признаться, что былъ очарованъ Аристофаномъ. Онъ былъ очень хорошо поставленъ на Московской сценѣ самимъ княземъ Шаховскимъ, опытнымъ знатокомъ и мастеромъ этого дѣла. Шаховской имѣлъ необыкновенное искусство пользоваться всѣми личностями,

составляющими театральную труппу, и часто актеръ, считавшійся вовсе безталантнымъ, являлся въ его піесѣ, къ общему изумленію зрителей, играющимъ свою роль очень хорошо. Я же, никогда не видавшій большой половины актеровъ и актрисъ, былъ совершенно обманутъ — и господинъ Барановъ (жалкая посредственность вездѣ), въ роли Казнодара Клеона, показался мнѣ прекраснымъ актеромъ. Щепкинъ занималъ самую ничтожную роль Созія, состоявшую изъ нѣсколькихъ строкъ; но и тутъ онъ умѣлъ такъ сказать ничего незначущій стихъ:

«Гермесъ! пѣтухъ твой улетѣлъ,»

что зрители громкимъ смѣхомъ и рукоплесканіемъ выразили свое удовольствіе. Хотя я видѣлъ Щепкина на сценѣ въ первый разъ, но по общему отзыву зналъ, что это артистъ первоклассный, и потому я замѣтилъ Писареву, что немного странно играть такую ничтожную роль такому славному актеру, какъ Щепкинъ; но Писаревъ съ улыбкою мнѣ сказалъ, что князь Шаховской всѣмъ пользуется для придачи блеска и успѣха своимъ піесамъ, и что Щепкинъ, впрочемъ, очень радъ былъ исполнить желаніе и удовлетворить маленькой слабости сочинителя, великія заслуги котораго Русскому театру онъ вполнѣ признаетъ и уважаетъ. Князь Шаховской былъ боленъ и потому не пріѣзжалъ на ту репетицію, которую я видѣлъ вчера; его не было

также и сегодня на настоящемъ представленіи; но онъ взялъ слово съ Писарева, что Писаревъ вечеромъ побываетъ у него и разскажетъ, какъ шла піеса. Мнѣ была очень понятна и пріятна такая нѣжная и безпокойная заботливость автора о своемъ произведеніи. Синецкая была очень хороша въ роли Алкиноя; но я замѣтилъ, что средства ея нѣсколько слабы для такой огромной сцены, на которой, правду сказать, никогда не слѣдовало давать комедій, а только большія оперы и балеты. Шаховской зналъ это лучше всѣхъ; но какъ его піеса была сопровождаема великолѣпнымъ спектаклемъ, то есть, множествомъ народа, пѣвцовъ, пѣвицъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, то ее и нельзя было давать на сценѣ Малаго театра. Великолѣпный спектакль — была также маленькая слабость Шаховскаго, какъ я послѣ узналъ. Мочаловъ привелъ меня въ восхищеніе. Сколько огня, сколько чувства и даже силы было въ его сладкомъ, очаровательномъ голосѣ! Какъ онъ хорошъ былъ собой и какія послушныя, прекрасныя и выразительныя имѣлъ онъ черты лица! Всѣ чувства, какъ въ зеркалѣ, отражались въ его глазахъ! Греческій хитонъ и мантія скрывали недостатки его тѣлосложенія и дурныя привычки къ извѣстнымъ движеніямъ, которыя и тогда были въ немъ уже замѣтны. Однимъ словомъ, я былъ очарованъ имъ и былъ увѣренъ, что изъ него выдетъ одинъ изъ величайшихъ артистовъ. Впрочемъ и Кокошкинъ и Писа-

ревъ также восхищались и говорили, что онъ никогда такъ хорошо не игралъ Аристофана; они приписывали удачную игру Мочалова отсутствію князя Шаховскаго, который своимъ постояннымъ наблюденіемъ и взыскательностію за каждое невѣрно сказанное слово, приводилъ въ смущеніе молодаго актера: онъ старался играть какъ можно лучше, и отъ того игралъ хуже. Узнавъ отъ Писарева, что Мочаловъ дикъ въ обществѣ порядочныхъ людей, что онъ никогда не бываетъ въ литературномъ кругу Кокошкина безъ оффиціальнаго приглашенія, я тогда же составилъ планъ сблизиться, подружиться съ Мочаловымъ, ввести его въ кругъ моихъ пріятелей у меня въ домѣ и употребить всѣ средства для его образованія, въ которомъ онъ, какъ я слышалъ, очень нуждался. Я такъ горячо этого желалъ, что не сомнѣвался въ успѣхѣ; я сообщилъ мои намѣренія Писареву, который, сомнительно покачавъ головой, сказалъ: «Дай Богъ тебѣ удачи больше, чѣмъ намъ; ты скорѣе насъ можешь это сдѣлать; ты ему не начальникъ, и твоя безкорыстная любовь къ театральному искусству придастъ убѣдительность твоимъ совѣтамъ, которые подѣйствуютъ на него гораздо лучше директорскихъ наставленій. Я увѣренъ, что Мочаловъ тебя полюбитъ — а это самое важное.» Обо всемъ этомъ я успѣлъ переговорить съ Писаревымъ во время антрактовъ, ходя съ нимъ по огромной сценѣ, представлявшей площадь въ

Аѳинахъ, въ толпѣ театральнаго народа, превращеннаго въ Грековъ, въ Вакховыхъ жрецовъ и вакханокъ. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, по окончаніи піесы, послѣ шумнаго вызова Синецкой и Мочалова, я, съ врожденною мнѣ пылкостью, бросился къ Мочалову и высказалъ ему мое восхищеніе, мои надежды, мое желаніе сблизиться съ нимъ. Въ моихъ словахъ не было недостатка въ искренности и въ неподдѣльномъ горячемъ чувствѣ. Мочаловъ не умѣлъ хорошо выражать своихъ внутреннихъ движеній, но очевидно былъ тронутъ моимъ участіемъ, и въ несвязныхъ словахъ пробормоталъ мнѣ, что сочтетъ за особенное счастіе воспользоваться моимъ расположеніемъ и что очень помнитъ, какъ любилъ и уважалъ меня его отецъ. Не смотря на мои 35 лѣтъ, я былъ еще очень молодъ, голова моя горѣла, и я въ большомъ волненіи отправился въ свою уединенную и отдаленную Таганку.

На другой день вмѣстѣ съ Кавелинымъ поѣхали мы къ П. П. Мартынову, который жилъ въ Спасскихъ казармахъ; съ нимъ также произошла значительная перемѣна, равно и съ другимъ моимъ пріятелемъ, Воропановымъ. Ровно за десять лѣтъ оставилъ я ихъ офицерами Измайловскаго полка; Мартыновъ былъ полковникомъ, служакой, а Воропановъ—капитаномъ, вовсе фрунтовой службы незнающимъ, потому что всегда находился адъютантомъ у полковаго коман-

дира. Я былъ короткимъ пріятелемъ съ обоими и, прощаясь съ ними въ Петербургѣ въ 1816 году, я убѣдительно доказывалъ, что имъ не слѣдуетъ оставаться въ гвардіи; оба не получили почти никакого образованія и не имѣли никакого состоянія. Я совѣтовалъ имъ выйдти въ армію полковыми командирами, жениться на деревенскихъ дѣвушкахъ съ состояніемъ и зажить припѣваючи, и что-же? Въ 1826-мъ году Мартыновъ служилъ гвардейскимъ бригаднымъ генераломъ, а Воропановъ командовалъ гвардейскимъ полкомъ: оба были генералъ-адъютанты. Событія 14-го Декабря выдвинули ихъ впередъ, потому что они имѣли случай показать свою преданность Государю; впрочемъ Мартыновъ, кромѣ титла извѣстнаго фрунтовика, имѣлъ много душевныхъ достоинствъ и былъ давно извѣстенъ Императору, когда онъ еще былъ Великимъ Княземъ и Шефомъ Измайловскаго полка. Личность М — ова заслуживала полнаго уваженія; но для этого надо было знать его очень коротко и примириться съ невыгодною внѣшностью. Мартыновъ былъ мой землякъ, очень меня любилъ, и обрадовался мнѣ, какъ родному. Онъ вспомнилъ, что я совѣтовалъ ему и Воропанову перейти въ армію, и, встряхнувъ своими золотыми эполетами и эксельбантомъ, засмѣявшись, сказалъ мнѣ, что предсказанія мои не сбылись и что незнаніе Французскаго языка и *грамматики* не помѣшало ему занять такое высокое мѣсто и поль-

зоваться милостью и довѣренностью Государя. Я искренно порадовался его возвышенію и пожелалъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ.

Александръ Семенычь Шишковъ былъ въ это время министромъ Народнаго Просвѣщенія. Разумѣется, я поспѣшилъ съ нимъ увидѣться. Я говорилъ уже въ одномъ изъ моихъ воспоминаній, что онъ назначилъ меня цензоромъ въ Московскомъ, будущемъ, отдѣльномъ отъ университета, цензурномъ комитетѣ, который долженъ былъ открыться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Это обстоятельство много облегчало для меня трудность Московской жизни.

Черезъ мѣсяцъ опустѣла Москва отъ пріѣзжихъ гостей. Дворъ, Дипломатической корпусъ, Министерства и гвардія воротились въ Петербургъ, и Москва приняла свой обыкновенный, будничный характеръ. Я нанялъ себѣ большой домъ на Остоженкѣ, и мало по малу начала устроиваться моя городская жизнь.

Въ продолженіе этого времени я почти ежедневно бывалъ въ театрѣ и видался съ Кокошкинымъ, Загоскинымъ и Писаревымъ. Князь Шаховской недѣли двѣ былъ боленъ и не выѣзжалъ изъ своей квартиры. Всѣ трое моихъ пріятелей, въ томъ числѣ и Кокошкинъ, котораго кн. Шаховской, какъ извѣстно моимъ читателямъ, нѣкогда бранилъ безпощадно, были съ нимъ очень дружны и хотѣли немедленно повезти меня къ нему; но я рѣшительно

отказался и объявилъ, что не намѣренъ сближаться съ Шаховскимъ. Всѣ думали, что я сержусь на него за Петербургскую нашу встрѣчу, случившуюся за десять лѣтъ, при постановкѣ на Русскую сцену Мизантропа; но это было совершенно несправедливо. Я вовсе былъ неспособенъ къ злопамятности, да и дѣло того не стоило. Мнѣ даже досадны были слова Кокошкина, который не одинъ разъ говорилъ мнѣ: «Нѣтъ, милый, ты все сердишься на Шаховскаго за меня. Повѣрь, что онъ это такъ. Онъ вѣдь пребѣшеный, и когда взбѣленится, то самъ не помнитъ, что говоритъ; а злобы у него никакой нѣтъ, и онъ предобрый, онъ всѣхъ насъ любитъ отъ всего сердца, хотя при случаѣ осердясь и укуситъ.» Загоскинъ, который о другихъ судилъ по себѣ, у котораго всѣ были прекрасные люди, распинался за честность и доброту кн. Шаховскаго. Даже Писаревъ, котораго судъ объ людяхъ былъ скорѣе строгъ, чѣмъ снисходителенъ, увѣрялъ меня, что кн. Шаховской раздражительное, но добродушное, дитя, что у него много смѣшныхъ слабостей, что онъ прежде въ Петербургѣ находился подъ управленіемъ извѣстной особы, что за нее прогнали его изъ Петербургской дирекціи, гдѣ завѣдывалъ онъ репертуарною частью, и что, переѣхавъ на житье въ Москву на свою волю, такъ сказать, онъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, то есть, самимъ собою. Но предубѣжденіе мое противъ князя Шаховскаго

было слишкомъ сильно. Онъ имѣлъ множество враговъ въ Петербургѣ, которые составили ему весьма дурную славу въ обществѣ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, я привыкъ считать кн. Шаховскаго притѣснителемъ Шушерина, интриганомъ, гонителемъ великаго таланта Семеновой, ласкателемъ, угодникомъ людей знатныхъ и сильныхъ, и наконецъ заклятымъ врагомъ Озерова, котораго онъ будто бы преслѣдовалъ изъ зависти, и даже, какъ утверждали многіе, былъ причиною его смерти. Вслѣдствіе такихъ-то предубѣжденій и слуховъ, которымъ я болѣе или менѣе вѣрилъ, сколько меня ни уговаривали — я не поѣхалъ къ Шаховскому; когда же онъ выздоровѣлъ, я старался не встрѣчаться съ нимъ, и какъ этого совершенно избѣжать было невозможно, то я отдѣлывался учтивымъ поклономъ. Общіе пріятели наши наговорили много добраго обо мнѣ Шаховскому, и онъ, еще до моего пріѣзда, желалъ коротко со мной познакомиться и подружиться. При первой встрѣчѣ у Кокошкина, онъ, какъ хозяинъ, долженъ былъ познакомить насъ съ Шаховскимъ. Не упоминая о нашей прежней, довольно близкой встрѣчѣ, мы отрекомендовались другъ другу, какъ люди, которые видятся въ первый разъ въ жизни. Шаховской впился было въ меня со всею ласковостью своей забавной болтовни, но скоро моя сухость и холодность укоротили его неумолкаемый языкъ, и онъ долженъ былъ оставить

меня въ покоѣ. При слѣдующемъ свиданіи, вторичная попытка князя Шаховскаго сблизиться со мной, также была неудачна. Я упрямился, хотя видѣлъ, что такое положеніе огорчало всѣхъ моихъ пріятелей, что оно нарушало согласный строй дружескихъ собраній всего нашего круга. Шаховской приставалъ съ разспросами къ Кокошкину, Загоскину и Писареву: что значитъ мое отчужденіе? и они были въ затрудненіи, что отвѣчать на такіе вопросы. Наконецъ Писаревъ рѣшился поступить прямо и откровенно; онъ сказалъ Шаховскому, что я, наслышавшись много дурнаго о немъ, не хочу съ нимъ войдти въ пріятельскія отношенія. Шаховской огорчился и, въ свою очередь, поступилъ также прямо: онъ пріѣхалъ ко мнѣ самъ и разсказалъ мнѣ искренно и добродушно всю исторію своей службы при Петербургскомъ театрѣ; разсказалъ мнѣ нѣсколько такихъ обвиненій противъ него, какихъ я не зналъ, и, опровергнувъ многое положительно, заставилъ меня усомниться въ томъ, чего опровергнуть доказательствами не могъ. Я былъ побѣжденъ, протянулъ руку Шаховскому, — и не имѣлъ причины раскаяваться. Съ каждымъ днемъ, узнавая короче этого добродушнаго, горячаго до смѣшнаго самозабвенія и замѣчательно талантливаго человѣка, я убѣдился впослѣдствіи, что одну половину обвиненій онъ наговорилъ и наклепалъ самъ на себя, а другая произошла отъ недоразумѣній, зависти и клеветы Петербугскаго театраль-

наго міра, оскорбленнаго, раздраженнаго нововведеніями князя Шаховскаго: ибо при его управленіи много людей, пользовавшихся незаслуженными успѣхами на сценѣ или значительностью своего положенія при театрѣ, теряли и то и другое, вслѣдствіе новой системы, какъ театральной игры, такъ и хода дѣлъ по репертуарной части. Къ этому должно прибавить, что князь Шаховской, не видя никакой возможности переучить или передѣлать на свой ладъ людей старыхъ, и даже не старыхъ, но уже закоренѣлыхъ въ старой методѣ сценическихъ традицій, выбралъ нѣсколько молодыхъ людей и образовалъ ихъ по своему. Правда, однакожъ, и то, что онъ былъ пристрастенъ къ нимъ и видѣлъ въ нихъ великіе таланты, тогда какъ они имѣли отъ природы мало дарованій. Впрочемъ, тѣмъ болѣе чести имъ. Они, подъ руководствомъ болѣе свѣтлаго, истиннаго взгляда на искусство, переданнаго имъ княземъ Шаховскимъ, умѣли сдѣлать изъ себя такихъ артистовъ, которые долго были украшеніемъ Петербургской сцены и пользовались въ свое время громкою славою и полнымъ сочувствіемъ снисходительной и благодарной Петербургской публики. Это поучительный примѣръ для людей съ положительнымъ талантомъ, блистательно начинающихъ, и потомъ отъ лѣни, неуваженія къ труду, отъ непониманія искусства, переходящихъ въ жалкую посредственность. Я знаю, что и теперь, назвавъ актеровъ, любимцевъ князя

Шаховскаго по имени, я вооружу противъ себя большинство прежнихъ любителей театральнаго искусства; но, говоря о предметѣ столь любезномъ и дорогомъ для меня, я не могу не сказать правды, въ которой убѣжденъ по совѣсти. Эти актеры были: Брянскій, Сосницкій, г-жи Валберхова и Е—ва. Первые трое, лично ни въ чемъ не виноватые, возбуждали только зависть; но послѣдняя госпожа была самою главною причиною дурной славы князя Шаховскаго. Имѣя на него большое вліяніе, она умѣла раздражать его, а въ раздраженіи Шаховской бывалъ иногда несправедливъ, и на словахъ, и на дѣлѣ. Всего хуже было то, что Шаховской, не смотря на свою вспыльчивость, проходившую мгновенно, не умѣлъ, не смѣлъ и не могъ обуздать неизвинительныхъ поступковъ этой женщины: все это падало на князя Шаховскаго, и, конечно, всѣ имѣли полное право обвинять его.

Возвращаюсь къ моему разсказу. Къ общему удовольствію нашего круга, объяснившись, мы сошлись съ Шаховскимъ очень скоро и сдѣлались короткими пріятелями. Почти весь нашъ кругъ былъ составленъ изъ людей, служащихъ при театрѣ, пишущихъ для театра и театраловъ по охотѣ. Присутствіе кн. Шаховскаго, поселившагося въ Москвѣ на неопредѣленное время, перваго драматическаго писателя, перваго знатока въ сценическомъ дѣлѣ, преданнаго ему всѣмъ существомъ своимъ, — еще болѣе всѣхъ оду-

шевляло Хотя Кокошкинъ самъ очень любилъ ставить піесы на сцену, но онъ благодушно признавалъ превосходство кн. Шаховскаго, называлъ его «первымъ сценическимъ мастеромъ,» и уступалъ ему свои права. Это время можно назвать однимъ изъ лучшихъ для Московскаго театра: Щепкинъ, въ полной зрѣлости своего таланта, работая надъ собою буквально и день и ночь, съ каждымъ днемъ шелъ впередъ и приводилъ всѣхъ насъ въ восхищеніе и изумленіе своими успѣхами. Можетъ быть, публика этого и не замѣчала; но мы, страстные любители театра и внимательные наблюдатели, видѣли, что съ каждымъ представленіемъ даже старыхъ піесъ, Щепкинъ становился лучше и лучше. Блестящій, ослѣпительный и увлекательный талантъ Мочалова развивался, безъ его вѣдома, всегда неожиданно и не тамъ, гдѣ можно было надѣяться этого развитія. Онъ приводилъ насъ то въ восторгъ, то въ отчаяніе. Самъ князь Шаховской впослѣдствіи боялся давать ему совѣты и часто говорилъ: «бѣда, если Павелъ Степанычь начнетъ разсуждать; онъ только тогда и хорошъ, когда не разсуждаетъ, и я всегда прошу его только объ одномъ, чтобы онъ не *старался* играть, а старался только не думать, что на него смотритъ публика. Это геній по инстинкту; ему надо выучить роль и съиграть; попалъ, такъ выдетъ чудо; а не попалъ, такъ выйдетъ дрянь.» И такое опредѣленіе было совершенно справедливо. Сабуровъ и Рязанцевъ,

особенно послѣднiй, оба имѣли драгоцѣнное и рѣдкое качество на сценѣ: веселость. Впрочемъ, Рязанцевъ былъ гораздо выше по таланту; въ его игрѣ была такая простота, такая естественность, какой тогда еще не видывали. Онъ имѣлъ одинъ недостатокъ, мало замѣтный по комическому характеру его ролей: игра его была холодновата; но говорятъ, что впослѣдствiи, уже въ Петербургѣ, у него начинала проявляться теплота и одушевленiе представляемаго лица. Если это правда, то Рязанцевъ долженъ былъ достигнуть степени великаго артиста. Отчетливая, умная, благородная игра Синецкой, которой вредили иногда совѣты Кокошкина, свѣжее дарованiе Рѣпиной, прекрасная старуха и баба-хлопотунья — Кавалерова, Лавровъ, Степановъ и другiе, менѣе замѣчательныя дарованiя,— не говорю о богатыхъ надеждахъ театральной школы, иногда появлявшихся на публичномъ театрѣ, — все это вмѣстѣ придавало Московской сценѣ высокое достоинство. Водевили Писарева разыгрывались съ неподражаемымъ совершенствомъ. Публика горячо сочувствовала и сочинителямъ и актерамъ, и въ партерѣ театра было такъ же много жизни и движенiя, какъ и на сценѣ.

Загоскинъ, съ такимъ блестящимъ успѣхомъ начавшiй писать стихи, хотя они стоили ему неимовѣрныхъ трудовъ, заслужившiй общiя единодушныя похвалы за свою комедiю въ одномъ дѣйствiи, подъ

названіемъ: «Урокъ холостымъ или наслѣдники» — (*) рѣшился написать большую комедію въ четырехъ актахъ, а именно: «Благородный театръ.» Мы были съ нимъ очень дружны и онъ первому мнѣ

(*) Послѣ блестящаго успѣха этой комедіи на сценѣ, когда всѣ пріятели съ искренней радостью обнимали и поздравляли Загоскина съ торжествомъ, добродушный авторъ, упоенный единодушнымъ восторгомъ, обнявъ каждаго такъ крѣпко, что щедушному Писареву были не въ терпежъ такія объятія, сказалъ ему: «Ну-ка, душенька, напиши-ка эпиграмму на моихъ «наслѣдниковъ!» — «А почему же нѣтъ,» отвѣчалъ Писаревъ, и черезъ минуту сказалъ слѣдующіе четыре стиха:

Комическій давнишній проповѣдникъ
«Наслѣдниковъ» недавно написалъ,
И очевидно доказалъ,
Что онъ Мольеровъ не наслѣдникъ.

Громкій смѣхъ и одобреніе встрѣтили эту импровизированную эпиграмму, и можно себѣ представить, какъ былъ озадаченъ Загоскинъ. Писаревъ особенно отличался необыкновенной находчивостью, быстротой своихъ эпиграммъ, сказанныхъ или написанныхъ, часто въ одну минуту, безъ всякаго приготовленія. Вотъ еще случай въ доказательство моихъ словъ: послѣ одного изъ предварительныхъ засѣданій Общества Любителей Русской Словесности при Московскомъ Университетѣ, въ которомъ было читано переложеніе нѣсколькихъ псалмовъ М. А. Дмитріева, члены стали хвалить ихъ, но Писаревъ молчалъ. Спросили его мнѣнія, и онъ, взявъ лежащій передъ нимъ листокъ бумаги, написалъ слѣдующее:

Шатровъ и Дмитріевъ, Полимніи сыны,
Давида вызвали изъ гроба.
Какъ переводчики, хоть тѣмъ они равны,
Что хуже подлинника оба.

открылся въ своемъ намѣреніи. Эта комедія долго его занимала. Онъ имѣлъ возможность сдѣлать много наблюденій по предмету ея содержанія и заранѣе придумалъ множество забавныхъ сценъ и даже множество отдѣльныхъ стиховъ съ звучными и трудными риѳмами, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ,— а между тѣмъ твердаго плана комедіи у него не было; я убѣдилъ его, чтобъ онъ непремѣнно написалъ, такъ сказать, остовъ піесы, и потомъ уже, слѣдуя своему плану, пользовался придуманными имъ сценами и стихами. Загоскинъ послушался меня, писалъ нѣсколько дней — и ничего не написалъ. Разсердился, разбранилъ меня за мой совѣтъ, себя — за то, что послѣдовалъ ему, и рѣшился засѣсть за работу безъ всякаго плана и писать, что ему придетъ въ голову. Трудно себѣ вообразить, какихъ тяжелыхъ усилій стоилъ ему каждый стихъ. Вотъ была по истинѣ Египетская работа. У Загоскина не было музыкальнаго уха и онъ никакъ не могъ различить пятистопнаго стиха отъ семистопнаго, и пожалуй отъ восьмистопнаго. Часто приходилъ онъ въ бѣшенство, когда въ написанныхъ имъ стихахъ, стоившихъ ему продолжительной работы и которыми наконецъ онъ былъ очень доволенъ — вдругъ находилъ я, то пять съ половиною стопъ вмѣсто шести, то семь вмѣсто шести съ половиной, то неправильное сочетаніе риѳмъ, то цезуру не на мѣстѣ.... Часто горячился онъ, сердился, и даже не вѣрилъ мнѣ. Нерѣдко случалось, что

не было другаго средства убѣдить его, какъ раздѣлить стихъ черточками на слога и стопы. Даже при такомъ очевидномъ доказательствѣ, иногда Загоскинъ спорилъ, и наконецъ я уговорилъ его призвать на помощь еще Писарева, которому въ этомъ отношеніи онъ совершенно вѣрилъ и съ котораго взялъ честное слово не открывать никому секрета, какъ онъ пишетъ комедію. Нельзя повѣрить, читая его прекрасные, звучные и свободные стихи, чтобъ они выковывались такъ медленно и такъ тяжело и такимъ человѣкомъ, который былъ совершенно лишенъ музыкальнаго уха для стиховъ: Загоскинъ писалъ свою комедію слишкомъ годъ и она явилась на сценѣ только 29 Декабря 1827 года.— Кокошкинъ также начиналъ писать большую комедію въ стихахъ, подъ названіемъ: «Воспитаніе,» и еще до моего пріѣзда перевелъ комедію Делавиня «Урокъ старикамъ,» которая давалась съ большимъ успѣхомъ на сценѣ. — Писаревъ переводилъ водевиль «Дядя на прокатъ» для бенефиса капельмейстера Шольца; водевиль этотъ долженъ былъ идти въ первыхъ числахъ Генваря наступающаго 1827 года; но Писаревъ уже чувствовалъ, что пора приняться за что-нибудь болѣе серьезное, болѣе достойное его таланта, «пора перестать набивать руку,» какъ онъ самъ говаривалъ, «на водевильныхъ куплетахъ,» хотя они очень нравились публикѣ. У него былъ задуманъ планъ большой комедіи «Христофоръ Ко-

лумбъ.» Онъ постоянно обработывалъ его и уже написалъ прологъ (*). — Князь Шаховской и подавно не оставался празднымъ. Кромѣ большой комедіи-водевиль «Притчи или Езопъ у Ксанфа», подражаніе Французскому, онъ задумалъ написать трагедію «Смольяне,» которая и была впослѣдствіи написана, и даже сыграна, но никакого успѣха не имѣла.

Весь пылъ полемическихъ схватокъ Писарева съ издателемъ Телеграфа происходилъ безъ меня; тѣмъ не менѣе враждебность была и теперь въ полной силѣ въ обѣихъ сторонахъ. Прекратились выходки Писарева въ остроумныхъ куплетахъ на Полеваго и кн. Вяземскаго, возбуждавшихъ страшный шумъ въ театрѣ, который выражалъ борьбу двухъ партій; но не прекратилось взаимное ожесточеніе и росла взаимная неправость обѣихъ сторонъ. Кругъ людей, въ которомъ я жилъ, былъ весь противъ Полеваго, и я съ искреннею горячностью раздѣлялъ его убѣжденіе. Теперь можно хладнокровно разсуждать о прошедшемъ и находить даже пользу въ существованіи Московскаго Телеграфа—пользу отрицанія. Отрицаніе было необходимо, и Полевой, имѣвши много Русской смѣтливости, ловкости, не лишенный даже нѣкотораго дарованія, служилъ выраженіемъ этого отрицанія. Онъ

(*) Писаревъ успѣлъ написать только одинъ актъ этой комедіи, который и былъ напечатанъ послѣ его смерти, въ 1830 году въ Московскомъ Вѣстникѣ, выходившемъ тогда сборниками.

ничего почти не сказалъ новаго, *своего*; все было болѣе или менѣе извѣстно во всѣхъ кругахъ образованныхъ обществъ, обо всемъ этомъ говорили и спорили Московскіе литераторы; но Полевой первый заговорилъ объ этомъ печатно, и заговорилъ съ тою рѣшительною дерзостью, къ которой бываетъ способно самонадѣянное, поверхностное знаніе дѣла и которая въ тоже время всегда имѣетъ успѣхъ. Очень пріятно низвергать съ высоты почетныя имена, ломать давно утвердившіяся репутаціи — и жадно бросается молодость на такой строгій судъ, совершающійся во имя правды! Самые тѣ люди, которые давно уже, хотя, можетъ быть, не ясно, не положительно, имѣли подобныя мысли, обрадовались, увидя ихъ въ печати, и даже сочли новыми. Объ остальной публикѣ нечего и говорить. Большинство было на сторонѣ Полеваго; но торжество Телеграфа еще болѣе, и законно, раздражало его противниковъ, и доводило ожесточеніе до крайнихъ предѣловъ. Впрочемъ, должно сказать, въ извиненіе имъ, что тяжело, оскорбительно было видѣть, какъ самоувѣренно судилъ Полевой, часто о такихъ предметахъ, о которыхъ онъ не имѣлъ надлежащаго понятія. Самая правда, которую онъ все же иногда высказывалъ, какъ человѣкъ умный, была подъ его перомъ также невыносима для его противниковъ и также раздражала. Я не намѣренъ распространяться объ этой полемикѣ, которая впослѣдствіи вышла изъ всякихъ

предѣловъ приличія и сдѣлалась вовсе не литературною. Я самъ былъ, къ сожалѣнью, однимъ изъ наиболѣе раздраженныхъ, слѣдственно и не всегда справедливыхъ, дѣятелей и неохотно вспоминаю объ этомъ времени; притомъ же еще нельзя говорить обо всемъ откровенно: еще живутъ многіе, принимавшіе горячее участіе въ этой борьбѣ, или слишкомъ близкіе къ бойцамъ, погибшимъ рановременно.

16-го Декабря, въ бенефисъ актера Воеводина, была дана комедія-водевиль кн. Шаховскаго, о которой я уже говорилъ: «Притчи или Езопъ у Ксанфа.» Содержаніе піесы, совершенно чуждое нашей жизни, мало имѣло достоинства, и только умѣнье кн. Шаховскаго: все приладить къ Русской сценѣ, сообразно со средствами актеровъ и актрисъ, дало успѣхъ этой комедіи или водевилю. Разумѣется, Щепкинъ игралъ Езопа, и съ большимъ искусствомъ читалъ басни въ стихахъ, взятыя у Езопа Французскими и Нѣмецкими баснописцами и отъ нихъ уже перешедшія въ Русскую литературу. Тутъ были басни Хемницера, И. И. Дмитріева и Крылова, о высокомъ достоинствѣ которыхъ говорить не нужно. Еще съ большимъ искусствомъ передавалъ Щепкинъ лукавство раба, который изобрѣлъ притчу, какъ средство выражать передъ своимъ властелиномъ свою потаенную мысль, которую прямо сказать нельзя. Много работалъ надъ этой ролью Щепкинъ, чтобъ, по возможности, скрыть

себя, свою горячность и свои пріемы подъ личиною Езопа. Кн. Шаховской и всѣ мы съ восхищеніемъ смотрѣли на этого истиннаго артиста, который трудился неутомимо. Но Шаховской не былъ имъ вполнѣ доволенъ и увѣрялъ меня, что Петербургскій актеръ, Брянскій, въ этой роли гораздо лучше. Впослѣдствіи я видѣлъ Брянскаго въ Езопѣ, и не согласенъ съ Шаховскимъ. Точно, у Брянскаго было больше простоты, ибо Щепкинъ никогда не могъ отдѣлаться вполнѣ отъ искусственности, которая была слышна въ самой естественной игрѣ его; точно, нѣкоторыя басни Брянскій читалъ гораздо лучше; но уже во всемъ остальномъ не было сравненія; зритель не видѣлъ и не слышалъ въ немъ, не смотря на покорную наружность, — хитраго, тонкаго, лукаваго раба, кипящаго внутреннимъ негодованіемъ. А въ этомъ-то и былъ превосходенъ Щепкинъ. Въ томъ же Декабрѣ было два бенефиса: Мочаловъ далъ Поликсену, трагедію Озерова, а Синецкая—большую комедію въ стихахъ, въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненія Головина, подъ названіемъ: «Писатели между собой.» Обѣ піесы не имѣли успѣха. Синецкая была не Клитемнестра, да и Мочаловъ не Ахиллесъ, хотя нѣкоторые порывы и страстныя движенія были выражены имъ прекрасно. Не помогли и блестящіе стихи Озерова, тогда еще всѣхъ приводившіе въ восхищеніе. Такъ называемая классическая трагедія начинала уже колебаться и сходить со сцены. Комедія же

Головина вполнѣ доказала, что одинъ наборъ словъ и мыслей, высказанныхъ въ довольно гладкихъ и бойкихъ стихахъ,—еще ничего не значитъ. Въ Октябрѣ 1826 года вышелъ драматическій альбомъ съ нотами, изданный Верстовскимъ и Писаревымъ.

Собственно съ 1827 года началась въ Москвѣ эта изумительная, театральная дѣятельность князя Шаховскаго. Въ прошедшемъ году онъ поставилъ на Московскую сцену также довольно піесъ, но уже игранныхъ на Петербургскомъ театрѣ. Замѣчательнѣе другихъ были: опера «Сусанинъ,» водевили: «Ломоносовъ,» «Пурсоньякъ-Фалелей», «Ворожея» и «Фениксъ или утро журналиста;» а изъ комедій — «Пустодомы» и «Аристофанъ.» Въ 1827-мъ же году, онъ безпрестанно писалъ и ставилъ новыя піесы. Эта напряженная дѣятельность, эта безпрерывная работа во всѣхъ родахъ драматическихъ сочиненій, безъ сомнѣнія были вредны цѣльности таланта и правильности его развитія. Отчасти это проистекало отъ добродушнаго и легкаго характера: Шаховской не могъ отказать никому изъ актеровъ или актрисъ, которые, разумѣется, во зло употребляли его снисходительность. Онъ безпрестанно сочинялъ, переводилъ или передѣлывалъ для ихъ бенефисовъ оперы, водевили, комедіи, трилогіи, романтическія зрѣлища и проч. и проч. Довольно прослѣдить съ точностью его авторскую производительность только

въ 1827 году (*); изъ этого можно будетъ сдѣлать посылку на всѣ прежніе года его Петербургской дѣятельности. Какой замѣчательный и даже серьезный талантъ не растратится на такія мелочныя и

(*) Въ Генварѣ 1827 года, въ бенефисъ г-жи Борисовой, Шаховской поставилъ новую свою піесу, подъ названіемъ: «Керимъ-Гирей, трилогія,» написанную по большой части прекрасными стихами. Содержаніе онъ взялъ изъ Бахчисарайскаго Фонтана Пушкина и даже мѣстами удержалъ его стихи. Въ томъ же Генварѣ, въ бенефисъ г-жи Синецкой, онъ поставилъ комедію-балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ, подражаніе Шекспиру, подъ названіемъ: «Батюшкина дочка или нашла коса на камень,» и сцены: «Ермакъ, представленіе, взятое изъ сочиненій И. И. Дмитріева.» Въ Апрѣлѣ, въ бенефисъ сиротъ Рыкалова, были даны въ первый разъ: «Буря, волшебное романтическое зрѣлище въ 3-хъ дѣйствіяхъ, изъ Шекспира,» и «Адвокатъ или любовь живописецъ,» водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, подражаніе Мольеру.» Обѣ піесы принадлежали кн. Шаховскому. Въ Маѣ мѣсяцѣ, въ бенефисъ двумъ танцовщицамъ, Е. Ивановой и Заборовской, нисколько не замѣчательнымъ, опять были даны двѣ піесы кн. Шаховскаго: «Урокъ женатымъ, комедія въ одномъ дѣйствіи въ вольныхъ стихахъ» и «Бенефиціантъ», комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Въ Іюнѣ, въ бенефисъ г-на Баранова, актера вовсе безталаннаго, но выбраннаго въ прошломъ году кн. Шаховскимъ для выполненія роли Казнодара Клеона въ комедіи Аристофанъ, и какимъ-то чудомъ сыгравшаго эту роль очень удачно, написалъ и поставилъ кн. Шаховской: «Восковыя фигуры или волшебная механика,» интермедія-водевиль. Въ этомъ же Іюнѣ, въ бенефисъ Сабуровыхъ, была дана новая и очень забавная комедія въ одномъ дѣйствіи кн. Шаховскаго: «Фальстафъ,» заимствованная изъ Шекспира. Въ Августѣ, въ бенефисъ самой ничтожной актрисы, Баранчеевой, игравшей наперсницъ въ трагедіяхъ, кн. Шаховской поставилъ (конечно, изъ одной жалости) свою новую піесу, подъ названіемъ: «Привидѣніе или разоренный замокъ.» Въ

часто пустыя произведенія! Чтобы сдѣлать бенефисныя піесы заманчивыми для публики, Шаховской прибѣгалъ къ помощи музыки, танцовъ, декорацій и даже превращеній. На упреки за такую смѣсь, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «всѣ искусства — братья и должны помогать на сценѣ одинъ другому».

Чтобы имѣть о князѣ Шаховскомъ полное понятіе, надобно было видѣть, какъ онъ ставилъ на сцену піесу, свою или чужую — это все равно. Я безпрестанно это видѣлъ и всегда съ любопытствомъ и удовольствіемъ. Конечно, если бы перенесть человѣка, чуждаго театральному дѣлу и равнодушнаго къ театральному искусству, на сцену или въ одну изъ боковыхъ залъ, гдѣ идетъ репетиція піесы при кн. Шаховскомъ, — то онъ бы расхохотался и счелъ его за сумасшедшаго; даже я, тогда еще страстно любившій театръ, иногда не могъ удерживаться отъ

Ноябрѣ, въ бенефисъ Сабуровыхъ, опять шла новая піеса Шаховскаго: «Молодая мать и женихъ въ 48 лѣтъ или домашній спектакль, комедія-водевиль въ 4-хъ дѣйствіяхъ, переводъ съ Французскаго. Наконецъ 1-го Декабря, въ бенефисъ Мочалова, была дана огромная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ кн. Шаховскаго, подъ названіемъ: «Судьба Ниджеля или все бѣда для несчастнаго,» взятая изъ извѣстнаго романа Вальтеръ-Скота. Эта піеса было точно несчастная. Она была такъ длинна и скучна, хотя многія отдѣльныя сцены были, прекрасны, что въ 4-мъ дѣйствіи зрители начали разъѣзжаться. Убѣдительное доказательство, что превосходный романъ, облеченный въ драматическія формы, можетъ быть скученъ до невѣроятности. — И такъ вотъ сколько разнородныхъ піесъ написалъ и поставилъ на сцену кн. Шаховской въ одинъ годъ!

смѣха; — но за то часто я восхищался Шаховскимъ. Весь проникнутый любовью къ искусству, не чувствуя ни жара, ни холода, не видя окружающихъ его людей, ничего не помня, кромѣ репетируемой піесы, никого не зная, кромѣ представляемаго лица, — Шаховской часто былъ великолѣпенъ, не смотря на свою смѣшную, толстую фигуру, свой длинный птичій носъ, визгливый голосъ и картавое произношеніе. По вспыльчивости своей, онъ часто выходилъ изъ себя; но бѣшенство его не всегда и не вдругъ обнаруживалось неистовыми криками, воплями или бормотаньемъ никѣмъ не понимаемыхъ словъ; нѣтъ, нерѣдко сначала оно скрывалось подъ напряженнымъ спокойствіемъ, равнодушіемъ, шутками, и потомъ уже слѣдовалъ взрывъ и полное самозабвеніе; въ этихъ-то принужденныхъ шуткахъ подавленнаго бѣшенства — Шаховской былъ неподражаемо забавенъ. Можно было бы разсказать множество истинныхъ происшествій въ доказательство справедливости моихъ словъ; но эти анекдоты потеряютъ много въ разсказѣ, потому что никакое точное описаніе не можетъ дать настоящаго понятія о личности незабвеннаго кн. Шаховскаго: эти анекдоты надобно разыгрывать, а не разсказывать. Я попытаюсь, однако, передать моимъ читателямъ одну изъ безчисленныхъ выходокъ нашего комика, которая случилась именно въ этомъ году. Въ Москву пріѣхала изъ Петербурга г-жа Ежова, чтобы сыграть

нѣсколько разъ въ пользу Московской дирекціи и потомъ получить бенефисъ, какъ это обыкновенно водилось, да и теперь водится. Въ репертуарѣ г-жи Ежовой, между прочимъ, назначена была небольшая опера «Любовная почта,» уже нѣсколько лѣтъ сочиненная кн. Шаховскимъ и давно не игранная на Московской сценѣ. Сочинитель ея думалъ, что г-жа Ежова — совершенство въ этой піесѣ, и непремѣнно требовалъ, чтобъ ее сыграли. Актеры подучили свои роли, назначили репетицію, и мы съ Писаревымъ отправились въ театръ вмѣстѣ съ кн. Шаховскимъ. Онъ съ самаго начала былъ уже недоволенъ плохимъ знаніемъ ролей и вялымъ ходомъ репетиціи; она шла на сценѣ большаго театра. Сначала, кн. Шаховской нѣсколько разъ вскакивалъ съ своихъ креселъ, подбѣгалъ то къ тому, то къ другому актеру или актрисѣ, стараясь ласкою, шуткою и собственнымъ одушевленіемъ — оживить, поднять тонъ дѣйствующихъ лицъ; такъ одному говорилъ онъ: «Василій Петловичь, ты, кажегся, усталъ; вѣлно позавтлакалъ и хочешь уснуть. Вѣдь ты не слыхалъ, что тебѣ сказалъ Өедоръ Антонычь. Вѣдь онъ тебя обидѣлъ, а ты не сердишься».... Тутъ Шаховской начиналъ повторять прерванную рѣчь изъ роли Василья Петровича, немилосердно коверкая и совершенно перевирая слова собственной своей піесы. — Трудно было удержаться отъ смѣха. — Молодая актриса, игравшая роль любовницы, гово-

рила съ спокойнымъ видомъ, какъ показалось кн. Шаховскому, о своемъ весьма затруднительномъ положенiи. Шаховской вспыхнулъ: «дусенька, закричалъ онъ, ну какъ же тебѣ не стыдно, какъ же тебѣ не глѣшно, вѣдь тебѣ совсѣмъ не жаль человѣка, который тебя такъ любитъ, ты вѣлно забыла о немъ, вѣдь ты подумала, что сказываешь урокъ своей мадамѣ (*), а ты вообрази, что это NN,» — и онъ назвалъ по имени человѣка, къ которому, какъ думали, была неравнодушна молодая актриса.... Тутъ уже никто не могъ удержаться отъ смѣха. — Вялое пѣнье хора, тогда какъ онъ долженъ былъ выражать живое и горячее волненiе, окончательно взбѣсило Шаховскаго. Онъ бросился въ толпу хористовъ, передразнивая то того, то другаго, называя ихъ блинниками, сапожниками, и показывая собственнымъ примѣромъ, какъ надобно пѣть и выражать живое сочувствiе къ тому, что поешь. Это было уже до того смѣшно, что мы съ Писаревымъ уходили хохотать за кулисы. Наконецъ, видя безуспѣшность своихъ старанiй, Шаховской присмирѣлъ, впалъ въ нѣмое отчаянiе и уже не говорилъ ни одного слова. Репетицiя тянулась, по прежнему, вяло. Игрою Катерины Ивановны Ежовой, кн. Шаховской также былъ не доволенъ и тихо бормоталъ, что не узнаетъ ее. Вдругъ пришла сцена, въ которой Ежова долж-

(*) Актриса была изъ театральной школы.

на была пѣть какую-то длинную арію. Актриса нѣсколько разъ ошибалась. Шаховской, сидя въ креслахъ, только кланялся ей при всякой ошибкѣ; онъ молчалъ, но лице его выражало такую комическую скорбь, что по истинѣ было и жалко и смѣшно смотрѣть на него. Хотя г-жа Ежова коротко знала автора по Петербургской сценѣ, привыкла къ его безумнымъ вспышкамъ, и будучи неуступчиваго нрава, никогда ему не покорялась, а напротивъ, заставляла его плясать по своей дудкѣ; но въ Петербургѣ она была дома, какъ будто въ своей семьѣ, — здѣсь же совсѣмъ другое дѣло: она сама пріѣхала въ гости въ Москву, и сцена большаго Петровскаго театра, полная разнаго народа, казалась ей чужой гостиной. Ежова видимо сконфузилась наружнымъ спокойствіемъ Шаховскаго, зная, что эта тишина передъ бурей, забыла роль, и когда опять пришлось ей пѣть — запѣла стихи изъ другой оперы.... Кн. Шаховской незамѣтно сползъ съ своихъ креселъ, сталъ на колѣни и повалился ей въ ноги. Репетиція остановилась. Шаховской долго не перемѣнялъ своего положенія, бормоча самымъ жалостливымъ, пискливымъ голосомъ: «Господи, за что Ты меня наказуешь! Помилуй меня грѣшнаго! Покорнѣйше благодарю, матушка, Катерина Ивановна».... и вдругъ, вскочивъ съ бѣшенствомъ разъяреннаго тигра, завопилъ дикимъ, не человѣческимъ, какимъ-то калибановскимъ голосомъ: «такъ это свои-то? свои-то?.. Сначала! До завтра,

сначала!..» Это, наконецъ, становилось уже не смѣшно. На сценѣ было холодно, всѣ были въ шубахъ, въ шляпахъ или шапкахъ; Шаховской въ одномъ фракѣ и съ открытой головой; лице его горѣло, слезы и потъ катились по щекамъ и паръ стоялъ надъ его лысиной. Тогда мы всѣ бросились къ нему, стараясь его успокоить — и какъ легко это было. Въ одну минуту прошло его бѣшенство, онъ просилъ прощенья у всѣхъ и самъ первый смѣялся надъ своими выходками. Никто не сердился, охотно простили авторскую горячность, возобновили репетицію сначала, и она сошла гораздо лучше. Одна Катерина Ивановна не простила, и цѣлый день при насъ язвила своимъ неумолимымъ языкомъ, смирнаго уже какъ овечка, жалкаго кн. Шаховскаго. — Таковъ былъ этотъ человѣкъ, на котораго такъ много наклеветали добрые люди и который, конечно, болѣе всѣхъ наклепалъ на себя самъ. Я слыхалъ на него обвиненія въ томъ, что всегда было противно его чувствамъ и убѣжденіямъ. Я слышалъ, напримѣръ, что Шаховскаго называли невѣрующимъ, а онъ былъ не только вѣрующій, но очень богомольный человѣкъ, даже немножко ханжа, что́ не мѣшало, впрочемъ, проявляться иногда его невинному дѣтскому кощунству, остатокъ недавней эпохи, уже изчезавшій. Я самъ сначала, замѣтивъ его нѣкоторыя выходки, не хотѣлъ вѣрить, что онъ такъ богомоленъ. Одинъ разъ Писаревъ спросилъ меня: знаю ли я, отъ чего у Шаховскаго

на лбу коричневое пятно? Я отвѣчалъ, что не знаю, и Писаревъ разсказалъ мнѣ, что кн. Шаховской каждый день, особенно по ночамъ, по нѣскольку часовъ молится Богу; а какъ ему по толщинѣ почти невозможно кланяться въ землю, то онъ обыкновенно стоитъ на колѣняхъ и даже иногда лежитъ въ растяжку, и крестя свой лобъ, стукается имъ объ полъ. Я посмѣялся и сказалъ, что это выдумка; но въ непродолжительномъ времени вотъ что я увидѣлъ своими глазами: Шаховской любилъ въ короткомъ пріятельскомъ обществѣ играть въ карты; мы съ Писаревымъ — тоже. У насъ образовалась карточная пріятельская игра. Къ намъ пристали Загоскинъ, Кокошкинъ и другіе. Обыкновенно мы играли въ «Мушку»; главнымъ интересомъ игры была горячность Шаховскаго и Загоскина; нерѣдко они до того ссорились, что, казалось, и помириться нельзя; но чрезъ нѣсколько минутъ они были друзья по прежнему. Одинъ разъ заигрались мы часовъ до двухъ утра. Простившись поспѣшно съ хозяиномъ, мы разъѣхались въ разныя стороны; со мной былъ Писаревъ; недалеко отъѣхавъ, я вспомнилъ, что забылъ у Шаховскаго въ кабинетѣ нужную мнѣ книгу; я воротился; по обыкновенію, никого не нашелъ въ лакейской, а также и въ залѣ; заглянулъ къ хозяину къ кабинетъ и увидѣлъ, что онъ буквально лежитъ въ растяжку, шепчетъ молитву и стукается лбомъ объ полъ. Я не захотѣлъ его

встревожить, безъ книги воротился къ Писареву и сказалъ ему, что онъ совершенно правъ на счетъ коричневаго пятна.

Мнѣ пришелъ теперь на память очень смѣшной случай, почти современный сейчасъ мною разсказанному, который могъ бы соблазнить всякаго добраго человѣка, не коротко знавшаго кн. Шаховскаго, насчетъ его православія. Я уже говорилъ, что Мочаловъ, то восхищалъ, то огорчалъ насъ своей игрой. Одинъ разъ, когда давали комедію «Пустодомы», кн. Шаховской какъ-то опоздалъ и пріѣхалъ въ директорскую ложу Кокошкина, къ концу перваго акта. Мы поспѣшили ему сказать, что сегодня Мочаловъ безподобенъ, и Шаховской сѣлъ такъ, чтобъ его не было видно. Зрителей было мало; Мочаловъ игралъ, какъ говорится, спустя рукава, и былъ неподражаемо хорошъ. Какая натура, какая правда, простота, тонкость въ малѣйшихъ изгибахъ, въ малѣйшихъ оттѣнкахъ человѣческой рѣчи, человѣческихъ ощущеній! Мы были просто поражены совершенствомъ его игры. Чтобъ не смущать Мочалова, Шаховской не показывался, а мы рѣшились даже не ходить на сцену во время антрактовъ, какъ это обыкновенно бывало. Въ продолженіе всей комедіи кн. Шаховской, то бѣсновался отъ восторга, то умилялся до слезъ. По окончаніи піесы, мы поспѣшили въ уборную, гдѣ переодѣвался Мочаловъ, и восхищенный авторъ едва не бросился передъ нимъ

на колѣни. Шаховской обнималъ, цѣловалъ въ голову удивленнаго, недовольнаго собою Мочалова и дрожащимъ отъ радости голосомъ говорилъ: «Тальма?— какой Тальма! Тальма въ слуги тебѣ не годится: ты былъ сегодня Богъ!»— Черезъ нѣсколько дней послѣ этого спектакля, когда Шаховской находился еще въ упоеніи отъ игры Мочалова въ роли князя Радугина, пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга какой-то значительный господинъ, знатокъ и любитель театра, давнишній пріятель князя Шаховскаго. При первомъ разговорѣ о театрѣ, Петербургской гость выразился какъ-то съ неуваженіемъ о талантѣ Мочалова. Шаховской вспыхнулъ, превознесъ Московскаго актера похвалами, и чтобъ совершенно убѣдить своего стариннаго пріятеля, упросилъ Кокошкина повторить комедію «Пустодомы.» Зная хорошо Мочалова, мы скрыли отъ него причину скораго повторенія комедіи, и, чтобы лучше обмануть и не смущать его, Шаховской даже не поѣхалъ на репетицію. Въ день представленья, мы всѣ собрались у Кокошкина въ ложѣ; Петербургскаго гостя усадили на почетномъ мѣстѣ; Шаховской былъ веселъ; но вдругъ смутился, когда кто-то прочелъ вслухъ афишу: вмѣсто Ширяева, который очень хорошо игралъ роль Радимова, дебютировалъ въ ней, переходившій изъ Петербурга на Московскую сцену, актеръ Максинъ старшій. Шаховской очень поморщился, потому что не жаловалъ этого актера, и пробормоталъ себѣ подъ носъ: «боюсь,

боюсь я его плоповѣди.» Но Кокошкинъ поспѣшилъ его успокоить, увѣряя честнымъ словомъ, что Максинъ будетъ лучше, что онъ самъ имъ занимался. Но увы, бѣда произошла не отъ Максина: Мочаловъ какъ-то узналъ, что его будетъ смотрѣть значительная особа изъ Петербурга, узналъ, что Шаховской хочетъ похвастаться его игрою и — *постарался*.... онъ былъ невыносимо дуренъ. Шаховской бѣсился, приписывая эту перемѣну новому актеру, который, правду сказать, былъ очень нелѣпъ въ своей роли. Каждое его слово и движеніе осыпалъ Шаховской бранью и проклятіемъ. Наконецъ совершенно вышелъ изъ себя, и когда Максинъ подошелъ поближе къ директорской ложѣ, Шаховской, будучи уже не въ состояніи говорить, — началъ высовываться изъ ложи и дразнить языкомъ бѣднаго актера. Кокошкинъ, схвативъ его за руки, усадилъ въ кресла, въ глубинѣ ложи, и умиленнымъ голосомъ произнесъ: «помилуй, князь! Что ты дѣлаешь? За что ты его обижаешь и конфузишь? Вѣдь онъ прекраснѣйшій человѣкъ!» — «Ѳедолъ Ѳедолычъ, бормоталъ, дрожа отъ бѣшенства, не помнившій себя Шаховской; я ладъ, что онъ плекласнѣйшій, доблодѣтельнѣйшій человѣкъ, пусть онъ будетъ святой, — я ладъ его въ святцы записать, молиться ему стану, свѣчку поставлю, молебенъ отслужу, — да на сцену-то его, лазбойника, не пускайте!...» Ну что долженъ былъ подумать о религіозности князя Шаховскаго человѣкъ, не совер-

шенно близко его знающій? Конечно чрезъ минуту Шаховской уже крестился и вопилъ: «Господи! плости мое соглѣшеніе!» И мы уже знали, что онъ мысленно клалъ на себя эпитимью изъ нѣсколькихъ десятковъ лишнихъ поклоновъ!

Впрочемъ, добродушіе кн. Шаховскаго, его страстная, безкорыстная любовь къ театру и сценическому искусству были такъ извѣстны всѣмъ, что никто не сердился за его безумныя вспышки, да и нельзя сердиться на того, кто смѣшитъ. Къ этому надобно прибавить, что припадки бѣшенства проходили у него мгновенно, и замѣнялись самымъ любезнымъ и забавнымъ раскаяньемъ; онъ такъ умѣлъ приласкать или приласкаться къ обиженному имъ лицу, что нельзя было не простить, и даже не полюбить его отъ души.

Начинаю продолженіе моихъ «Воспоминаній» пополненіемъ сдѣланнаго мною пропуска. Я ни слова не сказалъ о замѣчательномъ спектаклѣ, котораго былъ самовидцемъ въ 1826 году, вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву. Это былъ спектакль-гратисъ для солдатъ и офицеровъ. Фрака не было ни одного въ цѣломъ театрѣ, кромѣ оркестра, куда иногда и я приходилъ; остальное же время я стоялъ или сидѣлъ за кулисами, но такъ глубоко, чтобы меня не могли увидѣть изъ боковыхъ ложъ.

Спектакль этотъ шелъ 13-го Сентября. Въ шесть часовъ вечера я пріѣхалъ въ театръ. Ни одного экипажа не стояло около него. Я заглянулъ въ директорскую ложу и былъ пораженъ необычайнымъ и невиданнымъ мною зрѣлищемъ; но чтобъ лучше видѣть полную картину, я сошелъ въ оркестръ: при яркомъ освѣщеніи великолѣпной залы большаго Петровскаго театра, вновь отдѣланной къ коронаціи, при совершенной тишинѣ, ложи всѣхъ четырехъ ярусовъ (всего ихъ находится пять) были наполнены гвардейскими солдатами разныхъ полковъ; въ каждой ложѣ сидѣло по десяти или двѣнадцати человѣкъ; передніе ряды креселъ и бель-этажъ предоставленные генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ, были еще пусты. Скоро стали наполняться и они, кромѣ послѣднихъ двухъ рядовъ креселъ, которыя наполнились вдругъ передъ самымъ пріѣздомъ Государя. Всего болѣе поражала меня тишина, которая безмятежно царствовала при такомъ многочисленномъ стеченіи зрителей; даже на сценѣ и за кулисами было тихо или, по крайней мѣрѣ, гораздо тише обыкновеннаго, не смотря на то, что всѣ актрисы и актеры, танцовщицы, хористы и проч., были давно одѣты и толпились на сценѣ. Нѣкоторые посматривали сквозь занавѣсь на чудный видъ залы и ложъ, полныхъ невиданными зрителями, въ разноцвѣтныхъ мундирахъ, сидящими неподвижно, какъ раскрашенныя восковыя фигуры. Всѣ служащіе при театрѣ,

которымъ слѣдовало тутъ присутствовать, были въ мундирахъ. Наконецъ пробѣжалъ слухъ, что сейчасъ пріѣдетъ Государь, — и Кокошкинъ, Загоскинъ и Арсеньевъ поспѣшили его встрѣтить у подъѣзда. Черезъ нѣсколько минутъ, въ боковую малую Императорскую ложу вошелъ Государь и, не показываясь зрителямъ, сѣлъ на кресло въ глубинѣ ложи; въ большой Царской ложѣ помѣщались иностранные послы. По данному знаку, загремѣлъ оркестръ и, черезъ нѣсколько минутъ, не дожидаясь окончанія увертюры, поднялась занавѣсь, и началась извѣстная, очень забавная комедія князя Шаховскаго «*Полубоярскія затѣи*», за которою слѣдовалъ его же водевиль: «*Казакъ стихотворецъ.*» Я слышалъ, что обѣ пьесы были назначены самимъ Государемъ. Тишина не прерывалась, и я не могу описать, какое странное дѣйствіе она на меня производила. На сценѣ кипѣла жизнь, движеніе, звучали людскія рѣчи, а кругомъ царствовали безмолвіе и неподвижность! Если-бъ піеса давалась въ пустомъ театрѣ, то это было бы естественно; но театръ былъ полонъ людьми отъ верху до низу. Я сидѣлъ въ самой серединѣ оркестра и видѣлъ, что Государь часто смѣялся, но не хлопалъ — и ни малѣйшаго знака одобренія или участія не выражалось между зрителями. Всѣ актеры, начиная со Щепкина, игравшаго главную роль «Транжирина», до послѣдняго оффиціанта, всѣ играли совершенно свободно; а Щепкинъ, какъ говорили

видавшіе его прежде въ этой роли, превосходилъ самого себя. Я не удивлялся Щепкину: это такой артистъ, для котораго зрители не существуютъ; но я удивлялся всѣмъ другимъ актерамъ и актрисамъ. Я думалъ, что эта подавляющая тишина, это холодное безучастіе такъ на нихъ подѣйствуетъ, что піеса будетъ играться вяло, безжизненно, и роли будутъ сказываться наизусть, какъ уроки, которые сказываютъ мальчики, не принимающіе въ нихъ никакого участія, стоя передъ своимъ строгимъ учителемъ; но комедія шла живо и весело, какъ будто сопровождаемая теплымъ сочувствіемъ зрителей. Піесы кончились точно такъ же тихо, какъ и начались. Государь уѣхалъ; театръ ожилъ, зашумѣлъ, зрители въ ложахъ встали и стройно, безъ всякой торопливости и суеты, начали выходить. Я поспѣшилъ увидѣть, какъ эти маленькія, отдѣльныя кучки станутъ соединяться въ толпы, выходя изъ театра. Все происходило въ удивительномъ порядкѣ. Я сѣлъ на дрожки и отправился въ свою Таганку. По всей дорогѣ я обгонялъ множество солдатъ, идущихъ уже вольно и разговаривающихъ между собою. Это тоже было необыкновенное зрѣлище. Въ глухомъ гулѣ и муракѣ ночи, по улицамъ довольно плохо освѣщенной Москвы, особенно когда я переѣхалъ Яузу, по обоимъ тротуарамъ шла непрерывная толпа людей, веселый говоръ которыхъ наполнялъ воздухъ. Солдаты шли по одной со мной дорогѣ; они жили въ Крутицкихъ

казармахъ (*). Я поѣхалъ шагомъ, желая вслушаться въ солдатскія рѣчи; но въ общемъ говорѣ мало долетало до меня отдѣльныхъ выраженій. Я думалъ, что видѣнный сейчасъ спектакль будетъ единственнымъ предметомъ разговоровъ, но я ошибся: солдаты говорили, судя по долетавшимъ до меня словамъ, о своихъ собственныхъ дѣлахъ; впрочемъ, раза два или три рѣчь явственно относилась къ театру, и я слышалъ имя Щепкина съ разными эпитетами: «хвата, молодца, лихача» и проч. Иногда они сопровождались такими прилагательными, которыя въ другихъ случаяхъ имѣютъ смыслъ бранныхъ словъ; но здѣсь это были слова похвальныя или знаки восклицанія, которыми Русскій человѣкъ очень энергически любитъ украшать свою рѣчь. Впечатлѣніе видѣннаго мною спектакля долго владѣло мною и навело меня на множество размышленій. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвело это зрѣлище на иностранцевъ!...

Пріѣхавъ въ Москву, уже при первомъ свиданіи съ Писаревымъ, я былъ пораженъ его худобою, блѣдностью и кашлемъ. Не говоря Писареву, какъ извѣстно моимъ читателямъ, о моихъ опасеніяхъ, я, разумѣется, переговорилъ о нихъ со всѣми нашими общими друзьями; но всѣ были удивлены моими тревожными замѣчаніями и

(*) Разумѣется, это была часть солдатъ, бывшихъ въ театрѣ: нѣкоторымъ пришлось возвращаться въ лагерь на Ходынкѣ.

увѣряли меня, что Писаревъ худъ и блѣденъ всегда, что кашель его чисто нервный, что онъ иногда, особенно по лѣтамъ, совершенно проходитъ, что Писаревъ прибѣгалъ раза два къ помощи театральнаго доктора N, «прекраснѣйшаго человѣка» (замѣтилъ Кокошкинъ), и что тотъ никакого значенія его кашлю не придавалъ. Спокойствіе лицъ, увѣренность, съ какою были сказаны эти слова, и даже улыбка, съ которою смотрѣли на мою тревогу, заставили меня подумать, что я, занимаясь въ деревнѣ постоянно лѣченіемъ больныхъ, перенеся жестокія потери въ моемъ семействѣ, сдѣлался мнителенъ и смотрю на такого рода предметы съ темной стороны. Я разспросилъ легонько и осторожно Писарева: нѣтъ ли у него какихъ-нибудь лихорадочныхъ явленій, и получивъ положительно отрицательный отвѣтъ — совершенно успокоился. Но всю зиму съ 1826 до весны 1827-го года, Писаревъ не переставалъ кашлять. Къ веснѣ кашель его даже усилился, и я возилъ его къ моему доктору М. Я. Мудрову, съ которымъ я и все мое семейство были давно знакомы и дружны и который не переставалъ слыть въ Москвѣ знаменитымъ практическимъ врачемъ. Мудровъ тоже не нашелъ ничего важнаго, прописалъ какое-то лѣкарство, спокойствіе духа, умѣренность въ умственныхъ занятіяхъ и проч. Лѣкарство было Писареву очень полезно, и весною онъ совсѣмъ выздоровѣлъ.

Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ 1827-го года, прежде другихъ піесъ, именно 7-го Января, шелъ, переведенный Писаревымъ съ Французскаго, премиленькій водевиль «Дядя на прокатъ», о которомъ я уже упоминалъ. Этотъ водевиль, превосходно разыгранный лучшими Московскими артистами, памятенъ мнѣ по особенному обстоятельству. Послѣ какой-то скучноватой піесы, стояли мы съ Писаревымъ на сценѣ въ ожиданіи, когда все будетъ готово для начинанія водевиля. Глядя на все, вокругъ насъ происходившее, я говорилъ Писареву о темныхъ сторонахъ театральнаго міра и, въ особенности, закулисной сферы. Писаревъ качалъ головой, и молча, не соглашался со мною; вдругъ окружили насъ одѣтые въ свои костюмы: Щепкинъ, Рязанцевъ, *Сабурова* (*) и Н. В. Рѣпина, которая была тогда украшеніемъ Московской сцены въ водевиляхъ и даже въ комическихъ операхъ (**). Каждый изъ нихъ съ живостью и одушевленіемъ обратился къ Писареву, показывалъ, какъ онъ хорошо одѣтъ и спрашивалъ, доволенъ ли авторъ? (переводчика

(*) Дѣвица Сабурова, воспитанница театральной школы, съ прекраснымъ сопрано, подавала большія надежды, не только какъ пѣвица, но и какъ актриса. Она вышла потомъ за извѣстнаго опернаго актера г. Лаврова, стала рѣдко являться на сценѣ и довольно скоро умерла.

(**) Въ извѣстной комической оперѣ «Невѣста», г-жа Рѣпина превосходно играла эту роль и ясно доказала, что она могла бы быть прекрасной драматической актрисой.

всегда актеры называютъ авторомъ). Писаревъ расхвалилъ всѣхъ, особенно Рѣпину, которая была очень мило и къ лицу одѣта. Въ самомъ дѣлѣ, все было придумано, до послѣдней мелочи, чтобы придать наружную характерность представляемому лицу. Во всѣхъ была видна забота, любовь къ дѣлу, желаніе угодить автору. Всѣ актеры горѣли нетерпѣніемъ начать водевиль, предвѣщая Писареву блистательный успѣхъ и вызовъ.... Когда раздались слова режиссера: «пожалуйте со сцены!», Писаревъ, слушавшій живыя рѣчи артистовъ, какъ будто съ равнодушіемъ, но тронутый до глубины души, что̀ выражалось особенною блѣдностью его лица, крѣпко сжалъ мою руку, увелъ меня за дальнюю декорацію и сказалъ голосомъ, прерывающимся отъ внутренняго волненія: «вотъ съ какими людьми я хочу жить и умереть, съ артистами, проникнутыми любовью къ искусству и любящими меня, какъ человѣка съ талантомъ! Стану я томиться скукой въ гостиныхъ вашихъ свѣтскихъ порядочныхъ людей! Стану я умирать съ тоски, слушая пошлости и встрѣчая невѣжественное пониманіе художника вашими, пожалуй, и достопочтенными людьми! Нѣтъ, слуга покорный! Нога моя не будетъ нигдѣ, кромѣ театра, домовъ моихъ друзей и бѣдныхъ квартиръ актеровъ и актрисъ, которые лучше, добрѣе, честнѣе и только откровеннѣе бонтонныхъ оцѣнщицъ, съ презрѣніемъ говорящихъ о правахъ театральной сво-

лочи.» Писаревъ часъ отъ часу становился блѣднѣе, глаза его горѣли, онъ почти дрожалъ. Я едва могъ его успокоить и увести въ директорскую ложу. Водевиль шелъ очаровательно; Писаревъ холодно улыбался и отъ времени до времени говорилъ: «надобно обнять Щепкина, Рѣпину и Рязанцева.» По окончаніи водевиля, публика съ неистовымъ восторгомъ вызвала переводчика и потомъ всѣхъ актеровъ. Возвращаясь домой, подумалъ я: крѣпки нити, привязывающія Писарева къ театру, и никто не оторветъ его отъ обольстительной сферы сценическаго міра.

13-го Января, въ бенефисъ актрисы г-жи Борисовой, была дана большая трилогія князя Шаховскаго «Керимъ-Гирей», взятая изъ «Бахчисарайскаго Фонтана», съ удержаніемъ многихъ стиховъ Пушкина. Общаго успѣха она не имѣла; но многія мѣста были приняты публикой съ увлеченіемъ. Надобно сказать правду, что, не смотря на излишнюю плодовитость и болтовню князя Шаховскаго, не смотря на невыгодное сосѣдство стиховъ Пушкина, въ трилогіи встрѣчаются цѣлыя тирады, написанныя сильными, живыми, звучными стихами, согрѣтыми неподдѣльнымъ чувствомъ. Мочаловъ, игравшій Керимъ-Гирея, не одинъ разъ увлекалъ публику своимъ огнемъ и вѣрнымъ чувствомъ. Въ той же сценѣ, гдѣ онъ, напавъ на замокъ Польскаго магната, предавая все огню, мечу и грабежу Татаръ,

вдругъ увидѣлъ Марію и оцѣпенѣлъ отъ удивленія, пораженный ея красотою, Мочаловъ, въ первое представленіе піесы, былъ неподражаемъ! Долго не могла публика удержать себя отъ восторженныхъ рукоплесканій. Но увы, никогда уже потомъ Мочаловъ не былъ такъ хорошъ въ этой сценѣ! Чѣмъ болѣе онъ старался, тѣмъ выходило слабѣе, безжизненнѣе. И такъ, это былъ только сценическій порывъ, неподвластный актеру, улетѣвшій безъ слѣда!

Бенефисъ г-жи Синецкой, бывшій 27-го Января, заканчивался небольшимъ водевилемъ Писарева, также переведеннымъ съ Французскаго: «Двѣ записки, или безъ вины виноватъ.» Этотъ водевиль слабѣе другихъ Писаревскихъ водевилей; но куплеты, какъ и всегда, были остроумны, ловки и метки. Переводчикъ былъ вызванъ.

Щепкинъ далъ въ свой бенефисъ (4-го Февраля) очень большую комедію въ прозѣ (подражаніе Англійской комедіи «The way tokeep him»), подъ названіемъ «Школа супруговъ», переведенную съ Французскаго Кокошкинымъ. Комедія имѣла много существенныхъ достоинствъ, но была тяжела, длинна и наскучила публикѣ. Мочаловъ, по истинѣ неподражаемый въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, безъ его вѣдома, находило на него вдохновеніе свыше, игралъ въ этой піесѣ весьма серьезную и необычайно большую роль. Онъ зналъ ее наизусть (какъ и всѣ

свои роли) съ удивительной точностью и во многихъ мѣстахъ былъ такъ хорошъ, что Шаховской, ставившій піесу, удивлялся ему. У него въ роли находился одинъ монологъ на семи страницахъ; казалось, не было возможности высказать его публикѣ, не наскучивъ ей. Шаховской намѣревался обрѣзать эту рацею на двѣ трети, но услышавъ, на первой репетиціи, какъ Мочаловъ читалъ свой семистраничный монологъ — Шаховской не рѣшился выкинуть изъ него ни одной строчки; ему захотѣлось сдѣлать опытъ: какъ приметъ публика эту *длинноту*? Не почувствуетъ ли она истину и простоту игры Мочалова? Онъ не ошибся. Во время представленія піесы, Мочаловъ превосходно разрѣшилъ эту мудреную задачу, и публика выслушала весь монологъ съ удовольствіемъ и наградила актера продолжительнымъ рукоплесканьемъ. Эту піесу, кажется, давали еще одинъ разъ, и опять длинный монологъ сказанъ былъ Мочаловымъ превосходно. За комедіей шелъ водевиль Писарева: «Странствующіе лѣкаря». Вопреки обыкновенію, водевиль былъ серьёзнаго содержанія, прекрасно написанъ и превосходно разыгранъ; но какъ публика, послѣ наскучившей ей комедіи, хотѣла и надѣялась посмѣяться, слушая Писаревскій водевиль, то и «Странствующіе лѣкаря» были приняты холодновато; даже превосходные куплеты не поправили дѣла. Вотъ одинъ изъ нихъ, хуже другихъ написанный, но имѣвшій для публики

особое значеніе. Щепкинъ, игравшій одного изъ лѣкарей, передалъ этотъ куплетъ мастерски:

«Всѣ празднолюбцы-эгоисты,
Себя привыкшіе любить,
Врали, педанты, журналисты,
Однажды-бъ только стали жить.
Но авторъ — честь своей отчизны,
Блюститель праваго суда,
Герой, родясь однажды къ жизни,
Не умиралъ бы никогда (*).

Публика обрадовалась нападенію на журналистовъ, подразумѣвая въ числѣ ихъ издателя Телеграфа, и заставила повторить куплетъ. Намъ всѣмъ показалось, что публика своимъ одобреніемъ, выразила желаніе, чтобъ Писаревъ продолжалъ свои злыя выходки противъ Полеваго.

Въ продолженіе Великаго поста, по случаю закрытія театра, мы чаще ѣздили другъ къ другу. Все шло прежнимъ порядкомъ и карточная эпидемія не ослабѣвала. Привычка — великое дѣло, и мы всѣ скучали безъ театра. Для какого-то значительнаго лица, чуть ли не для главнаго директора Императорскихъ театровъ, проѣзжавшаго черезъ Москву, Кокошкинъ, вмѣсто рапорта о благосостояніи театра, составилъ два спектакля: одинъ Французскій, а дру-

(*) Докторъ говоритъ о томъ, что бы онъ сдѣлалъ, если-бъ имѣлъ средства продлить жизнь человѣческую.

гой школьный Русскій. Во Французскомъ спектаклѣ я въ первый разъ увидѣлъ водевиль Кетли — и увидѣлъ съ наслажденіемъ. Роль Кетли играла очень немолодая Французская актриса Дюпаркъ; мнѣ показалась игра ея очаровательною, — можетъ быть отъ того, что я уже пять недѣль не былъ въ театрѣ и еще три недѣли не могъ его видѣть. Спектакль въ театральной школѣ былъ очень замѣчателенъ. Многіе воспитанники и воспитанницы обѣщали талантливыхъ артистовъ или артистокъ. Къ сожалѣнію, большая часть изъ нихъ погибли рановременной смертью, въ томъ числѣ: дѣвицы Карпакова и Лаврова; уцѣлѣли только Шумскій, нашъ славный артистъ въ настоящее время, и Куликова, теперешняя г-жа Орлова. Въ Апрѣлѣ замѣчательныхъ спектаклей не было, кромѣ бенефиса въ пользу сиротъ Рыкалова, составленнаго изъ двухъ піесъ кн. Шаховскаго: «Буря», волшебное романтическое зрѣлище въ 3-хъ дѣйствіяхъ, изъ Шекспира, и «Адвокатъ или любовь живописецъ», водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, подражаніе Мольерову: L'amour peintre. Ни та, ни другая піеса не имѣла настоящаго успѣха, хотя въ обѣихъ было много недурнаго.

Наступала весна. Послѣ десятилѣтняго пребыванія въ Оренбургскомъ краѣ, на вольномъ сельскомъ воздухѣ, гдѣ не только весною, лѣтомъ и осенью, но даже и зимой, я, какъ страстный охотникъ, никогда не сидѣлъ въ заперти, — восьми-мѣсячная жизнь безвыѣздно въ Москвѣ, не смотря на множество

интересовъ, сильно меня занимавшихъ, произвела на меня тяжелое впечатлѣніе; а весеннее тепло и роскошно распустившіеся въ Москвѣ сады и бульвары живо напомнили мнѣ весну въ деревнѣ, и я съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ предложеніе Кокошкина — уѣхать на нѣсколько дней въ его подмосковную, вмѣстѣ съ нимъ, съ Писаревымъ, кн. Шаховскимъ, Верстовскимъ, А. С. Пущинымъ, презабавнымъ оригиналомъ, и еще двумя пріятелями изъ нашего общества. Загоскинъ и Щепкинъ должны были остаться по дѣламъ театральнымъ. Подмосковная называлась «Бедрино» и славилась старымъ паркомъ, великолѣпнымъ озеромъ, въ двѣ версты длиною, и пловучими на немъ островами. Писаревъ, написавшій прекрасную элегію «Бедринское озеро», съ восторгомъ, къ какому только былъ способенъ, хвалилъ мнѣ эту чудесную, по его словамъ, мѣстность. Въ добавокъ ко всему, Бедринское озеро изобиловало рыбой, а Писаревъ былъ страстный охотникъ удить. Дождавшись самой лучшей погоды, запасшись рыболовными снарядами (хотя Писаревъ увѣрялъ меня, что въ Бедринѣ хранится много прошлогоднихъ, совсѣмъ готовыхъ удочекъ), мы весело отправились, въ двухъ четвероместныхъ колясках, въ знаменитое Бедрино. Надобно было проѣхать верстъ 30-ть по проселочной, весьма дурной и лѣсистой дорогѣ. Товарищи мои жаловались на толчки; но я, когда пахнуло на меня свѣжимъ, лѣснымъ возду-

хомъ, когда со всѣхъ сторонъ открылся незаслоняемый строеніями горизонтъ, когда зелень полей и лѣсовъ обняла меня со всѣхъ сторонъ, — я пришелъ въ упоеніе, не смотря на скудную подмосковную природу, кочковатую почву и незавидную растительность. Всѣ смѣялись надо мною, говоря, что дикій Оренбурецъ помѣшался отъ радости, вырвавшись на просторъ изъ столичной тѣсноты, и примѣняли ко мнѣ стихи Пушкина: «мнѣ душно здѣсь, я въ лѣсъ хочу.» Но Писаревъ не смѣялся, а завидовалъ мнѣ, завидовалъ силѣ и полнотѣ моихъ впечатлѣній. Я не отвѣчалъ на пріятельскія шутки, а всю дорогу говорилъ только съ Писаревымъ, описывая ему мою чудную родину. Онъ слушалъ меня неравнодушно и еще болѣе завидовалъ мнѣ.

Часа черезъ три, мы пріѣхали въ Бедрино. Мѣстоположеніе было довольно плоское и обыкновенное, но огромная полоса воды свѣтлѣла издали и красила все. Большой деревянный домъ стоялъ на покатомъ пригоркѣ, недалеко отъ края озера, весь окруженный зеленью распустившихся липъ и березъ. Старый и темный паркъ тянулся вверхъ по озеру, вдоль дорожки, которая живописно лѣпилась по самому краю берега. Прежде всего, мнѣ хотѣлось взглянуть хорошенько на воду; но гостепріимный хозяинъ желалъ показать мнѣ домъ, и я долженъ былъ сдѣлать ему это удовольствіе. Онъ вздумалъ было также показывать мнѣ паркъ, объясняя, гдѣ и какъ онъ

намѣренъ устроить «воздушные спектакли», то есть спектакли на открытомъ воздухѣ, до которыхъ Кокошкинъ былъ страстный охотникъ; но я попросилъ его объяснить мнѣ все это послѣ, и побѣжалъ на озеро: оно было огромно, и величаво разстилалось въ отлогихъ зеленыхъ берегахъ своихъ. Озеро было точно очень хорошо, — да и когда же вода не бываетъ хороша? Я сей-часъ догадался, что это былъ собственно прудъ, потому что нижній конецъ его упирался въ высокую, широкую, вѣковую, отлогую земляную плотину, засаженную деревьями. Она такъ срослась съ берегами, что ее не вдругъ можно было отличить. Спуска для вешней воды не было — вѣроятно она текла черезъ низкій край плотины, который соединялся въ уровень съ противоположнымъ отлогимъ берегомъ. Безъ сомнѣнія, теперешнее озеро было какое-нибудь болото, а можетъ быть и озеро съ родниками, черезъ которое весной текло много ручьевъ съ полей: стоило только перегородить всю лощину плотиной, отъ чего и составилась двухверстная, въ верху очень широкая полоса воды. Откуда же взялись пловучіе острова, которые я увидѣлъ въ разныхъ мѣстахъ? Для другаго это былъ бы трудный вопросъ; но я уже зналъ образованіе такихъ островов и сейчасъ рѣшилъ, что это были отмокшіе и отставшіе края противоположнаго, болотнаго берега. Удовлетворившись моимъ первымъ обзоромъ, я поспѣшно воротился въ домъ и нашелъ Писарева

сильно озабоченнаго устройствомъ удочекъ, а прочихъ моихъ прiятелей и хозяина — занятыхъ своимъ размѣщенiемъ и ожиданiемъ завтрака, потому что мы выѣхали изъ Москвы довольно рано. Писаревъ называлъ ихъ обжорами и звалъ меня ѣхать съ нимъ на небольшой лодкѣ, управляемой тутошнимъ рыбакомъ, прицѣпиться къ одному изъ островов, около которыхъ всегда держатся окуни, — и начать уженье немедленно. Я рѣшительно не принялъ его предложенiя; я вообще боялся плавать на маленькой лодкѣ, а здѣсь надобно было плыть по неизвѣстнымъ водамъ и глубинамъ, съ неизвѣстнымъ мнѣ кормчимъ. Я доказывалъ Писареву, что теперь уже одиннадцатый часъ и рыба брать не будетъ, что теперь лучше хорошенько позавтракать и отправиться цѣлымъ обществомъ на большой безопасной лодкѣ погулять по озеру, осмотрѣть его хорошенько и выбрать мѣста къ завтрему. Писаревъ отвѣчалъ насмѣшкой надъ моей трусостью, схватилъ свои прошлогоднiя удочки и отправился удить одинъ. Кокошкинъ былъ очень благодаренъ мнѣ, что я не поѣхалъ. Онъ угостилъ за то меня и другихъ роскошнымъ завтракомъ, на прекрасной, широкой пристани, вдавшейся въ воду и покрытой тогда тѣнью высокихъ деревъ. Было тепло и свѣжо; кн. Шаховской, Верстовскiй и Пущинъ, своей веселостью и шутками, оживляли нашу полу-деревенскую, оригинально помѣщенную трапезу. Много было всякой болтовни, безобидныхъ

шутокъ и смѣха. Кокошкинъ безпрестанно декламировалъ наизусть разные стихи, даже отрывки изъ трагедій. Правду сказать, онъ даже надоѣдалъ намъ своей декламаціей. Онъ и дорогу всю читалъ, да и здѣсь продолжалъ читать. Органъ у него былъ чудесный, грудь высокая и необыкновенно развитая, и онъ могъ декламировать, съ большимъ наружнымъ жаромъ, не уставая, отъ утра до вечера; онъ находилъ въ этомъ большое наслажденіе и видимо утѣшался чисто взятыми верхними интонаціями или полнотою грудныхъ своихъ тоновъ. Надобно сказать, что его чтеніе съ перваго раза поражало и даже увлекало всѣхъ, что большинство людей, его слыхавшихъ, считало Кокошкина первымъ, несравненнымъ чтецомъ. На публичныхъ чтеніяхъ, въ Обществѣ Любителей Русской Словесности, онъ былъ по-истинѣ великолѣпенъ; полнозвучный, сильный, пріятный и выработанный голосъ его обнималъ всю залу, и не было слушателя, который бы не слыхалъ явственно каждаго слова, потому что произношеніе его было необыкновенно чисто. Но должно признаться, что истиннаго, сердечнаго чувства и теплоты въ его чтеніи не было. Услыхавъ Кокошкина нѣсколько разъ, читающаго одну и ту же піесу, можно было сейчасъ это почувствовать: одинаковость пріемовъ, одинаковость переходовъ изъ тона въ тонъ, не смотря на наружный жаръ, и даже подъ-часъ вызванныя слезы,

обличали поддѣльность и недостатокъ истиннаго чувства. А потому люди, никогда не слыхавшіе или очень рѣдко слушавшіе Кокошкина, — слушали его съ восхищеніемъ или по крайней мѣрѣ съ удовольствіемъ; а люди, составлявшіе его почти ежедневное общество — со скукою и даже съ досадою.

Окончивъ завтракъ, согласно моему совѣту и желанію, мы отправились кататься по озеру, на такой лодкѣ, которая, кромѣ насъ, могла бы поднять еще дюжину Шаховскихъ. Погода стояла тихая, гребцы и кормщикъ были привычны къ своему дѣлу, и наша большая лодка легко скользила по гладкой водяной поверхности. Скоро мы увидѣли острова съ распустившимися деревьями, покрытые зеленою травою и молодымъ камышомъ. Они стояли въ разныхъ мѣстахъ, точно корабли на якоряхъ; къ одному изъ нихъ прильнула лодка Писарева, и мы поплыли было прямо къ нему, не смотря на его маханье и крики, что мы отпугаемъ всю рыбу. Я упросилъ Кокошкина уважить безпокойство рыбака, подъѣхать къ острову съ противоположной стороны и, держась возлѣ его края, тихохонько подплыть къ лодкѣ Писарева. Такъ и сдѣлали. Онъ былъ въ большомъ волненіи, показывая двѣ оборванныя удочки, увѣрялъ, что одну оторвалъ огромный окунь, а другую откусила щука. Я изъявилъ сомнѣніе, потому что, попробовавъ крѣпость оборванныхъ лесъ, увидѣлъ, что онѣ пере-

гнили, и доказывалъ Писареву, что такую лесу, при сильной неосторожной подсѣчкѣ, оторветъ всякая и небольшая рыба. Разумѣется, Писаревъ не согласился и не вѣрилъ мнѣ; онъ отказался отъ привезеннаго ему завтрака, просилъ только оставить его въ покоѣ, называлъ меня не рыбакомъ, а дилетантомъ. Я не сталъ его увѣрять въ противномъ, и мы отправились продолжать свою прогулку. Мы достигли верховья такъ называемаго Бедринскаго озера, и, увидѣвъ, что въ него впадалъ небольшой ручеекъ изъ сосѣдняго болота и такіе же два ручейка — изъ парка, я убѣдился, что озеро имѣетъ постоянную небольшую прибыль свѣжей, проточной воды. Вотъ отъ чего масса воды мало убывала въ лѣтніе жары, отъ чего она не портилась, какъ это бываетъ въ стоячихъ водахъ, и отъ чего подвергалась только обыкновенному лѣтнему цвѣтенію.

Накатавшись до сыта, осмотрѣвъ, по моей просьбѣ, противоположный болотный берегъ озера и всѣ пловучіе острова, налюбовавшись огромнымъ зеркаломъ воды, которую начиналъ подергивать мелкой рябью южный вѣтерокъ, и опять таки наслушавшись декламаціи Кокошкина, мы возвращались весело домой. Подъѣхавъ къ Писареву, мы нашли его уже болѣе склоннымъ и къ завтраку и къ возвращенію въ домъ. Отъ вѣтерка островъ начиналъ колебаться и двигаться, рыба не брала, солнце припекало рыбака, и Писаревъ, выудившій, однако,

двухъ или трехъ окуней, пересѣлъ къ намъ въ лодку. На возвратномъ пути, я старался растолковать Писареву, что я истинный рыбакъ, что охота для меня не шутка, а серьёзное дѣло, что я или предаюсь ей вполнѣ, или вовсе ею не занимаюсь, что охотничьихъ parties de plaisir я терпѣть не могу, и что завтра, когда всѣ сбираются удить рано утромъ (то есть, часовъ въ 8, а не въ 2, какъ слѣдуетъ) — я рѣшительно съ ними не поѣду, подъ предлогомъ, что хочу удить съ берега; выберу себѣ мѣстечко подъ тѣнью деревъ, для виду закину удочки, хотя знаю, что тамъ ни одна рыбка не возьметъ, и буду сидѣть, курить, наслаждаться весеннимъ утромъ, свѣжимъ воздухомъ и молодою пахучею зеленью недавно распустившихся деревьевъ. Писаревъ признавался, что не понимаетъ меня и сказалъ, что на зарѣ уѣдетъ опять къ островамъ, потому что Бедринскій рыбакъ обѣщалъ ему обильный клевъ.

Въ домѣ было прохладно, и мы, проведя нѣсколько часовъ на солнцѣ, очень обрадовались этой прохладѣ. Сначала всѣ отдыхали, чувствуя какую-то пріятную усталость, а потомъ всякій занялся тѣмъ, что ему было по вкусу: кто читалъ, кто пошелъ гулять; мы же съ Писаревымъ занялись удочками. Я навязалъ ему нѣсколько новыхъ и крѣпкихъ лесъ съ крючками, грузилами, наплавками и поводками изъ струны, чтобъ щуки не могли перекусить

ихъ: навязалъ, къ сожалѣнію, на старыя, сухія и не гуткія удилища, потому что вырубать новыхъ и сушить было некогда; приготовилъ и себѣ двѣ удочки. Кончивъ свое дѣло, я предложилъ Кокошкину осмотрѣть его паркъ и выслушать его затѣи. Кокошкинъ очень обрадовался моему предложенію. Паркъ былъ не хорошъ. Мнѣ показалось, что мѣстами онъ былъ вырубленъ, но вѣковыя аллеи остались, и нѣкоторыя были такъ широки, что Кокошкинъ хотѣлъ устроить въ нихъ сцену. Ему хотѣлось уладить два спектакля: ночной и денной; для ночнаго назначалась аллея, а для деннаго — небольшая круглая насыпь, подъ которой находились подвалы или ямы для храненія картофеля и разныхъ другихъ огородныхъ овощей. «Милый», — говорилъ Кокошкинъ съ увлеченіемъ, — «на этой насыпи я поставлю деревеньку изъ *пратикабелей*, (*) а бока засажу срубленными березками. Само собою разумѣется, что занавѣсь будетъ не подниматься къ верху, а раздергиваться на двѣ стороны; на ней я прикажу нарисовать ту самую деревеньку въ перспективѣ, которую зрители увидятъ на сценѣ; занавѣсь же въ аллеѣ будетъ представлять дремучій лѣсъ. Въ аллеѣ пойдутъ отлично «Попуган» Хмельницкаго; а здѣсь, для деннаго спектакля, надобно

(*) Пратикабелью называется приставовочная, вырѣзанная декорація, представляющ я отдѣльную избу, лѣстницу, дерево и т. под.

выбрать піеску, представляющую деревенскую улицу: такихъ піесъ много. Разница между освѣщеніемъ солнечнымъ и освѣщеніемъ лампами будетъ поразительна, и ты увидишь, какъ измѣнятся въ твоихъ глазахъ одни и тѣ же актеры и актрисы, особенно послѣднія. Надобно признаться, что искусственный свѣтъ выгоднѣе для прекраснаго пола и вообще для сцены. Я перевезу сюда театральную школу недѣли на двѣ; это будетъ очень полезно для здоровья моихъ воспитанниковъ и воспитанницъ; дѣвицамъ отдамъ весь домъ, а самъ съ воспитанниками и гостями помѣщусь во флигелѣ, который для этого исправляютъ; другой же флигель, для Московскихъ дамъ, уже готовъ. Ты, конечно, милый, прогостишь у меня все это время.» — Я отвѣчалъ Кокошкину рѣшительно, что никакъ этого не сдѣлаю; но что пріѣхать на день или на два постараюсь. Кокошкинъ былъ очень недоволенъ, старался прельстить меня ночными катаньями по озеру съ музыкою, пѣніемъ и факелами, небольшими фейерверками на пловучихъ островахъ, и проч., и проч.; но я рѣшительно отказался. Я далъ слово пріѣхать, если не будетъ препятствій, именно на первый спектакль, который назначался 22-го Іюля, въ день имянинъ его дочери (*), для которой воздушный театръ

(*) Въ этотъ годъ мнѣ не удалось исполнить мое обѣщаніе. Года черезъ два или три, именно въ это число, я былъ въ Бедринѣ и видѣлъ денной и ночной спектакль на открытомъ воздухѣ. Я откро-

будетъ сюрпризомъ. Походивъ, мы воротились довольно поздно и нашли уже накрытый столъ, хотя не на пристани, которую жгло уже яркое солнце, но все-таки на берегу озера, въ густой древесной тѣни. Товарищи наши, не смотря на завтракъ, проголодались и ожидали насъ съ нетерпѣніемъ. Обѣдъ шелъ живо, весело и даже шумно, какъ вдругъ одинъ изъ старинныхъ слугъ Кокошкина торжественно сказалъ ему: «Ваше превосходительство! острова приплыли посмотрѣть, какъ вы изволите кушать.» Мы оглянулись и сквозь вѣтви деревъ увидѣли подплывшую флотилію островъ. Мы вскочили изъ-за стола и сошли на берегъ: шесть островов, изъ которыхъ, нѣкоторые были значительной величины, пригнанные легкимъ вѣтеркомъ, полукругомъ, тихо подходили къ пристани. Мы привѣтствовали ихъ громкими восклицаніями; хозяинъ потребовалъ шампанскаго и мы отсалютовали прибывшимъ гостямъ полными бокалами. Къ вечеру острова подошли еще ближе къ пристани, потому что тутъ вода была глубока; но когда сѣло солнце и вѣтерокъ потянулъ отъ запада, острова какъ-

---

венно сказалъ Кокошкину, что оба спектакля произвели на меня непріятное впечатлѣніе, что это та же, противная мнѣ, театральная partie de plaisir: Кокошкинъ удивлялся, и остался въ восхищенія отъ своей выдумки. Впрочемъ, кромѣ меня, всѣ были довольны, и мужчины и дамы.

то столпились и потомъ начали медленно отплывать: поутру они были уже на другомъ концѣ озера.

Мы отобѣдали поздно, когда уже наступалъ очаровательный Майскій вечеръ. Я вполнѣ имъ наслаждался; но судя по мѣстности, какъ опытный рыбакъ и охотникъ, предвидѣлъ, что, по захожденіи солнца, будетъ сыро и прохладно. Я уговорилъ всѣхъ отложить вечернюю прогулку на лодкѣ и просидѣть вечеръ на пристани.

Общество наше уменьшилось. Мы потеряли самаго пріятнаго собесѣдника: Верстовскій, какъ директоръ музыки при театрѣ, долженъ былъ уѣхать въ Москву. Въ Бедринѣ не было фортепьяно, и потому мы лишены были удовольствія слушать одушевленное пѣніе Верстовскаго; безъ акомпанимента онъ никогда не пѣлъ, отзываясь слабостью голоса. Кокошкинъ торжественно обѣщалъ, что къ будущему нашему пріѣзду будетъ привезена рояль.

Предвидѣніе мое, относительно поздняго вечера, вполнѣ оправдалось: еще солнце не совсѣмъ зашло, какъ по болотистой сторонѣ озера начали подниматься пары: точно по лѣсу, мѣстами курился дымокъ и не шелъ къ верху, а разстилался по землѣ. Скоро струи тумана побѣжали отъ берега по неподвижному зеркалу воды,—и я увелъ насильно Писарева въ домъ, убѣждая его и доказывая, что такая сырость для него очень вредна. Онъ плохо вѣрилъ моимъ медицинскимъ свѣдѣніямъ, но слушался меня

изъ дружбы. Черезъ полчаса пришли къ намъ Кокошкинъ и все остальное общество. Туманная сырость заставила ихъ послѣдовать нашему примѣру. Кокошкину непремѣнно захотѣлось сдѣлать конецъ вечера литературнымъ, и за стаканами и чашками душистаго чаю, съ деревенскими сливками, началось чтеніе. Писаревъ прочелъ элегію «Бедринское озеро», которую Шаховской и еще двое изъ присутствующихъ не знали; прочелъ еще какіе-то стихи. Я читалъ наизусть отрывки изъ моего перевода 8-ой сатиры Буало; прочелъ также мою Русскую идиллію «Рыбачье горе,» которую Писаревъ очень любилъ. Пущинъ съ удивительнымъ искусствомъ прочелъ нѣсколько басенъ Крылова. Такой натуры и простоты чтенія я ни у кого не слыхалъ, кромѣ какъ у самого Крылова. Пущинъ не былъ литераторъ, но писалъ очень легкіе и забавные стихи. Кокошкинъ, разумѣется, не остался въ долгу. Онъ прочелъ намъ разсказъ откупщика изъ своей комедіи «Воспитаніе», и новую басню, написанную имъ для чтенія въ первомъ собраніи Общества Любителей Русской Словесности. Названія басни не помню, но она начиналась стихомъ Державина: «Шекснинска стерлядь золотая», и проч. Шаховской ничего не помнилъ наизусть, но сказалъ намъ, что онъ привезъ съ собой начало своей комедіи, еще никому не читанной, подъ названіемъ «Игроки». Шаховской былъ извѣстный полуночникъ и хотѣлъ было немедленно

начать чтеніе новой своей піесы; но было уже поздно, мы всѣ были утомлены отъ наслажденія прекраснымъ весеннимъ днемъ и просили автора отложить чтеніе до завтра. Кокошкинъ благословилъ насъ на сонъ грядущій «во имя музъ и Аполлона». Эта декламаторская выходка разсмѣшила всѣхъ.

Мы съ Писаревымъ спали въ одной комнатѣ. Великаго труда для меня стоило упросить его, чтобъ онъ не ѣздилъ удить слишкомъ рано, то-есть, до восхожденія солнца. Онъ долго не соглашался. Я самъ далъ оружіе противъ себя: я сказалъ ему, что самое лучшее уженье рыбы на зарѣ. Теперь напрасно я увѣрялъ молодаго моего друга, что это совершенно справедливо только въ отношеніи къ такимъ породамъ рыбъ, какихъ въ Бедринскомъ озерѣ не водилось, какъ напримѣръ, язей, головлей, лещей и линей. Линей, какъ говорилъ тутошный рыбакъ, было много, только на удочку они не шли. Я растолковалъ ему, что на глубинѣ никогда линя не выудишь, что онъ держится въ мѣстахъ мелкихъ, тинистыхъ, въ заливахъ, заросшихъ травою, которая тогда едва начинала показывать свои верхушки въ полояхъ пруда. Я долженъ былъ побожиться Писареву, что хищная рыба рано поутру не беретъ, а беретъ послѣ восхожденія солнца. По счастію, старый рыбакъ, тутъ находившійся, подтвердилъ мои слова, и Писаревъ согласился. Приказано было разбудить меня, когда солнышко станетъ въ дерево вышиною.

Рыбакъ съ точностью исполнилъ приказаніе, и часа въ четыре разбудилъ меня. Писаревъ крѣпко спалъ и не слыхалъ нашихъ переговоровъ съ рыбакомъ. Я проворно одѣлся и вышелъ на пристань. Чудное, весеннее утро охватило меня пріятною свѣжестью. Солнце, казалось, спѣшило на горизонтъ и торопливо укорачивало древесныя тѣни, лежавшія съ нашей стороны поперекъ озера. Не было и признаковъ сырости и тумана, только роса бѣлѣла и свѣтилась на деревьяхъ и на травѣ. На нѣсколько мгновеній я пришелъ въ какое-то упоеніе, но не Бедринское озеро разстилалось передо мною, а другія, болѣе милыя и дорогія мнѣ мѣста представились моему воображенію. Я грустно очнулся и пошелъ къ Писареву. Онъ тихо и крѣпко спалъ сномъ молодости и здоровья, какъ мнѣ казалось; даже жалко было прервать такой спокойный сонъ; но боясь, что онъ осердится, за чѣмъ разбудили его поздно—я разбудилъ его. Черезъ четверть часа все было готово; я заставилъ Писарева, сверхъ платья, накинуть шинель, и онъ, полный охотничьихъ надеждъ, тѣмъ болѣе, что старый рыбакъ досталъ мелкой рыбы для щукъ,— нетерпѣливо и весело отправился на уженье. Разумѣется, все наше общество спало непробуднымъ сномъ, хотя съ вечера всѣ рѣшились встать рано, чтобъ ѣхать удить; но какъ не было дано приказанія, чтобъ ихъ разбудить, то я былъ увѣренъ, что они проспятъ часовъ до восьми. Я взялъ свои удоч-

ки, табакъ и трубку, пошелъ по береговой дорожкѣ, выбралъ себѣ живописное мѣстечко и усѣлся на немъ, чтобы вполнѣ насладиться прекраснымъ утромъ. Утро, въ самомъ дѣлѣ, было очаровательное: пѣніе птичекъ заглушалось раскатами и щелканьемъ соловьевъ; съ полей доносилось пѣніе жаворонковъ; на противоположной, болотистой сторонѣ токовали бекасы и свистали погоныши. Я погрузился въ сладкое самозабвенье, всю очаровательную прелесть котораго можно чувствовать только послѣ, въ воспоминаніи. Но всему бываетъ конецъ, тѣмъ болѣе такому блаженному состоянію, и я черезъ часъ точно проснулся къ дѣйствительности: безсознательно закинутыя мною удочки лежали неподвижно, я почувствовалъ, что сидѣть было сыро, и воротился назадъ, чтобъ провесть остальное утро на пристани, въ покойныхъ креслахъ, и чтобъ исполнить мелькнувшую у меня вечеромъ мысль — попробовать, не будетъ ли брать тамъ рыба: глубина была значительная. Но едва я только усѣлся и закинулъ свои удочки, какъ въ домѣ послышался шумъ и громкіе разговоры, люди бѣгали и суетились, къ лодкѣ пришли гребцы и кормчій. Я удивился, что мои пріятели поднялись такъ рано; было только 6 часовъ. Я пошелъ въ домъ, и весело было смотрѣть, какъ торопливо вставали, одѣвались и въ то же время пили чай и кофе мои любезные рыбаки. Они привѣтствовали меня радостными восклицаніями и горячими просьбами

ѣхать вмѣстѣ съ ними, быть ихъ наставникомъ и руководителемъ въ рыболовствѣ. Къ общему и неожиданному ихъ удовольствію я согласился. Мнѣ вдругъ представилась мысль, какъ будутъ забавны Кокошкинъ, Пущинъ, а особенно Шаховской съ удочками въ рукахъ! Я рѣшился забыть объ охотѣ, и полюбоваться комическимъ зрѣлищемъ, напился и чаю и кофе, — и мы отправились.

Я не имѣлъ причины раскаяваться, что согласился на просьбы моихъ товарищей. Я и теперь не могу вспомнить безъ улыбки тѣхъ забавныхъ сценъ, которыя такъ наивно они передо мною разыгрывали. Прежде всего начался споръ, у котораго острова пристать. У всѣхъ были свои важныя причины; но авторитетъ Кокошкина, какъ хозяина, болѣе знакомаго съ мѣстностью, получилъ перевѣсъ; мы подошли и привязались обоими концами лодки къ самому длинному острову, болѣе другихъ заросшему лѣсомъ. Съ нами въ лодкѣ былъ мальчикъ для насаживанія червей, очень хорошо знающій свое дѣло; но и здѣсь Кокошкину захотѣлось поумничать и онъ велѣлъ насадить себѣ червяка совершенно не такъ, какъ надобно. Пущинъ послѣдовалъ его примѣру, и только Шаховской и двое другихъ дилетантовъ благоразумно подчинились умѣнью и опытности мальчика. Всѣ замолчали; нѣсколько времени продолжалась совершенная тишина, и я имѣлъ время произвесть наблюденія надъ лицами моихъ пріятелей. Кокош-

кинъ стоялъ на ногахъ, принявъ театральную позу какого-то героя. Онъ съ важностью и увѣренностью держалъ въ одной рукѣ удилище, а другою подперся въ бокъ; небольшая его фигурка въ большой соломенной шляпѣ была очень забавна. Пущинъ, въ сѣрой пуховой шляпѣ, сидѣлъ завернувшись въ шинель, положа удилище на край лодки, и зорко смотрѣлъ на свой наплавокъ, какъ на поставленную карту (онъ любилъ играть въ банкъ). Шаховской представлялъ изъ себя большую копну сѣна, на которой лежала голова, покрытая бѣлой фуражкой, съ длиннымъ козырькомъ отъ солнца, изъ-подъ котораго торчалъ длинный, птичій его носъ, готовый, казалось, клюнуть подбородокъ; онъ не выпускалъ изъ рукъ удилища, но̀ въ маленькихъ и прищуренныхъ его глазахъ можно было замѣтить, что онъ думаетъ не объ рыбѣ, а скорѣе о какомъ-нибудь дѣйствующемъ лицѣ въ своихъ «Игрокахъ»... Тишина и спокойствіе продолжались не долго. При первомъ колебаніи наплавка, каждый спѣшилъ выхватить свою удочку и съ жаромъ увѣрялъ, что у него сорвалась большая рыба. Я старался убѣдить ихъ, что рыба и въ ротъ не брала ихъ червяковъ, что это трогала какая-нибудь маленькая плотичка или верховка задѣвала за лесу, и даже за наплавокъ, около котораго она всегда вертится. Пріятели плохо вѣрили моимъ словамъ, покуда многократные опыты не доказали, что они справедливы. Между тѣмъ, одинъ изъ греб-

цовъ, усѣвшись верхомъ на носу лодки, закинулъ одну изъ запасныхъ удочекъ и вытащилъ порядочнаго окуня. Это обстоятельство разгорячило еще болье моихъ рыбаковъ; а слова гребца, что онъ тогда потащилъ удочку, когда уже и наплавка не было видно, убѣдили ихъ гораздо сильнѣе моихъ краснорѣчивыхъ увѣреній. Всѣ рѣшились послѣдовать благому примѣру и дожидаться: *покуда наплавка не будетъ видно*. Это могло бы имѣть свою дурную сторону; но какъ здѣсь брали только окуни и щуки, то это безусловное правило было не дурно. Вскорѣ успѣхъ увѣнчалъ терпѣнье, и нѣсколько окуней было выужено; но за то охотники такъ разгорячились, подняли такой шумъ, крикъ и шлепанье удилищами по водѣ, что испугали и отогнали рыбу. Напрасное ожиданіе не замедлило наскучить имъ и началось придумыванье разныхъ хитростей, какъ бы приманить рыбу; бросали хлѣбъ, червей, листья и траву, которыя доставали съ острова, даже землю. Кто подвязывалъ наплавокъ къ самому грузилу, кто удилъ вовсе безъ наплавка, кто болталъ удилищемъ въ водѣ, услыхавъ отъ одного изъ гребцовъ, что окуни бросаются на шумъ и на муть (*); Кокошкинъ принялся было уже читать, думая подманить рыбу своей декламаціей, а Шаховской пустился импровизировать забавную галиматью

(*) Это справедливо, но дѣлается только на мѣстахъ мелкихъ.

стихами, къ чему онъ имѣлъ большую способность, и чѣмъ иногда забавлялъ пріятельское общество.... Все это было очень смѣшно и забавно, но наконецъ мнѣ наскучило, я громко сталъ требовать возвращенія домой, гдѣ ожидалъ насъ завтракъ: сейчасъ избитое сливочное масло, редисъ только что вынутый изъ парника, творогъ, сметана, сливки и прочее. Требованія мои были уважены. На возвратномъ пути мы заѣхали къ тому острову, гдѣ виднѣлась лодка Писарева; но ея уже тамъ не было; гребцы наши сказали, что лодка уже у пристани, куда и мы поспѣшили.

Писаревъ встрѣтилъ насъ съ сіяющимъ лицомъ. Ловъ былъ удаченъ и рыба клевала очень хорошо; онъ поймалъ двухъ щукъ, изъ которыхъ одну фунтовъ въ шесть, и десятка полтора окуней; въ числѣ ихъ были славные окуни, слишкомъ по фунту. Писаревъ обнималъ и блгодарилъ меня за удочки. «Всѣмъ тебѣ обязанъ», — говорилъ онъ, — «а у моего товарища двѣ удочки откусили щуки, а третью оторвалъ большой окунь». Вся добыча была отправлена къ повару для приготовленія къ обѣду.

Послѣ завтрака, Шаховской напомнилъ намъ о своихъ «Игрокахъ», и мы изъявили общее желаніе его слушать. Надобно предварительно сказать, что слушать чтеніе Шаховскаго было дѣло не легкое, особенно если онъ читалъ по черновой рукописи. Мы испытали это уже не разъ. По большой части

случалось такъ, что Шаховской начиналъ читать свою пiесу, чтобъ «*дать тонъ*», какъ онъ говорилъ, и потомъ передавалъ ее Кокошкину или мнѣ; разумѣется, это дѣлалось только въ такомъ случаѣ, если рукопись была начисто переписана; но въ настоящую минуту, онъ притащилъ кучу листовъ такого маранья, что мы заранѣе пришли въ ужасъ: очевидно, что читать долженъ онъ былъ самъ. Мы замѣтили Шаховскому, что трудно будетъ разбирать черновую рукопись, до такой степени испещренную поправками, до невѣроятности запачканную; но удержать его отъ чтенія было уже невозможно. Онъ говорилъ: «пелвый актъ я самъ пелеписалъ, и по немъ будетъ холосо читать; втолой, плавда, не пелеписанъ, ну да я лазбелу какъ-нибудь.» Но увы, набѣло переписанный первый актъ похожъ былъ на самый первый черновой набросокъ. Шаховской весьма плохо разбиралъ его, заикался, плевалъ, перевиралъ стихи и слова; вмѣсто «другъ мой» говорилъ «трупъ мой», вмѣсто «я отплачу тебѣ» — «я поплачу по тебѣ», и наконецъ разсердился на себя. Досталось бѣдной его лысинѣ, которую онъ шлепалъ немилосердно. «Ну сказите, ради Бога, — вопилъ Шаховской, — есть ли въ Лоссіи какой-нибудь сапозникъ, какой-нибудь подлецъ, котолый бы писалъ такъ, какъ я! Ну, да тепель я посталаюсь» — и начиналъ стараться. Отъ старанья выходило хуже; наконецъ Шаховской поперхнулся, закашлялся и задохся. Я

вызвался попробовать: не могу ли читать, покуда онъ отдохнетъ? Шаховской съ радостью согласился, но читать не было никакой возможности: кромѣ сквернѣйшаго почерка, грубѣйшихъ ошибокъ въ правописаніи, — знаковъ препинанія или совсѣмъ не было, или они ставились на перекоръ человѣческому смыслу. Я возвратилъ рукопись, сказавъ, что никакъ разобрать не могу. Шаховской сдѣлалъ гримасу и сталъ продолжать чтеніе самъ. За однимъ актомъ онъ промучилъ насъ часа два. По несчастію, дѣйствующихъ лицъ было множество и съ презатѣйливыми именами; были князья и графы, и Шаховской, не разбирая ихъ фамилій, безпрестанно употреблялъ фамиліи своихъ знакомыхъ — то графъ Завадовскій, то графъ Комаровскій, то князь Вадбольскій! Невозможно было не хохотать! Князь Шаховской былъ тѣмъ хорошъ, что отъ всей души самъ смѣялся надъ собою. Наконецъ, кончился первый актъ. Мы сидѣли въ тѣни, на берегу озера, вѣтерокъ продувалъ насъ и сидѣть было прохладно, но Шаховской былъ весь въ мылѣ, какъ добрая лошадь, проскакавшая десятка два верстъ. Мы уговаривали его отдохнуть, пройтись, или даже полежать на стоявшей тутъ широкой садовой скамейкѣ. Онъ пошелъ походить съ нами по тѣнистой береговой дорожкѣ; мы старались заговорить съ нимъ о другомъ: о постановкѣ его піесы кому-то въ бенефисъ, о Петербургскихъ интригахъ противъ него,

даже о Шекспирѣ, о которомъ онъ никогда не могъ довольно наговориться; но увы, всѣ наши хитрости были напрасны: черезъ полчаса Шаховской сказалъ: «ну, тепель я вамъ плочту втолой актъ или хоть половину его. Вы слышали только изложеніе піесы, а тепель начинается интлига.» Дѣлать было нечего, опять пошли къ столу и сѣли вокругъ Шаховскаго. Можно себѣ представить, каково было чтеніе втораго акта, написаннаго на листахъ ненумерованныхъ, да и слово «написаннаго» не идетъ сюда: это просто прыгали по листамъ какія-то птицы, у которыхъ ноги были вымараны въ чернилахъ; листовъ одинъ къ другому онъ не могъ подбирать, и выходила такая путаница и ералашъ, что наконецъ, самъ Шаховской, къ общему нашему удовольствію, сказалъ: «Надо напеледъ листы лазобрать по порядку и пеленумеловать, но я разскажу вамъ интлигу.» И началъ разсказывать интригу, въ которой мы, правду сказать, также ничего не поняли. По догадкамъ, дѣло состояло въ томъ, что шайка мошенниковъ-игроковъ пріѣзжаетъ на ярмарку, чтобъ обыграть какихъ-то богатыхъ князей и графовъ; сначала успѣваетъ въ своемъ намѣреніи, потомъ игроки ссорятся между собою и выводятъ другъ на друга разныя плутни. Молодые графы и князья ихъ прощаютъ и отпускаютъ мошенничать по всей православной Руси. Шаховской просилъ насъ сказать ему откровенно наше мнѣніе о первомъ актѣ и о

содержаніи піесы. Кокошкинъ отдѣлался тѣмъ, что по первому акту нельзя судить, но что вѣроятно въ послѣднихъ трехъ будетъ много комическихъ сценъ, и что князь не можетъ написатъ піесы, въ которой не былъ бы виденъ его талантъ; но мы всѣ остальные, мягче или рѣзче, неблагопріятно отозвались о новой піесѣ. Я откровенно сказалъ князю Шаховскому, что считаю оскорбленіемъ искусству представлять на сценѣ, какъ мошенники вытаскиваютъ деньги изъ кармановъ добрыхъ людей и плутуютъ въ карты. Я былъ не совсѣмъ правъ и не предчувствовалъ Гоголевскихъ «Игроковъ»; не ясно и не твердо понималъ я тогда, что высокое художество можетъ воспроизводить и пошлое и, до извѣстной степени, низкое въ жизни, не оскорбляя чувство изящнаго въ душѣ человѣческой. Нѣкоторые нападали на спутанность и неясность отношеній между игроками, на стихи, изрубленные какъ лапша въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ; а Пущинъ сказалъ, что Шаховской только по слухамъ знаетъ черныхъ игроковъ и что языкъ у нихъ и пріемы совсѣмъ другіе. Всѣхъ болѣе впился въ Шаховскаго Писаревъ и доказывалъ ему несообразность въ опредѣленіи характеровъ нѣкоторыхъ лицъ и непослѣдовательность, неестественность въ ихъ поступкахъ. Онъ даже говорилъ, что это не люди, а воплощенныя мысли князя Шаховскаго, что это безжизненныя куклы. И такъ, бѣдный князь Шаховской, не привыкшій къ такому

дружному и положительному охужденію, претерпѣлъ совершенное пораженіе. Онъ защищался, сколько могъ, но крѣпко призадумался и пріунылъ. Какъ-то и всѣ были, казалось, не очень довольны, что огорчили старика своею рѣзкою искренностью (*).

Рано позавтракавъ, рано сѣли обѣдать, а послѣ обѣда всѣ полегли спать, въ томъ числѣ и я. Но мнѣ не спалось; я взялъ себѣ въ провожатые одного изъ Бедринскихъ старожиловъ и пошелъ осматривать противоположный болотистый берегъ. Я нашелъ, что почти во всю длину озера или пруда, шириною сажень на сто, вплоть до небольшаго возвышенія, тянулось топкое, кочковатое торфяное болото, поросшее мелкимъ лѣсомъ. Не имѣя длинныхъ сапогъ, я не могъ изслѣдовать его самъ, но мой спутникъ ходилъ по немъ до самаго озера; я увидѣлъ, что почва колыхалась и опускалась подъ его ногами, и чѣмъ ближе къ водѣ, тѣмъ сильнѣе. Я убѣдился, что вода уже подмыла землянную поверхность этого болота, избитаго окнами или прососами, и что рано или поздно оно все превратится въ пловучіе острова, а вода займетъ его мѣсто до самаго того возвышенія, по которому я шелъ. Тогда-то Бедринское озеро, подумалъ я, будетъ по истинѣ великолѣпно (**).

(*) Князь Шаховской не продолжалъ этой комедіи, и, конечно, хорошо сдѣлалъ; но прологъ къ ней былъ гдѣ-то напечатанъ.

(**) Предсказанію моему не суждено было осуществиться. Послѣ смерти Кокошкина, Бедрино перешло въ другія руки, а можетъ быть

Я поспѣшилъ домой, чтобы поздравить Кокошкина съ блестящею будущностью, такъ горячо любимаго имъ, Бедринскаго озера; но къ удивленію моему, нашелъ все общество, занятое — картами. — «Какъ, — сказалъ я, — и въ деревнѣ понадобились карты! Это вѣрный знакъ, что пора въ Москву; это значитъ мы пресытились красотами весенней природы и всѣми деревенскими удовольствіями.» — Я смутилъ моихъ пріятелей своей ораторской выходкой, а самъ въ ту же минуту присоединился къ нимъ и съ увлеченіемъ занялся игрою. Впрочемъ, я поспѣшилъ сказать моимъ товарищамъ, что мы не деревенскіе жители, а городскіе гости, пріѣхавшіе въ подмосковную полюбоваться природой, и что для насъ простительно примѣшивать городскія забавы къ деревенскимъ. Шаховской былъ удивительно забавенъ въ игрѣ! Онъ все хитрилъ и считалъ свои хитрости непроницаемыми, но ихъ почти всѣ отгадывали, кромѣ Кокошкина; Писаревъ же умѣлъ такъ искусно его подлавливать, что бѣдной лысинѣ Шаховскаго и коричневому пятну на лбу доставались частые удары ладонью.

въ третьи и въ четвертыя. Теперь озеро спущено; въ глубинѣ лощины течетъ маленькій ручеекъ; острова осѣли на дно и приросли къ нему; а по всему логову прежняго бассейна, въ иныхъ мѣстахъ до двѣнадцати аршинъ глубиною, населеннаго множествомъ рыбы, производится изобильный сѣнокосъ.

После игры, я упросилъ Кокошкина и уговорилъ другихъ, чтобъ завтра воротиться въ Москву не къ вечеру, какъ предполагали, а къ обѣду. Всѣ приняли мое предложеніе безъ всякаго затрудненія, даже охотно, какъ мнѣ показалось. Я вспомнилъ, что у меня было нужное дѣло. И такъ, рѣшились на другой день только позавтракать въ Бедринѣ. Писаревъ, сначала спорившій со мною, соглашался съ однимъ условіемъ, чтобы завтра, часовъ въ пять утра, я поѣхалъ съ нимъ удить на большой лодкѣ, туда, гдѣ онъ удилъ сегодня. Я охотно согласился.

Къ большой радости Писарева, на другой день уженье было такъ же удачно и съ большой лодки, какъ и съ маленькой, особенно потому, что наканунѣ было выброшено много снулой рыбешки и червей: это была отличная прикормка для хищной рыбы. Окуни и щуки точно дожидались насъ, и въ короткое время мы поймали также двухъ щукъ и болѣе вчерашняго крупныхъ окуней. Часу въ двѣнадцатомъ, мы отправились въ Москву.

Дорогой мнѣ стало какъ-то грустно, и я мало принималъ участія въ веселыхъ разговорахъ моихъ спутниковъ. Бедринскій паркъ, озеро, пловучіе острова, весеннее утро, соловьиныя пѣсни и токованіе бекаса, вытѣснялись другими воспоминаніями, поднимавшимися со дна души. Я полонъ былъ этой борьбой. Но только въѣхали мы въ Рогожскую заставу, только обхватилъ меня шумъ, гамъ и говоръ, только замель-

кали передо мною лавочки съ калачами и цирюльни съ безобразными вывѣсками, только запрыгала наша коляска по мостовой, — какъ мгновенно исчезли и новыя и старыя воспоминанія, и мнѣ показалось, что я не выѣзжалъ изъ Москвы: два дня, проведенные въ деревнѣ, канули въ восемь мѣсяцевъ Московской жизни, какъ двѣ капли въ стаканъ воды.

Прежняя Московская жизнь потекла своимъ обыкновеннымъ порядкомъ. Каждую недѣлю, въ извѣстные дни, собиралось все наше общество у Кокошкина, у Шаховскаго и у меня; но видались мы ежедневно, даже не одинъ разъ. Загоскинъ и Щепкинъ завидовали нашему пребыванію въ Бедринѣ, о которомъ мы всѣ отзывались съ удовольствіемъ, а Писаревъ съ восторгомъ.

Служащіе при театрѣ Кокошкинъ, Загоскинъ и другіе, разумѣется, бывали въ немъ ежедневно; утромъ въ конторѣ, вечеромъ въ спектаклѣ. Но и мы съ княземъ Шаховскимъ почти отъ нихъ не отставали. Вниманіе Писарева было тогда особенно обращено на бенефисъ двухъ танцовщицъ, И. и З., для котораго онъ написалъ оперу-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, занявъ содержаніе у Фавара: «Пастушка, старушка, волшебница, или что нравится женщинѣ.» Одна изъ танцовщицъ играла тутъ говорящее лицо. Кн. Шаховской, усердно помогавшій Писареву, написалъ для этого бенефиса, вольными стихами: «Урокъ женатымъ», комедію въ одномъ дѣйствіи, и «Бене-

фиціантъ», премиленькую комедію-водевиль также въ одномъ дѣйствіи. Причина горячаго участія Писарева въ этомъ спектаклѣ, конечно, мнѣ и другимъ была извѣстна; но, къ несчастію, ничто не могло поколебать его безумнаго увлеченія. Этотъ бенефисъ шелъ 20-го Мая. Писаревъ до истощенія силъ хлопоталъ, чтобы вдохнуть жизнь въ игру хорошенькой, очень мило танцующей куклы—но увы, понапрасну! самъ же онъ считалъ себя Пигмаліономъ, а въ ней видѣлъ Галатею.

Теперь время сказать, какой имѣло успѣхъ мое намѣреніе сблизиться съ Мочаловымъ, сблизить его со всѣмъ нашимъ кругомъ и черезъ это сближеніе быть ему полезнымъ. Увы, никакого успѣха не имѣло мое доброе намѣреніе! Мочаловъ былъ одаренъ великимъ талантомъ; но самъ былъ уже неспособенъ къ усовершенствованію своего таланта. Громъ рукоплесканій и восторги публики совершенно его испортили. Онъ не любилъ безкорыстно искусства, а любилъ славу; онъ не вѣрилъ въ трудъ, въ науку, и хорошо зналъ, что какъ бы онъ ни игралъ свою роль, не только одно, вдохновенно сказанное слово, но всякая горячая выходка увлечетъ большинство зрителей и они станутъ превозносить его до небесъ. Онъ былъ въ этомъ правъ и доказалъ намъ свою правость на фактѣ, который превзошелъ даже его собственныя ожиданія. Не помню, въ какой-то новой переводной піесѣ, Мочаловъ игралъ большую и труд-

ную роль. Онъ игралъ совсѣмъ не то, что слѣдовало; но публика осыпала его рукоплесканіями и единодушно вызвала по окончаніи піесы. Торжествующій Мочаловъ, увидя на сценѣ Шаховскаго, подлетѣлъ къ нему съ низкими поклонами (онъ чрезвычайно уважалъ графовъ, князей и генераловъ, особенно военныхъ, которыхъ даже боялся) и сказалъ: «ваше сіятельство, хотя публика удостоила меня лестнаго одобренія-съ, но мнѣніе вашего сіятельства для меня всего дороже-съ. Можетъ быть-съ, я не всю роль игралъ правильно. Удостойте меня вашими замѣчаніями.» Шаховской отвѣчалъ ему: «хоть публика тебя, любезный Павелъ Степанычъ, и вызвала; но ты иглалъ челтъ знаетъ кого.» Шаховской сказалъ эти слова мимоходомъ и сейчасъ ушелъ. Мочаловъ обратился ко мнѣ и Писареву, и просилъ растолковать ему, отъ чего князь имъ недоволенъ. Мы растолковали, и на этотъ разъ показалось намъ, что онъ насъ понялъ. «Извольте,— сказалъ онъ намъ,— я исполню ваше желаніе-съ и послѣ завтра сыграю эту роль точно такъ, какъ вы требуете.» На другой день онъ прочелъ мнѣ всю роль въ полголоса, но со всѣми интонаціями; я былъ чрезвычайно доволенъ. На третій день, онъ сыгралъ два первые акта точно такъ, какъ обѣщалъ; но публика, встрѣтивъ его громкими рукоплесканіями, въ продолженіе двухъ актовъ уже ни разу ему не хлопнула. Мы всѣ, сидя въ директорской ложѣ, любовались Мочаловымъ и сер-

дились на публику. Наконецъ, въ третьемъ актѣ, въ срединѣ сильной сцены, которая была ведена прекрасно, а публикой принимаема равнодушно. Мочаловъ взглянулъ на меня, потрясъ немного головой, поднялъ свой голосъ октавы на двѣ и пошелъ горячиться. Это былъ совершенный разладъ и съ прежней его игрой и съ характеромъ роли; но публика точно проснулась и до конца піесы не переставала аплодировать. Увидавъ меня на сценѣ, Мочаловъ сказалъ мнѣ: «виноватъ-съ, не вытерпѣлъ; но, Сергѣй Тимоѳеичъ, вѣдь актеръ-съ играетъ для публики. Пять, шесть человѣкъ знатоковъ будутъ имъ довольны-съ, а публика станетъ звѣвать отъ скуки и, пожалуй, разъѣдется; повѣрьте, что сегодня не дослушали бы піесы, если бы я-съ не перемѣнилъ игру.» Онъ былъ неоспоримо правъ. Я пожалъ только плечами и сказалъ, что это правда, но очень горькая. Въ заключеніе, Мочаловъ просилъ меня не пересказывать его послѣднихъ словъ князю Шаховскому (которому сейчасъ говорилъ другое); онъ его какъ-то побаивался.

Мочаловъ былъ недовольно уменъ, не получилъ никакого образованія, никогда не былъ въ хорошемъ обществѣ, дичился и бѣгалъ его; Богъ знаетъ, изъ какихъ разсчетовъ женился онъ на дочери какого-то трактирщика, потомъ бросилъ жену и пилъ запоемъ. Сначала онъ хаживалъ ко мнѣ, только рано по утрамъ, чтобъ ни съ кѣмъ у меня не встрѣтиться. Мы

читали съ нимъ другъ другу — то Пушкина, то Баратынскаго, то Козлова, который ему почему-то особенно нравился. Много говорили о театрѣ, о сценическихъ условіяхъ, о той мѣрѣ огня и чувства, которою владѣли славные актеры; но я видѣлъ, что, не смотря на отвѣты Мочалова: «да-съ, точно такъ-съ, совершенно справедливо-съ,» — слова мои отскакивали отъ него, какъ горохъ отъ стѣны. Одинъ разъ Мочаловъ пришелъ ко мнѣ въ такомъ видѣ, что я долженъ былъ вывести его насильно, и съ тѣхъ поръ онъ у меня въ домѣ уже не бывалъ.

Во время нашихъ пріятельскихъ обѣдовъ и вечеровъ, рѣдко обходилось дѣло безъ картъ; но сначала обыкновенно что нибудь читали или слушали музыку. Иногда Писаревъ читалъ свои стихи, которыхъ, впрочемъ, онъ сталъ писать гораздо менѣе. Онъ прочелъ также переведенное имъ въ трехъ актахъ какое-то драматическое представленіе для будущаго бенефиса Щепкина: «Пятнадцать лѣтъ въ Парижѣ». Піеса показалась мнѣ скучновата. Но за то водевиль: «Пять лѣтъ въ два часа, или какъ дороги утки», переведенный имъ для бенефиса Синецкой, всѣхъ насъ заставилъ хохотать и восхищаться куплетами. Въ это время Писаревъ былъ особенно занятъ, по порученію Общества Любителей Русской Словесности, сочиненіемъ похвальнаго слова, уже нѣсколько лѣтъ умершему Капнисту: разумѣется и оно было прочтено нашему ареопагу. Но по

большей части читали на этихъ вечерахъ, стихи Шаховскаго, который, кромѣ своихъ театральныхъ сочиненій, имѣлъ время и несчастную претензію писать патріотическія стихотворенія (*) Одно изъ нихъ, чрезвычайно длинное, въ которомъ описывалась война 12-го года и торжество Русскихъ въ Парижѣ, ужасно надоѣло мнѣ. По несчастію, чтеніе мое нравилось автору, и я читалъ его тетрадищу плохихъ стиховъ не одинъ разъ. А что всего несноснѣе, — бывало, прочтешь около половины, какъ вдругъ войдетъ новый гость, и Шаховской непремѣнно скажетъ самымъ умильнымъ голосомъ, съ нѣжностью смотря мнѣ въ глаза: «Селгѣй Тимоѳеичъ, да мы повтолимъ для него сначаля»; и я, проклиная новаго гостя и Шаховскаго, повторялъ сначала. На такихъ собраніяхъ былъ прочтенъ, каждый разъ по одному акту, мой прежній переводъ Мольеровой комедіи «Школа мужей», по возможности мною выправленный и отданный на слѣдующій бенефисъ Щепкину, который тосковалъ по Мольерѣ и вообще по ролямъ, тре-

---

(*) Шаховской имѣлъ слабость придавать большую цѣну своимъ лирическимъ стихотвореніямъ. Въ 1830-го году, я напечаталъ, въ Мос. Вѣст., статью: о заслугахъ кн. Шаховскаго въ Русс. литературѣ, гдѣ, отдавая ему должную справедливость, я сказалъ, что лирическія его стихотворенія плохи. Кн Шаховской очень осердился. Хотя по истинѣ, онъ долженъ былъ благодарить меня, потому что никто не говорилъ о немъ печатно добраго слова. Статейку мою , я помѣщаю въ «приложеніяхъ.»

бующимъ работы. Я обѣщалъ ему перевесть на слѣдующій годъ Мольерова «Скупаго», и сдержалъ мое обѣщаніе.

Слушали мы, и съ наслажденіемъ, музыку и пѣніе Верстовскаго. Его: «Бѣдный пѣвецъ», «Пѣвецъ въ станѣ Русскихъ воиновъ», «Освальдъ или три пѣсни» Жуковскаго, и «Приди, о путникъ молодой» изъ Руслана и Людмилы, «Черная шаль» Пушкина и многія другія пьесы — чрезвычайно нравились всѣмъ, а меня приводили въ восхищеніе. Музыка и пѣніе Верстовскаго казались мнѣ необыкновенно драматичными. Говорили, что у Верстовскаго нѣтъ полнаго голоса; но выраженіе, огонь, чувство заставляли меня и другихъ не замѣчать этого недостатка. Одинъ разъ спросилъ я его: «отъ чего онъ не напишетъ оперы!» Верстовскій отвѣчалъ, что онъ очень бы желалъ себя попробовать, но что нѣтъ либретто. Я возразилъ ему, что, имѣя столько пріятелей-литераторовъ, хорошо знакомыхъ съ театромъ и пишущихъ для театра, не трудно, кажется, пріобрѣсть либретто. Верстовскій сказалъ, что у всякаго литератора есть свое серьёзное дѣло и что было бы совѣстно, если-бъ кто-нибудь изъ нихъ бросилъ свой трудъ для сочиненія ничтожной оперы. Я, однако, съ этимъ не согласился и, при первомъ случаѣ, напалъ на Кокошкина, Загоскина и Писарева: для чего никто изъ нихъ не напишетъ оперы для Верстовскаго, когда всѣ они, да и вся публика, признаютъ въ Верстов-

скомъ замѣчательный музыкальный талантъ? Мнѣ отвѣчали самыми пустыми отговорками: недосугомъ, неумѣньемъ и тому подобными пустыми фразами. Я разшумѣлся и кончилъ свои нападенія слѣдующими словами: «послушайте, господа: я ничего, никогда для театра не писывалъ; но вѣдь я осрамлю васъ, я напишу Верстовскому либретто!» — Кокошкинъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ и важностью, отвѣчалъ мнѣ: «милый! сдѣлай милость, осрами!» — Ободрительный смѣхъ Загоскина и Писарева ясно говорилъ, что они сочувствуютъ словамъ Кокошкина. По опрометчивости и живости моей, я не сообразилъ, до какой степени это дѣло будетъ ново и трудно для меня, и вызвался Верстовскому написать для него оперу и непремѣнно волшебную. Нечего и говорить, какъ былъ онъ мнѣ благодаренъ. Напрасно ломалъ я себѣ голову, какую бы написать волшебную оперу: она не давалась мнѣ, какъ кладъ. Я бросился пересматривать старинныя Французскія либретто, и наконецъ нашелъ одну — именно волшебную (*), и гдѣ были даже выведены Цыгане, чего Верстовскій очень желалъ. Мы оба придумали разныя перемѣны, исключенія и дополненія, и я принялся за работу. Первый актъ я кончилъ и началъ вто-

(*) Кажется, она называлась, по имени главнаго дѣйствующаго лица, волшебника, вызывающаго духовъ—«Заметти». Много каламбурили надъ словомъ «Заметти», придавая ему Русское значеніе.

рой, который открывался Цыганскимъ таборомъ. Дѣло кое-какъ подвигалось впередъ.... но я послѣ, въ своемъ мѣстѣ, разскажу, чѣмъ кончилась моя работа и какія имѣла послѣдствія.

Въ пріятельской нашей игрѣ въ карты и бесѣдахъ много происходило комическихъ сценъ между Шаховскимъ и Загоскинымъ, хотя они горячо и нѣжно любили другъ друга. Загоскинъ, въ свою очередь, часто бывалъ смѣшнѣе Шаховскаго: младенческое простодушіе, легковѣріе и вспыльчивость, во время которой онъ ничего уже не видѣлъ и не слышалъ, были достаточными къ тому причинами. Часто, посреди игры, всѣ мы остальные, положивъ карты, хохотали надъ ними до слезъ. Они безпрестанно спорили и ссорились, подозрѣвали другъ друга въ злонамѣренныхъ умыслахъ, и нерѣдко случалось, что одинъ другаго обвинялъ въ утайкѣ той карты, которая находилась у него самого на рукахъ; но одинъ разъ случилось особенно забавное происшествіе, впрочемъ не зависящее отъ картъ: ѣхали мы, то есть — я, Кокошкинъ, Загоскинъ и Писаревъ, въ условленный день, на вечеръ къ Шаховскому. Вдругъ Загоскинъ говоритъ: «надоѣлъ мнѣ Шаховской своими стихами; опять что-нибудь будетъ читать. Я придумалъ вотъ что: какъ пріѣдемъ, я заведу съ нимъ споръ. Скажу, что я сегодня прочелъ «Кумушекъ» Шекспира, и начну ихъ бранить; скажу, что Шекспиръ скотина, животное,—

Шаховской взбѣсится и посмѣшитъ насъ своими выходками и бормотаньемъ. Между тѣмъ, время пройдетъ; мы скажемъ, что слушать его стиховъ уже некогда, и сядемъ прямо за карты».—Мы охотно согласились, потому что какъ-то давно Шаховской съ Загоскинымъ не схватывались и не бранились. Пріѣхавъ къ Шаховскому, мы нашли у него Щепкина и еще двухъ пріятелей изъ нашего круга. Загоскинъ съ перваго слова повелъ свою атаку, и такъ неосторожно и неискусно, такъ по топорному, что Шаховской сейчасъ смѣтилъ его намѣреніе. Вмѣсто того, чтобъ разгорячиться, онъ весьма хладнокровно началъ подсмѣиваться надъ Загоскинымъ; сказалъ, между прочимъ, что съ малолѣтными и съ малоумными о Шекспирѣ не говорятъ; что вся Русская литература, въ сравненіи съ Англійской, гроша не стоитъ, и что такому отсталому народишку, какъ Русскій, надобно еще долго жить и много учиться, чтобы понимать и цѣнить Шекспира. Шаховской зналъ, что ничѣмъ нельзя такъ раздразнить Загоскина , какъ униженіемъ Русскаго народа; зналъ, что онъ подносилъ горящій фитиль къ боченку съ порохомъ. Такъ и случилось, — послѣдовалъ такой взрывъ, какого мы и не видывали! Загоскинъ совершенно вышелъ изъ себя, и не только уже отъ всей души принялся ругать Англію, Шекспира и Шаховскаго, но даже бросился на него съ кулаками. Разумѣется, его удержали. Онъ сейчасъ опомнился, и Шахов-

ской, прищуривъ свои маленькіе глаза и придавъ своему лицу, какъ онъ думалъ, самое насмѣшливое, язвительное выраженіе, сказалъ: «ну что, блатъ, ты хотѣлъ меня лаздлазнить и потѣшить публику, а я смекнулъ дѣломъ да лаздлазнилъ тебя; только чулъ впеледъ не длаться». Друзья сейчасъ помирились, мы всѣ до сыта насмѣялись, время было выиграно и цѣль достигнута; мы сѣли прямо за карты.

Въ Іюнѣ, въ бенефисъ Сабуровыхъ, дана была комедія въ одномъ дѣйствіи князя Шаховскаго, заимствованная изъ Шекспира, «Фальстафъ». Эта небольшая піеса была написана очень остроумно, живо и весело. Шаховской роль Фальстафа отдалъ молодому актеру Сабурову, и такъ же, какъ нѣкогда въ Петербургѣ отъ Сосницкаго, требовалъ отъ Сабурова, чтобъ онъ передразнилъ автора. Сабуровъ исполнилъ это, и съ поддѣльнымъ брюхомъ, носомъ и лысиной, съ перенятыми нѣкоторыми ухватками Шаховскаго, точно былъ на него нѣсколько похожъ, но видно не такъ, какъ Сосницкій, — и Шаховской остался доволенъ. О другихъ лѣтнихъ спектакляхъ не стоитъ и говорить.

Въ Московской журналистикѣ все было довольно тихо Въ «Вѣстникѣ Европы», доживавшемъ послѣдніе годы своей жизни, появлялись выходки Каченов-

скаго «о купечествѣ въ литературѣ» и о «Каланчѣ,» то-есть, о Московскомъ Телеграфѣ. Полевой отвѣчалъ очень умѣренно; перебранки между нимъ и Писаревымъ совершенно прекратились; но схватки издателя Телеграфа съ Сыномъ Отечества и Сѣверной Пчелою продолжались. Замѣчательное событіе въ журналистикѣ 1827 года, было появленіе «Московскаго Вѣстника,» учено-литературнаго журнала, издаваемаго г. Погодинымъ. Пушкинъ помѣщалъ въ немъ всѣ свои новыя стихотворенія. Въ первой его книжкѣ явился въ первый разъ извѣстный отрывокъ изъ «Бориса Годунова.» Сцена въ монастырѣ между лѣтописцемъ Пименомъ и инокомъ Григоріемъ произвела глубокое впечатлѣніе на всѣхъ простотою, силою и гармоніей стиховъ нериѳмованнаго пятистопнаго ямба; казалось, мы въ первый разъ его услышали, удивились ему и обрадовались. Не было человѣка, который бы не восхищался этой сценой. Но, кромѣ литературныхъ и ученыхъ достоинствъ, «Московскій Вѣстникъ» былъ журналъ честный. Критика его могла быть пристрастна, но никогда не основывалась на разсчетахъ и никого не хвалила изъ видовъ. Къ удивленію моему, этотъ журналъ, въ которомъ, кромѣ стиховъ Пушкина, исключительно въ немъ помѣщавшихся, много было прекрасныхъ статей самого издателя, а также гг. Хомякова, Шевырева, Веневитинова (скоро похищеннаго смертью), Венелина, Рожалина и другихъ,— не имѣлъ большаго успѣха. Разумѣется, Петербург-

скіе журналисты были противъ «Московскаго Вѣстника».

Между тѣмъ приближалась осень; указъ объ учрежденіи отдѣльнаго цензурнаго комитета въ Москвѣ былъ давно уже подписанъ и новый уставъ напечатанъ. Предсѣдателемъ комитета былъ утвержденъ К. М., а я цензоромъ. Говорили, что третьимъ цензоромъ будетъ С. Н. Глинка, съ которымъ мои сношенія какъ-то совсѣмъ прекратились. Наконецъ, въ началѣ Сентября, пріѣхалъ въ Москву предсѣдатель новаго цензурнаго комитета и привезъ съ собой секретаря, Новикова, природнаго Москвича. Я немедленно поѣхалъ познакомиться съ моимъ предсѣдателемъ и товарищемъ: предсѣдатель былъ въ то же время и цензоръ и никакихъ особенныхъ правъ не имѣлъ. Я нашелъ въ К. М. чрезвычайно любезнаго, ловкаго, умнаго и образованнаго человѣка; о нравственныхъ его качествахъ я не имѣлъ никакого понятія, и отъ всей души радовался такому товарищу: опытному, много служившему и все на свѣтѣ знающему человѣку, начиная отъ тайныхъ придворныхъ интригъ до Пинеттевскихъ штукъ въ картахъ. Предсѣдатель мой хотѣлъ немедленно открыть комитетъ и ежедневно тормошилъ для того университетское начальство; но извѣстно, что старые ученые люди, занятые своими головоломными дѣлами, двигаются не очень поспѣшно. Оказалось, что для помѣщенія новаго цензурнаго комитета, въ университетскихъ зданіяхъ, (какъ сказано было въ уставѣ) нѣтъ

мѣста, и что прежній цензурный комитетъ не приготовилъ къ сдачѣ своего архива, своихъ текущихъ дѣлъ, запрещенныхъ и неразрѣшенныхъ рукописей и пр. Но К. М. былъ не такой человѣкъ, который сталъ бы ждать и останавливаться такими препятствіями. Взявъ предписаніе отъ попечителя университета, бывшаго командира гренадерскаго корпуса, генералъ-лейтенанта А. А. Писарева, который былъ не то что начальникъ новаго цензурнаго комитета, а какой-то ходатай, черезъ котораго производились сношенія съ министромъ, — К. М. потащилъ съ собою ректора, профессора Двигубскаго, по всѣмъ зданіямъ, принадлежавшимъ университету, и сейчасъ нашелъ удобное помѣщеніе въ домѣ университетской типографіи: нужно было только сдѣлать какія-то поправки и небольшія передѣлки. Но чтобы не тратить времени въ ожиданіи этихъ передѣлокъ, иногда очень медленныхъ въ казенныхъ зданіяхъ, мой предсѣдатель, жившій на Вздвиженкѣ, въ великолѣпномъ домѣ графа Шереметева, съ которымъ былъ очень близокъ, приказалъ управляющему отвесть въ томъ же домѣ нѣсколько комнатъ для временнаго помѣщенія комитета, на что попечитель охотно согласился. Неготовность къ сдачѣ дѣлъ также нисколько не остановила моего предсѣдателя, который, имѣя въ рукахъ предписаніе министра о немедленномъ открытіи новаго цензурнаго комитета, не отставалъ отъ попечителя до тѣхъ поръ, покуда онъ не исполнилъ

его требованія. Сдачу же дѣлъ и архива положили сдѣлать послѣ. И такъ, въ исходѣ Сентября, въ залѣ университетскаго Совѣта или въ Правленіи (хорошенько не знаю), только помню, что на столѣ стояло зерцало, — собрались профессора, члены стараго цензурнаго комитета, подъ предсѣдательствомъ своего попечителя, явились и мы съ предсѣдателемъ и съ своимъ секретаремъ; прочли указъ, предписанія министра и наши утвержденія въ должностяхъ. Въ другой комнатѣ, въ присутствіи попечителя, привели насъ къ присягѣ. Сдали намъ нѣсколько бумагъ, книгъ и рукописей, и за тѣмъ попечитель и профессоры, поздравивъ насъ съ новыми должностями, раскланялись съ нами и оставили насъ однихъ. Предсѣдатель нашъ хорошо зналъ, что я и Новиковъ вовсе не знакомы съ канцелярскимъ порядкомъ, захотѣлъ позабавиться надъ нами и сказалъ: «господинъ секретарь, извольте исполнять вашу должность.» Новиковъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза, ничего не понимая, и наконецъ спросилъ: что будетъ угодно приказать? Предсѣдатель обратился ко мнѣ и сказалъ мнѣ очень серьезно: «Сергѣй Тимоѳеевичъ, не угодно ли вамъ потрудиться и вразумить г-на секретаря: въ чемъ состоитъ его должность. Онъ, какъ видно, ее не знаетъ.» Я сначала немного смѣшался; но зная, что К. М. большой шутникъ, предполагая и тутъ шутку, я, смѣясь, отвѣчалъ ему: «вы видите, что мы оба не знаемъ, что дѣлать: такъ научите насъ.» Пред-

сѣдатель нашъ расхохотался, взялъ листъ бумаги и написалъ, безъ помарки, журналъ открытія новаго «отдѣльнаго цензурнаго комитета»; мы всѣ трое подписали его; секретарь взялъ подъ мышку всѣ старыя дѣла и архивъ и отправился съ ними въ квартиру предсѣдателя, а я поѣхалъ домой. На другой день, въ Московскихъ Вѣдомостяхъ было напечатано объявленіе объ открытіи новаго цензурнаго комитета съ приглашеніемъ всѣхъ, имѣющихъ до него надобность, являться ежедневно съ девяти часовъ утра до трехъ часовъ по полудни. Разумѣется, было напечатано, гдѣ помѣщался комитетъ. На другой день я пріѣхалъ въ девять часовъ и нашелъ уже въ комитетѣ нѣсколько человѣкъ съ разными просьбами и надобностями, какъ-то: съ объявленіями о книгахъ, съ небольшими брошюрками и съ множествомъ разныхъ лубочныхъ картинокъ. Предсѣдатель сидѣлъ уже въ присутственной комнатѣ и разбиралъ разныя рукописи, оставшіяся не цензурованными въ прежнемъ комитетѣ. Черезъ полчаса, мы удовлетворили всѣхъ просителей и рукописи раздѣлили пополамъ. К. М. приказалъ Новикову написать опять журналъ, который мы всѣ трое подписали, по которому мы требовали деньги изъ Московскаго уѣзднаго казначейства, ассигнованныя на наше жалованье и содержаніе канцеляріи. Предсѣдатель поѣхалъ самъ за деньгами и воротился очень скоро. Мы пересчитали деньги; а какъ у насъ не было еще казеннаго сун-

дука для храненія ихъ въ университетскомъ казначействѣ, то мы взяли уже выслуженное нами жалованье, а остальную сумму, съ моего согласія, предсѣдатель вызвался беречь у себя. За тѣмъ, мы съ К. М. пошли въ его кабинетъ, находившійся черезъ одну комнату отъ комитета. Мы закурили трубки, позавтракали и стали дожидаться новыхъ посѣтителей, предполагая, что въ этотъ же день должны явиться къ намъ издатели журналовъ, въ чемъ и не ошиблись. Предсѣдатель условился со мной брать журналы по порядку: первый ему, второй мнѣ и т. д. Первый явился М. П. Погодинъ, котораго я до тѣхъ поръ и не видывалъ. Мы вышли въ присутственную *камеру*, какъ называлъ ее всегда Новиковъ, познакомились съ журналистомъ, и предсѣдатель мой объявилъ, что онъ самъ будетъ цензуровать «Московскій Вѣстникъ.» Погодинъ тутъ же вручилъ ему рукопись: «Повѣствованіе о Россіи, Николая Арцыбашева.» Погодинъ уѣхалъ, а мы воротились въ кабинетъ. К. М. развернулъ Погодинскую рукопись и сейчасъ мнѣ сказалъ: «любезнѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичь! чтобы внушить къ себѣ полное уваженіе, мы должны дѣйствовать съ строгою точностью, не отступая ни отъ одной буквы устава; вотъ эту рукопись я читать не буду: она написана слишкомъ мелко, особенно выноски и ссылки, которыхъ наберется не меньше текста. Я по службѣ обязанъ читать рукописи, но не обязанъ терять глазъ; въ уставѣ

именно есть параграфъ, въ которомъ сказано, что рукописи должны быть чисто, четко и разборчиво писаны.» Я посмотрѣлъ толстую тетрадь Арцыбашева и увидѣлъ, что она написана очень четко и что только ссылки и выписки изъ грамотъ написаны мелко. Я сказалъ моему предсѣдателю, что это слишкомъ строго, что если у него не слабы глаза, то рукопись прочесть очень можно. Потомъ я завелъ серьезный разговоръ съ нимъ о новомъ цензурномъ уставѣ и доказывалъ ему, что, если буквально его держаться и все толковать въ дурную сторону, на что уставъ давалъ полное право цензору, то мы уничтожимъ литературу, что я намѣренъ толковать все въ хорошую сторону. У насъ зашелъ горячій споръ.... въ самое это время доложили, что пріѣхалъ издатель Телеграфа. Мы опять вышли въ присутственную комнату. К. М. былъ знакомъ съ Полевымъ; но я увидѣлъ его также въ первый разъ, какъ и Погодина. Мы познакомились, и предсѣдатель объявилъ журналисту, что я буду цензоромъ его журнала. Полевой, конечно, зналъ о моей дружбѣ съ заклятымъ его врагомъ, А. И. Писаревымъ, и вообще о моемъ мнѣніи относительно редактора Московскаго Телеграфа. Ему, конечно, была очень непріятна моя цензура, да и мнѣ также. Я получилъ для просмотра отъ Полеваго большой свертокъ бумагъ. Издатель Телеграфа сейчасъ уѣхалъ, а мы съ предсѣдателемъ опять воротились въ кабинетъ

продолжать нашъ споръ: онъ длился до четырехъ часовъ и мы разстались, ни въ чемъ не согласившись, ни въ чемъ не убѣдивъ одинъ другаго.

Споръ о цензурномъ уставѣ съ моимъ предсѣдателемъ привелъ меня въ большое недоумѣнье. Мнѣ даже казалось, не хотѣлъ ли онъ испытать меня? Мнѣ не вѣрилось, чтобъ такой умный, свѣтскій, любезный и подъ-часъ веселый человѣкъ, могъ имѣть такія инквизиторскія понятія о цензурѣ. Чѣмъ болѣе я думалъ, тѣмъ болѣе утверждался въ этой мысли; но въ послѣдствіи К. М. убѣдилъ меня въ своей искренности.

Черезъ нѣсколько дней пришло опредѣленіе С. Н. Глинки и онъ явился къ намъ въ комитетъ. Предсѣдатель, не смотря на то, что я старался предварительно объяснить ему всѣ хорошія стороны нашего новаго товарища, глядѣлъ на него съ насмѣшкою, какъ на юродиваго или какъ на шута, но былъ очень вѣжливъ. Въ самомъ дѣлѣ, дико было смотрѣть на одѣтаго крайне небрежно, всегда съ полувыбритою бородою и странными движеніями, не подчиняющагося никакимъ формамъ общественнаго и служебнаго приличія — новаго нашего цензора. Ему достался «Дамскій Журналъ» кн. Шаликова; онъ былъ давно знакомъ съ издателемъ, и они, встрѣтясь въ комитетѣ, принялись осыпать другъ друга комплиментами на Французскомъ языкѣ. С. Н. Глинка распространился о Французской литературѣ и началъ

было декламировать Расина, — какъ вдругъ нашъ председатель, смотрѣвшій на нихъ съ язвительною усмѣшкою, наскучивъ ихъ болтовнею, безцеремонно сказалъ кн. Шаликову, что его дѣло по цензурѣ кончено и что комитетъ имѣетъ свои дѣла, нетерпящія отлагательства. Издатель Дамскаго Журнала сдѣлалъ кислую мину и сейчасъ раскланялся съ нами, однако съ большими учтивостями. Глинка наморщился: ему не понравилась выходка нашего председателя, который сейчасъ предложилъ Глинкѣ, какъ новому цензору, прочесть журналы, состоявшіеся до его вступленія. Но С. Н. Глинка не могъ сидѣть спокойно за столомъ на одномъ мѣстѣ: почитавъ немного, онъ началъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ и едва не запѣлъ какой-то Французской романсъ. Наконецъ не вытерпѣлъ, подошелъ къ председателю и сказалъ: «вы хозяинъ въ канцеляріи и у васъ всегда есть дѣло; цензоровъ и такъ здѣсь двое: мнѣ, третьему, совершенно нечего дѣлать; дайте мнѣ мою работу, то есть какую-нибудь рукопись и отпустите меня домой.» Председатель отвѣчалъ, что это совершенно отъ него зависитъ и что одного цензора довольно для постояннаго присутствія въ комитетѣ до трехъ часовъ; а какъ онъ здѣсь живетъ и до четырехъ никуда не выѣзжаетъ, то мы можемъ оставаться здѣсь столько, сколько намъ угодно. Глинка былъ очень доволенъ; взявъ огромную тетрадь, онъ проворно раскланялся съ нами, шаркнувъ и

притопнувъ ногой, по своей привычкѣ, и почти выбѣжалъ изъ комитета, махая своей, до невѣроятности измятой, изломанной шляпой, въ дверяхъ уже напѣвая и насвистывая какой-то куплетъ. Предсѣдатель называлъ его Діогеномъ, циникомъ, и очень забавлялся имъ, но безпрестанно повторялъ: «какой же онъ цензоръ, особенно при нынѣшнемъ уставѣ?» Желая вразумить меня, какъ осмотрительно и внимательно должно цензуровать журналы, онъ повелъ меня въ кабинетъ и показалъ мнѣ все, что онъ вымарываетъ красными чернилами изъ «Московскаго Вѣстника» и изъ какого-то несчастнаго дюжиннаго романа; я пришелъ въ совершенное недоумѣніе, а выслушавъ объясненія К. М., его подозрѣнія, догадки и соображенія, пришелъ въ ужасъ и негодованіе. Я не зналъ, что мнѣ ему сказать. Я уже догадывался, что говорить съ нимъ откровенно нельзя и не должно. Я отвѣчалъ, однако, что не вѣрю своимъ глазамъ и что не понимаю его. Онъ самодовольно улыбнулся и жалѣлъ о моей неопытности; но самъ сказалъ, что намъ нечего разсуждать и спорить объ этомъ предметѣ, потому что мы никогда не сойдемся; прибавилъ только, что при этомъ уставѣ я и трехъ мѣсяцевъ не пробуду цензоромъ. Я отвѣчалъ, что это для меня все равно. Послѣ такого нашего положительнаго объясненія, онъ оставался однако со мной въ самыхъ любезныхъ отношеніяхъ, разсказывалъ мнѣ много любопытныхъ подробностей изъ

своей жизни, и хотя онъ видимо умалчивалъ о многомъ, но я догадывался что онъ, какъ говоритъ Русскій народъ: «черезо все произошелъ». Ко многимъ своимъ способностямъ К. М. присоединялъ необыкновенное дарованіе писать по русски сильно, рѣзко и дѣльно; онъ показывалъ мнѣ толстую книгу писемъ, писанныхъ имъ для разныхъ лицъ, находившихся въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ,—писемъ къ Государю и къ другимъ особамъ Царской фамиліи, а также и къ разнымъ министрамъ. Всѣ письма были написаны мастерски и очень смѣло; писать такія бумаги была его страсть, и онъ самъ напрашивался на нихъ.

Такъ шли дѣла недѣли три. Въ одинъ день, пріѣхавъ въ комитетъ, я долго сидѣлъ одинъ, читая и подписывая всякій вздоръ, какъ вдругъ председатель прислалъ мнѣ сказать,что онъ нездоровъ и проситъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Я пришелъ. К. М., очень разстроенный, протянулъ мнѣ руку, крѣпко пожалъ мою и сказалъ: «конечно, вы не ожидаете, какую я сообщу вамъ новость: я отставленъ отъ службы; меня увѣдомляетъ объ этомъ правитель канцеляріи министра Просвѣщенія, а завтра получится оффиціальная бумага о моемъ увольненіи.» Я былъ пораженъ, какъ громомъ, и только могъ промолвить: «что же это значитъ?» — «Враги мои — съ горячностію сказалъ К. М, — я ихъ очень хорошо знаю, — успѣли очернить меня. Прошу васъ сохранить секретъ до завтра. Ахъ еслибъ знали вы, продолжалъ онъ самымъ

встревоженнымъ голосомъ, въ какое ужасное положеніе приводитъ меня эта отставка!» — Мнѣ стало его очень жаль. Въ самое это время доложили, что пріѣхалъ Погодинъ. К. М. велѣлъ сказать, что онъ нездоровъ и проситъ г. Погодина къ себѣ въ кабинетъ. Погодинъ вошелъ; но предсѣдатель былъ уже другой человѣкъ: онъ встрѣтилъ журналиста спокойно, величаво и грозно. «Милостивый государь, сказалъ онъ, журналъ вашъ имѣетъ самое вредное направленіе; только для перваго раза я вымарываю, а не вношу въ комитетъ для запрещенія ваши статьи.» И онъ началъ показывать Погодину разныя мѣста, зачеркнутыя красными чернилами. «Отрывокъ же изъ повѣсти вашей — продолжалъ онъ — таковъ, что я не смѣю его вынести изъ моего кабинета, потому что въ той комнатѣ (онъ указалъ на комитетъ) я долженъ буду преслѣдовать васъ судебнымъ порядкомъ. Повѣсть ваша вся зачеркнута. Получили вы, для болѣе разборчивой переписки, рукопись г. Арцыбашева?» Погодинъ отвѣчалъ, что «рукопись эта написана рукою самого автора, съ неимовѣрною точностью, по особенной методѣ знаковъ и сокращеній, что всякій переписчикъ необходимо надѣлаетъ сотни ошибокъ, а потому онъ рѣшается не печатать статьи и возвратить рукопись автору.» — Я весь вспыхнулъ отъ негодованія и ушелъ изъ кабинета; когда же Погодинъ, совершенно разстроенный, проходилъ чрезъ комитетъ, я остановилъ его и шепнулъ ему

на ухо: «предсѣдатель отставленъ отъ службы: завтра я возьму цензуровать вашъ Вѣстникъ.» Можно себѣ представить радость Погодина. Я сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ, не говоря ни одного слова, уѣхалъ. Долго не могъ я успокоиться; такъ взволновалъ меня поступокъ К. М. Вся жалость моя исчезла, и я не пошелъ къ нему въ кабинетъ. Кончивъ поскорѣе свое дѣло и приказавъ секретарю не безпокоить предсѣдателя подписаніемъ бумагъ, а оставить ихъ до завтра, я сейчасъ уѣхалъ.

На другой день получена была бумага объ увольненіи предсѣдателя и предписаніе министра исправлять мнѣ его должность; третьимъ цензоромъ назначенъ былъ извѣстный писатель, В. В. Измайловъ. Черезъ мѣсяцъ, комитетъ перемѣстился въ домъ университетской типографіи, и я весь погрузился въ исполненіе моей должности, которую очень полюбилъ, потому что она соотвѣтствовала моей склонности къ литературѣ.

Посвящая всякій день шесть часовъ присутствію въ комитетѣ, гдѣ, въ свободное отъ просителей время, я читалъ на просторѣ рукописи спокойнѣе, чѣмъ дома, я уже не могъ удѣлять столько времени на пріятельскія бесѣды и частыя посѣщенія театра, какъ прежде. Пріятели посмѣивались надо мною, и я теперь охотно сознаюсь, что въ самомъ дѣлѣ было нѣчто комическое въ моемъ излишнемъ увлеченіи, усердіи и уваженіи къ моей должности; но таково

было ужъ мое свойство. Опера для Верстовскаго сильно затянулась. Это меня безпокоило. Но въ одинъ благополучный часъ дѣло получило неожиданный и самый счастливый исходъ: я убѣдилъ Загоскина, который оканчивалъ свой «Благородный театръ», сочинить либретто для Верстовскаго, и онъ, кончивъ свой важный трудъ, принялся писать оперу: «Панъ Твардовскій». Тутъ было забавное обстоятельство, въ которомъ выражалась добродушная оригинальность Загоскина. Въ «Панѣ Твардовскомъ» также выведены были цыгане, и также второе дѣйствіе открывалось цыганскимъ таборомъ, пѣснями и плясками. Загоскину очень нравилась написанная мною цыганская пѣсня, но помѣстить ее въ своей оперѣ, безъ оговорки, онъ ни зачто не хотѣлъ; оговариваться же, что пѣсня написана другимъ, ему казалось — не ловко и странно. Долго онъ находился въ пресмѣшномъ раздумьи: наконецъ пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ: «Нѣтъ, братъ, всей твоей пѣсни ни за что не возьму, а уступи ты мнѣ четыре стиха; но отрекись отъ нихъ совершенно. Позабудь, что ты ихъ написалъ, и никому не сказывай.» Я охотно согласился. Вотъ эти четыре стиха:

«Голодъ, жажду, холодъ, зной,
Иногда мы сносимъ;
Но не чахнемъ надъ сохой,
Но не жнемъ, не косимъ!»

Всего же забавнѣе, что черезъ нѣсколько дней Загоскинъ опять пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ: «Нѣтъ, душа моя, не могу взять и четырехъ стиховъ; это много; дай только два послѣдніе.» Разумѣется, я на это также охотно согласился; эти два стиха и теперь находятся въ его прекрасной цыганской пѣснѣ, которую превосходно положилъ на музыку А. Н. Верстовскій, и которая впослѣдствіи встрѣчена была публикой съ восторгомъ. Пѣсня эта сдѣлалась народною и много лѣтъ наигрывали ее органы, шарманки, пѣли Московскіе Цыгане и пѣлъ Московскій и даже подмосковный народъ. Она начинается такъ:

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ;
Но счастливѣй, веселѣй
Всѣхъ вельможъ могучихъ.

Рано съ солнцемъ не встаемъ
Для чужой работы;
Лишь проснулись — и поемъ....
Нѣтъ у насъ заботы! и проч.

Вмѣстѣ съ октябрьской холодной погодой, опять закашлялъ Писаревъ, опять возобновились мои безпокойства, потому что характеръ кашля мнѣ не нравился; при томъ же Писаревъ былъ въ высшей степени неостороженъ или, лучше сказать, онъ не понималъ, что такое осторожность. Къ этому при-

соединились другія обстоятельства, которыя усилили мое безпокойство. Писаревъ жилъ до сихъ поръ у Кокошкина. Вдругъ объявилъ онъ мнѣ рѣшительно, что нанимаетъ квартиру и хочетъ жить особо. Это меня удивило, тѣмъ болѣе, что я зналъ недостаточность его денежныхъ средствъ. Въ тоже время дошелъ до меня вѣрный слухъ, что Писаревъ хочетъ жениться на извѣстной особѣ и потому переѣзжаетъ на квартиру. Я сейчасъ объяснился съ нимъ и съ горячностью напалъ на его намѣреніе. Писаревъ выслушалъ меня спокойно и потомъ сказалъ: «Ты совершенно правъ, любезный другъ: я безусловно согласенъ съ тобой. Признаюсь, прежде я точно хотѣлъ сдѣлать эту глупость, но самъ начиналъ уже колебаться; твои же слова совершенно открыли мнѣ глаза. Я не женюсь; но тѣмъ неменѣе переѣзжаю на свою квартиру и хочу жить *своимъ домомъ.*» Я понялъ очень хорошо его цѣль, и хотя она мнѣ также не нравилась, хотя я попробовалъ возстать противъ нея горячо; но убѣдить Писарева въ справедливости моего мнѣнія не было никакой возможности, и онъ немедленно исполнилъ свое несчастное намѣреніе.

Не помню, кѣмъ именно былъ затѣянъ въ это время спектакль, который надобно было дать въ подмосковномъ селѣ Рожественѣ, въ день рожденія Московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Димитрія Владимировича Голицына. Въ село свое Рожест-

вено онъ уѣжалъ иногда для отдохновенія и обыкновенно проводилъ въ немъ день своего рожденія. Князь Голицынъ былъ всѣми очень любимъ, и этимъ праздникомъ всѣ занимались съ большимъ усердіемъ и одушевленіемъ. Загоскинъ для спектакля написалъ очень живую и забавную интермедію; Писаревъ — прекрасные куплеты, а Верстовской — прекрасную на нихъ музыку. Эта интермедія отличалась тѣмъ, что нѣкоторыя лица играли самихъ себя: А. А. Башиловъ игралъ Башилова, Б. К. Данзасъ—Данзаса, Писаревъ — Писарева, Щепкинъ — Щепкина и Верстовской—Верстовскаго, сначала прикидывающагося оставнымъ хористомъ, Реутовымъ (*). Разумѣется, спектакль давался сюрпризомъ. Я всегда былъ неохотникъ до подобныхъ сюрпризовъ начальнику отъ подчиненныхъ; а въ этотъ разъ имѣлъ особенныя причины быть очень недовольнымъ: я боялся за здоровье Писарева. Но дѣлать было нечего, и 29-го Октября онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ другими въ Рожествено, кажется слишкомъ за 30 верстъ, для пред-

(*) Я видѣлъ этотъ спектакль. Онъ былъ повторенъ въ Москвѣ, въ домѣ Кокошкина, для многочисленныхъ почитателей князя Голицына, которымъ не удалось быть въ Рожественѣ. Вся эта интермедія напечатана въ 1845 году г-мъ Араповымъ; но въ ней сдѣлана одна ошибка. Въ печати Реутовъ говоритъ: «не плюй вербу въ кашу», а онъ долженъ сказать: «лѣплю вербу въ кашу», что гораздо болѣе соотвѣтствуетъ первому стиху Французскаго романса: «le plus vert bocage.»

ставленія этой интермедіи. Опасенія мои, къ несчастію, оправдались. Холодъ и сырость поздней осени сильно подѣйствовали на Писарева. Онъ возвратился въ Москву съ большимъ кашлемъ и даже небольшой лихорадкой. Я хотѣлъ было снова обратиться къ М. Я. Мудрову; но Писаревъ, по общему совѣту нашихъ общихъ пріятелей, пожелалъ лѣчиться у перваго тогда практика въ Москвѣ, котораго сами доктора называли «княземъ врачей», Григорья Яковлевича Высоцкаго. Знаменитость его была не прихоть публики, увлекающейся иногда шарлатанствомъ, не мода: Высоцкой ее заслуживалъ. Я самъ былъ очень хорошо знакомъ съ нимъ и самъ имѣлъ случай быть свидѣтелемъ его вѣрнаго взгляда на очень опасныхъ больныхъ, которыхъ онъ вылѣчилъ чудесно: слѣдовательно, я не имѣлъ причинъ не согласиться съ желаніемъ Писарева. Мы вмѣстѣ отправились къ Высоцкому, которому я наканунѣ обстоятельно разсказалъ всю исторію болѣзни Писарева и постарался возбудить участіе къ больному. Послѣ внимательныхъ разспросовъ и осмотровъ, Высоцкой сказалъ, что ничего еще нѣтъ опаснаго и даже важнаго, но можетъ быть и то и другое, если болѣзнь будетъ запущена. Онъ прописалъ лѣкарства, діэту, образъ жизни и запретилъ больному выѣзжать. Когда Писаревъ хотѣлъ поблагодарить, какъ водится, за совѣтъ и рецепты, Григорій Яковлевичъ оттолкнулъ руку Писарева съ 25-ти рублевой

бумажкой и сказалъ смѣясь: «вы заплатите мнѣ вашими будущими сочиненіями; дня черезъ два я заѣду къ вамъ.» — Писаревъ былъ необыкновенно доволенъ и веселъ, и я опять успокоился. Въ самомъ дѣлѣ, больному вскорѣ стало гораздо лучше, и черезъ двѣ недѣли, не переставая впрочемъ кашлять своимъ обыкновеннымъ зимнимъ кашлемъ, онъ началъ выѣзжать, съ разрѣшенія доктора. Въ одномъ только Писаревъ не слушался Высоцкаго: онъ продолжалъ сильно заниматься; въ одно и тоже время онъ дописывалъ похвальное слово Капнисту, переводилъ водевиль для бенефиса Щепкина и переводилъ романъ Вальтеръ-Скотта: «Певериль дё Пикъ,» — для пріобрѣтенія средствъ къ жизни, *своимъ домомъ*, какъ онъ любилъ выражаться (*).

Мои дѣла по цензурному комитету шли очень мирно и успѣшно. Нѣтъ ничего мудренаго, что литераторы, и крупные и самые мелкіе, всѣ журналисты, книгопродавцы, содержатели типографій и букинисты, были очень довольны существованіемъ новаго комитета. Всѣ требованія по текущимъ книжнымъ дѣламъ исполнялись немедленно; кто подавалъ брошюрку листа въ два или три, тотъ, даже не выходя изъ комитета, получалъ ее обратно, про-

(*) Писаревъ перевелъ 1-й томъ и нѣсколько листовъ 2-го. Желая, чтобы было выполнено намѣреніе и обѣщаніе покойнаго моего друга, я окончилъ переводъ этого романа и напечаталъ.

цензурованною. Этого не могъ дѣлать прежній цензурный комитетъ, состоявшій изъ профессоровъ, занятыхъ постоянно своимъ ученымъ дѣломъ, для которыхъ просматриванье книгъ и всякаго литературнаго хлама, книжныхъ объявленій, картинокъ и пр., было излишнею тягостью, ничѣмъ невознаграждаемою; да и комитетъ ихъ собирался одинъ разъ въ недѣлю. Строгости новаго цензурнаго устава никто не чувствовалъ, потому что не было ни малѣйшей надобности прибѣгать къ ней, если цензоръ не имѣлъ собственнаго желанія пускаться въ злонамѣренныя толкованія. Издатель Московскаго Телеграфа сначала пробовалъ сблизиться со мной; я откровенно ему сказалъ, что «только какъ цензоръ я могу быть въ сношеніяхъ съ г-мъ Полевымъ; что же касается до исполненія моей обязанности, то, безъ сомнѣнія, онъ самъ видитъ мою полную готовность къ скорому и снисходительному удовлетворенію его требованій.» Съ издателемъ же Московскаго Вѣстника, М. П. Погодинымъ, и сотрудникомъ его, С. П. Шевыревымъ, я познакомился и сблизился очень скоро. Я даже предложилъ Погодину писать для него статьи о театрѣ, съ разборомъ игры Московскихъ актеровъ и актрисъ, что могло разнообразить и оживлять его журналъ. Издатель былъ очень благодаренъ, и для помѣщенія моихъ статей о театрѣ, прилагалъ къ каждой книжкѣ Московскаго Вѣстника по листу и по два, подъ весьма неправильнымъ названіемъ:

«Драматическихъ прибавленій.» Я постоянно участвовалъ небольшими статейками въ Московскомъ Вѣстникѣ, и въ 1830-мъ году, когда журналисты, прежде покланявшіеся Пушкину, стали безсовѣстно нападать на него, я написалъ письмо къ Погодину о значеніи поэзіи Пушкина и напечаталъ въ его журналѣ. Я помѣщаю это письмо въ «Приложеніяхъ»; Пушкинъ былъ имъ очень доволенъ. Не зная лично меня и не зная, кто написалъ эту статейку, онъ сказалъ одинъ разъ въ моемъ присутствіи: «никто еще, никогда не говаривалъ обо мнѣ, то есть, о моемъ дарованіи, такъ вѣрно, какъ говоритъ, въ послѣднемъ № Московскаго Вѣстника, какой-то неизвѣстный баринъ».

Будучи давно и даже коротко знакомъ съ С. Н. Глинкой и пользуясь всегда его уваженіемъ, я имѣлъ возможность сдерживать его неправильные порывы и подчинять его дѣйствія установленнымъ формамъ. В. В. Измайловъ былъ человѣкъ очень тихихъ свойствъ; опасаясь строгости устава, онъ бывалъ иногда слишкомъ робокъ; но я нашелъ средство совершенно его успокоить: всякое сомнительное мѣсто цензуруемой имъ рукописи онъ вносилъ на разсмотрѣніе въ общее присутствіе комитета; а мы съ С. Н. Глинкой, по большинству голосовъ, пропускали его; дѣло записывалось въ журналъ, и Измайловъ, какъ цензоръ, уже не подвергался отвѣтственности. Убѣдительнымъ доказательствомъ, что новый уставъ не внушалъ опасеній

и не стѣснялъ литературы,—служили три просьбы объ изданіи новыхъ журналовъ съ будущаго 1828 года. Извѣстный своими заслугами ученый, К. Ѳ. Калайдовичь, просилъ дозволенія издавать журналъ отечественной исторіи, словесности и критики, подъ названіемъ: «Русскій Зритель,» по двѣ книжки въ мѣсяцъ, съ приложеніемъ разныхъ картинокъ и въ томъ числѣ старинныхъ нарядовъ (*). Также извѣстный профессоръ въ Москвѣ, М. Г. Павловъ, подалъ просьбу о дозволеніи издавать журналъ: «Атеней», содержаніе котораго должны были со-

(*) Несчастная болѣзнь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ постигшая К. Ѳ. Калайдовича, излѣченіе отъ которой сократило его жизнь, извѣстна всѣмъ. Говорили коротко знавшіе его люди, что самая мысль издавать журналъ была уже признакомъ умственнаго разстройства; но я, прежде не знавшій Калайдовича, не только тогда, когда онъ подавалъ просьбу въ комитетъ (почему и познакомился со мною), но даже въ послѣдствіи, когда онъ печаталъ первую книжку своего журнала, я не замѣчалъ въ немъ ни малѣйшаго разстройства. Прежде, чѣмъ до меня достигла молва объ его помѣшательствѣ, онъ предупредилъ меня самъ объ этой молвѣ, и съ такимъ спокойствіемъ, съ такою ясностью и отчетливостью разсказалъ мнѣ источникъ этого слуха, что я совершенно повѣрилъ Калайдовичу и спорилъ съ другими, утверждавшими противное. Калайдовичь увѣрилъ меня, что этотъ слухъ распущенъ его врагами, чтобъ лишить его какого-то выгоднаго мѣста, имъ занимаемаго. Но печальная истина наконецъ обнаружилась.—«Русскій Зритель» былъ однако издаваемъ цѣлый годъ людьми, принимавшими живое участіе въ его несчастномъ издателѣ: одну книжку издалъ я, другую — В. Н. Каразинъ, третью — Погодинъ, четвертую — Шевыревъ, пятую — А. Ф. Томашевскій, остальныхъ не помню.

ставлять: исторія наукъ, словесность и критика, — по двѣ книжки въ мѣсяцъ. Наконецъ, извѣстный же въ Москвѣ литераторъ, le Cointe Delaveau, вошелъ съ прошеніемъ: издавать журналъ на Французскомъ языкѣ «Bulletin du Nord.» Комитетъ немедленно ходатайствовалъ о дозволеніи издавать вышепомянутые журналы, а какъ разрѣшеніе тогда зависѣло отъ министерства Народнаго Просвѣщенія, то и было получено очень скоро.

Прошелъ Ноябрь. Писаревъ продолжалъ кашлять, работать и выѣзжать. Лѣкарства, избавившія его отъ усиленнаго кашля и лихорадочнаго состоянія, дальнѣйшаго дѣйствія не имѣли. Г. Я. Высоцкой говорилъ, что это ничего, что съ наступленіемъ теплой погоды онъ примется за Писарева и вылѣчитъ его радикально.

1-го Декабря былъ бенефисъ Мочалова. Неутомимый Шаховской поддоброхоталъ ему огромнѣйшую комедію въ пяти дѣйствіяхъ, взятую изъ романа Вальтеръ-Скотта; она называлась «Судьба Нинджеля, или все бѣда для несчастнаго.» Я уже говорилъ объ этомъ несчастномъ спектаклѣ, котораго дослушать со вниманіемъ не было никакой возможности; къ концу піесы многіе зрители разъѣхались. Мы дружно напали на Шаховскаго и упрекали его, что онъ не послушалъ нашихъ предостереженій. Сильно сконфуженный авторъ, безпрестанно нюхая табакъ, или свои пальцы, вымаранные въ табакѣ, сознавался, что

«надобно немноско посоклатить; только жаль: все это длагоцѣнности, не мои, а Валтел-Скотта; вплочемъ лусская публика еще молода для такой сельозной комедіи; дѣлать нечего: я соклащу, соклащу».... но сокращенія не послѣдовало, а піесу даже не повторили.

Въ это время шла уже постановка на сцену комедіи Загоскина: «Благородный театръ.» Я не видывалъ, чтобъ князь Шаховской когда-нибудь такъ хлопоталъ о своей піесѣ, какъ онъ хлопоталъ объ этой комедіи. Почти на всѣхъ репетиціяхъ, я сидѣлъ подлѣ князя и слышалъ все его бормотанье съ самимъ собою: «Плелесть, плелесть!» шепталъ онъ; «какое богатое комическое положеніе, какая веселость, какіе счастливые стихи! Откуда это все белется?... Господь Богъ ему посилаетъ.» Одинъ разъ Шаховской даже вскочилъ, треснулъ себя по лысинѣ и закричалъ, какъ могъ, своимъ дикимъ голосомъ: «Это лучшая комедія изъ всѣхъ втолоклассныхъ Французскихъ комедій, котолыми плославились ихъ автолы.» Актерами Шаховской также восхищался, и, по истинѣ, эта комедія была разыграна съ такимъ совершенствомъ, какого я на Московской сценѣ не видывалъ (*). Новая комедія Загоскина была принята

(*) Въ первый разъ «Благородный театръ» былъ данъ 28 Декабря 1827 года; по крайней мѣрѣ такъ напечатано было въ Московскихъ вѣдомостяхъ; подлинный же репертуаръ сгорѣлъ вмѣстѣ со всѣмъ театральнымъ архивомъ въ послѣднемъ пожарѣ Петровскаго театра.

публикой съ непрерывающимся смѣхомъ и частымъ, но сейчасъ утихающимъ хлопаньемъ; только по временамъ или по окончаніи актовъ, взрывы громкихъ, общихъ и продолжительныхъ рукоплесканій выражали удовольствіе зрителей, которые до тѣхъ поръ удерживались отъ аплодисментовъ, чтобъ не мѣшать самимъ себѣ слушать и смѣяться. Я не стану давать отчета въ ходѣ этого прекраснаго спектакля и въ относительномъ совершенствѣ многихъ Московскихъ артистовъ. Я подробно говорилъ объ этомъ въ біографіи Загоскина.

Приступаю теперь къ разсказу самаго тяжелаго и грустнаго времени въ моихъ «Воспоминаніяхъ». Я уже сказалъ, что Писаревъ продолжалъ кашлять и неутомимо работать. Онъ кончилъ, поправилъ и вторично прочелъ намъ и переписалъ на бѣло отличнымъ почеркомъ «Слово въ память Капниста». Всѣ мы были увлечены силою и красотою языка, стройностью и глубокимъ чувствомъ, и даже чувствительностью, съ которою было написано это сочиненіе; послѣдняго качества мы никогда не замѣчали во всемъ, что писалъ Писаревъ, и это насъ всѣхъ изумило. Имѣя слабую грудь и голосъ, онъ поручилъ мнѣ чтеніе своей прекрасной статьи въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности. — Довольно большая піеса для бенефиса Щепкина: «Пятнадцать лѣтъ въ Парижѣ или всѣ друзья одинаковы», драматическое представленіе въ трехъ дѣйствіяхъ, была уже давно

готова и даже процензурована. Послѣ нея долженъ былъ идти мой переводъ комедіи Мольера «Школа мужей», а въ заключеніе спектакля, назначеннаго 26-го Января будущаго 1828 года, шелъ водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ Французскаго Писаревымъ: «Средство выдавать дочерей за-мужъ.» Это была его послѣдняя работа для театра, и хотя водевиль состоялъ изъ пустаго, впрочемъ забавнаго фарса, но Писаревъ занимался имъ съ особенной любовью и очень былъ доволенъ куплетомъ:

«Ахъ, дочери — мученье!
Скажите, кто имъ радъ?
Плати за ихъ ученье,
Плати за ихъ нарядъ;
А подростутъ поболѣ,
Тогда отца и мать
Спросите вы, легко ли
Ихъ за-мужъ выдавать?»

Никому изъ насъ Писаревъ еще не читалъ своего послѣдняго перевода, потому что торопился его переписать и послать въ цензуру. Въ одинъ ужасно холодный день, градусовъ въ тридцать мороза, онъ пріѣхалъ ко мнѣ послѣ обѣда и прочелъ по черновому списку свой водевиль. По несчастью я недавно переѣхалъ на новую и очень холодную квартиру. Писаревъ озябъ, и кончивъ чтеніе, поспѣшно уѣхалъ,

кажется къ В. М. Бакунину, у котораго князь Шаховской, Загоскинъ и другіе изъ нашего круга проводили этотъ вечеръ; онъ хотѣлъ прочесть также и имъ свой водевиль. Уѣзжая, Писаревъ былъ необыкновенно блѣденъ, часто кашлялъ и казался усталымъ; сколько я ни уговаривалъ его, сколько ни просилъ, чтобъ онъ не ѣздилъ въ такую стужу и не читалъ два раза въ одинъ вечеръ своего водевиля—онъ меня не послушалъ и уѣхалъ.

На другой день я получилъ извѣстіе, что Писаревъ жестоко боленъ. Не могу съ точностью опредѣлить число этого рокаваго дня. Мнѣ кажется, что Писарева уже не было въ театрѣ при первомъ представленіи комедіи «Благородный театръ.» Слѣдовательно, онъ захворалъ окончательно до 28-го Декабря 1827 года. Я немедленно поѣхалъ и нашелъ у Писарева Кокошкина и Г. Я. Высоцкаго, который очень сердился на больнаго и на всѣхъ насъ за то, что мы допустили его до такой сильной простуды. Когда я вышелъ провожать доктора въ другую комнату, онъ сурово сказалъ мнѣ: «Теперь штука поважнѣе; онъ очень простудился и получилъ воспаленіе въ печени; съ этимъ дѣломъ я слажу, но оно будетъ имѣть сильное вліяніе на весь его организмъ, а до теплой погоды еще далеко.» — Слова эти потрясли меня; но скрѣпя сердце, я воротился къ больному и увѣрилъ, что Высоцкій не придаетъ важности его болѣзни. Тутъ я узналъ, что вчера въ квартирѣ

у Бакунина было очень жарко, что Писаревъ читалъ свой водевиль, очень усталъ, сильно вспотѣлъ и мокрый, въ тридцати-градусный морозъ, въ ваточной шинели, воротился домой; у него сейчасъ оказалась лихорадка, съ острою болью въ боку и трудностію дыханья. — Огорченный до глубины души, я отправился въ свой комитетъ. Возвращаясь домой, заѣхалъ къ Писареву: жаръ не уменьшался, но дыханіе стало не такъ тяжело и боль не такъ остра; піявки и другія лѣкарства уже оказали свое дѣйствіе. На слѣдующій день я опять съѣхался съ Высоцкимъ, который нашелъ Писарева въ лучшемъ положеніи и сказалъ, что воспаленіе черезъ нѣсколько дней пройдетъ, но что больной ослабѣетъ и долженъ будетъ пролежать долго въ постели, совершенно отстранивъ отъ себя всякое безпокойство, волненіе и умственное занятіе; даже чтеніе позволилъ слушать только самое легкое. Сверхъ того докторъ находилъ, что квартира сыра и совѣтовалъ при первой возможности перемѣнить ее. Легко отдавать такія приказанія, да исполнять трудно. При раздражительности характера Писáрева, которая должна была усилиться отъ болѣзни въ печени, при недостаткѣ средствъ, при недостаткѣ ухода, какое тутъ спокойствіе? Всѣ друзья ежедневно его навѣщали, но отъ этого никакой пользы не было, а иногда и вредъ. Домашнее хозяйство больнаго находилось въ жалкомъ положеніи: молодая экономка ничего въ немъ не

смыслила и умѣла только плакать. Съ помощью Кокошкина, который любилъ Писарева и принималъ въ немъ большое участіе, я устроилъ по возможности уходъ около больнаго. Всего было лучше то, что Кокошкинъ радушно предложилъ перевезть Писарева въ новый свой домъ, находившійся противъ того, въ которомъ обыкновенно жилъ Кокошкинъ (*). Прекрасная, сухая квартира въ нижнемъ этажѣ, по счастію, была не занята. Разумѣется, это перемѣщеніе предполагалось сдѣлать тогда, когда больной нѣсколько оправится. Кокошкинъ совершенно справедливо говорилъ: «Милый, это все равно, что въ одномъ со мной домѣ; я могу всякой день по нѣскольку разъ его видѣть; хозяйствомъ имъ заниматься будетъ не нужно: кушанье будетъ готовиться у меня, и переносить его черезъ улицу не трудно; печи будетъ топить подряженный мною на годъ дровяникъ. Къ тебѣ также поближе; и куда бы ты ни поѣхалъ, тебѣ Арбатскихъ воротъ не миновать.» Но кромѣ этихъ весьма существенныхъ выгодъ, было еще обстоятельство, которое я считалъ не менѣе важнымъ — и не ошибся: въ томъ же домѣ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ Писарева, жила наша первая актриса, М. Д. Синецкая; она любила Писарева,

(*) Домъ, въ которымъ жилъ Кокошкинъ, находится у Арбатскихъ воротъ, на углу Воздвиженки, принадлежитъ теперь г. Левшину. Въ томъ домѣ нѣкогда жилъ Карамзинъ и писалъ Исторію Росс. Государства.

какъ брата, и я былъ увѣренъ, что она не оставитъ его безъ участія и помощи, а умнаго женскаго участія при постели больнаго — ничто замѣнить не можетъ. Писареву становилось день отъ дня лучше и через двѣ недѣли, закутавъ съ ногъ до головы въ шубу и одѣяла, мы перевезли его благополучно на новую квартиру. Больной, будучи очень слабъ, радовался, какъ ребенокъ, новому своему помѣщенію; мы также были всѣ очень рады, потому что, конечно, въ домѣ Кокошкина Писареву было гораздо спокойнѣе и лучше во всѣхъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ вокругъ больнаго жизнь текла своей неизмѣнной чередой и всѣ дѣла шли своимъ обычнымъ порядкомъ. 4-е Января былъ данъ бенефисъ г-жи Борисовой. Играли новую анекдотическую комедію-водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ кн. Шаховскаго: Өедоръ Григорьевичь Волковъ или день рожденія Русскаго театра.» Эта піэса тогда только была вполнѣ всѣми нами оцѣнена, когда была сыграна. Должно признаться, что когда намъ читалъ Шаховской свою комедію-водевиль, то мы не поняли ея достоинствъ, и я думалъ, что на сценѣ выйдетъ изъ нея какая-то возня и суматоха: такъ показалась мнѣ она сложна и даже запутана. Для другихъ могло служить оправданіемъ то, что они слушали комедію-водевиль одинъ разъ, читанную самимъ кн. Шаховскимъ, а моимъ читателямъ извѣстно, каково было его чтеніе; но мнѣ нѣтъ никакого извиненія. Я бралъ

рукопись къ себѣ на домъ, прочелъ и остался при моемъ прежнемъ мнѣніи, хотя многія сцены отдѣльно, при чтеніи, мнѣ понравились болѣе. Мы дѣлали даже замѣчанія Шаховскому; но онъ не смущался, не слушалъ насъ и, улыбаясь, говорилъ: «а вотъ посмотлите, что будетъ на сценѣ.» Онъ былъ правъ: именно сцену зналъ превосходно Шаховской. Онъ очень усердно занимался постановкою своей піэсы, а мы и не смотрѣли ея репетиціи, потому что всѣ болѣе или менѣе были отвлечены болѣзнью Писарева; когда же увидѣли Волкова, превосходно разыграннаго на сценѣ, то мы ахнули отъ изумленія, признали «Волкова» однимъ изъ лучшихъ произведеній Шаховскаго и сознались въ своей ошибкѣ. Публика приняла піэсу съ единодушнымъ и шумнымъ одобреніемъ, вызвала автора и осыпала громомъ продолжительныхъ рукоплесканій. Обо всемъ было подробно донесено Писареву, и онъ, не смотря на свою слабость, принялъ живое участіе въ торжествѣ Шаховскаго и очень ему радовался, сказавъ, что «также, какъ и мы, не ожидалъ такого успѣха.»

13-го Января, въ бенефисъ г-на Булахова, была дана опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ: «Бѣлая волшебница», уже давно переведенная Писаревымъ, кажется съ Французскаго. Это былъ трудъ для денегъ: бенефиціантъ заплатилъ ему 300 р. асс.; всѣ же другіе водевили Писарева — были подарки артистамъ. Къ переводу «Бѣлой волшебницы» переводчикъ былъ

совершенно равнодушенъ, хотя онъ стоилъ ему большой работы: онъ долженъ былъ всѣ аріи писать уже на готовую музыку и располагать слова по нотамъ: дѣло очень скучное.

Со дня переѣзда на новую свою квартиру, Писаревъ первое время чувствовалъ себя какъ будто свѣжѣе и крѣпче. Онъ вставалъ съ постели, въ теченіи дня, часа на два, или на три; принимался даже продолжать свой переводъ «Певериля,» и слабою рукою, въ разные пріемы, перевелъ десять страницъ, старательно скрывая отъ насъ свою работу. Я съ безпокойствомъ замѣчалъ, что больной чувствовалъ усталость, не свободно дышалъ, не свободно откашливался, слышалъ боль и тяжесть въ печени, и не имѣлъ аппетита: пилъ же много, особенно ночью. На мои вопросы Высоцкой обыкновенно отвѣчалъ: «хорошаго мало, да и дурнаго покуда нѣтъ; какъ-нибудь дотянемъ до весны, а тамъ поправимся.»

Водевиль Писарева въ двухъ дѣйствіяхъ «Пять лѣтъ въ два часа, или какъ дороги утки,» за нѣсколько мѣсяцевъ переведенный имъ съ Французскаго, для бенефиса М. Д. Синецкой, шелъ 20-го Января. Когда князь Шаховской началъ ставить піэсу на сцену, что обыкновенно дѣлалось въ теченіи послѣдней недѣли передъ бенефисомъ, Писаревъ пригласилъ къ себѣ актеровъ и актрисъ и просилъ прочесть по ролямъ тѣхъ, которые не знали ролей

наизусть. Писаревъ остался совершенно доволенъ всѣми артистами, особенно Щепкинымъ и Рязанцевымъ; онъ безпрестанно улыбался, глядя на ихъ мастерскую игру. Въ самомъ дѣлѣ, они оба были хороши до совершенства, да и водевиль необыкновенно забавенъ и отличался прелестными куплетами. Писаревъ, вѣроятно, утомился и почувствовалъ себя хуже. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней, онъ пришелъ въ прежнее положеніе. Во время представленія водевиль былъ принятъ публикою съ восхищеніемъ и громкими рукоплесканіями. По окончаніи піэсы, большинство зрителей, не знавшихъ о болѣзни Писарева, вызывало его съ большимъ увлеченьемъ. Принуждены были объявить, что переводчикъ боленъ и его нѣтъ въ театрѣ; но переводчикъ и больной не оставался въ этотъ вечеръ равнодушнымъ въ своему водевилю, нетерпѣливо ждалъ извѣстія, какъ онъ прошелъ, и былъ очень доволенъ его успѣхомъ. Къ несчастью, всякое волненіе, даже пріятное, вредило Писареву, а причинъ къ волненію жизнь представляетъ много, да и самъ больной всегда найдетъ ихъ, особенно такой раздражительный больной, какъ Писаревъ. Чтеніе водевиля и разсказы о первомъ представленіи его на сценѣ, безъ сомнѣнія, были ему вредны. Я видѣлъ, что больной становился слабѣе и наконецъ почти уже не вставалъ съ постели.

27-го Января, въ бенефисъ Щепкина, были разыграны послѣдніе труды для театра Писарева —

въ послѣдній разъ при его жизни. Первая піэса, о которой я уже не одинъ разъ говорилъ «Пятнадцать лѣтъ въ Парижѣ» и проч., показалась публикѣ скучной, да и въ самомъ дѣлѣ она была длинна и разыгрывалась какъ-то вяло. Эта скука приготовила благосклонный пріемъ моему переводу «Школы мужей». — Мольеръ, котораго давно не слыхали на Московской сценѣ, оживилъ зрителей; мастерская же игра Щепкина и всѣхъ другихъ лучшихъ нашихъ артистовъ, потому что піэса была обставлена превосходно, доставила рѣшительный успѣхъ этой комедіи. Если бы не лежалъ на сердцѣ моемъ тяжелый камень, то конечно, этотъ вечеръ доставилъ бы мнѣ живѣйшее удовольствіе. Въ первый разъ, я слышалъ свои стихи, произносимые на сценѣ (*) отличными актерами и актрисами, часто прерываемые взрывомъ смѣха и рукоплесканій. Не смотря на сердечное горе, я не могъ оставаться равнодушнымъ. По окончаніи піэсы я былъ вызванъ горячо и единодушно. Это было лестно для моего самолюбія; но я по совѣсти говорю, что не былъ ни увлеченъ, ни

(*) «Школа мужей» за нѣсколько лѣтъ еще была разыграна въ Петербургѣ, безъ меня, и тоже съ успѣхомъ, какъ мнѣ писали. Впрочемъ, гдѣ-то было напечатано объ этомъ и переводъ мой названъ *не дюжиннымъ*; а правду сказать, онъ былъ тогда именно *дюжиннымъ*, и комедія, отчасти, переложена на Русскіе нравы, по существовавшему тогда варварскому обычаю.—Разумѣется, впослѣдствіи все это было, по возможности, исправлено мною.

обольщенъ, а только взволнованъ; даже не вдругъ согласился на убѣжденія Кокошкина и Загоскина выйдти въ директорскую ложу, чтобы раскланяться съ публикой. Я сначала просилъ ихъ объявить, что меня нѣтъ въ театрѣ, хотя это было бы странно и неловко, потому что всѣ знакомые меня видѣли. Въ воображеніи моемъ безпрестанно представлялся Писаревъ, блѣдный, съ осунувшимся лицемъ, тяжелодышащій, лежащій на своей постели, возлѣ которой на стулѣ дремала сидѣлка...... — Водевиль Писарева «Средство выдавать дочерей за мужъ,» которымъ заканчивался бенефисный спектакль, былъ разыгранъ прекрасно и принятъ публикою очень хорошо; но все не такъ, какъ онъ заслуживалъ. Вѣроятно публика, поскучавъ въ первой піэсѣ и повеселясь второю, уже утомилась и желала поскорѣе разъѣхаться. Впрочемъ нѣсколько голосовъ начали было громко вызывать переводчика, но, вѣроятно, сосѣди сказали имъ о его болѣзни, и голоса замолкли. Писаревъ взялъ съ меня честное слово, что я заѣду къ нему по окончаніи спектакля, какъ бы это ни было поздно. Онъ сказалъ мнѣ, что у него свечера нѣтъ настоящаго сна, какая-то дремота, и что если я не заѣду, то онъ и дремать не станетъ. Я заѣхалъ; Писаревъ не спалъ. Кто-то изъ нашихъ общихъ пріятелей успѣлъ уже прежде меня побывать у него прямо изъ театра, и Писаревъ встрѣтилъ меня словами: «Поздравляю тебя съ блистательнымъ успѣхомъ.

Моя первая піэса не понравилась публикѣ; но я радъ, что хотя послѣднимъ водевилемъ моимъ я раздѣлилъ съ тобою торжество.» И блѣдная, исхудалая рука его, и въ тоже время горячая, слабо сжимала мою руку, а голосъ перерывался. Больной не вдругъ отпустилъ меня, я принужденъ былъ разсказать ему много подробностей о ходѣ спектакля и уѣхалъ уже часа въ два. Я никогда не видывалъ Писарева въ эту пору, и мнѣ показалось, что онъ находится въ лихорадочномъ состояніи. У меня родилось подозрѣніе, что у больнаго всякій день, по ночамъ, бываетъ лихорадка, разрушающая его ослабленный организмъ. Никогда еще мысль о неизбѣжной и скорой смерти Писарева не представлялась мнѣ съ такою достовѣрностью.

Я уже съ недѣлю не видалъ Высоцкаго. Онъ ежедневно навѣщалъ больнаго; но всегда въ тѣ часы, когда я сидѣлъ въ цензурномъ комитетѣ. На другой день поутру, послѣ ночной бесѣды съ Писаревымъ, я отправился прямо къ Высоцкому и, не заставъ его дома, оставилъ ему записку, въ которой сообщалъ мое подозрѣніе относительно ночной изнурительной лихорадки у больнаго. Заѣхавъ къ Писареву, я нашелъ его нѣсколько въ лучшемъ положеніи, и разспросивъ окружающихъ, узналъ, что у больнаго, къ утру, былъ потъ, послѣ котораго онъ почувствовалъ облегченіе. Я уѣхалъ въ комитетъ, и опять Высоцкой пріѣзжалъ безъ меня, и

никакихъ перемѣнъ въ лѣкарствахъ не сдѣлалъ. На третій день я заѣхалъ къ Писареву изъ комитета, и сидѣлка подала мнѣ, потихоньку отъ больнаго, записку Высоцкаго. Онъ писалъ, что мои безпокойства напрасны, что никакой изнурительной лихорадки нѣтъ, а есть волненіе, передъ выступленіемъ пота, происходящаго отъ слабости. При всемъ моемъ уваженіи къ знаменитому врачу, я не могъ ему вполнѣ повѣрить. При ближайшихъ моихъ наблюденіяхъ надъ больнымъ, въ разные часы дня и ночи, я еще болѣе убѣдился въ существованіи лихорадки. Я видѣлся потомъ, не одинъ разъ, съ Высоцкимъ, доказывалъ ему справедливость моего заключенія; докторъ упорно не соглашался, хотя и сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ лѣкарствахъ. Я до сихъ поръ не могу понять, отчего происходило такое упорство? Могъ ли такой славный, практическій врачъ, какимъ былъ тогда Гр. Як. Высоцкой, не видѣть изнурительной лихорадки у больнаго и близкой его опасности, очевидной для всѣхъ? Если же онъ видѣлъ, то не могъ изъ одного упрямства утверждать противное? Я думаю теперь, что онъ хорошо и ясно понималъ дѣло, зналъ неминуемую гибель и не сказывалъ мнѣ и другимъ, не желая насъ безполезно тревожить. Такъ шло время до половины Февраля; мы собирались иногда у Писарева по вечерамъ, человѣка по два и по три, не болѣе, часа за три передъ обѣдомъ. Въ эту пору

онъ чувствовалъ себя нѣсколько крѣпче; играли съ нимъ, лежащимъ въ постели, въ карты, а если онъ скоро утомлялся, то мы играли одинъ между собою, у его постели, а онъ смотрѣлъ кому нибудь въ карты и занимался игрою; но скоро и это развлеченіе стало его утомлять. Чтенія онъ не могъ уже слушать: оно раздражало его слухъ и головные нервы. И такъ, намъ оставалось сидѣть у него и говорить между собою о такихъ предметахъ, которые бы его не возмущали, а развлекали.

Медленно тянулся Великій постъ. Театральная дѣятельность прекратилась, а вмѣстѣ съ ней изсякъ источникъ разныхъ новостей, анекдотовъ и происшествій, которые прежде мы могли сообщать больному и въ которыхъ онъ не переставалъ принимать иногда даже живое участіе. Послѣднее житейское событіе, обратившее на себя вниманіе Писарева, — было публичное собраніе Общества Любителей Русской Словесности, въ которомъ я долженъ былъ прочесть написанное Писаревымъ «Похвальное слово Капнисту.» Я читалъ его много разъ самъ для себя и нѣкоторыя мѣста зналъ наизусть. Я обработалъ, какъ умѣлъ, свое чтеніе и надѣялся, что сочиненіе Писарева произведетъ сильное впечатлѣніе на слушателей. Писаревъ это зналъ и, будучи не въ состояніи выслушать всю піэсу, просилъ меня прочесть ему нѣкоторыя мѣста. Онъ былъ вполнѣ доволенъ; впрочемъ онъ былъ всегда пристрастенъ къ

моему чтенію. Въ этомъ же публичномъ засѣданіи Общества я долженъ былъ читать отрывки изъ моего перевода осьмой сатиры Буало «на человѣка.» Писарева очень занимало и это чтеніе, потому что одинъ изъ моихъ отрывковъ, по его мнѣнію, какъ разъ можно было примѣнить къ издателю Московскаго Телеграфа. Наконецъ наступилъ вечеръ публичнаго собранія Общества. Зала была полна посѣтителей и посѣтительницъ изъ лучшаго Московскаго круга; въ томъ числѣ находился и Московскій военный ген. губернаторъ, кн. Дм. Вл. Голицынъ. Всѣ ученые, литераторы, дилеттанты наукъ и литературы, артисты по всѣмъ отраслямъ искусствъ, — всѣ были тамъ. Это было самое цвѣтущее время Общества. Я не ошибся въ моемъ ожиданіи: «Похвальное слово» Писарева въ память Капниста было выслушано съ большимъ вниманіемъ, сочувствіемъ и живѣйшими знаками одобренія. Я читалъ очень удачно. Мысль, что краснорѣчивая и одушевленная рѣчь объ умершемъ уже въ старости поэтѣ — написана молодымъ, умирающимъ поэтомъ и драматическимъ писателемъ, безъ сомнѣнія, потрясала души всѣхъ слушателей, способныхъ сочувствовать такому горестному событію. Нечего и говорить, какъ я самъ былъ глубоко проникнутъ этимъ чувствомъ, и какъ оно сильно выражалось въ моемъ чтеніи. Потомъ я читалъ отрывки изъ моего перевода, также весьма

удачно и съ большимъ успѣхомъ. Читая нижеприведенные стихи, я вдругъ увидѣлъ, прямо противъ меня стоящаго, Полеваго. Всѣ, знавшіе насъ обоихъ и наши отношенія, обратили на него глаза, многіе нескромно улыбались, и смущенный Полевой исчезъ въ толпѣ, какъ скоро я кончилъ чтеніе:

И такъ, трудись теперь, профессоръ мой почтенный,
Копти надъ книгами, и день и ночь согбенный!
Пролей на знанія людскія новый свѣтъ,
Пиши творенія высокія, поэтъ —
И жди, чтобъ мелочей какой-нибудь издатель,
Любимцевъ публики безсовѣстный ласкатель,
Который разумѣть языкъ недавно сталъ,
Перомъ завистливымъ тебя вездѣ маралъ....
Конечно, для него довольно и презрѣнья!...
Холодность публики — вотъ камень преткновенья,
Вотъ бичъ учености, талантовъ и трудовъ! и проч.

Не нужно доказывать, что мой поступокъ былъ вовсе неумышленный: я перевелъ сатиру въ деревнѣ, еще не зная о существованіи Полеваго. Я никогда не замѣчалъ его въ числѣ слушателей, во время публичныхъ засѣданій Общества, и, конечно, не могъ ожидать, чтобъ онъ явился для выслушанія стиховъ, которые можно было примѣнить къ нему, и чтобъ онъ всталъ со стула, какъ нарочно, для привлеченія на себя общаго вниманія. Когда я, проѣхавъ

изъ Общества прямо къ Писареву, разсказалъ ему это происшествіе, онъ улыбнулся прежнею своей злою улыбкой, которая говорила: «ништо ему». Съ сожалѣніемъ я долженъ сказать, что онъ ненавидѣлъ Полеваго.

Писареву становилось хуже и хуже. 1-го Марта хотѣлъ было онъ написать записку и поздравить одну очень любимую и уважаемую имъ женщину со днемъ ея рожденья, но дрожащая его рука писала однѣ каракульки; онъ бросилъ съ досадой перо и сказалъ: «такимъ почеркомъ я только напугаю.» На другой день онъ просилъ меня продать книгопродавцу Ширяеву: «Бѣлую волшебницу», «Пятнадцать лѣтъ въ Парижѣ» и четыре водевиля: «Дядя на прокатъ», «Двѣ записки», «Какъ дороги утки» и «Средство выдавать дочерей за мужъ.» — «Продай за что нибудь,» — сказалъ мнѣ Писаревъ слабымъ голосомъ; «Ширяевъ предлагалъ мнѣ прежде по 150 руб. за каждый водевиль въ одномъ актѣ». — Я поѣхалъ прямо къ Ширяеву и продалъ всѣ 6 піэсъ, числомъ 11 актовъ, за тысячу рублей ассигнац. Возвращаясь изъ комитета, я заѣхалъ къ Писареву и отдалъ ему деньги. Онъ былъ очень доволенъ, спросилъ свой маленькій ларчикъ, положилъ въ него тысячу рублей и заперъ ключикомъ. Кончивъ эту, для него уже тяжелую работу, онъ сказалъ съ какой-то странной улыбкой: «пригодятся.»

Я повидался съ Высоцкимъ; онъ сказалъ мнѣ, что съ нѣкотораго времени у больнаго появилось опять раздраженіе въ печени, что завтра онъ ощупаетъ его при мнѣ, для чего и просилъ, чтобъ я непремѣнно пріѣхалъ въ три часа. «Писаревъ уже два раза не дался осмотрѣть себя, продолжалъ Григорій Яковлевичь, а васъ, вѣроятно, послушается: мнѣ необходимъ хирургическій осмотръ.»

Высоцкой пріѣхалъ въ условленный часъ, и Писаревъ весьма неохотно, но согласился дать себя ощупать. Какъ только Высоцкой впустилъ свои пальцы подъ ребра больнаго, — больной болѣзненно вскрикнулъ, оттолкнулъ съ досадою руку доктора и раздраженнымъ голосомъ сказалъ: «какой вы!... настоящій хирургъ! Вы мнѣ бокъ проткнули!» Высоцкой не отвѣчалъ и болѣе не безпокоилъ больнаго, прописалъ новое лѣкарство и, выйдя со мною въ другую комнату, сказалъ: «ну, теперь дѣло плохо: у него рецидивъ воспаленія въ печени, а онъ такъ слабъ, что я даже піявокъ не смѣю поставить.» — Я давно чувствовалъ, что дѣло плохо, и говорилъ Высоцкому не одинъ разъ; я напомнилъ объ этомъ и теперь; но Высоцкой утверждалъ, что плохо стало недавно. «Скажите, Григорій Яковлевичь, прямо: имѣете ли вы какую-нибудь надежду?»—спросилъ я.— «Какъ докторъ — никакой; а какъ христіанинъ — вѣрю въ чудеса Божьяго милосердія,» — отвѣчалъ Высоцкой.

Я сообщилъ Кокошкину и другимъ роковой приговоръ Высоцкаго. Всѣ были глубоко огорчены. Подумавъ вмѣстѣ, мы рѣшились однако собрать консиліумъ. Я поѣхалъ къ Высоцкому и сообщилъ ему наше желаніе. Онъ былъ очень доволенъ и сказалъ, что онъ самъ желалъ консиліума, не для больнаго, а для себя, но не хотѣлъ вводить его въ безполезныя издержки. Григорій Яковлевичъ, по моему желанію, пригласилъ на консиліумъ Мудрова и Маркуса.

Когда, на другой день, узналъ Писаревъ о назначенномъ консиліумѣ, то сквозь зубы сказалъ: «а, понимаю». Напрасно я старался его увѣрить, что это я требовалъ консиліума, что Высоцкой и слышать о немъ не хотѣлъ, считая его ненужнымъ, и что онъ даже разсердился на меня: Писаревъ слегка улыбался, молчалъ и тяжело дышалъ. Консиліумъ собрался въ назначенный часъ. Каждый изъ докторовъ о чемъ-нибудь спросилъ больнаго; кто пощупалъ пульсъ, кто посмотрѣлъ языкъ, но до бока Писаревъ не позволилъ дотронуться. При больномъ нельзя было говорить по-Латыни (онъ зналъ этотъ языкъ,) и потому Высоцкой, передъ консиліумомъ, въ другой комнатѣ разсказалъ исторію болѣзни. Послѣ консиліума доктора опять ушли въ эту комнату, но уже не совѣщались, а прописавъ, для успокоенія больнаго, какія-то невинныя лѣкарства, разъѣхались. — У подъѣзда, садясь въ карету, М. Я. Мудровъ, никогда не

говорившій по-Французски, сказалъ мнѣ: «il est perdu, mon cher.» — Я предчувствовалъ это давно, положительно зналъ изъ послѣднихъ словъ Высоцкаго, но слова Мудрова прозвучали въ моихъ ушахъ какимъ-то новымъ, будто неожиданнымъ смертнымъ приговоромъ. Мнѣ бы слѣдовало сейчасъ воротиться къ больному, но я долго не могъ овладѣть собою и придти къ нему съ спокойнымъ лицомъ. Я велѣлъ сказать, что поѣхалъ за лѣкарствомъ, а самъ просидѣлъ въ другой комнатѣ и въ волю поплакалъ. Лились и другія, искреннія слезы...... но слезы ничему не помогаютъ. Лѣкарства принесли изъ аптеки. Я вооружился твердостью и съ веселымъ лицемъ поспѣшно вошелъ къ Писареву: больной дремалъ, и я въ первый разъ замѣтилъ, что онъ тихо бредитъ. Съ этой ночи онъ часто впадалъ въ забытье и, какъ скоро закрывалъ глаза—сейчасъ начиналъ бредить. Всѣхъ узнавалъ; но говорилъ мало и съ трудомъ. 12-го Марта я пріѣхалъ къ Писареву поутру, ранѣе обыкновеннаго, и сейчасъ замѣтилъ какое-то неестественное одушевленіе въ его глазахъ, и больной тверже обыкновеннаго сказалъ мнѣ: «Ты кстати пріѣхалъ. Посиди у меня, я хочу пріобщиться. Это лѣкарство лучше». Я отвѣчалъ, что могу остаться, сколько ему угодно. Церковь Бориса и Глѣба у Арбатскихъ воротъ находилась въ нѣсколькихъ саженяхъ, прямо противъ квартиры Писарева. Вскорѣ пришелъ священникъ. Писаревъ исповѣдался, пріоб-

щился спокойно и твердо, и когда я вошелъ къ нему въ комнату, то былъ пораженъ выраженіемъ его лица: на немъ сіяла свѣтлая радость!—«Поздравь меня, другъ мой», сказалъ больной, довольно звучнымъ голосомъ. «Я надѣюсь, что мнѣ будетъ лучше; только жаль, что свѣчка погасла: это дурная примѣта.» Часа два находился Писаревъ гораздо въ лучшемъ положеніи, и слабый лучъ надежды начиналъ прокрадываться въ мое сердце. Всѣ наши друзья перебывали у него по одиначкѣ, каждый минуты на двѣ, чтобы не утомить больнаго. Часа въ два пополудни Писаревъ опять впалъ въ забытье. Бредъ усилился — и не прекращался. 15-го Марта, рано утромъ, пріѣхалъ я къ больному и нашелъ его уже на столѣ. Въ 5 часовъ утра догорѣло пламя жизни и тихо погасло. Невозмутимое спокойствіе, умъ и благообразіе выражались во всѣхъ чертахъ лица покойника.

Такъ кончилъ свою жизнь, на 27 году, Александръ Ивановичъ Писаревъ. Великія надежды возлагали на него всѣ коротко знавшіе его необыкновенный умъ, многосторонній талантъ, душевную энергію и нравственныя силы. Онъ похороненъ въ Покровскомъ монастырѣ.

Для гг. любителей біографіи и библіографіи—считаю лишнимъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о Писаревѣ его театральныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ и

сыгранныхъ до моего переѣзда въ Москву. Эти свѣдѣнія могутъ служить дополненіемъ къ литературной дѣятельности Писарева, о которой я говорилъ въ моихъ «Воспоминаніяхъ»; они взяты изъ писемъ его ко мнѣ.

Писаревъ родился 1803 года, Іюля 14-го, Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда, въ селѣ Знаменскомъ, принадлежавшемъ его отцу. По пятому году Писаревъ не только умѣлъ читать по-Русски и по Французски, но даже любилъ чтеніе. Вообще въ дѣтствѣ своемъ онъ возбуждалъ удивленіе во всѣхъ окружавшихъ его — своимъ рановременнымъ, необыкновеннымъ умомъ. (*) Тринадцати лѣтъ онъ былъ отданъ въ университетскій пансіонъ и черезъ четыре года вышелъ изъ него вторымъ ученикомъ 10-го класса. Имя его, какъ отличнаго воспитанника, было написано на золотой доскѣ. Еще въ пансіонѣ онъ съ увлеченіемъ занимался Русской литературой, а по выходѣ изъ него, вполнѣ предался ей. Сначала писалъ множество стиховъ, но потомъ совершенно овладѣла имъ Московская театральная сцена. Едва ли не первымъ трудомъ его для театра былъ переводъ стихами съ Французскаго (кажется, съ кѣмъ-то вмѣстѣ) комедіи «Проказники». — Первый водевиль, переведенный Писаревымъ, назывался «Лотерея,» который, вѣроятно, не былъ игранъ, потому что никто изъ театральныхъ старожиловъ о томъ

(*) Извлеченіе изъ письма ко мнѣ матери Писарева.

не помнитъ; но у меня есть письмо Писарева, въ которомъ онъ пишетъ, что посылаетъ въ цензуру свой первый водевиль «Лотерея.» Потомъ слѣдуетъ водевиль «Учитель и ученикъ, или въ чужомъ пиру похмѣлье», игранный 24-го Апрѣля 1824 года, въ пользу Сабуровыхъ. Водевиль имѣлъ блистательнѣйшій успѣхъ. Особенно понравился куплетъ:

Извѣстный журналистъ Графовъ (Каченов.)
Задѣлъ Мишурскаго (к. Вязем.) разборомъ.
Мишурской, не теряя словъ,
На критику отвѣтилъ вздоромъ:
Пошли писатели шумѣть,
Писать, браниться отъ бездѣлья....
А публикѣ за что-жъ терпѣть
Въ чужомъ пиру похмѣлье? —

Второй водевиль Писарева «Проситель» не имѣлъ большаго успѣха. Въ 1824 же году, 4-го Ноября, въ пользу г. Сабурова (?), была дана комедія «Наслѣдница,» передѣланная Писаревымъ стихами изъ Французскаго водевиля: она также не имѣла успѣха; но за-то игранный съ нею, въ первый разъ, водевиль «Хлопотунъ, или дѣло мастера боится» былъ принятъ съ восторгомъ. Щепкинъ въ роли хлопотуна былъ совершенство. Вѣроятно въ 1825 году, былъ данъ водевиль, написанный Писаревымъ вмѣстѣ съ другими литераторами (съ М. А. Д. и П. Н. А.): «Встрѣча дилижансовъ.» Онъ былъ жестоко ошиканъ

публикой за рѣзкость послѣдняго куплета, написаннаго Писаревымъ:

Не помню я, въ какой-то книжкѣ
Писали за сто лѣтъ назадъ,
Что пьесу хвалятъ по наслышкѣ
И по наслышкѣ же бранятъ;
Но мы желаемъ знать, какое
Сужденье ваше про нее?
Скажите.... только не чужое,
Скажите — что нибудь свое!

Куплетъ былъ обращенъ прямо къ публикѣ и хотя очень мило пропѣтъ Н. В. Рѣпиной, но публика крѣпко обидѣлась и, вмѣсто вызова, наградила переводчика общимъ шиканьемъ. За то черезъ недѣлю, публика смягчилась и принуждена была хлопать, кричать браво и форо куплетамъ Писарева и вызывать его за новый водевиль: «Тридцать тысячь человѣкъ, или находка хуже потери.» Потомъ слѣдуетъ водевиль «Забавы Калифа или шутки на одни сутки,» игранный въ пользу капельмейстера Шольца. Водевиль какъ-то особеннаго успѣха не имѣлъ, хотя заслуживалъ его. Въ томъ же году, Октября 8-го, былъ игранъ водевиль, передѣланный Писаревымъ съ Французскаго въ *шести* дѣйствіяхъ: «Волшебный носъ, или талисманъ и финики.» Это былъ пустой фарсъ, написанный для бенефиса танцовщицы Ворониной-Ивановой. Въ 1825 году, въ драматическомъ альманахѣ, изданномъ Писаревымъ и Верстовскимъ,

напечатанъ прологъ въ стихахъ къ исторической комедіи «Христофоръ Колумбъ», которая давно уже занимала Писарева: онъ назвалъ свой прологъ: «Нѣсколько сценъ въ кандитерской лавкѣ.» Я выписываю небольшій отрывокъ изъ этого пролога, чтобъ показать образъ мыслей и направленіе Писарева, который вывелъ себя подъ именемъ Георова. Въ этомъ прологѣ, одинъ изъ литераторовъ, названный Фіалкинымъ, утверждаетъ, что у насъ нѣтъ разговорнаго языка; Георовъ возражаетъ ему.

Георовъ.

Такъ думайте, пишите по-Французски!
Потеря отъ того ни чуть не велика.
Нѣтъ разговорнаго у Русскихъ языка!
Какимъ же языкомъ вы говорите сами?
Какимъ же языкомъ теперь я спорю съ вами?
Нѣтъ разговора! такъ! не будетъ до тѣхъ поръ,
Пока не надоѣстъ намъ чужеземный вздоръ,
Пока не захотимъ по-Русски мы учиться.
Теперь, благодаря ученью, можно льститься,
Что мы все Русское полюбимъ, все свое;
Теперь сбывается желаніе мое:
Французскій вашъ жаргонъ ужъ многіе бросаютъ,
И.... дамы наконецъ по-Русски понимаютъ!
И вы не правы, я еще вамъ повторю.

Фіалкинъ.

За что-жь вы сердитесь? Я просто говорю,
Что не богаты мы хорошими стихами,
Кто-жь въ этомъ виноватъ?

Теоровъ.

Вы, сударь!

Фiалкинъ.

Я?

Теоровъ.

Вы сами,
И вамъ подобные, которомъ все свое
Не нравится, кому противно въ Русскихъ все,
Которымъ Кребильонъ извѣстенъ весь до слова,
А скучны лишь стихи Димитрія Донскаго;
Которые, сударь, вездѣ наперерывъ
Читаютъ Мариво, Фонъ-Визина забывъ,
И выбравъ Демутье предметомъ обожанья,
Безсмертной Ябеды не знаютъ и названья!
Театра нашего вотъ вѣчные враги!...

Опера-водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ: «Три десятки, или новое двухдневное приключеніе,» одобренная къ представленію 24-го Сентября 1825 года, вѣроятно, была сыграна въ томъ же году. «Три десятки» хотя нѣсколько чувствительнаго и даже серьезнаго содержанья, должны были, по своимъ прекраснымъ куплетамъ, доставить Писареву новое торжество. Но тутъ было особенное обстоятельство, помѣшавшее его успѣху. Тамъ находился всѣмъ извѣстный тогда куплетъ: куплетъ весьма натянутый и даже плохой, но возбудившій страшный шумъ въ партерѣ выходкой про-

тивъ Полеваго. Издатель Телеграфа былъ тогда въ апогеѣ своей славы, и большинство публики было на его сторонѣ. Вотъ куплетъ:

Въ нашъ вѣкъ, на дѣло не похоже,
Изъ моды вышла простота,
И безъ богатства умъ — все тоже,
Что безъ наряда красота.
У насъ теперь народъ затѣйный,
Пренебрегаетъ простотой:
Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный
И всѣмъ наскучилъ *полевой.*

Едва Сабуровъ произнесъ послѣдній стихъ, какъ въ театрѣ произошло небывалое волненіе: поднялся неслыханный крикъ, шумъ и стукотня. Публика раздѣлилась на двѣ партіи: одна хлопала и кричала браво и форо, а другая, болѣе многочисленная, шикала, кашляла, топала ногами и стучала палками. По музыкѣ слѣдовало повторить послѣдніе два стиха; но оглушительный шумъ заставилъ актера Сабурова — а можетъ быть, онъ сдѣлалъ это и съ намѣреньемъ (всѣ артисты очень любили Писарева)— не говорить послѣдняго стиха; какъ же только шумъ утихъ, Сабуровъ, безъ музыки, громко и выразительно произнесъ: «И всѣмъ наскучилъ полевой.» Можно себѣ представить гнѣвъ защитниковъ Полеваго! Сильнѣе прежняго начался шумъ, стукъ и шиканье наполнили весь театръ и заглушили голоса и хло-

панье друзей Писарева. Мало этого: публика обратилась къ начальству, и вмѣсто: *полевой* — было поставлено: *луговой*; наконецъ и этимъ не удовольствовались, и куплетъ былъ вычеркнутъ. Въ концѣ этого же водевиля былъ еще куплетъ на Полеваго, гораздо оскорбительнѣйшій; но противъ него не такъ сильно возстали Телеграфисты, — и сторона Писарева преодолѣла. Вотъ онъ:

Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ умникомъ прослыть;
Самъ, не кончивши ученья,
Всѣхъ пускается учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожитъ....
Не пора ль ему шепнуть,
Что учить никакъ не можетъ,
Кто учился какъ нибудь.

Въ «Трехъ десяткахъ» много прекрасныхъ куплетовъ, и я приведу еще два, вѣроятно, никому неизвѣстные. Странная судьба постигла эту піэсу: безъ всякой причины, публика стало мало ѣздить въ нее, и она скоро была снята съ репертуара. Вотъ куплетъ молодаго человѣка, который пробовалъ служить и нашелъ, что очень тяжело трудиться безъ всякой оцѣнки и пользы.

И тутъ я очень испыталъ,
Что совѣстно трудиться даромъ,
Что чесность мертвый капиталъ,

А правда сдѣлалась товаромъ.
Я видѣлъ множество людей,
Умѣвшихъ разными путями
Занять премного должностей —
Не занимаясь должностями.

И вотъ другой куплетъ стараго служаки-полковника, израненнаго въ сраженіяхъ:

Я вѣрно долгъ мой исполнялъ;
Въ сраженьяхъ жертвовалъ собою
И вѣчно грудью то биралъ,
Что многіе берутъ спиною.
Защитника родной страны
Съ почтеньемъ вѣрно всякій приметъ;
Пусть могутъ снять съ меня чины,
Но ранъ никто съ меня не сниметъ.

Объ остальныхъ комедіяхъ и водевиляхъ Писарева я уже говорилъ. Но у меня есть одна его рукописная комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, взятая изъ сочиненій Пикара: «Внучатный племянникъ, или остановка дилижанса.» Эта комедія не была играна, по неизвѣстнымъ причинамъ.

1858. Апрѣль.
Москва.

БІОГРАФІЯ

М. Н. ЗАГОСКИНА,

(написанная въ 1852 году.)

БІОГРАФІЯ

МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА ЗАГОСКИНА (*).

Родъ Загоскиныхъ принадлежитъ къ одной изъ старинныхъ дворянскихъ фамилій. Въ Родословной книгѣ князей и дворянъ Россійскихъ, составленной по *бархатной книгѣ*, и изданной «по самовѣрнѣйшимъ спискамъ» въ 1787 году, сказано: «Загоскины выѣхали изъ Золотой Орды. Выѣхавшій назывался Захаръ Загоско, а отъ него и родовое названіе принято». Михаилъ Николаевичь Загоскинъ родился 14-го Іюля 1789 г., Пензенской губерніи и уѣзда, въ селѣ Рамзаѣ, принадлежавшемъ тогда его отцу. Загоскинъ воспитывался въ деревнѣ до 14-ти-лѣт-

(*) При составленіи этой статьи, я основывался, особенно до 1815 года, на запискѣ, сообщенной мнѣ братомъ покойнаго, Маркеломъ Николаевичемъ Загоскинымъ. Съ 1826 г., живя постоянно въ Москвѣ, и находясь въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ авторомъ Юрія Милославскаго, я уже разсказываю то, что видѣлъ и слышалъ самъ; разные документы и письма были доставлены мнѣ сыномъ Загоскина, С. М. Загоскинымъ. *С. А.*

няго возраста; въ дѣтствѣ его уже замѣчена была въ немъ необыкновенная, не часто встрѣчаемая въ дѣтяхъ, страстная охота къ чтенію, въ слѣдствіе которой скоро оказалась склонность и способность сочинять самому. Одиннадцати лѣтъ, онъ написалъ повѣсть подъ названіемъ «Пустынникъ», которая начиналась небольшимъ предисловіемъ, гдѣ сочинитель просилъ читателей и читательницъ «быть снисходительными къ его сочиненію, принявъ въ уваженіе, что авторъ повѣсти одиннадцати-лѣтній юноша». Послѣднія строки уже показываютъ, что этотъ юноша много читалъ, и заимствовалъ авторскій пріемъ. Повѣсть «Пустынникъ» была такъ недурно написана для мальчика (хотя онъ и называлъ себя юношей), въ ней столько было оригинальныхъ мыслей и пріемовъ (такъ казалось окружающимъ), что многіе, которымъ отецъ Загоскина давалъ читать ее, не хотѣли вѣрить, чтобы это было написано *Мишей*, какъ называли его въ семействѣ, въ кругу родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Ободренный блистательнымъ успѣхомъ, одиннадцати-лѣтній авторъ продолжалъ писать; но всѣ его сочиненія, до первой печатной комедіи, пропали, и въ послѣдствіи Загоскинъ очень жалѣлъ о томъ, единственно для себя, любопытствуя знать, какое было направленіе его дѣтскаго авторства. Уцѣлѣла только одна трагедія, въ трехъ дѣйствіяхъ: «Леонъ и Зыдея» написанная какими-то «силлабическими» стихами съ риѳмами. Произведеніе совер-

шенно дѣтское, вѣроятно предупредившее повѣсть «Пустынникъ». Охота къ чтенію и жажда къ знаніямъ были въ немъ такъ сильны, что онъ, живя въ деревнѣ, мало раздѣлялъ обыкновенныя дѣтскія забавы своихъ сверстниковъ, хотя отъ природы былъ рѣзовъ и веселъ; ребяческой проказливости онъ не имѣлъ никогда, всегда былъ богомоленъ и любилъ ходить въ церковь. Почти все свое время посвящалъ онъ книгамъ, такъ что окружавшіе боялись, чтобы отъ безпрестаннаго чтенія онъ не потерялъ совсѣмъ зрѣнія, которое и тогда было слабо, почему и были вынуждены отнимать у него книги; но любознательный мальчикъ находилъ разныя средства къ удовлетворенію своей склонности. Между прочимъ онъ употреблялъ слѣдующую хитрость: когда отецъ его входилъ въ свой, постоянно запертый кабинетъ, въ которомъ помѣщалась библіотека, и оставлялъ за собою дверь не запертою, что случалось довольно часто, то Миша пользовался такими благопріятными случаями, прокрадывался потихоньку въ кабинетъ, и прятался за ширмы, стоявшія подлѣ дверей; когда же отецъ, не замѣтивши его, уходилъ изъ кабинета и запиралъ за собою дверь, — Миша оставался полнымъ хозяиномъ библіотеки, и вполнѣ удовлетворялъ своей страсти; онъ съ жадностью читалъ все, что ни попадалось ему въ руки, и не помнилъ себя отъ радости. Онъ оставался въ кабинетѣ иногда по нѣскольку часовъ,

то есть, до прихода отца; при первомъ звукѣ ключа, онъ прятался опять за ширмы, и когда отецъ принимался самъ за чтеніе или за письменныя дѣла, Миша уходилъ потихоньку, и не рѣдко уносилъ недочитанную книгу. Наконецъ хитрость эта была открыта; предаваясь чтенію съ самозабвеніемъ, онъ не разслышалъ отворяющейся двери, и былъ пойманъ отцомъ на мѣстѣ преступленія, съ книгою въ рукахъ. Отецъ, видя въ сынѣ такое необыкновенное стремленіе къ чтенію и образованію, чего, конечно, не могъ не одобрить, разрѣшилъ ему брать книги изъ библіотеки съ его позволенія; книги выбирались преимущественно историческія, и молодой Загоскинъ могъ удовлетворять свободно своей склонности, не предаваясь однако ей съ излишествомъ, за чѣмъ уже наблюдали постоянно.

Доброта и вспыльчивость были отличительными качествами Загоскина въ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтахъ. Вотъ примѣръ того и другаго: маленькой Загоскинъ любилъ читать, лежа на диванѣ и лакомясь изюмомъ и коринкой; одинъ изъ меньшихъ братьевъ часто взлѣзалъ къ нему на диванъ, начиналъ его трогать, щипать и просить ягодъ; Загоскинъ отдавалъ часть лакомства съ просьбою не мѣшать ему; черезъ нѣсколько минутъ маленькій шалунъ опять являлся съ прежними докуками; Загоскинъ отдавалъ весь изюмъ и коринку съ условіемъ: не входить къ нему въ комнату и не мѣшать его чтенію; но черезъ нѣсколь-

ко времени, истребивъ весь запасъ лакомства, братъ снова отворялъ дверь—и тогда Загоскинъ, вспыливъ, вскакивалъ съ дивана, бросалъ книгу и принимался таскать за волосы неотвязчиваго ребенка; въ послѣдствіи онъ любилъ этого брата съ особенною нѣжностью.

Такъ шли дѣла до 1802 года. Въ это время Михайла Николаевичь Загоскинъ, по 14 году, былъ отправленъ отцемъ въ Петербургъ, гдѣ и началъ свою службу въ канцеляріи Государственнаго Казначея, куда опредѣлился канцеляристомъ въ 1802 году 15-го Мая; оттуда перешелъ онъ служить въ Горный Департаментъ; потомъ былъ перемѣщенъ въ Государственный Заемный Банкъ, и въ 1811 году опять перешелъ въ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ дѣлъ, помощникомъ столоначальника, въ чинѣ Губернскаго Секретаря. Очевидно, что статская служба Загоскина подвигалась впередъ медленно. Наконецъ наступилъ 1812 годъ, загорѣлась отечественная война, и Загоскинъ, оставивъ статскую службу, записался 9-го Августа въ петербургское ополченіе. Нельзя предположить, чтобъ въ это десяти лѣтнее пребываніе и служеніе въ Петербургѣ, Загоскинъ не занимался литературою. Къ сожалѣнію никакихъ точныхъ свѣдѣній я объ этомъ получить не могъ. Знаю только положительно, что именно въ это время Загоскинъ старался вознаградить недостатокъ своего образованія, что, при вступленіи въ военную

службу, онъ зналъ уже по-французски и нѣсколько по-нѣмецки. Знаю также и то, что именно въ это время Загоскинъ очень нуждался въ средствахъ къ существованію, и что не рѣдко находился въ совершенной крайности вмѣстѣ съ своимъ вѣрнымъ дядькой и слугой, Прохоромъ Кондратьичемъ, котораго вывелъ въ послѣдствіи въ романѣ «Мирошевъ.»

Кто зналъ Загоскина, хотя не въ молодыхъ годахъ, тотъ можетъ судить, какимъ пылкимъ молодымъ человѣкомъ былъ онъ на 24 году своей жизни, когда вступилъ офицеромъ въ ряды Петербургскаго ополченія, въ корпусъ Графа Витгенштейна. Съ дѣтскихъ лѣтъ, имѣя по преимуществу Русское направленіе и пылкую натуру, онъ горѣлъ нетерпѣніемъ запечатлѣть кровью свою горячую любовь къ отчизнѣ; въ сраженіи подъ Полоцкомъ онъ былъ раненъ въ ногу, и получилъ за храбрость орденъ Анны 3-й степени на шпагу. По излѣченіи раны, онъ возвратился къ своему полку и по желанію Графа Левиса былъ назначенъ къ нему адъютантомъ; въ этой должности, находился онъ до сдачи Данцига, то-есть, до окончанія войны. Съ прекрасной наружностью, внушавшей расположеніе и довѣренность, вспыльчивый, живой, откровенный, добрый и постоянно веселый, Загоскинъ былъ любимъ товарищами и всѣми его окружавшими. Истинный Русакъ, исполненный добродушнаго комизма, онъ имѣлъ множество самыхъ смѣшныхъ столкновеній съ Нѣмцами въ продолженіе

долгой осады Данцига. Онъ любилъ объ этомъ разсказывать даже въ немолодыхъ своихъ годахъ, и разсказывалъ такъ оригинально, живо и забавно, что увлекалъ всѣхъ своихъ слушателей, и громкимъ смѣхомъ выражалась общая, искренняя веселость. Нѣкоторыя происшествія, описанныя Загоскинымъ въ четвертомъ томѣ Рославлева, дѣйствительно случились съ нимъ самимъ, или съ другими его сослуживцами, при осадѣ Данцига.

Послѣ сдачи Данцига ополченіе было распущено, и Загоскинъ, не желая продолжать военной службы, для чего онъ могъ бы перейти въ какой-нибудь армейскій полкъ, отправился въ Россію, на свою родину, въ Пензенскую губернію, въ свой любимый Рамзай, гдѣ, хотя на короткое время, обратился снова къ прежнимъ, дорогимъ его сердцу, занятіямъ: чтенію и сочиненію. Тамъ въ первый разъ попробовалъ онъ себя на поприщѣ драматическомъ и написалъ комедію въ одномъ дѣйствіи подъ названіемъ: «Проказникъ.» Многіе изъ тѣхъ, кому онъ читалъ свою піэсу, очень ее хвалили; но молодой авторъ не могъ имѣть довѣренности къ своимъ судьямъ; а потому по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, въ самомъ началѣ 1815 года, гдѣ онъ поступилъ опять на службу въ тотъ же Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, тѣмъ же помощникомъ столоначальника, — Загоскинъ рѣшился отдать на судъ свою комедію извѣстному комическому писателю,

Князю Шаховскому, хотя и не былъ съ нимъ знакомъ. Къ такому поступку побудили его слѣдующія причины: онъ не зналъ лично никого изъ Петербургскихъ сочинителей, на чье сужденіе могъ бы положиться; Кн. Шаховской былъ тогда въ большой славѣ, и всѣ его піэсы игрались на театрѣ съ блистательнымъ успѣхомъ; наконецъ, самое важное обстоятельство — Князь Шаховской служилъ при театрѣ репертуарнымъ членомъ, и отъ него вполнѣ зависѣли принятіе театральныхъ піэсъ и постановка ихъ на сцену. Скромный Загоскинъ, не будучи увѣренъ въ своемъ талантѣ, никакъ не могъ рѣшиться пріѣхать прямо къ Князю Шаховскому; онъ написалъ къ нему письмо отъ неизвѣстнаго, въ которомъ просилъ: «прочесть прилагаемую піэсу и, принявъ въ соображеніе, что это первый опытъ молодаго сочинителя, сказать правду: есть ли въ немъ талантъ и заслуживаетъ ли его комедія сценическаго представленія? если нѣтъ, то, не спрашивая объ имени автора, возвратить рукопись человѣку, который будетъ присланъ въ такое-то время.» Этотъ человѣкъ — былъ самъ Загоскинъ. Я не знаю этой піэсы: ее играли на театрѣ съ посредственнымъ успѣхомъ, и она никогда не была напечатана; но въ послѣдствіи я слышалъ отъ Князя Шаховскаго, что онъ былъ пріятно изумленъ, когда между десятками бездарныхъ произведеній, попалась ему въ руки эта небольшая комедія, въ которой онъ замѣтилъ много

живости и неподдѣльной веселости. Князь Шаховской, разумѣется, не возвратилъ ее, а просилъ, также черезъ письмо, отданное самому Загоскину, пожаловать неизвѣстнаго автора къ нему, прибавляя, что онъ находитъ піэсу весьма хорошо написанною, и что очень желаетъ лично познакомиться съ сочинителемъ. Обрадованный Загоскинъ, часа черезъ два, явился къ знаменитому тогда драматургу и былъ имъ очень обласканъ. Съ этихъ поръ началось его знакомство съ Княземъ Шаховскимъ, перешедшее потомъ въ самую близкую и дружескую связь. Въ томъ же 1815 году, вскорѣ послѣ появленія на сценѣ большой комедіи Князя Шаховскаго: «Липецкія воды или Урокъ кокеткамъ», которая, не смотря на блестящій сценическій успѣхъ, нашла много порицателей, Загоскинъ написалъ комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ: «Комедія противъ комедіи, или Урокъ волокитамъ», представленную въ Петербургѣ на маломъ театрѣ въ пользу актера Брянскаго, 3-го Ноября 1815 года.—Эта піэса написана Загоскинымъ, который всегда уважалъ талантъ Князя Шаховскаго, а теперь сдѣлался однимъ изъ самыхъ жаркихъ его почитателей, — въ защиту комедіи «Липецкія воды», о чемъ и самъ авторъ говоритъ въ предисловіи. Очевидно, что въ литературномъ мірѣ жестоко нападали на «Липецкія воды». Хотя публика не слушала этихъ нападеній, хотя во время представленія этой комедіи театръ всегда былъ полонъ и безпрестанно раздава-

лись громкія рукоплесканія, но Загоскину были такъ досадны выходки противниковъ Князя Шаховскаго, что онъ рѣшился высказать на сценѣ въ защиту «Липецкихъ водъ» все то, чтò можно было изложить въ длинной полемической статьѣ, — и онъ написалъ: «Комедію противъ комедіи». Дѣйствуя тогда по горячему душевному убѣжденію (какъ и во всю свою жизнь), Загоскинъ своей комедіей вооружилъ противъ себя большую часть тогдашнихъ литераторовъ, что также можно видѣть изъ предисловія къ піэсѣ, написаннаго черезъ годъ послѣ ея представленія на сценѣ, гдѣ она имѣла значительный успѣхъ. Для объясненія такого противорѣчія между успѣхами Князя Шаховскаго на сценѣ, въ публикѣ свѣтской, и гоненій въ кругу литературномъ, надобно сказать нѣсколько словъ о тогдашнихъ литературныхъ партіяхъ. Князь Шаховской былъ славянофилъ того времени, Шишковистъ, то есть принадлежалъ къ партіи Александра Семеновича Шишкова, весьма немногочисленной, но упорной и горячей. Названье славянофильства было дано и употреблялось тогда также невѣрно, какъ и теперь: это просто было и есть — русское направленіе. Шишковъ книгою своей: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ» уже давно вооружилъ противъ себя и противъ своихъ единомышленниковъ — почти всѣхъ литераторовъ, обиженныхъ нападеніями на Карамзина и его послѣдователей. Но на Князя Шаховскаго

сердились, даже болѣе, чѣмъ на самого Шишкова, именно за комедію «Новый Стернъ», въ которой было осмѣяно Карамзинское чувствительное направленіе. Эту маленькую пïэсу, которую теперь знаютъ весьма немногіе изъ молодаго поколѣнія литераторовъ, тогда знала вся читающая публика и хлопала ей на сценѣ безъ милосердія. Книга Шишкова забывалась по немногу, а «Новый Стернъ», написанный недавно, игрался часто на театрѣ. Въ Комедіи же «Липецкія воды» осмѣивалось балладное направленіе Жуковскаго, что также оскорбило многихъ. Нечего и говорить, что обѣ стороны были и правы и виноваты. Теперь это ясно, но тогда было темно. Публика мало заботилась о томъ, кто правъ, кто виноватъ: она смѣялась и хлопала въ театрѣ Шаховскому, смѣялась и знала наизусть эпиграммы, на него написанныя, особенно слѣдующую:

Съ какою легкостью свободной
Играешь ты природой и собой;
Ты въ шубахъ Шаховской холодный,
Въ водахъ ты Шаховской — сухой,

Это была одна изъ самыхъ удачныхъ эпиграммъ Князя Вяземскаго, намекавшая третьимъ стихомъ на шуточную поэму Князя Шаховскаго: «Расхищенныя шубы», а четвертымъ—на «Липецкія воды». Въ печати стояло вмѣсто Шаховской—*Шутовской*.—Какъ бы то ни было, только «Комедія противъ комедіи» была принята

на сценѣ очень хорошо и давалась часто. Я самъ слыхалъ, даже отъ противниковъ Князя Шаховскаго, что въ піэсѣ Загоскина гораздо болѣе живости дѣйствія, интереса завязки и комизма, чѣмъ въ «Липецкихъ водахъ»; хотя на искренность такихъ отзывовъ нельзя полагаться, ибо тутъ похвалою защитника бьютъ защищаемаго, но комедія Загоскина точно имѣла достоинство, не только, какъ первый дебютъ молодаго писателя, какъ піэса, написанная кстати, по обстоятельствамъ, какъ піэса своего времени, но какъ литературное произведеніе съ нравственной мыслью, высказанной на сценѣ живо и весело, языкомъ чистымъ, легкимъ и разговорнымъ. Очевидно, что Загоскинъ уже много писалъ прежде, но не печаталъ, «набивалъ руку», какъ онъ самъ мнѣ говаривалъ. Тогда, такъ легко и свободно писалъ для сцены только одинъ Шаховской, заслуги котораго разговорному языку, литературѣ драматической и сценической постановкѣ,—весьма важны и стоятъ благодарнаго воспоминанія.

«Комедія противъ комедіи» была началомъ и основаніемъ извѣстности Загоскина. Въ 1816 году 21-го Мая онъ вышелъ изъ Горнаго Департамента и женился въ Петербургѣ; а въ 1817 году опредѣленъ въ Дирекцію Императорскихъ Театровъ помощникомъ члена репертуарной части; въ этомъ же году была представлена и напечатана новая комедія Загоскина въ 5-ти дѣйствіяхъ: «Господинъ Богато-

новъ или провинціалъ въ столицѣ», посвященная Князю Ивану Михайловичу Долгорукому, которому авторъ комедіи былъ всегда сердечно преданъ. Эта піэса имѣла большой успѣхъ на сценѣ, не смотря на то, что была дана въ первый разъ 27-го Іюня, когда весь Петербургъ переселяется на дачи.

Удивительно, какъ трудно человѣку забыть, хоть на одну минуту, свое настоящее воззрѣніе и возвратиться къ тѣмъ понятіямъ, къ тому взгляду, которыми руководствовался онъ тому лѣтъ 40 назадъ и подъ условіями которыхъ ложились на него впечатлѣнія окружающихъ его предметовъ и явленій. Я съ особенною живостью почувствовалъ эту трудность, прочитавъ Богатонова въ 1852 году. Онъ гораздо выше во всемъ «Комедіи противъ комедіи». Въ «Богатоновѣ» выведено уже не пустое кокетство, не волокитство, а глупый богатый невѣжда, степной помѣщикъ, помѣшавшійся на связяхъ съ знатью и переѣхавшій на житье въ Петербургъ; лицо, на которомъ, какъ на оселкѣ пробуется и оказывается нечистая сущность столичныхъ негодяевъ, съ ихъ иностраннымъ, или лучше сказать, съ Французскимъ направленіемъ. Въ продолженіе 35-ти лѣтъ, наружныя формы этихъ лицъ такъ измѣнились, что нельзя представить себѣ ихъ прошедшую дѣйствительность. Еслибъ этотъ типъ пропалъ совсѣмъ, то было бы легче вообразить его и не сомнѣваться въ вѣрности изображенія; но онъ

не перевелся, его всѣ знаютъ и видятъ, только совсѣмъ подъ другими формами, — и потому лица Загоскина кажутся теперь призраками, придуманными авторомъ для назиданія публики, а болѣе для потѣхи зрителей, или вѣтреными мельницами, съ которыми онъ добросовѣстно сражается. Принявъ въ соображеніе, что всѣ условія французской комедіи, чтимыя и уважаемыя безпрекословно самыми умными тогдашними людьми, теперь скучны и невыносимы даже въ Мольерѣ; что Мольеръ въ малѣйшихъ подробностяхъ считался тогда непогрѣшимымъ образцомъ, что Загоскинъ, разумѣется благоговѣйно шелъ по тѣмъ же слѣдамъ — надобно признать немало дарованія въ сочинителѣ, если его талантъ пробивается сквозь всю эту кору. Читая Богатонова, именно чувствуешь почти на каждой страницѣ, это, такъ сказать, *проступаніе* природнаго комическаго дарованія; нѣкоторыхъ сценъ и теперь нельзя прочесть безъ смѣха, а живая человѣческая рѣчь слышна у всѣхъ, даже иногда у добродѣтельныхъ людей. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, какъ долженъ былъ нравиться «Богатоновъ» въ 1817 году. Оно такъ и было: какъ современникъ Загоскина, я имѣю полное право удостовѣрить въ томъ читателей. Я могу ошибаться въ собственныхъ своихъ сужденіяхъ, а не въ томъ, чему я былъ свидѣтелемъ. Не смотря на невыгодное время своего появленія, «Богатоновъ» очень понра-

вился, и его давали очень часто въ продолженіе лѣта, осени и всего зимняго карнавала; зрители постоянно смѣялись и хлопали, и онъ долго оставался на репертуарѣ. Самобытность комическаго таланта въ Загоскинѣ была признана всѣми; вскорѣ онъ утвердилъ это мнѣніе новой комедіею въ 3-хъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ «Вечеринка ученыхъ», которая въ 1817 году, Ноября 12-го, была дана въ Петербургѣ въ бенефисъ актера Боброва. Въ томъ же году Загоскинъ былъ опредѣленъ почетнымъ библіотекаремъ въ Императорскую Публичную Библіотеку.—«Вечеринка ученыхъ» конечно бѣдна своей интригою и содержаніемъ, даже бѣднѣе предъидущихъ комедій Загоскина, уже потому, что повторяетъ одну и туже завязку и развязку: вездѣ надобно женить добраго человѣка на хорошей дѣвушкѣ, вездѣ есть тетушка или сестра, несогласная на этотъ бракъ, вездѣ есть другъ, дядя или братъ, ему покровительствующій, вездѣ изобличаютъ жениха негодяя, всегда графа или князя, и отдаютъ невѣсту доброму человѣку, ею любимому. Это общая тема съ разными варіяціями; но не смотря на то, покровитель дядя въ «Вечеринкѣ ученыхъ», г-нъ Волгинъ, такъ оригиналенъ и смѣшенъ, что варіація вышла весьма удачна. Литературное засѣданіе въ домѣ сестры его, пожилой вдовы г-жи Радугиной, помѣшавшейся на сочиненіи стиховъ и прозы, такъ забавно, исполнено такого добродушнаго комизма, что эту

сцену никто не выслушаетъ и не прочтетъ безъ смѣха. Можетъ быть литераторы и журналистъ, выведенные въ піэсѣ, покажутся лицами нестественными, преувеличенными; но такія лица не только бывали тогда, но даже и теперь можно отыскать имъ подобныхъ, конечно уже людей не молодыхъ, которые въ свѣтскомъ кругу низшаго слоя считаются даровитыми писателями. Нѣтъ, не призраки они были, а взяты изъ жизни, списаны съ натуры, и единственно потому эта небольшая комедія, своимъ третьимъ актомъ, всегда возбуждала общій смѣхъ и рукоплесканія зрителей Петербургскаго театра. Я видѣлъ ее потомъ уже въ 1821 году въ Москвѣ, и публика также смѣялсь и также хлопала. Безъ сомнѣнія, Загоскинъ писалъ свои комедіи легко и скоро: это чувствуется по ихъ легкому содержанію и составу; иначе такая дѣятельность была бы изумительна, ибо въ 1817 же году, Загоскинъ вмѣстѣ съ г. Корсаковымъ издавалъ въ Петербургѣ журналъ «Сѣверный Наблюдатель», который, кажется выходилъ по два раза въ мѣсяцъ, и въ которомъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе; а въ послѣднія полгода, — что̀ мнѣ разсказывалъ самъ Загоскинъ, — когда отвѣтственный редакторъ г. Корсаковъ, по болѣзни или отсутствію не могъ заниматься журналомъ, — онъ издавалъ его одинъ, работая день и ночь, и подписывая статьи разными буквами и псевдонимами. Не имѣя въ рукахъ кни-

жекъ этого журнала, ничего не могу сказать о достоинствѣ статей Загоскина.

Въ 1818 году Загоскинъ оставилъ службу при театрѣ, и былъ перемѣщенъ на штатную ваканцію помощника библіотекаря съ жалованьемъ. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ приведеніи библіотеки въ порядокъ и въ составленіи каталога Русскихъ книгъ, за что черезъ два года былъ награжденъ орденомъ Анны 3-й степени. Въ непродолжительномъ времени, и именно 5-го Іюля, 1820 года, онъ оставилъ службу и должность штатнаго помощника, и былъ переименованъ въ прежнее званіе почетнаго библіотекаря.

Вѣроятно въ этомъ году была написана Загоскинымъ новая, большая комедія: «Второй Богатоновъ или Столичный житель въ провинціи», которую я не видалъ на сценѣ, хотя она была съ большимъ успѣхомъ играна, и которой я не читалъ; не знаю даже была ли она напечатана. При всемъ моемъ стараніи, я нигдѣ не могъ ее достать.

Въ 1819 году, литературная дѣятельность Загоскина ограничилась небольшой комедіей въ одномъ дѣйствіи: «Романъ на большой дорогѣ.» Эта піэса не имѣетъ значенія и написана такъ, для развлеченія, посреди хлопотливыхъ занятій по дѣламъ устройства Императорской Публичной Библіотеки; а болѣе для того, чтобы дать что нибудь новенькое въ бенефисъ своимъ любимымъ актерамъ, Сосницкимъ, кото-

рыхъ и публика также очень любила. Впрочемъ и въ этой бездѣлкѣ языкъ также очень хорошъ, разговоръ живъ и веселъ. Молодой гусаръ, Изборскій, лице, написанное для Сосницкаго, который славился въ подобныхъ роляхъ, мастерски подражая тогдашней военной молодежи,—нарисовано очень не дурно: но за то интрига и развязка піэсы до такой степени неправдоподобна, условность доведена до такой наивности, что теперь она составляетъ своего рода комическое явленіе и заставляетъ смѣяться читателя. Не смотря на все это, «Романъ на большой дорогѣ» былъ принятъ публикою съ большимъ одобреніемъ. Эту комедійку давали въ первый разъ въ 1819 году, Іюля 29-го, на большомъ Петербургскомъ театрѣ, въ пользу актера и актрисы г-дъ Сосницкихъ. — Въ 1820 году, Загоскинъ написалъ комедію въ 3-хъ дѣйствіяхъ «Добрый малый» и посвятилъ ее своему начальнику, Директору Публичной Библіотеки, Алексѣю Николаевичу Оленину. Это имя не будетъ забыто въ исторіи Русской Литературы. Всѣ безъ исключенія русскіе таланты того времени собирались около него, какъ около старшаго друга, и вотъ почему Загоскинъ посвятилъ ему свою комедію. Она была представлена въ первый разъ на большомъ Петербургскомъ театрѣ 23-го Іюня того же 1820 года.—Въ основѣ этой піэсы уже лежитъ болѣе глубокая, болѣе серьёзная мысль. «Добрый малый»—не пустое, не временное лице, а вѣчное;

протей по своему многообразію, онъ не переведется, покуда будутъ жить люди обществомъ; я думаю даже, что и между дикарями есть своего рода добрые-малые. Хотя у Загоскина Вельскій въ дѣйствительности совсѣмъ не «добрый-малый», а настоящій мошенникъ, но въ комедіи вездѣ проведена мысль: *вотъ кого въ свѣтѣ называютъ добрымъ-малымъ*. Такъ бы и слѣдовало назвать комедію. Піэса написана подъ прежними сценическими условіями, завязка, развязка и характеры дѣйствующихъ лицъ, въ своей основѣ, также прежніе, съ нѣкоторыми приличными измѣненіями, но со всѣмъ тѣмъ комедія была признана публикою и литературнымъ судомъ того времени — лучшимъ произведеніемъ Загоскина, изъ всего имъ написаннаго до тѣхъ поръ, что и по моему мнѣнію было справедливо. Выбравъ одну изъ многихъ физіономій «Добраго-малаго,» взглянувъ на него съ своей точки зрѣнія, Загоскинъ очень вѣрно и даже смѣло нарисовалъ всю его фигуру и придалъ ему приличное внутреннее значеніе: Вельскій послѣдователенъ и не измѣняетъ себѣ до конца піэсы. Сначала онъ своей угодливостью напоминаетъ, какъ-то, Молчалина, но въ послѣдствіи это сходство исчезаетъ. Заимствовать Загоскинъ не могъ, потому что комедія Грибоѣдова написана гораздо позднѣе. Въ этой піэсѣ есть другое лицо, которое мнѣ кажется выдержано и окончено лучше всѣхъ: это старикъ Ладовъ, безграмотный собиратель древностей, почти влюблен-

ный въ Вельскаго. Сцена между имъ и стариннымъ его пріятелемъ Стародумовымъ, который, зная Вельскаго за негодяя, старается образумить Ладова — выдержитъ современную строгую критику, и написана съ большимъ умѣньемъ. Послѣдняя сцена, гдѣ читаютъ письмо Вельскаго, и гдѣ онъ отдѣлываетъ всѣхъ слушателей своего письма, также очень хороша и имѣетъ нѣкоторое сходство съ послѣднею сценою «Ревизора». Комедія очень ловко оканчивается словами Ладова, которому ясно доказали, что Вельскій мошенникъ, что онъ всѣхъ обманывалъ, обыгралъ навѣрное своего пріятеля и хотѣлъ отбить у него невѣсту: «эхъ милый! все такъ.... да малый-то онъ добрый!...» Вообще во всей піэсѣ много жизни и веселости, — веселости, которую не можетъ замѣтить никакое остроуміе, никакое комическое положеніе дѣйствующихъ лицъ. Разговорный языкъ даже лучше, чѣмъ въ прежнихъ піэсахъ Загоскина. Это была послѣдняя піэса, написанная имъ въ Петербургѣ.

Въ 1820 году, въ Іюлѣ, Загоскинъ по семейнымъ обстоятельствамъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и продолжалась вся остальная литературная его дѣятельность. Въ Москвѣ Загоскинъ короче познакомился, а потомъ и подружился съ Ѳед. Ѳед. Кокошкинымъ, съ которымъ былъ знакомъ и въ Петербургѣ, но противъ котораго онъ былъ предубѣжденъ княземъ Шаховскимъ, не любившимъ Кокошкина, безъ всякой основательной причины. Литературный кругъ

«Переводчика Мизантропа,» какъ его тогда величали, встрѣтилъ Загоскина съ полнымъ радушіемъ, и вскорѣ онъ сдѣлался близкимъ пріятелемъ всѣхъ его членовъ.

До 1821 года Загоскинъ не писывалъ стиховъ; онъ не чувствовалъ паденія и мѣры стиха, и самъ признавался, что это не его дѣло. Одинъ разъ въ кругу короткихъ пріятелей разсердили его тѣмъ, что не хотѣли даже выслушать какихъ-то его замѣчаній на какіе-то стихи, основываясь на томъ, что онъ въ стихотворствѣ ничего не понимаетъ. Загоскинъ вспылилъ и сказалъ, что онъ докажетъ всѣмъ, какъ понимаетъ это дѣло, и черезъ два мѣсяца прочелъ прекрасное, довольно длинное посланіе къ Н. И. Гнѣдичу, написанное шестистопными ямбами съ риѳмами. Оно стоило Загоскину неимовѣрныхъ трудовъ: не имѣя уха, каждый стихъ онъ раздѣлялъ черточками на слоги и стопы, и надъ каждымъ слогомъ ставилъ удареніе; въ иной день ему не удавалось выковать болѣе четырехъ стиховъ, и изъ такой Египетской тяжкой работы, стихи вышли легки, свѣжи, звучны и естественны! Всѣ были изумлены. Тутъ проявилась вполнѣ настоящая Русская, разумѣется талантливая, натура Загоскина: сказалъ: сдѣлаю — и сдѣлалъ, да еще едва ли не лучше учителей. Это посланіе, кажется, было напечатано въ Петербургѣ, въ журналѣ «Общества Соревнователей Просвѣщенія». Изъ писемъ Гнѣдича видно,

что въ 1821 же году, Загоскинъ написалъ стихами сцены: «Авторская клятва,» и потомъ: «Выборъ невѣсты.» Обѣ эти піэсы, написанныя въ драматической формѣ, были читаны въ «Обществѣ Соревнователей Просвѣщенія» въ Петербургѣ, въ журналѣ котораго они и напечатаны. Вотъ что пишетъ Н. И. Гнѣдичь къ Загоскину отъ 19-го Апрѣля, 1821 года: «Послѣ *Авторской клятвы*, я уже перестану и удивляться твоимъ истинно блистательнымъ успѣхамъ, любезный другъ Михаилъ Николаевичь.... но удовольствіе Крылова при слушаніи *Авторской клятвы*, вѣрно лучшая тебѣ порука за достоинство піэсы, основанной на дѣйствіи и характерахъ и написанной живо и чисто. Самая же піэса порука намъ, что ты подаришь театръ комедіей въ стихахъ....» Тогда же Загоскинъ написалъ нѣсколько «Разговоровъ въ прозѣ», очень веселыхъ и забавныхъ, въ родѣ учебныхъ разговоровъ или діалоговъ. Гнѣдичь, строгій судья и не охотникъ хвалить, пишетъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ 1821 года Мая 19-го: «Не думаю, мой другъ, чтобы хвалы могли избаловать тебя. Ты имѣешь и умъ и совѣсть дарованья, — чтобы не ослѣпляться собою. Успѣхи дѣйствительно, во всемъ смыслѣ этого слова, блистательны — такъ никто не начиналъ: ты понимаешь меня — не *начиталъ*.... Я слышалъ и твои разговоры въ прозѣ. Ихъ читалъ Гречь, и читалъ прекрасно. Мысль чрезвычайно оригинальная, веселая, и выполнена отмѣнно пріятно. Родъ

этотъ, то-есть маленькія сочиненія въ разговорахъ, можетъ быть лучшимъ упражненіемъ твоего таланта для отдыховъ отъ работъ серьезныхъ, то-есть большихъ».

Ободренный успѣхомъ, Загоскинъ рѣшился написать комедію стихами; съ твердостью, и, можно сказать, съ самоотверженіемъ засѣлъ за работу, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ написалъ довольно большую комедію въ стихахъ, въ одномъ актѣ, также шестистопными ямбами съ риѳмами: «Урокъ холостымъ или наслѣдники,» которая въ 1822 году, 4 Мая, была сыграна на Московскомъ театрѣ и тогда же напечатана. Всякая комедія, написанная прекрасными стихами, языкомъ разговорнымъ, была бы тогда замѣчательнымъ явленіемъ, и безъ той неизмѣнной веселости и комической жизни, которой такъ много въ «Наслѣдникахъ». Публика и литераторы приняли піэсу съ восхищеніемъ; стихи въ этой піэсѣ вообще такъ хороши, что и теперь можно ихъ прочесть съ удовольствіемъ. Конечно тогда уже начинали писать гладкими стихами для театра; но въ этой пустой, щеголеватой гладкости состояло все ихъ достоинство. Стихи Загоскина, напротивъ, при всей легкости разговорнаго языка, не пусты: въ нихъ есть содержаніе, сила, и мысль укладывается въ стихѣ вся безъ остатка и безъ натяжки. Въ піэсѣ нѣтъ такихъ мѣстъ, которыя бы ярко выдавались. Она вся написана хорошо, вся ровна. Выписываю совершенно на выдержку: бѣдная дѣвушка Лиза жи-

ветъ изъ милости въ домѣ своего дальняго родственника, жена котораго, г-жа Звонкина, попрекаетъ ей бѣдностью, а сынъ ея Любимъ, влюбленный въ Лизу, ее смиренно защищаетъ:

Л и з а.

«Конечно, я бѣдна; но бѣдность не порокъ.

Звонкина.

А что жъ, сударыня, чай скажешь: добродѣтель!
Покойный твой отецъ, всемірный благодѣтель —
А нищій самъ, какъ ты, точь въ точь же разсуждалъ,
Престрогій былъ судья и взятокъ онъ не бралъ.
Тотъ домикъ выстроилъ, другой купилъ деревню,
А онъ прямехонько попалъ бы въ богадѣльню.

Любимъ.

Честнѣйшій человѣкъ!

Звонкина.

Скажи, сударь, гордецъ:
Хотѣлъ быть всѣхъ умнѣй! Чтожъ вышло наконецъ?
Да что и говорить! онъ былъ совсѣмъ безъ правилъ.
Служилъ въ палатѣ вѣкъ, — а дочь съ сумой оставилъ.

Любимъ

Все такъ, однакожъ онъ....

Звонкина.

Ну, полно врать — молчи!
Пошли ко мнѣ отца; а ты достань ключи
Отъ сахару — они въ столѣ; — отдай ихъ Дунькѣ;
Да у меня смотри! прошу ходить по стрункѣ!
Ступай!»

Какъ хорошо обрисовывается натура Звонкиной, и какъ много слышно дѣйствительной жизни во всѣхъ ея словахъ, и какая естественность разговора! Сцены подлой угодливости наслѣдниковъ, когда пріѣзжаетъ ихъ дядя богачъ и холостякъ — очень живы и смѣшны. Старикъ, хорошо понимающій своихъ наслѣдниковъ, прикидывается, что самъ хочетъ жениться на Лизѣ, и всѣ родные, смертельно перепуганные, желая удержать богатство дяди въ своей семьѣ, спѣшатъ помолвить ее за Любима, о чемъ прежде не хотѣли и слышать. Старикъ того и желалъ; онъ отдаетъ все свое имѣніе внуку, и одинъ изъ родственниковъ, болѣе всѣхъ потерявшій, имѣвшій самъ виды на Лизу, оканчиваетъ піэсу слѣдующими стихами:

Турусинъ.

О варваръ, о злодѣй!... Ну выдумалъ я средство:
Безъ денегъ, безъ жены и даже — безъ наслѣдства.

Въ томъ же 1822 году, Мая 18-го, Загоскинъ поступилъ къ Московскому Военному Генералъ-Губернатору въ число Чиновниковъ особыхъ порученій, съ исправленіемъ должности экспедитора по театральному отдѣленію. Для объясненія такого, страннаго теперь, назначенія, надобно сказать, что тогда въ Москвѣ не было Дирекціи театра, а находилась Контора, состоявшая подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ Генералъ-Губернатора, Князя Д. В.

Голицына, который цѣнилъ Загоскина, какъ литератора, и очень любилъ его, какъ человѣка.

Въ 1823 году, Загоскинъ написалъ комедію-водевиль: «Деревенскій Философъ», которая была сыграна 23 Января, въ бенефисъ Сабурова. Это очень забавная бездѣлка съ прекрасными куплетами. Выписываю одинъ изъ нихъ: его поетъ Волгинъ, мечтая о своемъ проэктѣ: «устроеніе водянаго сообщенія между Чернымь и Каспійскимъ моремъ»:

«Чтобъ подробно ихъ изчислить,
Коротка вся жизнь моя;
Безъ восторга и помыслить,
Не могу объ этомъ я.
Персіяне и Китайцы,
Кашемирцы и Бухарцы
Приплывутъ въ Одессу къ намъ;
Мы соболью бросимъ ловлю,
А Индѣйскую торговлю
Приберемъ тогда къ рукамъ.

Въ 1823 году, Марта 30-го, Загоскинъ опредѣленъ въ Контору Дирекціи Московскаго театра, (получившаго свое особенное образованіе и особаго Директора) Членомъ по хозяйственной части.

До 1828 года Загоскинъ ничего не напечаталъ; литературная дѣятельность его, какъ будто пріостановилась; на это были слѣдующія причины: во-первыхъ, онъ усердно занялся своей хлопотливой должностью; во-вторыхъ, ему очень не правилась слу-

жебная перспектива въ чинѣ вѣчнаго Титулярнаго Совѣтника, потому что не воспитывавшись ни въ одномъ казенномъ заведеніи, онъ не могъ быть произведенъ въ слѣдующій чинъ, и Загоскинъ рѣшился выдержать экзаменъ для полученія чина Коллежскаго Ассессора. Къ экзамену надобно было приготовиться, и Загоскинъ посвящалъ на это все свободное отъ службы время, въ продолженіе полутора года; онъ трудился съ такою добросовѣстностью, что даже вытвердилъ наизусть «Римское право». Наконецъ онъ выдержалъ испытаніе блистательно, и самъ требовалъ отъ профессоровъ, чтобъ его экзаменовали какъ можно строже. Загоскинъ въ письмѣ ко мнѣ очень забавно описываетъ свои экзамены и между прочимъ сердится на одного изъ профессоровъ, который предложилъ ему вопросъ: кто такой былъ Ломоносовъ? — «Ну, можно ли объ этомъ спрашивать (пишетъ Загоскинъ) не мальчика, а литератора, уже давно получившаго нѣкоторую извѣстность? Я хотѣлъ было отвѣчать ему, что Ломоносовъ былъ сапожникъ». Свадивъ съ плечь экзаменъ, Загоскинъ, давно ничего не писавшій, принялся за большую комедію въ стихахъ, которую ему и прежде хотѣлось написать; онъ писалъ долго, — и наконецъ, въ 1828 году, «Благородный Театръ», комедія въ 4-хъ актахъ, была сыграна на Московской сценѣ. Эта піэса имѣла самый полный, самый огромный успѣхъ: зрители задыхались отъ смѣха, хохотъ мѣшалъ хлопать, и громъ

рукоплесканій вырывался только по временамъ, особенно по окончаніи каждаго акта; только въ послѣдующія представленія, неумолкаемыя рукоплесканія раздавались вмѣстѣ со смѣхомъ. Комедія вполнѣ стоила такого успѣха—не по мысли, которая не имѣла большой значительности и тогда, теперь же и совсѣмъ ее теряетъ (кто въ 1852 году станетъ серьёзно заниматься благородными спектаклями?.... а тогда занимались ими серьёзно)—но потому, что вся піэса исполнена такой неистощимой веселости, живости, естественности, до того проникнута комизмомъ характеровъ, положеній и рѣчей, написана такими прекрасными стихами, что, собственно въ этихъ отношеніяхъ, не имѣетъ себѣ равной. Кромѣ Любскаго, затѣявшаго у себя благородный спектакль, изображеннаго и выдержаннаго въ совершенствѣ, кромѣ Волгина, грубаго добряка, попадающаго нечаянно въ закулисный омутъ, вовсе ему чуждый и неизвѣстный, Волгина, который, по моему мнѣнію своимъ положеніемъ забавнѣе всѣхъ другихъ лицъ,— въ этой комедіи есть характеръ, задуманный весьма счастливо и выполненный прекрасно: это Посошковъ, человѣкъ умный, страстный любитель театра, сочинитель и актеръ, чувствующій, понимающій искусство, и только потому смѣшной и даже глупый, что ничего кромѣ искусства не видитъ и не понимаетъ. Эта исключительность, эта односторонность, которыя иногда бываютъ гибельны людямъ

съ истинными дарованіями, схвачены авторомъ очень удачно. Я не помню, было ли лицо Посошкова замѣчено и оцѣнено тогдашними критиками. Должно сказать правду, что необыкновенному успѣху піэсы способствовало мастерское исполненіе на сценѣ: піэсу ставилъ Князь Шаховской, не имѣвшій равнаго себѣ знатока въ этомъ дѣлѣ. Роль Любскаго была создана, такъ сказать, по средствамъ и особенности таланта Щепкина: Любской, съ начала до конца, находится въ тревогѣ и волненіи, горячится, выходитъ изъ себя; только Щепкинъ, надѣленный такимъ неистощимымъ запасомъ огня, могъ выдержать эту роль, не замѣняя крикомъ внутренней горячности, не дѣлаясь однообразнымъ. Не видавши, нельзя себѣ вообразить того совершенства, съ которымъ, 25 лѣтъ назадъ, игралъ Любскаго нашъ знаменитый артистъ. Мочаловъ—въ роли Вельскаго, Сабуровъ — Посошкова и Рязанцевъ — Извѣдова (незабвенныя потери для сцены) вмѣстѣ съ Кавалеровой, Рѣпиной и со всѣми другими безъ исключенія — составляли такой ладъ въ ходѣ піэсы, какого я, постоянный любитель театра, никогда послѣ не видывалъ. По общему признанію и по справедливости «Благородный театръ»— лучшая комедія Загоскина. Я хотѣлъ выписками подтвердить мои слова, но это невозможно: надобно выписывать всю піесу.

Съ 1823 по 1829 годъ включительно, Загоскинъ получилъ ордена 4-й степени Св. Владиміра и 2-й.

степени Анны, и чины Коллежскаго Ассессора и Надворнаго Совѣтника.

Еще до окончанія комедіи «Благородный театръ», овладѣла Загоскинымъ мысль: написать Русскій историческій романъ. Ему до смерти надоѣло, какъ онъ самъ мнѣ часто говаривалъ: «таскать кандалы условныхъ, противоестественныхъ законовъ, которые носитъ сочинитель, пишущій комедію, да еще шестистопными стихами съ проклятыми риѳмами». Вспомнивъ трудность, съ какою Загоскинъ писалъ стихи, и охоту щеголять мудреными риѳмами, — легко понять, что онъ говорилъ очень искренно: впрочемъ Загоскинъ иначе и говорить не умѣлъ. Романъ казался ему «открытымъ полемъ, гдѣ могло свободно разгуляться воображеніе писателя». Немедленно, послѣ первыхъ представленій «Благороднаго театра», вполнѣ удовлетворившихъ самолюбіе Загоскина, принялся онъ готовиться къ сочиненію историческаго романа. Онъ былъ весь погруженъ въ эту мысль, охваченъ ею совершенно; его всегдашняя разсѣянность, къ которой давно привыкли, и которую уже не замѣчали, до того усилилась, что всѣ ее замѣтили, и всѣ спрашивали другъ друга, что сдѣлалось съ Загоскинымъ? Онъ не видитъ, съ *кѣмъ* говоритъ, и не знаетъ, *что* говоритъ? — Встрѣчаясь на улицахъ съ короткими пріятелями, онъ не узнавалъ никого, не отвѣчалъ на поклоны и не слыхалъ привѣтствій: онъ читалъ въ это время историческіе до-

кументы и жилъ въ 1612 году. Наконецъ, обдумавъ содержаніе, выбравъ эпоху и прочтя добросовѣстно все, къ ней относящееся, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ принялся онъ писать, и въ 1829 году напечаталъ «Юрія Милославскаго или Русскіе въ 1612 году», въ 3-хъ томахъ. Появленіе этого романа составляетъ эпоху въ жизни Загоскина, въ литературномъ и общественномъ отношеніи. Восхищеніе было общее, единодушное: немного находилось людей, которые его не вполнѣ раздѣляли. Публика обѣихъ столицъ, и вслѣдъ за нею, или почти вмѣстѣ съ нею, публика провинціальная, пришли въ совершенный восторгъ. Въ послѣдствіи, не такъ скоро, но прочно, безъ восторга, но съ какимъ-то умиленіемъ начала читать и читаетъ до сихъ поръ «Юрія Милославскаго» вся грамотная Русь.... и читаетъ она его не даромъ: Русскій умъ, духъ и складъ рѣчи, впервые послышались на Руси въ этомъ романѣ Всѣ обрадовались «Юрію Милославскому», какъ общественному пріятному событію; всѣ обратились къ Загоскину: знакомые и незнакомые, знать, власти, дворянство и купечество, ученые и литераторы, — обратились со всѣми знаками уваженія, съ восторженными похвалами; всѣ, кто жили или пріѣзжали въ Москву, ѣхали къ Загоскину; кто были въ отсутствіи—писали къ нему. Всякой день получалъ онъ новыя письма, лестныя для авторскаго самолюбія. Жуковскій писалъ: «Вотъ что со мной случилось: получивъ вашу книгу, я раскрылъ ее съ

«нѣкоторою къ ней недовѣрчивостью, съ тѣмъ только, «чтобы заглянуть въ нѣкоторыя страницы, получить «какое нибудь понятіе о слогѣ вообще, но съ пер-«вой страницы перешелъ я на вторую, вторая зама-«нила меня на третью и вышло наконецъ, что я всѣ «три томика прочиталъ въ одинъ присѣстъ, не поки-«дая книги до поздней ночи. Это для меня рѣшитель-«ное доказательство достоинства вашего романа». — Пушкинъ выразился почти также въ своемъ письмѣ: «М. Г. Мих. Ник. Прерываю увлекательное чтеніе «вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить васъ «за присылку Юрія Милославскаго, — лестный знакъ «вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю васъ «съ успѣхомъ полнымъ и вполнѣ заслуженнымъ, а «публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣш-«ней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ «за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. «Въ *литературной газетѣ* будетъ о немъ статья «Погорѣльскаго (*). Если въ ней не все будетъ «высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай «Богъ вамъ многія лѣта, т. е., дай Богъ намъ многіе «романы» и пр. Января 11-го 1830, Спб. Пушкинъ сдержалъ слово и написалъ объ Юріѣ Милославскомъ въ Литературной Газетѣ.

А. Н. Оленинъ, И. И. Дмитріевъ, Кн. Шаховской, Гнѣдичь, Крыловъ и другіе, горячо и искренно при-

(*) Извѣстный псевдонимъ Алексѣя Алексѣевича Перовскаго.

вѣтствовали торжество новаго таланта. Одинъ только Крыловъ не писалъ самъ, по извѣстной своей лѣни, но за него писали Пушкинъ, Гнѣдичь и Князь Шаховской.

Въ одномъ изъ писемъ Князя Шаховскаго, писанномъ прежде писемъ Жуковскаго и Пушкина, интересно слѣдующее описаніе литературнаго обѣда у Графа Ѳ. П. Толстаго, которое показываетъ впечатлѣніе, произведенное Юріемъ Милославскимъ, при первомъ его появленіи въ печати: «Я уже совсѣмъ «одѣлся, чтобъ ѣхать на свиданіе съ нашими пер«воклассными писателями, какъ вдругъ принесли мнѣ «твой романъ; я ему обрадовался и повезъ съ собой «мою радость къ Гр. Толстому. Но тамъ меня ею «уже встрѣтили. Первое дѣйствующее лицо автор«скаго обѣда, явившееся на сцену, былъ Пушкинъ, и «тотчасъ заговорилъ о тебѣ; Пушкинъ восхищался «отрывками твоего романа, которые онъ читалъ въ «журналѣ; входитъ Крыловъ изъ Дворца: разспросы о «тебѣ и *улыбательныя* одобренія твоему роману; «входитъ Гнѣдичь: въ восхищеніи отъ прекраснаго «твоего романа; наконецъ является Жуковскій и, ска«завъ два слова, объявляетъ, что не спалъ вчера «всю ночь, — отъ чего же? Все-таки отъ твоего «романа, который онъ получилъ, развернулъ, хотѣлъ «прочесть кое-что, и, не сходя съ мѣста, и не «ложась спать, не могъ не прочесть всѣхъ трехъ «томовъ; а это самая лучшая похвала, какую онъ

«могъ сдѣлать твоему сочиненію; онъ просилъ меня «тотчасъ къ тебѣ написать о дѣйствіи, которое ты «надъ нимъ произвелъ, о своей благодарности, и о «томъ, что хотя онъ еще не успѣлъ поднести твоего «романа Императрицѣ, но предварилъ Ее, что Она «увидитъ диво на нашемъ языкѣ».

Многое измѣнилось вокругъ Загоскина: недоброжелатели сдѣлались друзьями, порицатели комика— хвалителями романиста, съ важностью прибавляя, что наконецъ Загоскинъ попалъ на настоящую дорогу. Женщины не остались равнодушными въ общемъ дѣлѣ, и много прекрасныхъ писемъ получилъ Загоскинъ отъ женщинъ, совершенно ему незнакомыхъ: однимъ словомъ, онъ сдѣлался знаменитостью, моднымъ человѣкомъ, необходимостью обѣдовъ, баловъ, раутовъ и бесѣдъ съ литературнымъ направленіемъ, львомъ тогдашняго времени. Вниманіе и одобреніе Государя довершило торжество Загоскина.

«Юрій Милославскій» и теперь считается самымъ лучшимъ произведеніемъ Загоскина. Свѣжесть его прекраснаго таланта, новость характеровъ, въ первый разъ выступившихъ на сцену Русскаго романа, а всего болѣе жизнь, вездѣ разлитая, и неподдѣльная веселость Русскаго ума, придаютъ столько достоинства роману, что въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ первое мѣсто въ Русской литературѣ. Очевидно, чтеніе историческихъ романовъ Вальтера Скотта внушило автору мысль написать Русской

историческій романъ; очевидно, что онъ заимствовалъ форму и даже пріемы знаменитаго Шотландца; но этимъ ограничилась вся подражательность Загоскина. Его счастливая, по преимуществу Русская, натура создала чисто Русскихъ людей, задуманныхъ, можетъ быть, по образцу чужому. Разумѣется, настоящій герой романа — Кирша, а самъ Юрій Милославскій лицо довольно безцвѣтное. Впрочемъ, многіе герои романовъ Вальтера Скотта ничѣмъ его не лучше. Загоскинъ самъ чувствовалъ, что Юрій Милославскій мало возбуждаетъ участія, и потому хотѣлъ оживить его, придавъ ему черты Русскаго молодечества; онъ исполнилъ это не совсѣмъ удачно, потому что поступокъ съ паномъ Копычинскимъ не вытекаетъ изъ характера Юрія Милославскаго; къ тому же это анекдотъ новый, всѣмъ извѣстный, и перемѣна рябчиковъ на гуся не помѣшала читателю вспомнить, что это случилось недавно, а не 200 лѣтъ тому назадъ. Такое воспоминаніе, по моему мнѣнію, вредитъ впечатлѣнію, не даетъ забыться вполнѣ воображенію и перенестись въ ту эпоху, которую описываетъ сочинитель.

Въ Юріѣ Милославскомъ большая часть сценъ написана съ увлекательною живостью, и всѣ лица, кромѣ героя и героини романа, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о любви (самое мудреное дѣло въ народномъ Русскомъ романѣ) — лица живыя, характерныя, возбуждающія болѣе или менѣе сочувствіе въ

читателяхъ всѣхъ родовъ; лицо же юродиваго, Митя, явленіе исключительно Русское, выхваченное изъ народной жизни, стоитъ выше всѣхъ и можетъ назваться художественнымъ созданіемъ; оно написано съ такою сердечною теплотою, которая проникаетъ въ душу каждаго человѣка, способнаго къ принятію такого рода впечатлѣній. Это характеръ очень трудный: малѣйшее несоблюденіе мѣры, въ ту или другую сторону, уничтожило бы его высокое достоинство. Чувство любви христіанской и религіознаго настроенія, которыми постоянно былъ проникнутъ сочинитель, перешли на бумагу. Мнѣ привелось это видѣть своими глазами. Я пришелъ однажды къ Загоскину довольно рано по утру, вошелъ въ его кабинетъ и увидѣлъ, что онъ сидитъ за письменнымъ столомъ. Я подошелъ къ нему такъ тихо, что онъ меня не слыхалъ; когда я взглянулъ на него, то былъ пораженъ.... Загоскина нельзя было узнать: слезы текли по его щекамъ и выраженіе духовнаго блаженства разливалось во всѣхъ чертахъ лица ... Я не умѣю, не могу передать моего впечатлѣнія, хотя оно совершенно живо и свѣжо въ моей памяти. «Что съ тобой?» спросилъ я. Загоскинъ взялъ тетрадь, всю закапанную слезами, и прочелъ мнѣ смерть боярина, Кручины Шалонскаго.

У насъ не было еще народнаго писателя, въ точномъ и полномъ смыслѣ этого слова; наше отчужденіе отъ народа, и его малограмотность—прямыя и

очевидныя тому препятствія; но Загоскинъ болѣе другихъ можетъ назваться народнымъ писателемъ. Кромѣ прочихъ сословій, его читали и читаютъ всѣ, знающіе грамотѣ, торговые крестьяне; они разсказываютъ читанное ими, а иногда читаютъ вслухъ многимъ другимъ безграмотнымъ крестьянамъ. Огромное число табакерокъ и набивныхъ платковъ, съ изображеніемъ разныхъ сценъ изъ «Юрія Милославскаго», развозимыхъ по всѣмъ угламъ необъятной Россіи, поддерживаютъ извѣстность имени его сочинителя. Я встрѣчалъ простолюдиновъ, которые знаютъ не одного только «Юрія Милославскаго», но и выходившіе послѣ романы и повѣсти Загоскина.

«Юрій Милославскій» имѣлъ восемь изданій; онъ переведенъ на Французскій, Нѣмецкій, Итальянской, Голандской и Англійскій языки, и вездѣ былъ принятъ съ большими похвалами; на Французскій языкъ было сдѣлано вдругъ четыре перевода въ Москвѣ и Петербургѣ. Я видѣлъ у Загоскина много писемъ отъ разныхъ Европейскихъ литературныхъ знаменитостей, писемъ, наполненныхъ лестными отзывами; было даже одно или два письма отъ Вальтера Скотта; но ихъ (какъ и многихъ другихъ) до сихъ поръ не могли отыскать въ бумагахъ покойнаго. Два письма, отъ Мериме и Фонъ Ольберга, писанныя *по-Русски*, и потому замѣчательныя, я помѣщаю въ приложеніи. — Переводъ «Юрія Милославскаго» на

Чешскій языкъ вышелъ прошлаго года. Вотъ что пишетъ объ этомъ одинъ Пражскій ученый къ извѣстному нашему Професору Славянскихъ древностей, О. М. Бодянскому: «Прага, $^{6}/_{18}$ Іюля, 1851 «года.—Недавно перевели «Юрія Милославскаго» Заго-«скина: вы не можете имѣть понятія, какъ переводъ «былъ расхватанъ. Всѣ ждали въ типографіи: одинъ «читалъ его въ первой, а другіе—во второй «корректурѣ; остальные же, при освобожденіи ли-«стовъ изъ-подъ тисковъ, складывали оные и впива-«лись въ нихъ чтеніемъ. Кажется, нѣтъ человѣка «въ Прагѣ, который не прочелъ бы «Юрія Мило-«славскаго или Руссовъ въ 1612 году.» Безъ сомнѣнія такой восторженный пріемъ былъ приготовленъ извѣстностью Загоскина: вѣроятно, Пражскіе литераторы писали прежде о немъ въ журналахъ, а можетъ быть и переводили отрывки изъ его сочиненій.

Изъ всего сказаннаго мною объ «Юріѣ Милославскомъ» не подлежитъ сомнѣнію, что онъ имѣлъ самый блистательный и прочный успѣхъ; но по какой-то странной причинѣ, тогдашніе журналы были очень умѣренны въ своихъ похвалахъ; положимъ, что двое изъ журналистовъ были сами романисты; но отчего другіе, или холодно и двусмысленно хвалили, или упорно молчали? Отзывы журналовъ оставались въ такомъ неблагосклонномъ расположеніи до смерти Загоскина, кромѣ «Биб-

ліотеки для Чтенія.» Я недавно читалъ въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ, что рецензентъ, по случаю восьмаго изданія «Юрія Милославскаго,» развернулъ его — и зачитался; «такъ легко и свободно читается этотъ романъ», прибавляетъ онъ. Дѣло понятное: онъ хотѣлъ сказать, что другихъ достоинствъ въ немъ не находится. Въ этомъ родѣ я читалъ и слышалъ много отзывовъ. Нѣтъ, милостивые государи: такъ нельзя объяснить огромный, повсемѣстный успѣхъ «Юрія Милославскаго» и собственное ваше сочувствіе; не въ одной живости и веселости разсказа, не въ легкости языка надобно искать причины его, а въ томъ, что весь романъ проникнутъ Русскимъ духомъ, народностью. Вотъ отчего при чтеніи забываются, не примѣчаются его недостатки, въ отношеніи къ искусству, и, можетъ быть, глубинѣ взгляда на историческую эпоху. Чувство народности, согрѣвающее весь романъ, невольно пробуждаетъ тоже чувство, живущее въ душѣ каждаго Русскаго человѣка, даже забитаго Европейскимъ образованіемъ; и это-то чувство народности понимаютъ и цѣнятъ высоко самые иностранцы; и вотъ почему можно назвать Загоскина народнымъ писателемъ. Еслибъ весь народъ зналъ грамотѣ, онъ читалъ бы съ увлеченіемъ, не только «Юрія Милославскаго,» но и другія сочиненія Загоскина. Его по преимуществу Русская натура, его самородный талантъ слышны въ каждомъ словѣ, когда онъ не надѣваетъ

на себя личины несродной ему природы. Чтобы задумать и заговорить вполнѣ Русскимъ человѣкомъ, ему не нужно подслушивать, какъ думаетъ и говоритъ Русской народъ: ему стоитъ только заговорить самому; этого не можетъ сдѣлать ни одинъ изъ Русскихъ писателей. Напротивъ, Загоскину большаго труда стоитъ изображеніе лицъ, которыя говорятъ хотя Русскими словами, но думаютъ и складываютъ рѣчь свою не совсѣмъ по-Русски, такъ что въ этихъ изображеніяхъ онъ уступаетъ многимъ нашимъ писателямъ: Русской духъ и складъ рѣчи проступаютъ у него тамъ, гдѣ они неумѣстны. Но за то, когда Загоскинъ вырывается на свободу, то говоритъ свое живое слово, а не чужую мертвую рѣчь. Эта особенность таланта Загоскина, по моему мнѣнію, составляетъ его замѣчательное и великое достоинство. Пожалуй, у насъ въ литературѣ есть свои руссицизмы, искусственно составленные изъ словъ настоящихъ Русскихъ людей, отлитыя въ извѣстныя формы, такъ сказать: руссицизмы казенные, которые, будучи лишены духа и жизни, остались мертвой буквой и не только не возбуждаютъ сочувствія, но напротивъ производятъ самое непріятное впечатлѣніе. (*)

(*) Въ 1830-го году, я написалъ самый строгій разборъ «Юрія Милославскаго», и напечаталъ его въ «Московскомъ Вѣстникѣ». Я помѣщаю мою тогдашнюю критику въ Приложеніяхъ, предполагая, что для

Князь Шаховской сдѣлалъ изъ «Юрія Милославскаго» романтическое представленіе въ 5-ти суткахъ: оно не имѣло успѣха на сценѣ.

Въ 1830 году, Апрѣля 30-го, Загоскинъ перемѣщенъ въ должность Управляющаго Конторою Императорскихъ Московскихъ Театровъ, а въ 1831-мъ— произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники, опредѣленъ въ должность Директора Московскихъ Театровъ и пожалованъ въ званіе Дѣйствительнаго Каммергера Двора Его Императорскаго Величества.

Немедленно послѣ выхода въ свѣтъ «Юрія Милославскаго», Загоскинъ задумалъ писать другой историческій романъ: «Рославлевъ, или Русскіе въ 1812 году», напечатанный въ 1831 году. Очевидно, что Загоскинъ взялъ на себя слишкомъ тяжелое обязательство, невозможное въ исполненіи по близости эпохи, которой прошло только 18-ть лѣтъ; не говорю уже о громадности, о всемірномъ значеніи самаго событія. Онъ писалъ этотъ романъ около двухъ лѣтъ; слухъ о немъ прошелъ по всей Россіи, и всѣ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидали его появленія. Нѣкорые изъ литераторовъ предвидѣли трудность такой задачи, и вотъ что Жуковскій писалъ къ Загоскину: «Мнѣ сказывалъ Князь Ша-

---

нѣкоторыхъ читателей будетъ интересно сличить мнѣнія одного и того же человѣка, объ одной и той же книгѣ, написанныя черезъ 22 года, одно послѣ другаго.

Поздн. прим. С. А.

ховской, что вы, въ pendant вашему 1612 году, пишете романъ 1812 года: не хочу съ вами спорить; но боюсь великихъ предстоящихъ вамъ трудностей. Историческія лица 1612 года были въ вашей власти, вы могли выставлять ихъ по произволу; историческія лица 1812 года вамъ не дадутся. Съ первыми вы могли легко познакомить воображеніе читателя, и онъ, благодаря вашему таланту, увѣренъ съ вами, что они точно были такими, какими ваше воображеніе ихъ представило вамъ; съ послѣдними этого сдѣлать нельзя: мы знаемъ ихъ, мы слишкомъ къ нимъ близки; мы уже предупреждены на счетъ ихъ, и существенность загородитъ для насъ вымыселъ. Впрочемъ, нѣтъ невозможнаго. Я говорю только: трудно! На всякомъ шагу порогъ, и спотыкаться легко». Но по выходѣ «Рославлева», Жуковскій писалъ слѣдующее къ Загоскину, отъ 14-го Іюня 1831 года: «Благодарю васъ и за подарокъ и за «Рославлева», почтеннѣйшій Михаилъ Николаевичь. И съ нимъ тоже случилось, что съ его старшимъ братомъ: я прочиталъ его въ одинъ почти присѣстъ. Признаюсь вамъ только въ одномъ: по прочтеніи первыхъ листовъ, я долженъ былъ отложить чтеніе, и эти первые листы произвели было во мнѣ нѣкоторое предубѣжденіе противъ всего романа, и я побоялся, что онъ не пойдетъ на ряду съ Милославскимъ. Описаніе большаго свѣта мнѣ показалось невѣрно, и въ гостиной Князя Радугина я не

узналъ свѣтскаго языка. Но все остальное прекрасно, и «Рославлевъ» столько же приманчивъ, какъ старшій братъ его. Благословляю васъ обѣими руками на романы: это ваше дѣло, и предметовъ бездна»...: Хотя съ Жуковскимъ нельзя согласиться въ мнѣніи о «Рославлевѣ», но до его выхода изъ печати, общая увѣренность, что «Рославлевъ» будетъ еще лучше, или покрайней мѣрѣ еще интереснѣе «Юрія Милославскаго», была такъ велика, что въ Москвѣ произошло, въ своемъ родѣ, также событіе, неслыханное въ лѣтописяхъ книжной Русской торговли. Романъ еще не былъ конченъ, какъ стали просить Загоскина, чтобъ онъ его продалъ: за право напечатать четыре завода, то есть, 4,800 экземпляровъ, предложили сочинителю сорокъ тысячь рублей ассигнаціями (а тогда ассигнаціи имѣли большой лажъ), съ тѣмъ только, чтобы онъ не печаталъ втораго изданія въ продолженіе трехъ лѣтъ! Это невѣроятно, но дѣло было точно такъ и шло черезъ меня. Еще невѣроятнѣе, что содержатель типографіи, Н. С. Степановъ, покупавшій романъ, не имѣлъ денегъ для такого предпріятія, и что Московскіе книгопродавцы купили экземпляровъ будущаго неконченнаго романа, въ 4-хъ небольшихъ частяхъ, съ обыкновенною уступкою 20-ти процентовъ за коммиссію, на 36-ть тысячь рублей ассигнаціями, и внесли деньги впередъ, обязуясь продавать *не дороже* 20-ти рублей за каждый экземпляръ! Кто знаетъ незначительность капиталовъ нашихъ

Московскихъ книгопродавцевъ, ихъ осторожность, даже робость во всѣхъ книжныхъ оборотахъ, тотъ пойметъ, какъ велика была общая вѣра публики въ талантъ автора «Юрія Милославскаго»: поступокъ книгопродавцевъ служитъ только ея выраженіемъ. «Рославлевъ» не вполнѣ удовлетворилъ всеобщему ожиданію, и смѣлое предпріятіе Степанова не имѣло успѣха. Двѣ тысячи четыреста экземпляровъ, купленные книгопродавцами, разошлись, но за тѣмъ требованія на книгу прекратились. Главною причиною неудачи была холера въ Петербургѣ; куда, вмѣсто затребованныхъ 800, отправлено 100 экземпляровъ. Впрочемъ, еслибъ Степановъ могъ выдержать, переждать, то получилъ бы большія выгоды; но онъ не могъ этого сдѣлать, продалъ другую половину экземпляровъ за безцѣнокъ, и потерпѣлъ даже небольшой убытокъ. Въ послѣдствіи не только «Рославлевъ» разошелся, не сбавляя своей слишкомъ высокой цѣны, но имѣлъ еще три изданія; слѣдовательно, принявъ въ соображеніе, что первое было въ четверо больше обыкновеннаго, онъ выдержалъ семь изданій. Хотя это доказываетъ почти такой же успѣхъ, какой имѣлъ «Юрій Милославскій», но въ сущности большинство читающей публики, не такъ было довольно новымъ романомъ, какъ прежнимъ. «Рославлевъ» не могъ имѣть ожидаемаго успѣха, хотя талантъ сочинителя, во многихъ частностяхъ, выказался съ прежнею силою и свѣжестью. Не только современное,

величайшее въ мірѣ, событіе, такъ близко къ намъ стоявшее, что глазъ еще не могъ оглянуть его, но и самое содержаніе романа, основанное на современномъ же, извѣстномъ тогда, происшествіи, не могло произвесть полнаго впечатлѣнія и возбудить сильнаго участія, которое долженъ произвесть романъ. Потерявъ достоинство голаго факта, силу дѣйствительности, происшествіе не имѣло и достоинства вымысла, ибо всѣ его знали. Написать же картину двѣнадцатаго года — мысль необдуманно смѣлая. Еще всѣ актеры, кончивши великую драму, полные ею, стояли въ какомъ-то неясномъ волненіи, смотря съ изумленіемъ на опустѣвшую сцену ихъ дѣйствій, — какъ вдругъ начинаютъ имъ представлять ихъ самихъ: многимъ изъ нихъ это показалось кукольной комедіей. Къ тому же справедливость требуетъ сказать, что самыя частности, такъ сказать, лоскутки картины двѣнадцатаго года, кромѣ нѣкоторыхъ сценъ (какъ напримѣръ превосходной сцены ямщиковъ), въ «Рославлевѣ» слабы и односторонни, а характеры дѣйствующихъ лицъ мелки, хотя многіе изъ нихъ написаны очень вѣрно и забавно. Однимъ словомъ: выборъ такого содержанія былъ ошибкой Загоскина. Вспомнимъ, что Вальтеръ-Скоттъ испыталъ паденіе съ своей исторіей Наполеона, написанной слишкомъ рано. «Рославлевъ» былъ переведенъ на Французскій и Нѣмецкій языки. Кн. Шаховской сдѣлалъ изъ него драму, которая не имѣла успѣха.

Въ 1833 году, Загоскинъ напечаталъ романъ въ 3-хъ частяхъ, который назвалъ: «Аскольдова могила, повѣсть изъ временъ Владиміра I-го». Эта повѣсть проявляетъ тотъ же талантъ сочинителя, но по своему составу, по множеству мелодраматическихъ эффектовъ, по недостатку мѣстнаго и современнаго эпохѣ колорита (который и возсоздать очень трудно), по содержанію политическому и любовному, мало здѣсь возбуждающему сочувствія въ читателѣ, имѣла гораздо менѣе успѣха, чѣмъ «Рославлевъ». Особенно никого не удовлетворило окончаніе, развязка повѣсти; происшествія слишкомъ спутаны, натянуты, разсказаны торопливо, какъ-то сокращенно, и смерть героя и героини повѣсти, которые во время бури бросаются въ Днѣпръ, съ высокаго утеса, отъ преслѣдованія Варяжской дружины, не согласна съ духомъ христіанской вѣры, которою они были озарены и глубоко проникнуты. Это просто самоубійство, а не мученическая кончина. Но въ сценахъ народныхъ, принимая ихъ въ современномъ значеніи, въ созданіи личности весельчака, сказочника, пѣсельника и балагура, Торопки Голована, дарованіе Загоскина явилось не только съ тою же силой, но даже съ бо̀льшимъ блескомъ, чѣмъ въ прежнихъ сочиненіяхъ. Торопка Голованъ, по моему мнѣнію, въ своемъ родѣ даже лучше знаменитаго Кирши въ «Юріѣ Милославскомъ.» Какая бездна неистощимой веселости, смѣтливости, находчивости и Русскаго остроумія! Этотъ характеръ

былъ загроможденъ, утопленъ, такъ сказать, во множествѣ другихъ лицъ и происшествій романа; когда же онъ вырвался на сцену въ оперѣ, гдѣ онъ, хотя не такъ полонъ, на за то сдѣлался виднѣе, — его высокое достоинство обозначилось ярко. Кромѣ того въ «Аскольдовой могилѣ» всѣ сцены, въ духѣ христіанскомъ написанныя, — прекрасны и такъ искренни, что ихъ нельзя читать безъ сердечнаго сочувствія. Много есть людей благочестивыхъ, которые въ этомъ отношеніи цѣнятъ «Повѣсть изъ Временъ Владиміра I-го» выше всѣхъ другихъ сочиненій Загоскина. Она имѣла два изданія. Другая блистательная судьба ожидала «Аскольдову могилу», когда Загоскинъ сдѣлалъ изъ нея оперу того же имени, которая была дана въ первый разъ 1835 года Сентября 16-го. Конечно успѣхъ оперы зависитъ отъ музыки, а не отъ либретто, но здѣсь сочинитель либретто отчасти раздѣляетъ торжество съ сочинителемъ музыки. Этимъ нисколько не уменьшается заслуженная слава А. Н. Верстовскаго: музыка его сдѣлалась народною; кто не знаетъ ее, не любитъ и не поетъ?

Двадцать лѣтъ опера «Аскольдова могила» играется на театрахъ обѣихъ столицъ и на театрахъ провинціальныхъ, — и зрители не могутъ наслушаться и насмотрѣться на нее. Огромныя суммы принесла она Дирекціи Театровъ, особенно въ Москвѣ, гдѣ она превосходно была поставлена, и гдѣ прелестный голосъ

и до совершенства доведенная игра г-на Бантышева, вѣ роли Торопки Голована, до сихъ поръ восхищаютъ зрителей. Всего болѣе нравится въ этой оперѣ третій актъ, прекрасно написанный Загоскинымъ въ драматическомъ отношеніи. Онъ весьма счастливо воспользовался старинной воровской пѣсней, въ которой одинъ изъ разбойниковъ дѣйствуетъ точно также, какъ Торопка Голованъ, то есть, поетъ, и словами пѣсни сказываетъ своимъ товарищамъ, что́ надо дѣлать, и что́ они тутъ же исполняютъ. Большая часть Московскихъ жителей, много разъ, можетъ быть десятки рзаъ, идали «Аскольдову могилу», но магическая сила третьяго акта не слабѣетъ. Здѣсь безусловно торжествуетъ народность слова и музыкальныхъ звуковъ! Многіе, въ томъ числѣ я самъ, прихаживали въ театръ не за тѣмъ, чтобы слушать оперу, которую знали почти наизусть, а съ намѣреніемъ *наблюдать публику въ третьемъ актѣ* «Аскольдовой могилы»; но не долго выдерживалась роль наблюдателя: Торопка обморачивалъ ихъ мало помалу своими шутками, сказками и пѣснями, а когда заливался соловьемъ въ извѣстномъ «ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ», да переходилъ потомъ въ плясовую «чарочка по столику похаживаетъ» — обаяніе совершалось вполнѣ; все ему подчинялось, и въ зрителяхъ отражалось отчасти то, что происходило на сценѣ, гдѣ и горбатый Садко, озлобленный насмѣшками Торопки, противъ воли пускался плясать вмѣстѣ съ другими.

Въ 1834-мъ году произведенъ Загоскинъ въ Статскіе Совѣтники, а въ 1837-мъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники и утвержденъ Директоромъ Императорскихъ Московскихъ Театровъ; въ этомъ же году онъ напечаталъ: «Повѣсти Михайла Загоскина» въ двухъ частяхъ. Въ первой помѣщенъ «вечеръ на Хопрѣ», состоящій изъ вступленія и семи разсказовъ, а во второй части — «три жениха» въ пяти главахъ и «Кузьма Рощинъ» въ двухъ отдѣленіяхъ. Всѣ семь вечернихъ разсказовъ на Хопрѣ имѣютъ *страшное* содержаніе, которое впрочемъ никого не испугаетъ, а развѣ иногда разсмѣшитъ. Хотя всѣ они написаны тѣмъ же прекраснымъ, свободнымъ и живымъ языкомъ, но область чудеснаго, фантастическаго, была недоступна таланту Загоскина: онъ — писатель дѣйствительности. Вторая часть повѣстей имѣетъ гораздо большее достоинство. «Три жениха, провинціальные очерки» очень забавны, и драматическая форма, употребляемая въ нихъ иногда авторомъ, придаетъ много живости этимъ очеркамъ. Должно замѣтить, что Загоскину была не коротко знакома общественная жизнь губернскихъ нашихъ городовъ и вообще бытъ провинціальный: по четырнадцатому году его отправили въ Петербургъ, и только послѣ окончанія войны 1812-го года пріѣзжалъ онъ, не болѣе, какъ на годъ, въ Пензенскую отцовскую деревню; съ тѣхъ поръ онъ жилъ безвыѣздно, сначала въ Петербургѣ, а по-

томъ въ Москвѣ. И такъ, все написанное имъ въ послѣдствіи, по прошествіи многихъ лѣтъ, написано по воспоминанію, по разсказамъ другихъ. Русская натура его съ помощью таланта разгадала многое, и многое нарисовано очень вѣрно, какъ въ «Провинціальныхъ очеркахъ» такъ и въ другихъ піэсахъ; но нѣкоторые типы и обычаи уже отжили свое время и могутъ назваться теперь анахронизмами. «Кузьма Рощинъ» разсказъ живой и занимательный. Онъ переноситъ читателя въ тѣ давно прошедшія времена, о которыхъ всякой изъ насъ слыхалъ что нибудь въ своемъ дѣтствѣ. Не смотря на то, «Повѣсти» Загоскина не имѣли большаго успѣха. Изъ «Кузьмы Рощина», въ 1837-мъ году, была сдѣлана драма въ 3-хъ актахъ не помню кѣмъ, не обратившая на себя вниманія публики.

Содержаніе перваго страшнаго разсказа, не совсѣмъ вѣрно названнаго «Панъ Твардовскій» подало мысль Загоскину, гораздо прежде, написать оперу единственно для того, чтобы дать возможность извѣстному нашему композитору Верстовскому испытать свои музыкальныя дарованія въ сочиненіи оперы. Опера явилась еще въ 1828-мъ году, была хорошо принята публикой и довольно долго оставалась на сценѣ; цыганская пѣсня: «Мы живемъ среди полей» весьма удачно написанная Загоскинымъ и положенная на музыку Верстовскимъ, особенно нравилась и долго держалась, да и теперь еще держится въ

числѣ любимыхъ пѣсенъ московскихъ цыганъ и русскихъ пѣсельниковъ.

Въ 1838-мъ году Загоскинъ напечаталъ романъ или повѣсть (назовите, какъ угодно) въ трехъ частяхъ, подъ названіемъ «Искуситель.» Судъ образованной публики и судъ литературный признали «Искусителя» самымъ слабымъ сочиненіемъ Загоскина, съ чѣмъ авторъ самъ соглашался, и что будетъ весьма справедливо, если, произнося такой приговоръ, имѣть въ виду только двѣ послѣднія части этого произведенія; первая часть ярко отъ нихъ отличается. Авторъ разсказываетъ въ ней дѣтство и юность своего героя Александра Михайловича (фамилія его не названа), проведенныя въ деревнѣ Тужиловкѣ, въ одной изъ отдаленныхъ нашихъ губерній, — и разсказываетъ просто, живо, тепло и увлекательно. Подъ именемъ Тужиловки, Загоскинъ описалъ село своего отца, Рамзай, въ которомъ онъ родился и воспитался; нѣкоторыя черты въ характерѣ героя романа, даже черты лица срисованы авторомъ съ самого себя: безъ сомнѣнія, это обстоятельство способствовало теплотѣ и вѣрности описанія. Въ концѣ первой части, Александръ Михайловичь переѣзжаетъ на службу въ Москву и вступаетъ въ свѣтъ. Здѣсь уже нельзя узнать прежняго сочинителя: всѣ свѣтскія лица, лица не русскія, лишены жизни и дѣйствительности, и повѣсть дѣлается скучною, неестественною, не возбуждающею интереса, хотя написана языкомъ пре-

краснымъ и содержитъ въ себѣ много прямыхъ, здравыхъ сужденій и нравственныхъ истинъ, выражающихъ горячую благонамѣренность автора. Загоскинъ хотѣлъ представить, какимъ опасностямъ подвергается молодой человѣкъ, добрый, слабый и неопытный, вступая въ испорченное свѣтское общество; всю его порчу хотѣлъ онъ сосредоточить въ одномъ лицѣ, въ какомъ-то загадочномъ баронѣ Брокенѣ, придавъ этому искусителю, кромѣ ума и разныхъ дарованій, что-то фантастическое и дьявольское. Я уже говорилъ, что изображеніе людей, утратившихъ русскую физіономію, а также изображеніе всего фантастическаго, было не въ характерѣ таланта Загоскина. «Искуситель» убѣдительно подтверждаетъ мои слова: какъ только Александръ Михайловичь въ концѣ третьей части, послѣ всѣхъ заблужденій и самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ выпутывается неправдоподобнымъ и непонятнымъ образомъ, садится въ коляску и возвращается домой, въ деревню, въ простой, русской бытъ, — все перемѣняется, и разсказъ автора получаетъ живость, истинность и занимательность.

Въ 1839-мъ году было напечатано новое произведеніе Загоскина: «Тоска по родинѣ», повѣсть въ двухъ частяхъ; успѣхъ ея былъ посредственный, но все она была принята лучше «Искусителя» и выдержала два изданія. Она раздѣляется на четыре большія главы: первая написана очень живо и весело; по

несчастію во второй начинается или, правильнѣе сказать, усиливается любовь, появившаяся еще въ концѣ первой главы. Всѣ любовныя сцены, во всѣхъ безъ исключенія произведеніяхъ Загоскина, выходили неудачны: точно тоже выходитъ и здѣсь. Третья глава и почти вся четвертая содержитъ въ себѣ путешествіе, или проѣздъ черезъ Англію и Францію, и почти двухлѣтнее пребываніе въ Испаніи героя романа, Владиміра Сергѣевича Завольскаго. Хотя Загоскинъ довольно живо и ловко описываетъ и Лондонъ, и Парижъ, и Гранаду, и Алгамбру, но какъ-то чувствуется, что онъ самъ ихъ не видалъ: почерпнутыя изъ чужихъ путешествій описанія выходятъ блѣдны и читаются безъ интереса; въ нихъ не достаетъ той оригинальности собственнаго взгляда, который вноситъ каждый, сколько нибудь даровитый путешественникъ въ свои дорожныя записки. Нельзя заочно вообразить себѣ именно того впечатлѣнія, которое произвела бы самая дѣйствительность; впечатлѣніе воображаемое не можетъ быть искренне и непремѣнно будетъ ошибочно. Развязка повѣсти, происходящая на песчаномъ берегу моря въ Испаніи, куда прибылъ для этого русской фрегатъ; чудесное избавленіе, изъ-подъ ножей убійцъ, героя романа тѣмъ самымъ морскимъ офицеромъ, отъ котораго Завольской бѣжалъ въ Испанію, и который оказался роднымъ братомъ, а не любовникомъ героини романа — все это слишкомъ самовольно устроено авто-

ромъ, и не удовлетворяетъ читателя. Но за то личность и характеръ слуги Завольскаго, Никанора Ѳедотова, во всей повѣсти проведены искусно, нарисованы вѣрно и выдержаны вполнѣ. Ѳедотовъ не походитъ ни на слугу Юрія Милославскаго, Алексѣя, (который также очень хорошъ), ни на Торопку Голована; но представляетъ въ особомъ родѣ типъ русскаго слуги, написанный мастерски.

Въ томъ же году Загоскинъ сдѣлалъ изъ своей повѣсти «Тоска по родинѣ» оперу того же имени, а Верстовскій написалъ для нея музыку. Она была дана 21-го Августа 1839-го года. Опера не имѣла успѣха и очень скоро была снята съ репертуара. Я не читалъ либретто и не видалъ піесы на сценѣ, но слышалъ прежде нѣкоторые нумера музыки, и помню, что они нравились всѣмъ.

Съ 1837-го по 1842-й годъ, Загоскинъ оставался Директоромъ Московскихъ Театровъ; въ продолженіе этого времени, онъ съ горячимъ усердіемъ занимался своей должностью. Не смотря на то, что онъ, съ Высочайшаго соизволенія, построилъ малый театръ собственными средствами дирекціи (за что получилъ Всемилостивѣйше пожалованную табакерку съ шифромъ), денежныя дѣла ея находились постоянно въ хорошемъ положеніи. Въ 1840-мъ году, 13-го Апрѣля, Загоскинъ награжденъ былъ за усердную службу орденомъ Св. Владиміра 3-й степени. Въ 1842-мъ году, 3 го Февраля, въ слѣдствіе собствен-

наго желанія и прошенія, по Высочайшему указу, опредѣленъ Директоромъ Московской Оружейной Палаты: въ этой должности оставался онъ до своей кончины. Въ продолженіе послѣдней десятилѣтней своей службы, въ 1845-мъ году, Загоскинъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-ой степени, а въ 1851-мъ — кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени.

Въ продолженіе этого пятилѣтія (съ 1837 по 1842-й годъ) Загоскинъ написалъ комедію въ стихахъ: «Недовольные», которая была представлена на Московскомъ театрѣ безъ большаго успѣха, не смотря на многія комическія сцены и на множество прекрасныхъ и сильныхъ стиховъ. Впрочемъ были люди очень довольные «Недовольными», и И. И. Дмитріевъ въ письмѣ къ Загоскину очень хвалилъ комедію. Вообще въ чтеніи она нравилась гораздо больше. Другая комедія въ прозѣ «Урокъ матушкамъ», напротивъ, имѣла очень большой успѣхъ, и до сихъ поръ остается на репертуарѣ: въ самомъ дѣлѣ она очень весела и забавна. Загоскинъ составилъ или, лучше сказать, переложилъ ее слово въ слово изъ одной своей повѣсти: «Три жениха», о чемъ я уже и говорилъ.

Въ 1842-мъ году Загоскинъ написалъ романъ въ 4-хъ частяхъ, подъ названіемъ: «Кузьма Петровичь Мирошевъ, русская быль временъ Екатерины II-й». Это сочиненіе не было оцѣнено по достоинству: большинство публики прочло его съ удоволь-

ствіемъ, но безъ всякаго увлеченія. Не смотря на то, Мирошевъ имѣлъ два изданія. Литературный судъ не обратилъ на него особеннаго вниманія, признавая, что Загоскинъ съ обыкновеннымъ своимъ дарованіемъ, но съ излишнею плодовитостью, описалъ ничѣмъ не замѣчательную жизнь пошлаго, безхарактернаго человѣка. По моему мнѣнію такое сужденіе поверхностно и несправедливо. Я считаю Мирошева лучшимъ произведеніемъ Загоскина, не исключая даже Юрія Милославскаго. Въ основѣ романа лежитъ серьёзная и глубокая мысль, которую мы не хотѣли понять и оцѣнить по человѣческой гордости и тщеславію; а можетъ быть, тогда еще рано было оцѣнить ее. Кузьма Петровичъ Мирошевъ существо тихое, скромное, покорное, по преимуществу доброе и вполнѣ вѣрующее, съ благодарностью принимающее отъ Бога и радость и печаль: *человѣкъ Божій*, въ томъ высокомъ нравственномъ значеніи, въ какомъ употреблялись эти слова въ старину, по которыми теперь уже опредѣляютъ у насъ совсѣмъ другаго рода человѣка. По-видимому, смирный и богобоязливый Кузьма Петровичъ лице совсѣмъ не поэтическое, и его-то безцвѣтную жизнь и невидную долю разсказалъ намъ авторъ — отъ дѣтства до старости.

Глупая и злая мачиха не взлюбила Мирошева за то, что его звали Кузьмой; она чуть не била его отца, промотала его хорошее состояніе (2,000 душъ),

и послѣ смерти родителей сыну осталось въ наслѣдство 300 рублей; деньги пришли очень кстати, потому что въ это время его выпустили въ офицеры изъ кадетскаго корпуса. Круглый сирота и совершенный бѣднякъ, Кузьма Петровичъ имѣлъ сокровище — дядьку, Прохора Кондратьича, любившаго его съ материнскою горячностью. Въ этомъ лицѣ Загоскинъ изобразилъ собственнаго своего слугу и дядьку, который точно также любилъ его и раздѣлялъ съ нимъ нужду и бѣдность въ продолженіи десятилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ съ 1802 по 1812-й годъ. Мирошевъ служилъ съ примѣрнымъ усердіемъ, дрался съ непріятелемъ храбро; другихъ награждали — ему не давали ничего; Мирошевъ не ропталъ, не обвинялъ никого. Одинъ трусишка офицеръ, по протекціи вышелъ въ чины и сдѣлался его командиромъ — Мирошевъ повиновался безъ ропота; командиръ сталъ его гнать (какъ случайнаго свидѣтеля своей трусости), сталъ придираться къ нему на каждомъ шагу, и Мирошевъ, увидя, что дѣло плохо, вышелъ въ отставку поручикомъ, и отправился въ Москву вмѣстѣ съ своимъ Прохоромъ Кондратьичемъ искать честнаго куска хлѣба по гражданской службѣ. Дорогой попали они въ маленькую деревеньку «Хопровку», которая очень понравилась Мирошеву красивымъ мѣстоположеніемъ, а дядькѣ — полными хлѣбными гумнами. Вдругъ открывается, что Мирошевъ закон-

ный наслѣдникъ этого имѣнія, госпожа котораго, его родная тетка, недавно умерла. Какое неожиданное благополучіе! Но Мирошевъ узнаетъ, что тутъ же живетъ воспитанница его тетки, бѣдная сирота, оберъ-офицерская дочь, и что покойница хотѣла, но не успѣла укрѣпить ей свои 50 душъ — и Мирошевъ опять нищій: онъ отдаетъ сиротѣ свое родовое имѣніе, исполняя волю умершей тетки. По счастью, дѣвушка ему понравилась еще прежде, чѣмъ онъ узналъ о своихъ правахъ на наслѣдство. Мирошевъ женится на ней, и счастливый, благословляющій милость Божію, живетъ спокойно 17 лѣтъ въ своей красивой Хопровкѣ. Но нужно испытаніе злату въ горнилѣ, и Богъ посылаетъ Мирошеву испытаніе: единственная дочь, которую онъ и мать любятъ всею силою простыхъ сердецъ своихъ, ничѣмъ другимъ неразвлеченныхъ, полюбила сына сосѣда, богатаго и знатнаго родомъ; сынъ, разумѣется, самъ ее любитъ; но отецъ слышать не хочетъ о женитьбѣ сына на мелкопомѣстной дворяночкѣ. Дочь сдѣлалась больна, почти умираетъ, мать приходитъ въ отчаяніе. Въ тоже время встала другая бѣда: крѣпостной человѣкъ, управитель графскаго сосѣдняго имѣнія, озлобленный за отказъ его сыну, круглому дураку, котораго онъ вздумалъ женить на дочери Мирошева, извѣстный ябедникъ и дѣлецъ, подаетъ просьбу на бѣднаго Кузьму Петровича и отнимаетъ у него, безъ всякаго права, почти всю

землю, то есть совершенно его разоряетъ. Обидное сватовство «холопскаго» сына взбѣсило всю дворню Мирошевыхъ, вывело изъ себя даже тихую и скромную супругу Кузьмы Петровича: — онъ одинъ оставался кротокъ и твердъ въ своей кротости, онъ не позволилъ проводить сваху съ безчестіемъ. Борьба съ именемъ знатнаго вельможи и богача была невозможна: Мирошевъ вездѣ проигрываетъ, и дѣло переходитъ въ Московскій Сенатъ; но онъ терпѣливо переноситъ свое горькое положеніе, грозящее ему совершеннымъ раззореніемъ, сокрушается только о больной дочери, и то безъ малѣйшаго ропота на волю Божію. Дочери помогаетъ проѣзжій лекарь, и Мирошевъ, собравъ послѣднія крохи, ѣдетъ хлопотать по своему дѣлу въ Москву. Разумѣется, приказные въ Сенатѣ его грабятъ, и онъ навѣрное бы проигралъ свою тяжбу, если бы одинъ изъ его прежнихъ сослуживцевъ (такой же бѣднякъ, какъ и онъ) не вздумалъ затащить его обманомъ на обѣдъ къ тому самому графу, съ которымъ онъ тягался. Этотъ вельможа держалъ открытый столъ, то есть, у него могъ обѣдать всякой порядочно одѣтый человѣкъ, никому не объявляя своей фамиліи. Мирошевъ послѣ обѣда узналъ, у кого онъ въ гостяхъ, ужасно переконфузился отъ мысли, что ѣлъ хлѣбъ и соль у хозяина, съ которымъ велъ тяжбу, и спѣшилъ уйти домой. По несчастью, или лучше сказать, по счастью, сосѣдъ его за обѣдомъ (мошенникъ, переодѣтый въ офицер-

скій мундиръ) укралъ ложку: подозрѣніе падаетъ на Мирошева! Его замѣшательство, когда при выходѣ спросили его фамилію и мѣстожительства, превращаетъ подозрѣніе въ увѣренность. Графу доложили о покражѣ и онъ приказываетъ отнести къ Мирошеву, мнимому вору, еще 11-ть ложекъ: «пусть де будетъ у него полная дюжина.» Здѣсь-то несчастный Кузьма Петровичь, дорожившій своимъ честнымъ именемъ болѣе всего на свѣтѣ, доходитъ почти до отчаянія.... Но истина скоро открывается; графъ узнаетъ все: проситъ у Мирошева прощенія, чествуетъ у себя въ домѣ, прекращаетъ тяжбу, снабжаетъ сотнею рублей на возвратный путь и беретъ честное слово съ Кузьмы Петровича, что онъ немедленно по пріѣздѣ домой, пошлетъ за управителемъ и прочтетъ ему бумагу и письмо, запечатанное графскою печатью. Мирошевъ исполняетъ въ точности порученіе графа: воротясь домой, обнявъ жену и дочь, посылаетъ за управителемъ, распечатываетъ при немъ графской конвертъ, и находитъ купчую крѣпость на все графское сосѣднее имѣніе, состоящее изъ 437 душъ, и въ томъ числѣ на самаго управителя, совершенную на законномъ основаніи въ Московской Гражданской Палатѣ на имя Мирошева. Графъ счелъ за долгъ честнаго человѣка вознаградить за всѣ обиды и разореніе, нанесенныя, отъ его имени, неправедною тяжбою ни въ чемъ невиноватому сосѣду. Надменный графской управи-

тель, который не очень посматривалъ и на губернатора, разумѣется, повалился въ ноги новому помѣщику. Ни одной минуты не остановясь на мысли владѣть своимъ врагомъ, не обидѣвъ его ни однимъ грубымъ словомъ,—«встань Панкратій Лукичь! Пусть проститъ тебя Господь, какъ я тебя прощаю. Ступай сегодня же въ городъ и пиши себѣ отпускную» — сказалъ Мирошевъ. Между тѣмъ, другое, еще болѣе радостное извѣстіе ожидало нѣжнаго отца: гордый и знатный сосѣдъ, но человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, побѣжденный постоянствомъ и покорностью своего сына, согласился на его женитьбу на дочери Мирошева.... Полное благополучіе, заслуженная награда честности и христіанскаго смиренія, поселяется подъ кровомъ Мирошевыхъ. Еще 15 лѣтъ жилъ, служилъ и любовался счастіемъ своихъ господъ, усердный слуга, Прохоръ Кондратьичь. Умирая, онъ отдалъ Кузьмѣ Петровичу ларчикъ: въ немъ лежала сверху икона Преподобнаго Косьмы, Епископа Халкидонскаго, мѣшечекъ съ десятью цѣлковыми и мелкимъ серебромъ, двѣ изломанныя игрушки, тетрадка съ дѣтскими прописями и бережно завернутая въ бумагу пара истертыхъ сафьянныхъ башмачковъ, которые Кузьма Петровичь носилъ въ своемъ ребячествѣ....

Я счелъ за нужное разсказать содержаніе романа, можетъ быть неизвѣстнаго многимъ моимъ читателямъ новаго поколѣнія. Все просто, все обыкновенно въ «Мирошевѣ»; даже трудно объяснить, что именно произво-

дитъ то глубокое и благотворное впечатлѣніе, которое оставляетъ въ душѣ читателя чтеніе этой повѣсти. Кузьма Петровичь Мирошевъ лице невидное, безцвѣтное и безстрастное; тотъ, кто взялъ его въ герои своего романа, долженъ былъ носить въ душѣ любовь и уваженіе къ внутренней духовной высотѣ такого лица. Загоскинъ совершилъ многотрудный подвигъ: онъ вывелъ такъ называемаго добродѣтельнаго, въ настоящемъ же случаѣ, просто добраго человѣка, камень преткновенія и для великихъ талантовъ, — и добрый человѣкъ не скученъ, а напротивъ возбуждаетъ полное сочувствіе. Мирошевъ, снисходительный и уступчивый во всемъ, что касается до его личности, до его самолюбія, до всего того, что свѣтъ называетъ благородствомъ, — твердъ и постояненъ въ сопротивленіи всему, нарушающему его совѣсть, въ которой заключается святость его вѣрованій и нравственность убѣжденій. Я хотѣлъ было выписать что-нибудь побольше изъ словъ Мирошева, для опредѣленія его характера и для подтвержденія моего мнѣнія, но нечего выписать, не на чемъ остановиться: нѣтъ ни одного особенно замѣчательнаго слова, ни одного выдающагося движенія; но таковъ и долженъ быть Мирошевъ. Онъ ничего не сдѣлалъ необыкновеннаго; но читатель убѣжденъ, что если потребуетъ долгъ, Кузьма Петровичь поступитъ съ полнымъ самоотверженіемъ, и что нѣтъ такого геройскаго подвига, котораго бы онъ не совершилъ не задумавшись;

однимъ словомъ: это русской человѣкъ — христіанинъ, который дѣлаетъ великія дѣла, не удивляясь себѣ, а думая, что такъ слѣдуетъ поступать, что такъ поступитъ всякой, что иначе и поступить нельзя.... и только русской человѣкъ — христіанинъ, какимъ былъ Загоскинъ, могъ написать такой романъ. Загоскинъ сдѣлалъ это безъ малѣйшаго усилія; для всякаго же другаго это былъ бы подвигъ слишкомъ трудный, едва ли возможный. Загоскину не нужно было творчества; онъ черпалъ изъ себя, изъ своей собственной духовной природы, и, подобно Мирошеву, не зналъ, что онъ сдѣлалъ и даже не оцѣнилъ послѣ: онъ признавался мнѣ, что этотъ его романъ немножко скучноватъ, что онъ писалъ его такъ, чтобы потѣшить себя описаніемъ жизни самаго простаго человѣка, но я думаю, что нигдѣ не проявлялся съ такой силою талантъ его, какъ въ этомъ простомъ описаніи жизни простаго человѣка. На все есть время, а для настоящей эпохи оно летитъ съ неимовѣрной быстротой. Въ десять лѣтъ много утекло воды, и можетъ быть теперь Мирошевъ будетъ оцѣненъ гораздо выше: прямѣе, искреннѣе смотримъ мы на нравственную высоту души и лучше начинаемъ понимать русскаго человѣка. Я знаю, что молодое поколѣніе русскихъ читателей мало читало сочиненій Загоскина, развѣ прочло одного Юрія Милославскаго. Знаю, что оно выросло подъ вліяніемъ неблагосклонныхъ отзывовъ журнальныхъ рецензентовъ, и потому я прошу каж-

даго изъ нихъ, кому дорогъ свой собственный взглядъ и судъ, прочесть Мирошева, хотя для того, чтобъ имѣть полное право не согласиться со мною.

Въ 1842-мъ же году Загоскинъ выдалъ «Москва и Москвичи. Записки Богдана Ильича Бѣльскаго. Выходъ І-й.» Эта книжка содержала въ себѣ десять небольшихъ статей. Двѣ изъ нихъ, III-я и VIII-я, то есть первая сцена изъ московской домашней и общественной жизни «Выборъ жениха» вошли потомъ въ составъ послѣдней комедіи Загоскина, о которой я буду говорить въ своемъ мѣстѣ. Въ мелкихъ статьяхъ авторъ вездѣ сохраняетъ свои обыкновенныя достоинства: легкость и свободу языка, веселость и оригинальность взгляда. Очень часто можно не соглашаться съ взглядомъ сочинителя, но всегда прочтешь съ удовольствіемъ все, имъ написанное. «Москва и Москвичи, выходъ первый» заключаетъ въ себѣ любопытныя извѣстія о многихъ московскихъ зданіяхъ и окрестностяхъ. Вѣроятно по этой причинѣ «первый выходъ» переведенъ на французской языкъ и немедленно былъ вторично изданъ на русскомъ.

Въ 1844-мъ году напечаталъ Загоскинъ второй выходъ «Москвы и Москвичей». Въ немъ находилось 11 мелкихъ статей, болѣе или менѣе относящихся къ Москвѣ, къ образу жизни и нравамъ ея обитателей. Второй выходъ имѣлъ всѣ достоинства перваго;

доставлялъ такое же пріятное чтеніе, былъ также хорошо принятъ читающей публикой и также въ непродолжительномъ времени былъ напечатанъ вторымъ изданіемъ. Оба выхода «Москвы и Москвичей» имѣли особенный интересъ для московскихъ читателей. Въ нѣкоторыхъ лицахъ многіе узнали своихъ знакомыхъ, а потому и во всѣхъ остальныхъ искали съ кѣмъ нибудь сходства. Въ ласковомъ камергерѣ, который часто встрѣчался и бесѣдовалъ съ Богданомъ Ильичемъ Бѣльскимъ, всѣ узнавали самого сочинителя.

Между тѣмъ Загоскину захотѣлось возвратиться къ историческимъ романамъ. Онъ снова занялся чтеніемъ, изученіемъ и выписками изъ старинныхъ рукописей и документовъ, и въ 1846-мъ году напечаталъ: «Брынскій лѣсъ. Эпизодъ изъ первыхъ годовъ царствованія Петра Великаго», въ двухъ томахъ. Публика обрадовалась ему. Этотъ романъ напомнилъ читателямъ Юрія Милославскаго; онъ написанъ съ тою же силою таланта, утратившаго можетъ быть только первую свѣжесть и новость; но конечно романъ не произвелъ и не могъ произвести такого же впечатлѣнія, уже по одной разности эпохъ: въ Юріѣ Милославскомъ, въ 1612-мъ году, дѣло шло о спасеніи русской земли; оно составляло главное содержаніе, а все прочее было придаточной обстановкой; а въ «Брынскомъ лѣсу» положеніе государства, конечно весьма интересное и

важное по своимъ послѣдствіямъ, составляетъ небольшую придаточную часть и служитъ, такъ сказать, введеніемь въ интригу романа, по несчастью—любовную. Любовь всегда была самою слабою стороною въ романахъ Загоскина. Здѣсь она приторнѣе и несовременнѣе, чѣмъ во всѣхъ прежнихъ. Я не знаю, какимъ образомъ любили въ старину, но всякой скажетъ, вмѣстѣ со мною, что не такъ любили, не такъ думали и говорили, какъ герои романа въ «Брынскомъ лѣсу». Не смотря на то, самый ходъ разсказа очень интересенъ; авторъ весьма искусно, естественно вмѣшалъ въ него тогдашнихъ раскольниковъ: они описаны живо и забавно; но взглядъ на расколъ, вѣрный только съ одной смѣшной стороны, слишкомъ односторонен; въ сущности раскола лежало гораздо болѣе важнаго значенія. Очень удачно нарисованъ бояринъ Куродавлевъ, осердившійся на царя за мнимое оскорбленіе своего родоваго старшинства, и живущій по боярски въ своей отдаленной отчинѣ; его помѣщичьи отношенія къ своимъ крестьянамъ, холопьямъ и безчисленной дворнѣ, также описаны прекрасно, живо и даже вѣрно, сказалъ бы я, если ихъ придвинуть поближе къ намъ, то есть, если бы событія романа происходили не въ 1682-мъ, а хотя въ 1742-мъ году, двумя поколѣніями позднѣе. Едва ли можно предположить, чтобы отношенія помѣщика къ крестьянамъ до-Петровскаго пріода были таковы, какими изобразилъ

ихъ авторъ. Впрочемъ всѣ достоинства и особенности таланта Загоскина: русская удаль, рѣчь, шутка, жизнь — блестятъ яркими красками въ этомъ романѣ, и онъ читается весело, съ участіемъ въ ходѣ запутаныхъ происшествій и въ трудномъ положеніи дѣйствующихъ лицъ. «Брынскій лѣсъ» имѣлъ уже два изданія и скоро будетъ изданъ въ третій разъ.

Въ 1848 году Загоскинъ напечаталъ свой послѣдній историческій романъ въ двухъ частяхъ: «Русскіе въ началѣ восьмнадцатаго столѣтія. Разсказъ изъ временъ единодержавія Петра 1-го.» Не нужно распространяться о томъ, какое обширное и богатое поле, исполненное самыхъ важныхъ историческихъ интересовъ, съ каждымъ днемъ получающихъ для насъ большую значительность, представлялось таланту романиста. Самое названіе романа обязывало автора къ изображенію общественнаго положенія, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражался бы переворотъ государственный. Разбирая этотъ романъ, прежде всего надобно сказать, что дѣло идетъ не о томъ, до какой степени справедливо воззрѣніе автора на это великое событіе. Я совершенно устраняю этотъ вопросъ, и по моему мнѣнію, никто не въ правѣ требовать отъ романиста, чтобъ онъ такъ или иначе понималъ историческія событія. Взглядъ Загоскина довольно объясняется во вступленіи къ роману. И такъ я постараюсь только опредѣлить: удовлетворительно

ли онъ исполнилъ свою задачу, смотря на предметъ съ собственной, извѣстной точки зрѣнія автора? Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе разсказа: на сценѣ являются два молодыхъ гвардейскихъ офицера, Симскій и Мамоновъ, книжная рѣчь которыхъ, пересыпанная дикими иностранными словами, приводитъ въ изумленіе и досаду стариковъ того времени; оба молодые человѣка весьма охотно принимаютъ новый порядокъ вещей и уже скучаютъ старинными обычаями: это представители новаго поколѣнія. Въ противоположность имъ выведено три старика: Л. П. Рокотовъ, пристрастный другъ старины, ожесточенный врагъ новизны; М. П. Прокудинъ, также осуждающій нововведенія и хранящій старые обычаи, но безъ ожесточенія; читатель чувствуетъ, что этотъ добрый старикъ, способный оцѣнить хорошее въ противной ему новизнѣ, способенъ сдѣлать уступки и сдѣлаетъ ихъ со временемъ; наконецъ третій, Д. П. Загоскинъ, дядя Симскаго, уже добровольно уступившій новымъ мыслямъ и новому порядку вещей, обрившій бороду и надѣвшій нѣмецкое платье, не смотря на вопли его окружающихъ и на сокрушеніе своей жены, которая, сказать правду, разсуждаетъ, въ этомъ случаѣ, гораздо дѣльнѣе и логичнѣе своего супруга. Изъ женскаго пола выведена одна барыня среднихъ лѣтъ, А. П. Ханыкова, которая также уже поддалась вліянію новыхъ нравовъ; съ нею живетъ временно родная племянница, В. Д. Запольская, воспитанная вмѣсто

дочери роднымъ братомъ Ханыковой, Прокудинымъ. Эта дѣвушка, героиня романа, сохраняя во всей чистотѣ старинныя семейныя понятія и нравы, безъ отвращенія однако ѣздитъ съ своею теткою на нѣмецкія танцовальныя ассамблеи, гдѣ и познакомилась съ молодымъ Симскимъ; разумѣется они полюбили другъ друга. Надобно отдать справедливость Загоскину, что эта любовь уже гораздо сноснѣе всѣхъ прежнихъ описаній любви въ его романахъ. Завязка состоитъ въ томъ, что Прокудинъ сначала не соглашается отдать свою племянницу за Симскаго, который, въ большомъ горѣ, отправляется съ своимъ полкомъ на войну съ Турками. Изъ лагеря на Прутѣ, въ самую отчаянную минуту, Петръ I отправляетъ его съ извѣстнымъ указомъ въ Сенатъ (*); порученіе очень опасно, но Симскій счастливо избавляется отъ неминуемой смерти и доставляетъ указъ Сенату. Благороднымъ поступкомъ съ своимъ соперникомъ, котораго считалъ женатымъ на Ольгѣ Дмитріевнѣ Запольской, но которому уже давно отказалъ Прокудинъ, какъ подлому трусу, Симскій смягчаетъ предубѣжденіе старика, нравится ему уваженіемъ къ старинѣ и получаетъ руку своей любезной. Есть еще нѣсколько лицъ эпизодическихъ, о которыхъ не говорю. Судя по расходу книги и по отзывамъ тогдашней читающей публики, романъ не имѣлъ большаго успѣха. Всѣ ожидали чего-то дру-

(*) Указъ этотъ, какъ теперь дознано, никогда не существовалъ.

гаго: интригу находили слишкомъ простою, невозбуждающею любопытства, а благополучную развязку—не имѣющею достаточныхъ причинъ. Можетъ быть, это отчасти справедливо. Но задача романа состояла не въ томъ. Въ рецензіяхъ журнальныхъ не было сказано ничего опредѣленнаго: слышалась только мысль, что авторъ не глубоко, а поверхностно черпалъ изъ любопытнаго времени своего романа. Я не раздѣляю этого мнѣнія. Я думаю, что едва ли Загоскинъ могъ черпать глубже, не преступивъ предѣловъ романа и не коснувшись живыхъ государственныхъ вопросовъ. По моему мнѣнію, сочинитель, вѣрный собственному воззрѣнію, обработалъ данный предметъ со всею силою и жизнію своего таланта, и разнохарактерная картина общества съ его замѣчательными оттѣнками написана вѣрно. Изъ всѣхъ разнородныхъ представителей общественнаго мнѣнія, авторъ никому не даетъ явнаго превосходства. Хотя мы знаемъ, съ кѣмъ болѣе согласенъ сочинитель, но противники предка его, Загоскина, и тогдашняго молодаго поколѣнія, особенно непреклонный Рокотовъ, говорятъ очень убѣдительно и дѣльно; сопротивленіе ихъ новымъ идеямъ такъ естественно, такъ много въ немъ здраваго русскаго толка, что дѣйствующія лица являются живыми людьми, а не отвлеченными призраками, или воплощенными мыслями, выведенными для торжества извѣстнаго принципа. Нѣкоторые находили, что мало показанъ Петръ I; но я не могу и съ этимъ

согласиться: болѣе показать Петра I-го было невозможно и не должно; его огромная личность закрыла бы весь романъ и, заставивъ поблѣднѣть или уничтоживъ всѣ другіе интересы, — все бы не удовлетворила читателя. Въ такую ли тѣсную рамку уставиться великану? — Придаточныя лица въ романѣ, каждое въ своемъ родѣ, очень естественны, живы и веселы, кромѣ, можетъ быть, немножко идеальной Молдаванки, куконы Хереско. Небольшая сцена нѣмецкихъ генераловъ и французскаго бригадира, извѣстнаго Моро де Бразе, въ лагерной палаткѣ на Прутѣ, при всей своей краткости и сжатости, передаетъ очень живо всѣхъ этихъ господъ. Русская рѣчь также хороша, проста и сильна: однимъ словомъ — я считаю послѣднее произведеніе Загоскина не уступающимъ въ достоинствѣ лучшимъ его прежнимъ сочиненіямъ, даже нахожу въ немъ большую зрѣлость мысли и силу языка. Послѣдніе два романа мало уступаютъ Юрію Милославскому, и, по моему, даже превосходятъ его. Еслибъ они вышли первые — успѣхъ былъ бы огромный. Но двадцать лѣтъ прошло — требованія публики измѣнились.

Въ томъ же 1848-мъ году Загоскинъ выдалъ третій выходъ «Москвы и Москвичей.» Онъ состоялъ изъ двѣнадцати небольшихъ статей, относящихся до Москвы, ея обычаевъ, жителей и заведеній; одна изъ нихъ самая большая по объему и очень забавная по содержанію, а именно: статья IV-я, называющаяся

«Поѣздка за границу», написанная въ разговорахъ,— послужила основаніемъ комедіи того же имени. Книжка не имѣла однакожъ такого успѣха, какъ два первые выхода. Менѣе всѣхъ показалось удовлетворительною 1-я статья: «Нѣсколько словъ о нашихъ провинціяхъ.» Авторъ, не выѣзжая изъ Москвы 30 лѣтъ, написалъ ее по слухамъ, а не по собственному личному убѣжденію, слѣдствіемъ чего было, во-первыхъ, то, что онъ не основательно обвинялъ современныхъ писателей въ пристрастіи и умышленномъ оскорбленіи провинціальныхъ жителей, будто бы терпящихъ напраслины, и во-вторыхъ то, что все, написанное въ защиту провинціальнаго быта, вышло блѣдно, невѣрно, высказано безъ убѣжденія и наполнено общими мѣстами; къ тому же и содержаніе нѣкоторыхъ мелкихъ статей — слишкомъ мелко. Я уже говорилъ объ этомъ, но счелъ за нужное повторить мои слова по поводу выше названной статьи. Справедливость требуетъ сказать, что послѣдняя статья: «Два слова о нашей современной одеждѣ» при всей своей краткости и недостаточномъ развитіи, имѣетъ положительное достоинство и замѣчательна по своей мысли.

Въ 1850 году Загоскинъ напечаталъ комедію въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ: «Поѣздка за границу». Она была представлена на театрѣ 19-го Января. Публика приняла ее на сценѣ очень хорошо, хотя причина благопріятной развязки, останавливающая только *на-время* поѣздку за границу, нѣсколько натя-

нута: собственно тутъ нѣтъ поѣздки, а только сборы за границу, но за то эти сборы такъ забавны, что зрители смотрѣли комедію всегда съ удовольствіемъ. Надобно прибавить, что она была разыграна очень удачно.

Въ томъ же году вышла 4-я книжка или выходъ «Москвы и Москвичей», заключавшая въ себѣ 10 статей и небольшое предисловіе, или вступленіе, подъ названіемъ: «къ читателямъ». Загоскину показалось, что рамки, назначенныя имъ для своихъ разсказовъ, слишкомъ узки; онъ рѣшился раздвинуть ихъ, то есть, рѣшился говорить не объ одной Москвѣ и ея обычаяхъ, о чемъ и предувѣдомилъ своихъ читателей. Онъ назвалъ свои анекдотическіе разсказы, содержаніе которыхъ не касалось Москвы, «Осенними вечерами,» которые однако не представили большой занимательности; статьи же, собственно относящіяся къ Москвѣ, были напротивъ очень интересны, и вѣроятно, благодаря имъ, читающая публика приняла четвертый выходъ «Москвы и Москвичей» гораздо лучше третьяго.

Еще въ 1841 году, во второмъ томѣ извѣстнаго великолѣпнаго альманаха «Сто Русскихъ литераторовъ», изданнаго Смирдинымъ, былъ напечатанъ довольно большой разсказъ Загоскина подъ названіемъ «Оффиціальный обѣдъ». Изъ этого забавнаго, но нѣсколько растянутаго разсказа, въ 1850 же году, авторъ сдѣлалъ комедію въ прозѣ, кажется, въ

трехъ дѣйствіяхъ: «Заштатный городъ». Вѣроятно на сценѣ она была бы очень весела и смѣшна; но піэса эта, по независѣвшимъ отъ автора причинамъ, не была играна на театрѣ и не была напечатана.

Въ 1851 году напечатана въ Петербургѣ, сначала въ журналѣ: «Библіотека для чтенія», а потомъ отдѣльно, послѣдняя комедія Загоскина въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ: «Женатый женихъ». Два ея акта составлены изъ двухъ сценъ «Московской домашней и общественной жизни», напечатанныхъ въ первомъ выходѣ «Москва и Москвичи». Эта комедія въ томъ же году разыграна на Московскомъ театрѣ, и весьма неудачно. Піэса до такой степени была дурно или мало срепетирована, что нѣкоторые актеры плохо знали роли. Причиною тому было особенное обстоятельство. Загоскинъ, отличавшійся всегда завиднымъ здоровьемъ, съ нѣкотораго времени началъ прихварывать, и совсѣмъ не позаботился о репетиціяхъ. Піэса не имѣла успѣха, то есть: ее перестали давать; но при первомъ представленіи зрители много смѣялись, и авторъ былъ вызванъ единодушно, какъ и всегда, признательною Московскою публикою. Впрочемъ, кромѣ плохаго исполненія, сама комедія была неудачно составлена; не говорю уже о томъ, что два лучшіе акта, въ драматической же формѣ, но только написанные прозою, были давно извѣстны публикѣ. Эта піеса — новое доказательство, что прекрасные, легкіе и сильные стихи, оправленные часто

въ диковинныя, мастерски прилаженныя риѳмы, и что даже забавныя сцены (если взять ихъ отдѣльно) не могутъ дать успѣха комедіи на театрѣ, если въ ней нѣтъ внутренней связи и единства интереса. Какъ бы то ни было, въ первый разъ случилось, что Загоскинъ былъ огорченъ неудачей на сценѣ своего театральнаго произведенія; онъ приписывалъ эту неудачу невниманію Дирекціи и актеровъ, что было справедливо только отчасти. Комедія «Женатый женихъ» — послѣднее произведеніе Загоскина, явившееся на сценѣ и въ печати.

Загоскинъ начиналъ разхварываться: онъ чувствовалъ постоянный ломъ, по временамъ сильно ожесточавшійся въ ногахъ, и даже въ груди, съ какимъ-то наружнымъ раздраженіемъ кожи; впрочемъ сначала онъ терпѣлъ болѣе безпокойства, чѣмъ боли. Доктора находили, что это артрическая острота (разсыпная подагра), перешедшая въ послѣдствіи въ подагру атоническую — нервную. Загоскинъ не любилъ лечиться; первую зиму онъ перемогался, продолжалъ ежедневно выѣзжать, надѣялся, что лѣто и верховая ѣзда за городомъ, которую онъ очень любилъ, лучше докторовъ возстановятъ его здоровье. Въ первый годъ, точно такъ и было: онъ видимо поправился лѣтомъ, но къ осени болѣзнь возвратилась съ удвоенною силою. Загоскинъ принужденъ былъ приняться за лекарство; но лечился такъ неправильно, своенравно, такъ часто перемѣ-

нялъ методу леченья и самыя средства, употребляя ихъ нерѣдко въ страшномъ излишествѣ, слѣдуя совѣтамъ не врачей, что безъ сомнѣнія леченье ему повредило, и придало болѣзни силу и важность. Страданія физическія отняли у него возможность писать, а человѣку, привыкшему въ теченіе цѣлой жизни къ ежедневной умственной работѣ, такое лишеніе невыносимо. Загоскинъ принялся читать и перечиталъ все, что за недосугомъ было только просмотрено имъ или пропущено совсѣмъ. Сначала онъ выѣзжалъ по вечерамъ почти ежедневно, но ѣздилъ уже не въ свѣтское общество, а къ самымъ короткимъ друзьямъ, гдѣ нерѣдко увлекался своимъ живымъ характеромъ, забывая на мгновеніе мучительныя боли, горячился въ спорахъ о какихъ нибудь современныхъ интерсcахъ, а иногда въ спорахъ о картахъ за пятикопѣечнымъ ералашемъ: громкій голосъ его звучно раздавался по прежнему, по прежнему всѣ были живы и веселы вокругъ него, и взглянувъ въ такія минуты на Загоскина, нельзя было подумать, что онъ постоянно страдалъ недугомъ, тяжкимъ и смертельнымъ. Наконецъ болѣзнь такъ усилилась, что онъ не могъ выѣзжать по вечерамъ: обстоятельство очень тяжелое для Загоскина, потому что при огнѣ онъ не могъ читать; его вывозили только прогуливаться, и онъ, не вылѣзая изъ экипажа, дѣлалъ визиты своимъ пріятелямъ и знакомымъ. Кромѣ собственнаго его семейства, родной братъ, М. Н. З., съ

женою, жившіе тогда въ Москвѣ, были ежедневными его собесѣдниками. Друзья также навѣщали его, составляли пріятельской вистъ или ералашъ, и больной не давалъ задумываться своимъ посѣтителямъ, а напротивъ нерѣдко заставлялъ ихъ смѣяться. Между тѣмъ безпорядочное, часто измѣняемое, леченье героическими средствами продолжалось; приключилась посторонняя болѣзнь, которая при другихъ обстоятельствахъ не должна была имѣть никакихъ печальныхъ послѣдствій; нѣкогда могучій организмъ и пищеварительныя силы ослабѣли, истощились, и 23-го Іюня 1852 года, въ пятомъ часу по полудни послѣ двухъ-часоваго спокойнаго сна, взявъ изъ рукъ меньшаго сына стаканъ съ водою и выпивъ немного, Загоскинъ внимательно посмотрѣлъ вокругъ себя.... вдругъ лице его совершенно измѣнилось, покрылось блѣдностью, и въ то же время просіяло какою-то веселостью. Онъ вздохнулъ и — его не стало. Больной заснулъ тихимъ, спокойнымъ, вѣчнымъ сномъ. За четыре дня онъ пріобщился Святыхъ Таинъ. Тѣло его предано землѣ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ (*).

(*) С. И. Клименковъ, почтенный и всѣмъ извѣстный въ Москвѣ врачь, который 15 лѣтъ былъ медикомъ и другомъ покойнаго Загоскина и всего его семейства, но котораго, по несчастію, онъ не слушался въ послѣдніе два года, — призванный только за три дня до кончины Загоскина, полагаетъ, что она произошла вслѣдствіе истощенія силъ больнаго, сначала гидропатіей, потомъ средствами горячительными и раздражающими, наконецъ четырехмѣсячнымъ употребленіемъ Цитма-

Считаю излишнимъ говорить о глубокой горести его семейства и особенно, больной съ давнихъ лѣтъ, его супруги.

Загоскинъ написалъ и напечаталъ 29 томовъ романовъ, повѣстей и разсказовъ, 17 комедій и 1 водевиль. Въ бумагахъ его найдено немного: прекрасный разсказъ «Канцеляристъ» и нѣсколько мелкихъ статей, которыя вмѣстѣ съ ненапечатанной комедіей «Заштатный городъ» составятъ, какъ я слышалъ, пятый и послѣдній выходъ «Москвы и Москвичей.» (*) Говоря объ Юріѣ Милославскомъ и о Мирошевѣ, я достаточно высказалъ мое мнѣніе о талантѣ Загоскина. Не излишнимъ считаю повторить въ нѣсколькихъ словахъ сказанное мною: талантъ Загоскина — самобытный, оригинальный, исключительно Русской; въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ соперника, и потому я считаю его единственнымъ исключительно Русскимъ народнымъ писателемъ; основныя качества его таланта — драматичность, теплота и простодушная веселость, даръ драгоцѣнный, рѣдко встрѣчаемый въ самыхъ знаменитыхъ писателяхъ. Это не то, что мы называемъ комизмомъ или юморомъ: Загоскинъ не возбуждаетъ того высокаго смѣха, вслѣдъ за

нова декокта; что наслѣдственная подагра, гнѣздившаяся въ немъ издавна, не смотря на трезвую и правильную жизнь, при существовавшей тогда эпидеміи въ Москвѣ кровавыхъ диссентерій, бросилась на пищеварительные органы и произвела воспаленіе и антоновъ огонь.

(*) Къ сожалѣнію, это ожиданіе досселѣ не исполнилось.

которымъ выступаютъ слезы. Читая Загоскина, становится только весело на душѣ, и со дна ея незамѣтно поднимается чувство народности... Достоинство высокое! Къ этому должно прибавить, что все, написанное Загоскинымъ, проникнуто чувствомъ нравственнымъ, религіознымъ и пламенной любовью къ родной землѣ; его же искренняя, горячая преданность къ Государю извѣстна всѣмъ. Загоскинъ проводилъ Русское направленіе, какъ онъ понималъ его, вездѣ, во всякомъ сочиненіи, и возставалъ, сколько могъ, противъ подражанія иностранному.

Загоскинъ былъ Членомъ Русскаго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, и также членомъ, а потомъ и Предсѣдателемъ Общества Любителей Русской Словесности при Московскомъ Университетѣ. Сверхъ того онъ имѣлъ *авторскія кресла* въ театрахъ обѣихъ столицъ—награда, которою, кромѣ его, не былъ почтенъ ни одинъ Русской драматической писатель.

Опредѣливъ, по крайнему моему разумѣнію, согласно моимъ личнымъ убѣжденіямъ, Загоскина, какъ писателя, я долженъ теперь сказать о немъ, какъ о человѣкѣ. Говорить о служебной дѣятельности Загоскина не мое дѣло. Безъ сомнѣнія онъ, какъ человѣкъ честный, дорожилъ добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ должностей. Его формулярный списокъ свидѣтельствуетъ, что кромѣ наградъ чинами, орденами и знакомъ отличія за 40-лѣтнюю

безпорочную службу, Загоскинъ получилъ восемь Высочайшихъ благоволеній, изъ коихъ шестью удостоенъ, служа при театрѣ «за хозяйственныя распоряженія и соблюденіе значительной экономіи.»

Основными качествами характера Загоскина были: честность, веселость, неограниченное добродушіе и довѣрчивость; послѣдними двумя качествами, — которыя людская испорченность называетъ дѣтскими, слѣдственно не уважаетъ, и даже смѣется надъ ними, — разумѣется пользовались люди, имѣвшіе къ тому охоту и надобность; имъ особенно помогала вспыльчивость Загоскина, проходившая мгновенно и безвредно. Стоило только его разсердить, что́ было весьма нетрудно, — въ горячности вылетало у него какое нибудь рѣзкое или грубое слово, мнимо обиженный прикидывался огорченнымъ, жалкимъ — и добрѣйшій Загоскинъ готовъ былъ сдѣлать все, чтобъ загладить вину свою. Дѣлая много добра, онъ никогда не помнилъ о томъ; ему пріятно было, если помнили другіе, и пріятно только потому, что онъ радовался душою, находя въ людяхъ добрыя качества. Загоскинъ никогда не жаловался и даже не любилъ, чтобъ говорили и другіе о какомъ нибудь человѣкѣ, неблагодарномъ ему за добро. Я самъ, выведенный изъ терпѣнія однимъ такимъ господиномъ, исторію котораго зналъ коротко, выразился о немъ очень жестко, будучи наединѣ

съ Загоскинымъ.... Загоскинъ огорчился и взялъ съ меня честное слово не говорить никогда, не только ему, но и никому о неблагодарности лица, о которомъ у насъ шла рѣчь. Признаюсь, я былъ пораженъ такою христіанскою добротою. Загоскинъ во всю свою жизнь не сдѣлалъ съ намѣреніемъ никому вреда. Это несомнѣнная истина. Въ пылу горячаго спора, ему случалось сказать о человѣкѣ, даже при лишнихъ свидѣтеляхъ, что нибудь могущее повредить ему; но когда горячность проходила, и Загоскину объясняли, какія вредныя послѣдствія могли имѣть его слова, которыхъ онъ не помнилъ,—Боже мой, въ какое раскаяніе приходилъ онъ.... онъ отыскивалъ по всему городу, заочно оскорбленнаго имъ, человѣка, бросался къ нему на шею, хотя бы то было посреди улицы, и просилъ прощенья; этого мало: отыскивалъ людей, при которыхъ онъ сказалъ обидныя слова, признавалъ свою ошибку и превозносилъ похвалами обиженнаго.... Можетъ быть, инымъ покажется это смѣшно, но высока эта смѣшная сторона. Будучи вспыльчивъ отъ природы, Загоскинъ совсѣмъ не имѣлъ того раздражительнаго авторскаго самолюбія, которымъ обыкновенно страдаютъ писатели. Не только его друзья и пріятели, но всякій могъ сдѣлать лично ему какія угодно жесткія замѣчанія, и онъ принималъ ихъ всегда добродушно и спокойно, и готовъ былъ сознаться въ ошибкѣ, если чувствовалъ справедливость замѣчаній. Онъ не выносилъ

только одного: если, нападая на Загоскина, задѣвали Россію или Русскаго человѣка—тогда неминуемо слѣдовала горячая вспышка. Загоскинъ былъ разсѣянъ, и его разсѣянность подавала поводъ ко многимъ смѣшнымъ анекдотамъ: онъ часто клалъ чужія вещи въ карманъ и даже запиралъ ихъ въ свою шкатулку; сѣлъ одинъ разъ въ чужую карету, къ дамѣ, не коротко знакомой, и приказалъ кучеру ѣхать домой, тогда какъ мужъ стоялъ на крыльцѣ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на похищеніе своей жены. Въ другой разъ онъ велѣлъ отвезть себя не въ тотъ домъ, куда хотѣлъ ѣхать и гдѣ ожидало его цѣлое общество; онъ задумался, вошелъ въ гостиную, въ которой бывалъ очень рѣдко, и объявилъ хозяйкѣ, съ которой былъ не коротко, но давно знакомъ, что пріѣхалъ прочесть ей по обѣщанію отрывокъ изъ своего романа; хозяйка удивилась и очень обрадовалась, а Загоскинъ, примѣтивши наконецъ ошибку, посовѣстился признаться въ ней, и прочелъ назначенный отрывокъ къ общему удовольствію и хозяевъ и гостей. Разсѣянность не оставляла иногда Загоскина даже въ дѣлахъ служебныхъ: онъ подалъ одинъ разъ Министру вмѣсто рапорта о благосостояніи театра, счетъ своего портнаго: Министръ усмѣхнулся и сказалъ: «Охъ эти господа авторы.» — Загоскинъ былъ не только разсѣянъ, но и чрезвычайно безпамятенъ, отчего такъ конфузился на сценѣ, что почти не могъ участвовать въ благо-

родныхъ спектакляхъ, хотя иногда очень желалъ раздѣлять со всѣми эту забаву, бывшую въ большомъ ходу въ Москвѣ въ 1820 годахъ. Особенно былъ смѣшонъ одинъ случай, который я разскажу, какъ характерную черту физіономіи Загоскина. Въ день рожденія К. Д. В. Г-на, котораго, какъ человѣка, любили всѣ, безъ исключенія, былъ сдѣланъ ему сюрпризъ; Загоскинъ сочинилъ интермедію съ куплетами подъ названіемъ «Репетиція на станціи.» Прозу писалъ онъ, стихи—А. И. Писаревъ, а музыку— Верстовскій. Это была веселая и забавная бездѣлка; куплеты же Писарева — прелесть: такихъ куплетовъ уже не пишутъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ. Въ интермедіи Загоскинъ игралъ Загоскина, Писаревъ—Писарева, Верстовскій—Верстовскаго, нарядившагося старымъ хористомъ. Кромѣ нихъ участвовали въ піесѣ А А. Башиловъ, Данзасъ и другіе. Кто могъ пѣть, тотъ пѣлъ куплеты, кто не могъ—говорилъ ихъ подъ музыку; Загоскинъ не пѣлъ и долженъ былъ послѣдній, какъ сочинитель піэсы, проговорить безъ музыки свой, самимъ имъ написанный куплетъ; опасаясь, что забудетъ стихи, онъ переписалъ ихъ четкими буквами и положилъ въ карманъ; опасеніе оправдалось: онъ забылъ куплетъ и сконфузился; но досталъ изъ кармана листокъ, подошелъ къ лампѣ, пробовалъ читать, въ очкахъ и безъ очковъ, перевертывалъ бумагу, сконфузился еще больше, что-то про-

бормоталъ, поклонился и ушелъ (*). Занавѣсъ опустился. Когда актеры вышли въ залу къ зрителямъ, всѣ окружили Загоскина и спрашивали «что съ нимъ сдѣлалось?» Онъ отвѣчалъ, что стихи позабылъ, а въ карманъ ошибкой положилъ, вмѣсто куплета, листокъ бѣлой бумаги.... — Когда я спросилъ его о томъ же въ свою очередь, Загоскинъ шепнулъ мнѣ на ухо: «такъ сконфузился, мой другъ, что не могъ разобрать своей руки: ужъ это я выдумалъ, что будто положилъ въ карманъ бѣлую бумагу; только молчи, никому не сказывай.» Я и промолчалъ на тотъ вечеръ или на ту ночь, потому что ужинъ и балъ продолжались до утра. На другой день я разсказалъ секретъ всѣмъ пріятелямъ, да и Загоскинъ съ своей стороны сдѣлалъ тоже: разумѣется, всѣ посмѣялись вдоволь.

Загоскинъ былъ постоянно веселъ въ обществѣ и семейномъ кругу. Эта веселость происходила отъ невозмутимой ясности простой его души, безупречной совѣсти и неистощимаго благодушія; она невольно сообщалась другимъ и одушевляла всѣхъ: понятно, какъ онъ былъ любимъ въ обществѣ, въ кругу родныхъ и въ семьѣ. Веселость не оставляла Загоскина

(*) Первое представленіе этой интермедіи происходило въ подмосковной Кн. Д. В. Г. гдѣ посѣтителей было не такъ много: тогда кое-какъ Загоскинъ прочелъ свой куплетъ, и то принужденъ былъ взять его у суфлера и разбирать со свѣчкой; хозяинъ и небольшой кругъ гостей смѣялись; разсказанный же мною анекдотъ случился при повтореніи интермедіи въ Москвѣ, при многочисленной публикѣ, въ домѣ Ѳ. Ѳ. Кокошкина.

даже въ мучительной болѣзни; разсказывая о своихъ страданіяхъ, онъ нерѣдко употреблялъ такія оригинальныя выраженія, что заставлялъ смѣяться окружающихъ и самого врача. Шуточное неконченное посланіе въ стихахъ къ А. Е. Аверкіеву, которое будетъ напечатано въ послѣдней книжкѣ «Москвы и Москвичей, (*) показываетъ, до какой степени сохранялась въ Загоскинѣ веселость и спокойствіе духа почти до самой кончины. Будучи самъ неспособенъ не только къ чувству зла, но даже къ минутному недоброжелательству, онъ никогда не предполагалъ этихъ свойствъ въ другихъ людяхъ. Лицемѣрія онъ не понималъ совсѣмъ. Множество ошибокъ и поучительныхъ уроковъ не излечили его отъ довѣрчивости, и ему всегда казалось, что онъ окруженъ прекрасными людьми.

Загоскинъ не получилъ въ своей юности систематическаго, научнаго образованія: онъ учился самъ и образовалъ себя въ послѣдствіи необыкновенно обширнымъ чтеніемъ книгъ. Имѣя умъ простой, здравый и практическій, онъ не любилъ ни въ чемъ отвлеченности, и былъ всегда врагомъ всякой мечтательности и темныхъ, метафизическихъ, трудныхъ для пониманія, мыслей и выраженій. Въ прежнее время, когда это направленіе было въ ходу, онъ врѣзывался иногда, съ Русскимъ толкомъ и мѣткимъ Русскимъ словомъ, въ кругъ людей, носившихся въ туманахъ Нѣмецкой

(*) Не знаю почему, книжка эта до сихъ поръ не напечатана.

философіи, и не только всѣ окружающіе, но и сами умствователи, внезапно упавъ съ холодныхъ и страшныхъ высотъ изолированной мысли, предавались веселому смѣху.

Изъ всего сказаннаго о Загоскинѣ не трудно заключить, что онъ былъ безцеремоненъ, простъ въ обращеніи: многимъ казалось, что эта простота доходила до излишества. Бывая иногда, по своему положенію въ свѣтѣ и по своей литературной славѣ, въ кругу людей такъ называемаго высшаго общества, Загоскинъ не могъ не грѣшить противъ его законовъ и принятыхъ формъ, потому что былъ одинаковъ во всѣхъ слояхъ общества; его одушевленная и громкая рѣчь, не учтивая точность выраженій, простота языка и пріемовъ, часто противорѣчили невозмутимому спокойствію холоднаго этикета. Его русская натура постоянно сквозила изъ-подъ каммергерскаго мундира, и на аристократическомъ балѣ, и во дворцѣ. Нѣкоторые пожимали плечами, улыбались значительно и удалялись отъ него, а нѣкоторые именно за то очень любили и уважали Загоскина.

Въ заключеніе должно сказать, что ко всѣмъ прекраснымъ свойствамъ своего счастливаго нрава, къ младенческому незлобію души и неограниченной добротѣ, Загоскинъ присоединялъ высшее благо — теплую вѣру христіанина... Да будетъ миръ его душѣ....

Декабрь, 1852 года.

Деревня.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ Біографіи М. Н. Загоскина.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Письмо Мериме.

Почтеннѣйшій государь! Мнѣ трудно было бы выразить удовольствіе, мнѣ сдѣланное вашимъ любезнѣйшимъ отвѣтомъ. Хотя я старался быть справедливымъ къ вашей странѣ, однакожъ боялся обижать національное чувство моихъ Русскихъ друзей нѣкоторыми слишкомъ Французскими шутками: одному Французу, пожалуйте, какъ не шутить? уже Г. Мелегуновь утихъ мое безпокоиствіи, а вѣроятно это онъ, которому я обязанъ за ваше, столько честное для меня мнѣніе о моихъ письмахъ. Это мнѣніе мнѣ было бы еще драгоценнѣе, если вы сами читали. Эти письма были напечатаны въ Revue de Paris, — не можно ихъ наитти въ Москвѣ? Натурально въ нихъ я выразиль мое усердное почтеніе къ нѣкоторымъ Русскимъ писателямъ, а особенно былъ счастливъ говорить про Загоскина и Греча. — Вы были мое провидѣніе въ Москвѣ какъ онь въ Петербургѣ.

Прощаитесь, любезнѣйшій государъ, — не будте слишкомъ строгь за то, что я смѣюсь обижать вашъ православный языкъ.

Мое почтеніе къ вашему семаиству —
вашъ на вѣки

Генрихъ Александровичь Мериме.

Молодой живописецъ возвратился вь возхищеніи за Русское гостепріимство — я не удивляюсь — знаю, что значитъ хлѣбъ-соль.

2. Письмо Олберга.

Милостивый государь. Не имѣя счастіе знать Васъ лично, я уже съ давняго времени познакомился съ Вами посредствомъ литературныхъ трудовь Вашихъ, и теперь пользуюсь случаемъ еще болѣе сблизиться съ Вами. Въ знакь моего къ Вамь уваженія и въ доказательство того, что мы стараемся передать Германіи произведенія отличныхъ талантовъ Россіи, прошу принять благосклонно сдѣланнный мною переводъ нѣсколькихъ Русскихъ повѣстей. Будьте увѣрены, что я съ такимъ же удовольствіемъ занимаюсь переводомъ Вашего прекраснаго сочиненія, съ какимь мои соотечественники будутъ читать его.

Отъ души желаю, чтобъ Вы сколько много болѣе доставляли намь удовольствіе Вашими сочиненіями. Счастливымъ почту себя, если Вы удостойте меня дружескимъ отвѣтомь и если позвольте мнѣ продолжать нашу литературную связь, пока я буду имѣть счастіе лично представиться Вамъ въ Санктъ - Петербургѣ.

Съ преданностію и особеннымъ уваженіемь къ вашимъ талантамь остаюсь

Вашъ покорнѣйшій слуга
Е. Фонъ Олбергъ.

Капитанъ К. Прускаго Генеральнаго Штаба Е. В. Принца Карла.

Берлинь ¹⁸/₃₀ Марта.
1837 года.

МЕЛКІЯ ПІЭСЫ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я не напечаталъ бы нижеслѣдующаго отрывка, то есть: описанія Оренбургскаго бурана, еслибъ почтенный критикъ «Русской бесѣды» не упомянулъ о немъ въ разборѣ «Семейной Хроники и воспоминаній». (*) Онъ даже сдѣлалъ изъ этой моей статьи нѣсколько выписокъ, и основываясь на нихъ, произнесъ свой приговоръ. Хотя вообще Г. Резенцентъ былъ слишкомъ благосклоненъ къ моимъ сочиненіямъ, и по чувству благодарности мнѣ не слѣдовало бы возражать; но въ нѣкоторыхъ частностяхъ его резенціи я не могу съ нимъ согласиться. Не могу согласиться, будто Степанъ Михайловичь Багровъ, (въ описаніи его «Добраго дня») «заслоняется нѣсколько описаніемъ природы»; будто читатель «болѣе видитъ передъ собою «Добрый День» Оренбургской губерніи, чѣмъ «Добрый день» Степана Михайловича, который оттого становится, какъ будто на второй планъ». Я не говорю о достоинствѣ этихъ описаній: всякой судитъ объ этомъ по своему впечатлѣнію; но мнѣ кажется, что старикъ

(*) Въ первой книгѣ «Русской Бесѣды» 1856-го года.

Багровъ на столько окруженъ описаніемъ природы, какъ атмосферы, въ которой онъ жилъ, на сколько это необходимо для полноты изображенія. Не могу также согласиться, что я «напрасно поскупился на разсказы о дѣйствіяхъ Куролесова», и что я «касаюсь его поступковъ только болѣе общими его описаніями». Хороши эти описанія или нѣтъ, это другой вопросъ; но я остаюсь убѣжденнымъ, что частностей о Куролесовѣ разсказано довольно, и что еслибъ ихъ было болѣе, то художественность впечатлѣній была бы нарушена. Особенно я несогласенъ, будто происшествіе, разсказанное мною въ «буранѣ» не естественно, и будто въ немъ виденъ произволъ сочинителя. Вотъ что говоритъ почтенный рецензентъ: «Мы не говоримъ уже о неестественности языка, которымъ бесѣдуетъ сдѣсь старикъ: «Составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ, кружкомъ» и проч. Чувствуете ли вы всю условную ненатуральность эпохи тридцатыхъ годовъ въ самомъ разсказѣ, — разсчетъ на внѣшніе эффекты и отсутствіе внутренней необходимости въ ходѣ дѣйствія? Старикъ даетъ совѣтъ; нѣкоторые его слушаютъ и спасаются: непослушные погибаютъ. И надобно же непремѣнно для большей разительности, чтобы одинъ оказался около самаго умета, прислонившимся къ забору! Нуженъ же непремѣнно неожиданный наѣздъ новаго обоза на то самое мѣсто, гдѣ лежалъ зарытый въ снѣгу старикъ съ своими, чтобы отъ занесенныхъ

снѣгомъ саней остались видными оглобли, чтобы старикъ и прочіе были живы! (*) Какъ пахнетъ все это обычною во время оно, отвнѣ навязываемою моралью!» и пр. и пр. На все это я скажу, что происшествіе, мною разсказанное, — дѣйствительный фактъ, случившійся не подалеку отъ моей деревни, слышанный мною со всѣми подробностями отъ самихъ, дѣйствовавшихъ въ немъ, лицъ. Для того, чтобъ читатели могли судить: правъ ли я или нѣтъ, не соглашаясь съ моимъ почтеннымъ рецензентомъ и не находя въ своей піэсѣ ни «неестественности» ни «морали» ни авторскаго произвола, — я считаю за лучшее перепечатать всю эту небольшую піэсу, вѣроятно теперь никому не извѣстную. Къ тому же, можетъ быть, нѣкоторымъ изъ моихъ читателей будетъ интересно узнать, какъ писалъ одинъ и тотъ же человѣкъ за двадцать три года до появленія въ свѣтъ «Семейной Хроники и Воспоминаній», принятыхъ такъ благосклонно читающей публикой? какъ писалъ онъ въ то время, когда, кромѣ какихъ нибудь мелкихъ статей, вынужденныхъ, такъ сказать, обстоятельствами, онъ ничего не писалъ. Но, не соглашаясь въ одномъ, я совершенно согласенъ и искрен-

(*) Занесенный снѣгомъ обозъ, стоялъ на дорогѣ и на него нельзя было не наѣхать новому обозу. Оглобли нарочно поднимаются вверхъ для того, чтобъ всякой проѣзжій ихъ увидѣлъ. Такъ обыкновенно поступаютъ крестьяне, застигнутые бураномъ въ степи, въ ночное время. С. А.

по благодарен уважаемому мною Рецензенту, за его замѣчанія о «второмъ періодѣ гимназіи и объ Университетѣ», составляющихъ значительную часть моихъ отроческихъ воспоминаній. Они точно слабы, не полны и не выдержаны «по отношенію къ идеи всей книги и къ самимъ себѣ». Я самъ это чувствовалъ, когда писалъ ихъ. Не знаю, удастся ли мнѣ когда нибудь поправить мою ошибку. Эта часть воспоминаній требуетъ болѣе подробной и болѣе послѣдовательной, живой разработки.

Отрывокъ «буранъ» въ свое время обратилъ на себя вниманіе по особенному, довольно забавному обстоятельству, которое я считаю не лишнимъ разсказать. Въ 1834-мъ году, М. А. Максимовичь, издавая альманахъ подъ названіемъ «Денница», такъ убѣдительно просилъ меня написать *что нибудь* для его Сборника, что я не могъ отказать ему. Въ это время, я былъ очень занятъ преобразованіемъ Константиновскаго Межеваго училища, въ Константиновской Межевой Институтъ, для котораго мнѣ, какъ будущему Директору, поручено было написать уставъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и болѣе современныхъ формахъ. Я по истинѣ не имѣлъ свободнаго досуга, но обѣщаніе Максимовичу надо было исполнить. Хотя прошло уже шесть лѣтъ, какъ я оставилъ Оренбургской край; но картины лѣтней и зимней природы его были свѣжи въ моей памяти. Я вспомнилъ страшныя, зимнія мятели, отъ которыхъ

и самъ бывалъ въ опасности и даже одинъ разъ ночевалъ въ стогѣ сѣна; вспомнилъ слышанный мною разсказъ о пострадавшемъ обозѣ—и написалъ буранъ. Я находился тогда (какъ и всегда) въ враждебныхъ литературныхъ отношеніяхъ съ издателемъ «Московскаго телеграфа», а издатель «Денницы» былъ съ нимъ коротко знакомъ, участвовалъ прежде въ его журналѣ и потому могъ надѣяться, что его альманахъ будетъ встрѣченъ въ «Телеграфѣ» благосклонно. Благосклонный отзывъ «Телеграфа» имѣлъ тогда важное значеніе въ читающей публикѣ и былъ очень нуженъ для успѣшнаго расхода книги. Я очень хорошо зналъ, что помѣщеніе моей статьи возбудитъ гнѣвъ Г. Полеваго и повредитъ «Денницѣ». Брань издателя «Телеграфа» для меня была не новость: я давно уже былъ къ ней совершенно равнодушенъ; но, не желая вредить успѣху «Денницы» я далъ мою статейку съ условіемъ — не подписывать своего имени, съ условіемъ, чтобы никто кромѣ Г. Максимовича, не зналъ, что «буранъ» написанъ мною. Условіе было соблюдено въ точности. Когда «Денница»вышла въ свѣтъ, «Московскій Телеграфъ» расхвалилъ её и особенно мою статейку. Рецензентъ Телеграфа сказалъ, что это «мастерское изображеніе зимней вьюги въ степяхъ Оренбургскихъ» и что, «если это отрывокъ изъ романа или повѣсти, то онъ поздравляетъ публику съ художественнымъ произведеніемъ». Не ручаюсь за буквальную точность приводимыхъ

мною словъ; но именно въ такомъ смыслѣ и въ такихъ выраженіяхъ былъ напечатанъ отзывъ «Телеграфа». Какова же была досада Г-на Полеваго, когда онъ узналъ имя сочинителя статьи! Онъ едва не поссорился за это съ издателемъ «Денницы». Я помню, что одинъ изъ общихъ нашихъ знакомыхъ, большой охотникъ дразнить людей, преслѣдовалъ Г. Полеваго похвалами за его благородное безпристрастіе къ своему извѣстному врагу. Положеніе вышло затруднительное: издателю «Московскаго Телеграфа» нельзя было признаться, что онъ не зналъ имени сочинителя, нельзя и отступиться отъ своихъ словъ, и Г. Полевой долженъ былъ молча глотать эти позолоченныя пилюли, то есть, слушать похвалы своему благородному безпристрастію.

БУРАНЪ.

Ни облака на туманномъ бѣловатомъ небѣ; ни малѣйшаго вѣтра на снѣжныхъ равнинахъ. Красное, но неясное солнце своротило съ невысокаго полдня къ недалекому закату. Жестокій крещенскій морозъ сковалъ природу, сжималъ, палилъ, жегъ все живое. Но человѣкъ улаживается съ яростью стихій: русскій мужикъ не боится мороза.

Небольшой обозъ тянулся по узенькой, какъ ходъ крестьянскихъ саней, проселочной, не торной дорожкѣ или лучше сказать—слѣду, будто недавно проложенному по необозримымъ, снѣжнымъ пустынямъ. Пронзительно, противно для непривычнаго уха, скрипѣли, визжали полозья. Одѣтые въ дубленые полушубки, тулупы и сѣрые суконные зипуны, нахлобученные башкирскими глухими малахаями, весело бѣжали мужики за своими возами

Запушенные инеемъ, обмерзшіе ледяными сосульками, едва разѣвая рты, изъ которыхъ бѣлый дымъ вылеталъ, какъ изъ пушки при выстрѣлѣ, и не скоро расходился, — они шутили, припрыгивали, боролись, толкали, будто невзначай, другъ друга съ узенькой тропинки въ глубокій сугробъ; столкнутый долго барахтался и не скоро вылѣзалъ изъ мягкаго, снѣговаго пуха на твердую дорогу. Тутъ-то сыпались Русскія остроты, по природѣ русскаго человѣка, всегда одѣтыя въ фигуру ироніи. — «Небольно болтай—говорилъ одинъ другому—языкъ обозжешь: вишь зной какой, такъ и палитъ!» — «Шути, шути, — отвѣчалъ другой; самого-то цыганскій потъ прошибаетъ!» —Всѣ хохотали. Такъ грѣются на морозѣ духъ и тѣло русскаго мужичка

Подвигаясь скорымъ шагомъ, а подъ изволокъ и рысью, обозъ поднялся на возвышеніе и въѣхалъ въ березовую рощу—единственный лѣсокъ на большомъ степномъ пространствѣ. Чудное, печальное зрѣлище представляла бѣдная роща! Какъ будто ураганъ или громовые удары тѣшились надъ нею долгое время: такъ все было исковеркано. Молодыя деревья, согнутыя въ разновидныя дуги, увязили гибкія вершины свои въ сугробахъ, и какъ будто силились вытащить ихъ. Деревья постарѣе, пополамъ изломанныя, торчали высокими пнями; а иныя, разодранныя надвое, лежали, развалясь на

объ стороны. — «Что за чертовщина! сказалъ молодой мужикъ, — какой лѣшій исковеркалъ березникъ?» — «Не лѣшій, а иней, отвѣчалъ старикъ. «Глядь-ка, сколько его нальнуло къ сучьямъ.... тяга смертная! Вѣдь подъ инеемъ-то ледъ, толщиной въ руку, и все къ одной сторонѣ, все къ полуночи. Это живетъ послѣ оттепелей, случается не каждый годъ и вѣщуетъ урожай: хлѣба будетъ въ волю.» — «Да куда съ нимъ дѣваться?...» подхватилъ молодой крестьянинъ, и хотѣлъ продолжать; но старикъ, съ нѣкотораго времени внимательно озиравшійся на всѣ стороны, съ прищуреннымъ глазомъ припадавшій къ дорогѣ, сурово крикнулъ: «полно калякать, ребята! До умета (*) далеко, ночь близка, дѣло негожо. Бери возжи, садись, погоняй лошадей!...» Безмолвно повиновались строгому голосу старика, умудреннаго годами опытовъ, проницательный взоръ котораго провидѣлъ въ ясности тьму, въ тишинѣ бурю. Всѣ струсили, хотя ничего страшнаго не видали. Проворно повскакали на воза, крикнули, тронули возжами мочальныя оброти невзнузданныхъ лошадей, и обозъ, выбравшись изъ рощи на покатую равнину, побѣжалъ шибкою рысью.

Все по прежнему казалось ясно на небѣ и тихо на землѣ. Солнце склонялось къ западу и, косыми

(*) Такъ называются одинъ или два двора, поселенныхъ на степной дорогѣ для ночевки или кормежки обозовъ.

лучами скользя по необозримымъ громадамъ снѣговъ, одѣвало ихъ брилліантовой корою; а изуродованная налипнувшимъ инеемъ роща, въ снѣговомъ и ледяномъ своемъ уборѣ, представляла издали чудные и разновидные обелиски, осыпанные также алмазнымъ блескомъ. Все было великолѣпно.... По стаи тетеревовъ вылетали съ шумомъ изъ любимой рощи искать себѣ ночлега на высокихъ и открытыхъ мѣстахъ; но лошади храпѣли, фыркали, ржали и какъ будто о чемъ-то перекликались между собою; но бѣловатое облако, какъ голова огромнаго звѣря, выплывало на восточномъ горизонтѣ неба; но едва замѣтный, хотя и рѣзкій, вѣтерокъ потянулъ съ востока къ западу, — и наклонясь къ землѣ можно было замѣтить, какъ все необозримое пространство снѣговыхъ полей бѣжало легкими струйками, текло, шипѣло, какимъ-то змѣинымъ шипѣньемъ, тихимъ, но страшнымъ! Знакомые съ бѣдою, обозы знали роковыя примѣты, торопились доѣзжать до деревень или уметовъ, сворачивали въ сторону въ ближнюю деревню съ прямой дороги, если ночлегъ былъ далеко, и не рѣшались на новый переѣздъ даже немногихъ верстъ. Но горе неопытнымъ, запоздавшимъ въ такихъ безлюдныхъ и пустыхъ мѣстахъ, гдѣ не рѣдко, проѣзжая цѣлые десятки верстъ, не встрѣтишь жилья человѣческаго!

Въ такомъ именно положеніи находился, не задолго передъ симъ веселый обозъ, состоявшій изъ

осьмнадцати подводъ и десятерыхъ возчиковъ. Они ѣхали съ хлѣбомъ въ Оренбургъ, гдѣ надѣялись, продавъ свои деревенскіе избытки, хотя не дорогой цѣною, взять изъ Елецкой Защиты каменной соли, которую иногда удается сбывать весьма выгодно на сосѣднихъ базарахъ, если по распутицѣ мало бываетъ подвозу. Они выѣзжали на большую Оренбургскую дорогу, перебивая поперекъ такъ называемый *Общій Сыртъ*, плоское возвышеніе, которое тянется къ Яику, нынѣшнему Уральску, и по которому лежитъ извѣстная яицкая казачья дорога. Хотя опытный старикъ примѣтилъ грозу заблаговременно; но переѣздъ былъ длиненъ, лошади тощи, на кормежкѣ обозъ позамѣшкался, и бѣда пришла неминучая....

Быстро поднималось и росло бѣлое облако съ востока, и когда скрылись за горой послѣдніе блѣдные лучи закатившагося солнца—уже огромная снѣговая туча заволокла большую половину неба и посыпала изъ себя мелкій снѣжный прахъ; уже закипѣли степи снѣговъ; уже въ обыкновенномъ шумѣ вѣтра слышался иногда какъ будто отдаленный плачъ младенца, а иногда вой голоднаго волка «Поздно, ребята! закричалъ старикъ. Стой! нечего гнать и мучить понапрасну лошадей. Поѣдемъ шагомъ. Если не собьемся съ дороги, авось Богъ помилуетъ. Петровичъ, сказалъ онъ, оборотясь къ

высокому, плотному мужику, также немолодому,— поѣзжай сзади: твой гнѣдко хоть не боекъ, за то нестомчивъ, не отстанетъ; да и ты не задремлешь. Гляди въ оба, чтобы кто не отсталъ, да въ сторону по дровяной или сѣнной дорогѣ не отбился; а я поѣду передовымъ!» Съ большимъ трудомъ перетащили стариковъ возъ впередъ; а лошадь Петровича, столкнувъ съ дороги въ сторону, объѣхали; потомъ вытащили ее изъ сугроба, и Петровичь сталъ заднимъ. Старикъ снялъ рысій малахай, вымѣненный у Башкирскаго кантоннаго старшины на жирную молодую лошадь, въ осеннюю гололедицу переломившую ногу,—помолился Богу и сѣвъ на возъ: «ну, сѣрко́! сказалъ, хотя не веселымъ, но твердымъ голосомъ: выручалъ ты меня не одинъ разъ, послужи и теперь, не сшибись съ дороги. . » и обозъ поѣхалъ шагомъ.

Снѣговая, бѣлая туча, огромная какъ небо, обтянула весь горизонтъ, и послѣдній свѣтъ красной, погорѣлой вечерней зари, быстро задернула густою пеленою. Вдругъ настала ночь... наступилъ буранъ со всей яростью, со всѣми своими ужасами. Разыгрался пустынный вѣтеръ на привольи, взрылъ снѣговыя степи, какъ пухъ лебяжій, вскинулъ ихъ до небесъ.... Все одѣлъ бѣлый мракъ, непроницаемый, какъ мракъ самой темной осенней ночи! Все слилось, все смѣшалось: земля, воздухъ, небо пре-

вратились въ пучину кипящаго, снѣжнаго праха, который слѣпилъ глаза, занималъ дыханье, ревѣлъ, свисталъ, вылъ, стоналъ, билъ, трепалъ, вертѣлъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, обвивался, какъ змѣй, и душилъ все, что ему ни попадалось.

Сердце падаетъ у самаго неробкаго человѣка, кровь стынетъ, останавливается отъ страха, а не отъ холода, ибо стужа во время булановъ значительно уменьшается. Такъ ужасенъ видъ возмущенія зимней, сѣверной природы. Человѣкъ теряетъ память, присутствіе духа, безумѣетъ.... и вотъ причина гибели многихъ несчастныхъ жертвъ.

Долго тащился нашъ обозъ съ своими двадцатипудовыми возами. Дорогу заносило, лошади безпрестанно оступались. Люди, по большой части, шли пѣшкомъ, увязая по колѣно въ снѣгу: наконецъ всѣ выбились изъ силъ; многія лошади пристали. Старикъ видѣлъ это, и хотя его сѣрко, которому было всѣхъ труднѣе, ибо онъ первый прокладывалъ слѣдъ, еще бодро вытаскивалъ ноги — старикъ остановилъ обозъ. «Други, сказалъ онъ, скликнувъ къ себѣ всѣхъ мужиковъ, дѣлать нечего. Надо отдаться на волю Божью; надо здѣсь ночевать. Составимъ возы и распряженныхъ лошадей вмѣстѣ, кружкомъ. Оглобли свяжемъ и поднимемъ вверхъ, оболочемъ ихъ кошмами, сядемъ подъ ними какъ подъ шалашемъ, да

и станемъ дожидаться свѣту Божьяго и добрыхъ людей. Авось не всѣ замерзнемъ!»

Совѣтъ былъ страненъ и страшенъ; но въ немъ заключалось единственное средство къ спасенью. По несчастью въ обозѣ были люди молодые, неопытные. Одинъ изъ нихъ, у котораго лошадь менѣе другихъ пристала, не захотѣлъ послушаться старика. «Полно, дѣдушка! сказалъ онъ. Сѣрко-то у тебя сталъ, такъ и намъ околѣвать съ тобой? ты уже пожилъ на бѣломъ свѣту, тебѣ все равно; а намъ еще пожить хочется. До умета верстъ семь, больше не будетъ. Поѣдемъ, ребята! Пусть дѣдушка остается съ тѣми, у кого лошади совсѣмъ стали. Завтра Богъ дастъ, будемъ живы, воротимся сюда и откопаемъ ихъ.» — Напрасно говорилъ старикъ, напрасно доказывалъ, что сѣрко истомился менѣе другихъ; напрасно поддерживалъ его Петровичь и еще двое изъ мужиковъ: шестеро остальныхъ, на двѣнадцати подводахъ, пустились далѣе.

Буранъ свирѣпѣлъ часъ отъ часу. Бушевалъ всю ночь и весь слѣдующій день такъ, что не было никакой ѣзды. Глубокіе овраги дѣлались высокими буграми... Наконецъ стало понемногу затихать волненіе снѣжнаго океана, которое и тогда еще продолжается, когда небо уже блеститъ безоблачной синевою. Прошла еще ночь. Утихъ буйный вѣтеръ,

улеглись снѣга. Степи представляли видъ бурнаго моря, внезапно оледенѣвшаго.... Выкатилось солнце на ясный небосклонъ; заиграли лучи его на волнистыхъ снѣгахъ. Тронулись, переждавшіе буранъ, обозы и всякіе проѣзжіе.

По самой этой дорогѣ, возвращался обозъ порожнякомъ изъ Оренбурга. Вдругъ передній наѣхалъ на концы оглобель, торчащихъ изъ снѣга, около которыхъ намело снѣговый шишъ, похожій на стогъ сѣна или копну хлѣба. Мужики стали разглядывать и примѣтили, что легкій паръ повѣвалъ изъ снѣга около оглобель. Они смекнули дѣломъ; принялись отрывать чѣмъ ни попало, и отрыли старика Петровича и двоихъ изъ товарищей: всѣ они находились въ сонномъ, безпамятномъ состояніи, подобномъ состоянію сурковъ, спящихъ зиму въ норахъ своихъ. Снѣгъ около нихъ обталлъ, и у нихъ было тепло, въ сравненіи съ воздушной температурой. Ихъ вытащили, положили въ сани и воротились въ умётъ, который точно былъ не далеко. Свѣжій, морозный воздухъ разбудилъ ихъ; они стали двигаться, раскрыли глаза; но все еще были безъ памяти, какъ бы одурѣлые, безъ всякаго сознанія. — Въ умётѣ, не внося въ теплую избу, растерли ихъ снѣгомъ, дали выпить вина и потомъ уложили спать на полати. — Проспавшись настоящимъ сномъ, они пришли въ чувство и остались живы и здоровы.

Шестеро смѣльчаковъ, или лучше сказать, глупцевъ, послушавшихся молодаго удальца, вѣроятно, скоро сбились съ дороги, по обыкновенію принялись её отыскивать, пробуя ногами, не попадется ли въ мягкомъ снѣгу жесткая полоса, разбрелись въ разныя стороны, выбились изъ силъ и всѣ замерзли. Весною отыскали тѣла несчастныхъ въ разнообразныхъ положеніяхъ. Одинъ изъ нихъ сидѣлъ, прислонясь къ забору того самаго умёта.......

Илецкъ (*)

(*) Илецкъ было поставлено тогда для отвода подозрѣній Г. Полеваго. Но теперь мнѣ кажется, что это могло скорѣе возбудить ихъ. Безъ излишняго самолюбія можно сказать, что нельзя было ожидать статьи, такъ написанной, изъ Илецка. *Позднѣйш. примѣч. С. А.*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О М. С. ЩЕПКИНѢ.

По случаю пятидесятилѣтія его театральнаго поприща.

(Статья, читанная К. С. Аксаковымъ на юбилеѣ М. С. Щепкина, 26 Ноября, 1855 года.)

Въ исходѣ Ноября 1805 года, въ городѣ Курскѣ, на частномъ публичномъ театрѣ содержателей-актеровъ Барсовыхъ, назначенъ былъ спектакль въ пользу актрисы, г-жи Лыковой. Молодой человѣкъ лѣтъ семнадцати, съ живою и умною физіономіей, безпрестанно бѣгалъ съ ранняго утра изъ дома своего господина, графа Волькенштейна, въ домъ Дворянскаго Собранія, гдѣ помѣщался театръ. На озабоченномъ лицѣ юноши ясно выражалась радость, тревога и опасеніе: это былъ дворовый мальчикъ графа, всѣми называемый Миша, которому, по случаю внезапной болѣзни какого-то мелкаго актера, дали сыграть маленькую роль. Миша съ дѣтскихъ лѣтъ страстно любилъ смотрѣть театральныя представленія. Его

охотно пускали и въ оркестръ, и за кулисы, гдѣ всѣ его знали, любили и гдѣ онъ всѣмъ услуживалъ. Сыграть какую нибудь роль на публичномъ театрѣ, было его любимою мечтою, его постояннымъ и горячимъ желаніемъ; наконецъ желанная мечта превращалась въ дѣйствительность, и Миша выходилъ на сцену въ драмѣ «Зоя», въ роли почтаря Андрея. Этотъ Миша — теперь нашъ знаменитый артистъ, ветеранъ театральнаго искусства, честь и гордость Русской сцены, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.

Щепкинъ страстно полюбилъ театръ еще въ ребячествѣ. Семи лѣтъ онъ увидѣлъ на домашнемъ театрѣ у графа Волькенштейна, оперу «Новое семейство», и неожиданное зрѣлище такъ его поразило, что съ тѣхъ поръ въ воспріимчивой, горячей головѣ мальчика безпрестанно роились декораціи, оркестръ, сцена и дѣйствующія лица. Вскорѣ послѣ того, когда онъ былъ уже въ народномъ училищѣ городка Суджи, удалось ему сыграть слугу Розмарина въ комедіи Сумарокова «Вздорщица»: разумѣется, это усилило его страсть. Въ послѣдствіи, когда Щепкину уже было лѣтъ четырнадцать, онъ сыгралъ на домашнемъ театрѣ своего господина нѣсколько ролей, и между прочимъ роль актера въ комедіи «Опытъ искусства» и Степана Сбитенщика въ оперѣ «Сбитенщикъ». Съ 1801 года, Щепкинъ жилъ въ Курскѣ, учился въ народномъ училищѣ, и всѣ свободные часы проводилъ въ театрѣ. Въ этомъ положеніи оста-

вались дѣла до незабвеннаго дня, до бенефиса г-жи Лыковой.

И такъ, въ исходѣ Ноября (подлинное число неизвѣстно) настоящаго 1855 года, исполняется пятьдесятъ лѣтъ съ перваго появленія Щепкина на сценѣ публичнаго театра. Долгое поприще, рѣдко совершаемое не поденьщиками, не простыми исполнителями, равнодушными къ своему ремеслу, а художниками по призванію, пламенно, тревожно любящими свое дѣло! Какихъ горячихъ усилій, какихъ постоянныхъ трудовъ, какой напряженной работы духа и тѣла— стоило возведеніе на степень искусства, простой, по видимому, охоты мальчика: выбѣжать передъ публикою, въ какомъ-то святошномъ нарядѣ, и пробормотать нѣсколько выученныхъ рѣчей. Такъ начинаютъ многіе, и трудно бываетъ разгадать въ безотчетномъ влеченіи молодыхъ людей: минутная ли это забава или призваніе истиннаго таланта.

Разумѣется, въ достопамятный день представленія «Зои», за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, никто изъ окружающихъ Щепкина не подозрѣвалъ въ немъ будущаго знаменитаго артиста и всякій только посмѣивался, глядя на его озабоченное лице и важность, придаваемую имъ такому, по видимому пустому дѣлу; но Щепкинъ чувствовалъ безсознательно, что роль почтаря Андрея рѣшаетъ его судьбу и опредѣляетъ славную будущность.

Съ этого времени, послѣ удачнаго дебюта, Щепкину начали давать многія небольшія роли, и, разумѣется, самыя разнохарактерныя. Захворалъ ли, загулялъ ли кто нибудь изъ актеровъ — Щепкинъ въ нѣсколько часовъ выучивалъ его роль и, конечно, игралъ всегда лучше того, чье занималъ мѣсто. Однимъ словомъ: имъ затыкали всѣ прорѣхи малочисленной труппы и скуднаго репертуара. Оркестръ прозвалъ его: «контробасною подставкой», и вся труппа со смѣхомъ повторяла *остроумное* прозвище.

Публика начинала любить и принимать Щепкина съ одобреніемъ. Каждый спектакль былъ шагомъ впередъ для молодаго актера, и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ самъ и всѣ его окружавшіе убѣдились въ томъ, что Щепкинъ родился для театра. Не получивъ достаточнаго образованія, не видавъ ни одного актера, который бы имѣлъ какое нибудь понятіе о сценическомъ искусствѣ, который бы ходилъ и говорилъ на театрѣ по-человѣчески, Щепкинъ конечно не могъ тогда создавать себѣ идеала представляемаго лица, не могъ не подчиняться вреднымъ традиціямъ, отъ которыхъ трудно отдѣлываться во всю жизнь, не могъ не перенимать формъ, которыми былъ окруженъ; но нѣтъ такой неестественной формы, которая не могла бы быть одушевлена, а Щепкинъ, одаренный необыкновеннымъ огнемъ и чувствомъ, оживлялъ ими каждое произ-

носимое слово: кстати или не кстати, вѣрно или невѣрно, — до этого никому не было дѣла, этого никто не понималъ, и всѣ безусловно восхищались новымъ и свѣжимъ талантомъ.

Чрезвычайно было бы любопытно и поучительно прослѣдить постепенно, какъ уяснялся взглядъ молодаго актера, какъ зарождалось пониманіе лицъ, имъ представляемыхъ, какъ блеснула и разгоралась мысль объ истинѣ, естественности игры, и какъ онъ понялъ наконецъ, что сцена—искусство, что онъ—художникъ!... Но этого никто не можетъ сдѣлать, кромѣ самого Щепкина, и на немъ лежитъ долгъ написать исторію своего театральнаго поприща, чѣмъ онъ окажетъ великую услугу не только театральному искусству, его служителямъ и почитателямъ, но и всякому мыслящему человѣку, для котораго дороги проявленія, усилія и торжество духа человѣческаго надъ всѣми препятствіями и случайностями жизни. У Щепкина хранится листъ бумаги, на которомъ великій художникъ, Пушкинъ своею рукою написалъ слѣдующее:

Записки актера Щепкина.

«Я родился въ Курской губерніи, Обоянскаго уѣзда въ селѣ Красномъ, что на рѣчкѣ Пенкѣ.»

Какъ краснорѣчиво выражается въ этомъ поступкѣ важность интереса, который придавалъ Пушкинъ запискамъ актера Щепкина!

Семнадцать лѣтъ игралъ Щепкинъ на губернскихъ театрахъ, переходя изъ труппы въ труппу, разъѣжая по ярмаркамъ съ своими товарищами, и постоянно идя впередъ. У Щепкина не было амплуа, онъ не выбиралъ себѣ ролей, а игралъ все, что было необходимо для составленія спектакля. Такъ напримѣръ, въ «Желѣзной Маскѣ» онъ, начиная съ часоваго, дошелъ до маркиза Лувуа, а въ «Рекрутскомъ Наборѣ» переигралъ всѣ роли, кромѣ молодой дѣвушки, Варвары. Слава Щепкина росла, преимущественно въ южной части Россіи, дошла до Москвы, и наконецъ въ 1823 году поступилъ онъ на Императорскій Московскій театръ. Не входя въ подробности, потому что я пишу не біографію Щепкина, а краткій очеркъ пятидесятилѣтняго театральнаго его поприща, должно однако сказать, что Щепкинъ въ продолженіи своей провинціальной сценической жизни получилъ два толчка, какъ онъ самъ выражается, которые были ему очень полезны. Первый случился въ 1810 году, когда онъ увидѣлъ домашній благородный спектакль въ селѣ Юноховкѣ (Харьковской губерніи): въ этомъ спектаклѣ, князь Прокофій Васильичъ Мещерскій игралъ роль Солидара въ комедіи Сумарокова «Приданое обманомъ». Естественная игра князя Мещерскаго

сильно поразила молодаго актера и произвела рѣшительное вліяніе на его понятія о сценическомъ искусствѣ (*). Второй толчокъ случился гораздо позднѣе: его произвелъ замѣчательный актеръ, Павловъ, выѣхавшій изъ Казани и странствовавшій тогда по разнымъ провинціальнымъ театрамъ. Этотъ актеръ, съ необыкновенною для того времени истиною и простотою, игралъ многія роли, особенно роль Неизвѣстнаго въ комедіи Коцебу «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Актера Павлова мало понимали и мало цѣнили; но Щепкинъ понялъ, оцѣнилъ его и воспользовался добрымъ примѣромъ, не смотря на противоположное значеніе своего амплуа.

Московская публика обрадовалась прекрасному таланту и приняла Щепкина съ живѣйшимъ восторгомъ, въ полномъ значеніи этого слова; но Щепкинъ не успокоился на скоро пріобрѣтенныхъ лаврахъ, какъ дѣлали и теперь дѣлаютъ это многіе. Постоянно трудясь, съ перваго дня поступленія своего на сцену, постоянно изучая, обработывая игру, — онъ удвоилъ свои труды, поступя на Московскую сцену. Онъ дѣлалъ это не для пріобрѣтенія большей славы или выгодъ житейскихъ, онъ удовлетворялъ собственной душевной художественной потребности. Театръ уже былъ для него необходимостью, воздухомъ, условіемъ жиз-

(*) Подробное описаніе этого происшествія можно прочесть въ альманахѣ «Комета», изданномъ Н. Щепкинымъ, сыномъ нашего знаменитаго артиста, въ Москвѣ въ 1851 году.

ни.... Жить для Щепкина значило играть на театрѣ; играть — значило жить. Сцена сдѣлалась для Щепкина даже цѣлебнымъ средствомъ въ болѣзняхъ духа и тѣла. Горевалъ ли онъ о чемъ нибудь, какъ человѣкъ, которому надо было много преодолѣть препятствій, много биться съ жизнью, — искусство мирило его съ дѣйствительностью; болѣлъ ли тѣломъ — искусство, оживляя его нервы, чудотворно врачевало его тѣло. Много разъ и многіе были тому свидѣтелями, что Щепкинъ выходилъ на сцену больной и сходилъ съ нея совершенно здоровый.

Обезпеченный въ своемъ существованіи, получившій независимость, придворный артистъ-Щепкинъ вполнѣ предался искусству. Обширный репертуаръ его съ каждымъ годомъ обогащался новыми значительнѣйшими ролями, надъ которыми надо было подумать, надо было потрудиться. — Одинъ рядъ Мольеровскихъ стариковъ представлялъ уже назидательное поприще для его сценической дѣятельности, и Щепкинъ воспользовался этою высокою школой. На Московской сценѣ Щепкинъ нашелъ товарищей болѣе или менѣе образованныхъ, нашелъ публику болѣе просвѣщенную, судей болѣе строгихъ и лучше понимающихъ дѣло. Кромѣ того, Щепкинъ нашелъ въ Московскомъ обществѣ дружескій литературный кругъ, въ который приняли его съ радостью и гдѣ вполнѣ оцѣнили его талантъ, природный умъ, любовь къ искусству и жажду образованія. По счаст-

ливому стеченію обстоятельствъ, въ этомъ кругѣ находились между прочими главныя лица Московской дирекціи: Кокошкинъ, Загоскинъ, Писаревъ и Верстовскій; но всего важнѣе было то, что въ этомъ же пріятельскомъ кругѣ на то время былъ нашъ даровитый писатель, князь Шаховской, единственный знатокъ сцены, страстный и опытный любитель театральнаго искусства. Этого только и не доставало Щепкину: онъ весь предался труду и ученію, предался пламенно и неутомимо.

Обыкновенно сценическіе артисты, сколько нибудь замѣчательные, раздѣляются на два разряда: первый состоитъ изъ людей даровитыхъ, иногда въ высокой степени, но не думающихъ объ искусствѣ, объ изученіи его, не признающихъ необходимости труда, иногда даже не понимающихъ прямаго значенія художника. Второй разрядъ состоитъ, не скажу изъ людей бездарныхъ, но надѣленныхъ отъ природы скудною долею дарованія, обработкѣ котораго положены, къ сожалѣнію, слишкомъ тѣсныя границы. Это достойные уваженія, труженики. Въ нравственомъ отношеніи, они безъ сомнѣнія несравненно выше лѣнивыхъ дарованій, но увы! всякій изъ насъ предпочтетъ талантливаго актера, у котораго посреди невѣрной, даже безсмысленной игры, вырвется иногда увлекающее и потрясающее душу слово, предпочтетъ бѣдному труженику, безцвѣтно исполняющему умно и вѣрно понятый характеръ. Это справедливо: сцена

требуетъ выраженія яснаго, живаго, такъ сказать осязательнаго, безъ котораго зритель не можетъ видѣть пониманія роли, не можетъ сочувствовать представляемому лицу. Но бываетъ рѣдкое соединеніе таланта съ яснымъ умомъ и горячею любовью къ искусству, и это счастливое соединеніе представляетъ намъ Щепкинъ. Его отличительное качество именно состоитъ въ чувствѣ священнаго долга къ искусству, долга неоплатнаго, каковъ бы ни былъ талантъ человѣка. Щепкинъ всю жизнь выплачивалъ этотъ долгъ по мѣрѣ силъ, платитъ и теперь, и конечно не перестанетъ платить, пока будетъ жить. Съ ослабленіемъ физическихъ средствъ, которыя не могли не измѣниться въ теченіе пятидесяти лѣтъ, Щепкинъ усиливалъ средства духовныя и вознаграждалъ, по возможности, неизбѣжныя утраты, наносимыя временемъ

Не смотря на страшное число ролей, переигранныхъ Щепкинымъ, не смотря на ихъ безконечное, дикое разнообразіе, не смотря на ихъ ничтожность, Щепкинъ не пренебрегъ ни одною изъ нихъ. Выѣзжая на сцену бабой-ягой, на ступѣ съ помеломъ, являясь Еремѣевной въ «Недорослѣ» — онъ старался быть тою личностью, которую представлялъ. Отъ смѣшныхъ фарсовъ и каррикатуръ, Щепкинъ, въ роляхъ своихъ, доходилъ иногда до характеровъ чисто-драматическихъ, и на одномъ изъ нихъ столкнулся съ первымъ трагикомъ своего времени — съ

Тальмой: роль Данвиля въ комедіи Делавиня «Урокъ Старикамъ» въ Парижѣ игралъ Тальма, а въ Москвѣ Щепкинъ!.... И что же? не смотря на тяжелый и темный русскій переводъ, Щепкинъ былъ такъ хорошъ, что удовлетворилъ требованіямъ самыхъ строгихъ судей. Привычка смѣяться отъ комизма игры Щепкина исчезала, и зрители всегда были растроганы до слезъ.

Во всѣ пятьдесятъ лѣтъ театральной службы, Щепкинъ не только не пропустилъ ни одной репетиціи, но даже ни разу не опоздалъ. Никогда никакой роли, хотя бы то было въ сотый разъ, онъ не игралъ, не прочитавъ ее наканунѣ вечеромъ, ложась спать, какъ бы поздно ни воротился домой, и не репетируя ея настоящимъ образомъ на утренней пробѣ въ день представленія. Это не мелочная точность, не педанство, а весьма важное условіе въ дѣлѣ искусства, въ которомъ всегда есть своя, такъ сказать, механическая или матеріальная сторона: ибо никогда не можетъ быть полнаго успѣха безъ пріобрѣтенія власти надъ своими физическими средствами. Но этого мало: вся жизнь Щепкина и внѣ театра была для него постоянною школою искусства; вездѣ находилъ онъ что-нибудь замѣтить, чему-нибудь научиться; естественность, вѣрность *выраженія* (чего бы то ни было), безконечное разнообразіе и особенности этого выраженія, исключительно принадлежащія каждому отдѣльному лицу, дѣйствіе на другихъ такихъ особен-

ностей — все замѣчалось, все переносилось въ искусство, все обогащало духовныя средства артиста. Болѣе двадцати лѣтъ, я вмѣстѣ съ другими слѣдилъ за игрою Щепкина на сценѣ и за его внимательнымъ наблюденіемъ бесѣдъ общественныхъ. Нерѣдко посреди шумныхъ рѣчей или споровъ, замѣчали, что Щепкинъ о чемъ-то задумывался, чего-то искалъ въ умѣ или памяти; догадывались о причинѣ и нерѣдко заставляли его признаваться, что онъ думалъ въ то время о какомъ-нибудь трудномъ *мѣстѣ* своей роли, которая въ слѣдствіе сказаннаго кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ мѣткаго слова,—вдругъ освѣщалась новымъ свѣтомъ и долженствовала быть выражена сильнѣе или слабѣе, или проще, и вообще вѣрнѣе. Иногда одно замѣчаніе, кинутое мимоходомъ и пойманное на лету, открывало Щепкину цѣлую новую сторону въ характерѣ дѣйствующаго лица, съ которымъ онъ до тѣхъ поръ не могъ сладить. Изъ всего сказаннаго мною очевидно, что роли Щепкина никогда не лежали безъ движенія, не сдавались въ архивъ, а совершенствовались постепенно и постоянно. Никогда Щепкинъ не жертвовалъ истинною игры для эффекта, для лишнихъ рукоплесканій; никогда не выставлялъ своей роли на показъ, ко вреду играющихъ съ нимъ актеровъ, ко вреду цѣльности и ладу всей піесы; напротивъ, онъ сдерживалъ свой жаръ и силу его выраженія, если другія лица не могли отвѣчать ему съ такою же силою; чтобъ не задавить другихъ лицъ въ піесѣ, онъ да-

вилъ себя и охотно жертвовалъ самолюбіемъ, если характеръ играемаго лица не искажался отъ такихъ пожертвованій. Все это видѣли и понимали многіе, и надобно признаться, что рѣдко встрѣчается въ актерахъ такое самоотверженіе.

Талантъ Щепкина преимущественно состоитъ въ чувствительности и огнѣ. Оба эти качества составляютъ основныя, необходимыя стихіи таланта драматическаго, и я думаю, что въ этомъ отношеніи драма была по преимуществу призваніемъ Щепкина; но его живость, умная веселость, юморъ, его фигура, голосъ слишкомъ недостаточный, слабый для ролей драматическихъ (ибо крикъ не голосъ), навели его на роли комическихъ стариковъ и — слава Богу! По неудобствамъ физическимъ, едва ли бы Щепкинъ могъ достигнуть такого высокаго достоинства въ драмѣ, какого достигъ въ комедіи. Я сказалъ, что у Щепкина есть умная веселость; но въ тѣхъ комическихъ роляхъ, которыя не соотвѣтствовали этому свойству, чего стоило ему выражать глупость или простоту на лицѣ необыкновенно умномъ? Вмѣсто проницательности и юмора — изображать простодушную, самодовольную веселость? Чего стоило также выработать свое произношеніе до такой чистоты и ясности, что не смотря на жидкій, трехнотный голосъ, — шопотъ Щепкина былъ слышанъ во всемъ большомъ Петровскомъ театрѣ? Но всего труднѣе было ему ладить съ своимъ жаромъ, съ своими чувствами, и удержи-

вать ихъ въ настоящей мѣрѣ, въ уздѣ; правда, они иногда одолѣвали его; но съ намѣреніемъ Щепкинъ никогда не украшалъ, не разцвѣчивалъ ими безцвѣтнаго лица въ піэсѣ. Одинъ только разъ былъ я свидѣтелемъ, что Щепкинъ намѣренно сыгралъ цѣлую роль не такъ, какъ понималъ. Это случилось въ 1828 году: давали въ первый разъ переводъ Англійской комедіи «Школа супруговъ», піэсы очень умной, но растянутой и оттого довольно скучной. Я зналъ, какъ понималъ и какъ исполнялъ свою роль Щепкинъ. Я видѣлъ его на главной репетиціи, и восхищался, вмѣстѣ съ другими, строгимъ исполненіемъ характера замѣчательнаго, но уже слишкомъ не эффектнаго. Во время представленія, когда сошелъ уже первый актъ (Щепкинъ въ немъ почти не участвовалъ), принятый публикою съ явными признаками скуки, вдругъ Щепкинъ, съ половины втораго акта началъ играть съ живостью и горячностью, неприличными представляемому лицу; оживленные внезапно его игрой, актеры также подняли тонъ піэсы, публика выразила свое сочувствіе, и комедія была выслушана съ удовольствіемъ и одобреніемъ. Когда я вошелъ къ Щепкину въ уборную, онъ встрѣтилъ меня словами: «Виноватъ; но я боялся, что зрители заснутъ отъ скуки, если досидятъ до конца піэсы.» Именно то и случилось при повтореніи бенефиснаго спектакля, въ которомъ Щепкинъ игралъ уже свою роль, какъ требовала неподкупная истина и строгія

правила искусства; въ третій разъ, этой комедіи уже не играли.

Идя неуклонно путемъ опыта, труда, ученья, дошелъ наконецъ Щепкинъ, еще въ полной силѣ своихъ средствъ, до того возможнаго совершенства, съ которымъ онъ игралъ «Бота», «Досажаева», «Транжирина», «Богатонова», Арнольфа» въ «Школѣ женъ» (любимая его роль), «Гарпагона», «Сганареля», «Любскаго» въ «Благородномъ театрѣ» Загоскина и наконецъ «Фамусова», «Шейлока» и «Городничаго» въ «Ревизорѣ». Кромѣ того, Щепкинъ перенесъ на Русскую сцену настоящую Малороссійскую народность, со всѣмъ ея юморомъ и комизмомъ. До него мы видѣли на театрѣ только грубые фарсы, каррикатуру на пѣвучую, поэтическую Малороссію, Малороссію, которая дала намъ Гоголя! Щепкинъ потому могъ это сдѣлать, что провелъ дѣтство и молодость свою на Украйнѣ, сроднился съ ея обычаями и языкомъ. Можно ли забыть Щепкина въ «Москалѣ Чаривникѣ», въ «Наталкѣ-Полтавкѣ»?

Въ эпоху блистательнаго торжества, когда Петровскій театръ, наполненный восхищенными зрителями, дрожалъ отъ восторженныхъ рукоплесканій, — былъ въ театрѣ одинъ человѣкъ, постоянно недовольный Щепкинымъ: этотъ человѣкъ — былъ самъ Щепкинъ. Никогда не былъ собою доволенъ *взыскательный художникъ*, ничѣмъ не подкупный судья!

Въ продолженіе тридцати-двухъ лѣтняго своего служенія на Московской сценѣ, сколькимъ людямъ доставилъ Щепкинъ сердечное наслажденіе и слезъ и смѣха! Кто не плакалъ отъ игры его въ «Матросѣ», кто не смѣялся въ «Ревизорѣ»?... Но смѣхъ надъ собой — тѣ же слезы, и равно благодѣтельны онѣ душѣ человѣка. Изъ людей, видѣвшихъ полное развитіе таланта Щепкина, уже многихъ нѣтъ на свѣтѣ: нѣтъ именно тѣхъ людей, которыхъ вѣрная оцѣнка и нелицепріятный приговоръ были для Щепкина высшею наградою, съ мнѣніемъ которыхъ соглашалось и общественное мнѣніе.

Изъ всѣхъ художниковъ, художникъ-актеръ, безъ сомнѣнія, производитъ самое сильное, живое впечатлѣніе; но за то и самое непрочное. Нѣтъ выше наслажденія, нѣтъ болѣе утѣшительнаго чувства, какъ двигать тысячи людей однимъ словомъ, однимъ взглядомъ. Актеръ, заставляя зрителей одно съ нимъ чувствовать, одному радоваться, одно ненавидѣть и объ одномъ скорбѣть — вдругъ отъ нѣсколькихъ тысячь людей слышитъ голосъ сочувствія и одобренія, выражаемыхъ громомъ рукоплесканій!... Но увы, мимолетно это впечатлѣніе, и если не исчезаетъ въ зрителяхъ мгновенно, по возвращеніи ихъ въ міръ дѣйствительный, то конечно слабѣетъ и умираетъ вмѣстѣ съ ними. Актеръ не оставляетъ свидѣтельства своего таланта, хотя раздѣляетъ творчество съ драматическимъ писателемъ: ни картина, ни статуя,

ни слово, увѣковѣченное печатью, не служатъ памятникомъ его художественной дѣятельности, и потому о художникѣ-актерѣ надобно болѣе писать, чѣмъ о художникахъ другаго рода, которые своими созданіями говорятъ сами о себѣ, даже отдаленному потомству. Да сохранится же, по крайней мѣрѣ, благородное имя сценическаго художника въ исторіи искусства и литературы, да сохранится память уваженія къ нему признательныхъ современниковъ!

Не благосклонно мирному искусству настоящее грозное время; мраченъ нашъ небосклонъ; строго испытаніе.... Но всегда время отдавать справедливость заслугѣ; благодарнымъ быть—всегда время. Если мы признаемъ за истину, что воспитаніе, усовершенствованіе въ себѣ природнаго дара есть общественная заслуга, то не должны ли мы признать, что Щепкинъ оказалъ такую заслугу Русскому обществу, преимущественно Московскому? И такъ, благодарность ему за доставленіе намъ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, высокихъ наслажденій, сердечныхъ и умственныхъ! Благодарность за благотворныя слезы и благодѣтельный смѣхъ!

1855 года, Ноября 18-го.
Москва.

ВОСПОМИНАНІЯ
О
ДМИТРІѢ БОРИСОВИЧѢ МЕРТВАГО.

Письмо къ В. П. Безобразову.

М. Г. Владиміръ Павловичъ! Вы просили меня, чтобы я сообщилъ вамъ все то, что было лично мнѣ извѣстно при моихъ сношеніяхъ съ покойнымъ Д. Б. Мертваго: исполняю очень охотно ваше и мое собственное желаніе. Едва ли кто нибудь изъ читателей могъ такъ обрадоваться появленію въ печати «Записокъ Дмитрія Борисовича Мертваго», какъ обрадовался я, для котораго это было совершенною нежиданностью. Но мнѣ въ голову не входило, что онъ оставилъ послѣ себя «Записки». Прибавить какую нибудь черту къ этимъ «Запискамъ» я считаю за счастіе. Многоуважаемая память моего покойнаго крестнаго отца, въ обширномъ и строгомъ смыслѣ честнѣйшаго человѣка, котораго вся жизнь была борьба правды и чести съ ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живетъ въ моей душѣ. Его «Записки» безъ сомнѣнія будутъ

драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для всей читающей, образованной публики. «Біографическое свѣдѣніе объ авторѣ записокъ, составленное братомъ его, С. Б. Мертваго» написано совершенно безпристрастно, не смотря на горячую, всѣмъ извѣстную, взаимную дружбу обоихъ братьевъ. Оно имѣетъ одинъ недостатокъ — краткость.

Съ тѣхъ поръ, какъ я началъ себя помнить, я помню, что Дмитрій Борисовичь, мой крестный отецъ, бывалъ у насъ въ домѣ очень часто, во все время пребыванія моего семейства въ Уфѣ. Въ 1797-мъ году, мы переѣхали на житье въ деревню, а Дмитрій Борисовичь еще прежде оставилъ Уфу и поступилъ въ Петербургъ на новую службу. Не смотря на мой дѣтскій возрастъ, я очень замѣчалъ, да и другіе говорили, что мой крестный отецъ не такъ ласковъ ко мнѣ и не такъ занимается мною, какъ другіе друзья или короткіе наши знакомые. Къ этому замѣчанію обыкновенно прибавляли, что онъ не любитъ маленькихъ дѣтей, особенно такихъ, которыхъ родители балуютъ. Я самъ, не одинъ разъ, слышалъ, какъ Дмитрій Борисовичь подтрунивалъ и подшучивалъ надъ моею матерью, говоря, что «она не любитъ, а обожаетъ своего сынка», и у меня поселилось непріятное чувство къ моему крестному отцу; но это не мѣшало мнѣ замѣчать, что онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ, что всѣ слушали его остроумные и веселые разговоры съ необыкновеннымъ вниманіемъ

и удовольствіемъ, и что всѣ называли его «душой компаніи». Я тогда еще слыхалъ отъ моихъ родителей, что Дмитрій Борисовичь, не только самъ честный человѣкъ, но и другихъ принуждаетъ быть честными.

Разъѣхавшись въ разныя стороны, мы не видались нѣсколько лѣтъ, и я уже забывалъ моего крестнаго отца, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что Дмитрій Борисовичь Мертваго вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ «Старую Мертовщину» къ своей матери и сестрѣ, которыя жили отъ насъ въ 30 верстахъ. Марья Михайловна Мертваго, его мать, пользовалась необыкновеннымъ уваженіемъ отъ всѣхъ своихъ сосѣдей и всѣхъ знакомыхъ; она считалась женщиною великаго и политичнаго ума; дочь ея, Катерина Борисовна Чичагова, была дружна съ моею матерью, да и мужъ ея, П. И. Чичаговъ, любилъ все наше семейство. Черезъ нѣсколько дней мы поѣхали въ Мертовщину, и мать всю дорогу твердила мнѣ, чтобы я не дичился и не игралъ бы въ молчанку, потому что она желаетъ, чтобы мой крестный отецъ увидѣлъ во мнѣ умненькаго мальчика, довольно образованнаго для своихъ лѣтъ, а не деревенскаго неуча. Такія слова не прибавили мнѣ бодрости, а еще болѣе меня смутили. Представляя меня Дмитрію Борисовичу, мать сказала, что я его помню, люблю, уважаю и дорожу тѣмъ, что онъ мой крестный отецъ. Въ этихъ словахъ было мало правды, мнѣ стало неловко, я покраснѣлъ и

молчалъ. Дмитрій Борисовичь, погладивъ меня по головкѣ, сказалъ: «А, какой молодецъ выросъ», и потомъ уже не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія. Матери моей это было очень досадно: какъ это ея сынокъ, такой книжный чтецъ и декламаторъ Сумароковскихъ трагедій, а подчасъ говорунъ, не умѣетъ разинуть рта передъ своимъ крестнымъ отцомъ, важнымъ (бывшимъ) Петербургскимъ чиновникомъ и умнымъ человѣкомъ, который можетъ подумать, что она не дала сыну никакого образованія! Она не вытерпѣла и черезъ нѣсколько времени, обратясь ко мнѣ, сказала: «Что̀ это ты все молчишь, Сережа? Крестный отецъ подумаетъ, что ты глупъ.» Я покраснѣлъ еще болѣе, а Дмитрій Борисовичь, изъ шутливаго и веселаго разговора, вдругъ перешелъ въ серьезный тонъ, и быстро взглянувъ на меня, строго сказалъ: «Не слушай, Сережа, своей матери! Никогда не вмѣшивайся въ разговоры старшихъ, покуда тебя не спросятъ!» Это не прибавило моего расположенія къ крестному отцу; но на этотъ разъ я былъ ему благодаренъ: мать уже не принуждала меня разговаривать. Мы прожили въ Мертовщинѣ еще два дня. Родныхъ и сосѣдей съѣхалось туда такое множество, что негдѣ было помѣщаться; Петербургской гость очаровывалъ всѣхъ, старыхъ и молодыхъ, особенно дамъ и дѣвицъ, своею ласковою любезностью. Онъ былъ очень хорошъ собою, хотя въ это время небольшая лысина

уже свѣтилась на его головѣ; его называли даже красавцемъ, но при томъ говорили, что у него женская красота; онъ немножко пришепетывалъ, но это не мѣшало пріятности его рѣчей, и нѣкоторыя дамы находили, что это даже очень мило. Онъ былъ постоянно веселъ, шутливъ, остроуменъ безъ колкости. Я слышалъ, что ему отдавали преимущество передъ Петромъ Ивановичемъ Чичаговымъ, который также былъ въ обществѣ необыкновенно веселъ и остроуменъ, но мѣткія эпиграммы не рѣдко срывались съ его языка.

Дмитрій Борисовичь всегда оказывалъ своей матери глубокую почтительность и нѣжность. Сестрѣ своей, К. Б. Чичаговой, брату Степану Борисовичу, а также и зятю, онъ былъ другъ, въ настоящемъ значеніи этого слова; даже третьему брату, Ивану Борисовичу, который уже нѣсколько лѣтъ имѣлъ несчастіе потерять разсудокъ (отъ безнадежной любви, какъ мнѣ говорили), показывалъ онъ такое нѣжное вниманіе, такъ заботился о немъ, что Марья Михайловна, со слезами благодарности къ Богу, при мнѣ говорила о томъ моей матери.

Дмитрій Борисовичь, объѣзжая всѣхъ родныхъ и сосѣдей, разумѣется вмѣстѣ съ матерью, сестрой и зятемъ, гостилъ вездѣ по нѣскольку дней — что было тогда въ общемъ обыкновеніи — а у насъ прожилъ онъ съ своимъ семействомъ цѣлую недѣлю. Тутъ я разсмотрѣлъ поближе своего крестнаго отца, и не

смотря на свою дѣтскость, безсознательно почувствовалъ глубокое уваженіе къ высокимъ качествамъ его ума и сердца. Черезъ нѣсколько времени онъ уѣхалъ въ Крымъ, опять на новую службу, и я до 1808 года его не видѣлъ.

Въ 1808 году я нашелъ въ Петербургѣ своего крестнаго отца уже женатымъ, постарѣвшимъ и перемѣнившимся. Беззаботной веселости въ немъ уже не было. Онъ служилъ тогда Генералъ-провіантмейстеромъ, и хлопотливая, тяжелая эта должность, казалось, очень его озабочивала. Въ послѣдствіи я узналъ, что находились другія причины, отъ которыхъ служба была для него такъ невыносимо тягостною. Неподкупная его честность была извѣстна всѣмъ; но не всѣмъ, можетъ быть, было извѣстно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всѣхъ его служебныхъ отношеніяхъ: могъ ли такой человѣкъ не имѣть враговъ по службѣ?.. Онъ встрѣтилъ мое семейство, какъ старинный другъ, а меня, если не такъ ласково, какъ желалось моей матери и уже мнѣ, то покрайней мѣрѣ, очень внимательно; много разспрашивалъ меня о Казани, объ университетѣ, о службѣ, въ которую я намѣревался поступить, — но я никакъ не могъ замѣтить, доволенъ ли онъ мною или нѣтъ? Онъ приказалъ только, чтобы я ходилъ къ нему каждую недѣлю.

Первыя мои посѣщенія, послѣ отъѣзда изъ Петербурга моего семейства, ничего хорошаго не предвѣщали. Крестный мой отецъ обыкновенно говорилъ: «А здравствуй! Какъ поживаешь? Что пишутъ отецъ и мать? Что подѣлываешь на службѣ?» Въ словахъ этихъ не слышно было никакого особеннаго участія, и они держали меня въ постоянномъ и холодномъ отдаленіи. Случалось даже, что, выслушавъ мои короткіе отвѣты, онъ говорилъ: «Ну, братъ, мнѣ некогда; ступай къ Варварѣ (такъ звалъ онъ свою жену) и оставайся обѣдать.» Весьма естественно, что такіе пріемы не могли нравиться молодому человѣку, и я намѣревался уже ограничить мои посѣщенія двумя, тремя праздничными визитами въ годъ, какъ вдругъ случилась слѣдующая перемѣна: пришелъ я одинъ разъ къ Дмитрію Борисовичу довольно рано поутру; онъ велѣлъ меня провести въ свой кабинетъ и сказалъ, что сейчасъ придетъ. Я бывалъ въ этомъ кабинетѣ при другихъ, и мало обращалъ вниманія на окружающіе меня предметы; теперь же, отъ нечего дѣлать, я началъ все разсматривать, и мнѣ кинулась въ глаза небольшая картинка, висѣвшая надъ письменнымъ столомъ моего крестнаго отца; я подошелъ поближе и увидѣлъ, что это былъ видъ деревни «Званка» и сельскаго дома Гаврила Романыча Державина; внизу находились слѣдующіе четыре стиха:

Средь сихъ лѣсовъ, болотъ и ржавинъ,
Съ безсмертнымъ эхомъ вѣчныхъ скалъ,

Безсмертны пѣсни повторялъ
Безсмертный нашъ пѣвецъ, Державинъ.

Картина была нарисована водяными красками, и кѣмъ-то подарена Дмитрію Борисовичу, кажется женщиной. Кѣмъ написаны стихи—до сихъ поръ не знаю. Я былъ страстнымъ почитателемъ Державина; забывшись, съ восторгомъ и довольно громко, повторилъ я эти четыре стиха наизусть, не замѣтивъ, что крестный отецъ стоялъ уже за мною. «А, братъ, ты видно любишь старика!» сказалъ онъ, и я, покраснѣвъ до ушей, съ волненьемъ высказалъ все, что чувствовалъ и думалъ о Державинѣ, прибавя, что знаю всѣ его стихи наизусть. Хозяинъ изъ любопытства сдѣлалъ мнѣ экзаменъ, и я прочелъ ему двѣ, три піэсы, декламируя на пропалую, по-студентски. «Ого, братъ, сказалъ съ усмѣшкой мой крестный отецъ,—да ты не вздумай въ актеры!» Онъ посадилъ меня возлѣ себя, чего прежде не дѣлалъ, и разсказалъ про свое знакомство съ Державинымъ, прибавя, что онъ «не только великій стихотворецъ, приносящій честь и славу своему отечеству, но и честный сановникъ, и добрѣйшій человѣкъ, и что все, что говорятъ про него дурнаго, выдумка подлыхъ клеветниковъ и завистниковъ.» Съ этого счастливаго утра, я сталъ сближаться съ моимъ крестнымъ отцомъ. Самъ ли онъ того пожелалъ, или я, найдя въ немъ сочувственную себѣ струну, сталъ искать его расположенія—не знаю, только черезъ полгода,

онъ уже охотно, хотя безъ особенной ласковости, иногда долго говорилъ со мной о своей прежней и настоящей службѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ, и горько сѣтовалъ, что мало честныхъ людей, не на словахъ, а на дѣлѣ. Дмитрій Борисовичь жилъ на Фонтанкѣ, въ каменномъ домѣ, или лучше сказать въ третьей части дома, принадлежавшаго его женѣ (урожденной Полторацкой) и сестрамъ ея, Сухаревой и Олениной. Принадлежность владѣнія обозначалась разностью красокъ. Часть Мертваго была палеваго цвѣта. Изъ залы былъ балконъ на набережную; на немъ любилъ сидѣть Дмитрій Борисовичь, а иногда спживалъ съ нимъ и я. Одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ, указавъ пальцемъ: «Видишь ли ты этого господина, который тащится по набережной, такъ гадко одѣтый?» Я отвѣчалъ, что вижу. — «Это великой человѣкъ! Это нищій, которому казна должна милліонъ, истраченный имъ для чести и славы отечества. Это адмиралъ С....... .нъ!» А какъ онъ въ это время поравнялся съ нами, то Дмитрій Борисовичь назвалъ его по имени и сказалъ ему: «зайди ко мнѣ». Адмиралъ зашелъ. Мы всѣ трое пошли въ кабинетъ. Я, разумѣется, пошелъ по приглашенію хозяина. С.......нъ пробылъ съ часъ; просто и открыто говорилъ онъ о своемъ крайнемъ положеніи, объ оскорбленіяхъ, имъ получаемыхъ, о своихъ надеждахъ, что когда нибудь заплатятъ же ему и всѣмъ офицерамъ призовыя деньги, издержанныя имъ на флотъ (этимъ дѣ-

ломъ занималась тогда особая коммиссія). Адмиралъ ушелъ (*). Не утверждаю, но мнѣ показалось, что Дмитрій Борисовичь доставалъ деньги изъ ящика и тихонько отдалъ ихъ своему гостю и давнишнему пріятелю. Разсказъ адмирала произвелъ на меня такое глубокое и горькое впечатлѣніе, котораго никогда нельзя забыть. Крестный отецъ досказалъ мнѣ всю исторію, русскаго съ ногъ до головы, славнаго нашего адмирала; разсказалъ и положеніе, до котораго онъ былъ доведенъ. «С...... ...нъ, прибавилъ онъ въ заключеніе, доведенъ до того, что умеръ бы съ голоду, еслибъ не занималъ денегъ, покуда безъ отдачи, у всякого, кто только дастъ,—не гнушаясь и синенькой; но у него есть книга, гдѣ онъ записываетъ каждую копѣйку своего долга, и конечно расплатится со всѣми, если когда нибудь получитъ свою законную собственность.

Въ 1809-мъ году, я уѣзжалъ въ отпускъ въ Оренбургскую губернію, и воротился въ Петербургъ въ первыхъ числахъ Января 1810-го года. Крестный отецъ встрѣтилъ меня уже не холодно по-прежнему, а напротивъ, очень ласково, и даже съ нѣкоторымъ чувствомъ. «Ну, братъ, сказалъ онъ мнѣ одинъ разъ, — кажется надобно будетъ службу бро-

(*) Деньги точно были заплачены, только не помню, при жизни ли адмирала.

сить.»—«Отчего же? спросилъ я съ удивленіемъ. Вы сами знаете, что приносите много пользы, и что Государь объ васъ самаго лучшаго мнѣнія?»—«Это правда, отвѣчалъ Дмитрій Борисовичь, да бывшій непосредственный начальникъ мой, графъ А.....въ всегда меня гнавшій, поставилъ меня въ такое унизительное и вредное для меня и службы положеніе, что выйдти въ отставку, даже прогнѣвавъ Государя, сдѣлалось необходимостью. Графъ А.....въ, всегда не любилъ меня; но особенно возненавидѣлъ за то, что я запретилъ Варварѣ Марковнѣ продолжать знакомство съ Г-жею П., его фавориткой. Моя жена могла быть знакома съ этою дряпью, какъ и со многими другими; но какъ скоро эта дрянь сдѣлалась всемогущею особою у моего начальника, то моя жена уже не должна быть съ нею знакома. Г-жѣ П. уже отказывали три раза, она все продолжала ѣздить; въ четвертый я велѣлъ отказать такъ, чтобы она уже болѣе не пріѣзжала. Какъ нарочно такъ случилось, что сидѣлъ я на извѣстномъ тебѣ балконѣ, и со мной была Варвара Марковна: вдругъ подъѣзжаетъ открытая коляска; въ ней сидѣла Г-жа П. Я не позволилъ женѣ уйдти съ балкона, позвалъ человѣка и громко сказалъ ему, такъ что пріѣхавшая гостья все до слова слышала: «скажи, что барыни нѣтъ дома». Г-жа П. перестала ѣздить, и тутъ-то началось злобное преслѣдованіе меня. Прежній начальникъ, переставъ быть моимъ непосредствен-

нымъ начальникомъ, сохранилъ всю свою силу и вмѣшивался во всѣ дѣла».

Недѣли черезъ двѣ, я пришелъ къ Дмитрію Борисовичу и хотѣлъ пройдти къ нему въ кабинетъ уже безъ доклада; но человѣкъ сказалъ мнѣ, чтобъ я подождалъ, потому что въ кабинетѣ какой-то генералъ, и что туда не приказано никому входить. Я какъ-то почувствовалъ, что это не даромъ, и сталъ дожидаться въ сосѣдней комнатѣ. Наконецъ дверь отворилась, и Дмитрій Борисовичь, провожая генерала, спокойно, холодно и громко сказалъ: «И такъ доложите Его Сіятельству, что я не могу входить въ объясненіе по такимъ словеснымъ замѣчаніямъ. Если ему угодно будетъ сдѣлать ихъ на бумагѣ, то я стану оправдываться. Впрочемъ, зная, что я лично не нравлюсь Его Сіятельству, я уже давно подалъ просьбу объ отставкѣ, которая лежитъ у Министра. Я не хочу вредить мѣсту, которое занимаю, и губить себя безъ всякой вины.» — Дмитрій Борисовичь разсказалъ мнѣ, что это уже не въ первый разъ, что его бывшій начальникъ имѣлъ дерзость дѣлать ему выговоры черезъ своего адъютанта, что, разумѣется, онъ его не сталъ слушать, и что вотъ наконецъ онъ прислалъ съ тѣмъ же, своего фаворита, генерала К.....ча. «Дѣлать нечего, надо рѣшительно выйдти въ отставку, сказалъ онъ, — тутъ пользы не сдѣлаешь, а только наживешь больше враговъ и долговъ, а у меня и

такъ уже довольно и тѣхъ и другихъ.» Дѣйствительно, Дмитрій Борисовичь вскорѣ оставилъ службу.

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ совершились вѣковыя достопамятныя событія 1812-го года, и я даже не знаю, гдѣ жилъ въ это время мой крестный отецъ. Я увидѣлся съ нимъ уже въ 1816-мъ году, въ Москвѣ, въ собственномъ его домѣ, у Красныхъ воротъ, въ приходѣ Трехъ Святителей (*). Онъ не былъ еще тогда сенаторомъ; но говорилъ мнѣ, что желалъ бы занять эту должность. Всѣмъ извѣстно, что впослѣдствіи онъ занималъ её.—Я уѣхалъ въ Оренбургскую губернію на десять лѣтъ и не видался уже болѣе съ моимъ крестнымъ отцомъ, скончавшимся въ 1824-мъ году.

(*) Этотъ домъ стоитъ самымъ оригинальнымъ образомъ: онъ не на улицѣ, не въ переулкѣ и не на площади—къ нему ведетъ особый проѣздъ, точно какъ въ чувашскихъ деревняхъ. Въ этомъ домѣ, принадлежавшемъ послѣ кончины Дмитрія Борисовича Мертваго, сначала, А. П. Елагиной, а потомъ покойному сыну ея, Ивану Васильевичу Кирѣевскому, домѣ, воспѣтомъ звучными стихами Языкова, — много лѣтъ собирался извѣстный кругъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Сколько глубокихъ мыслей, свѣтлыхъ взглядовъ, честныхъ порывовъ любви къ просвѣщенію и литературѣ было высказано и принято въ этомъ домѣ!........ и какъ не много осталось въ живыхъ изъ прежнихъ его посѣтителей. Въ числѣ самыхъ горькихъ и свѣжихъ утратъ находятся достойные и незабвенные братья, И. В. и П. В. Кирѣевскіе.

Вотъ все, что сохранила моя память объ одномъ изъ достойнѣйшихъ людей прошедшаго времени.

Хотя я не участвую ни въ какихъ журналахъ, кромѣ «Русской бесѣды», но охотно предоставляю вамъ полное право напечатать мое письмо въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть и пр.

1857 г. Января 20-го
Москва.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ литературнымъ и театральнымъ воспоминаніямъ.

ОТЪ СОЧИНИТЕЛЯ.

Прилагаемая статейка «О заслугахъ Князя Шаховскаго въ драматической словесности, а равно и послѣдующая за ней критика на «Юрія Милославскаго» могутъ имѣть тотъ интересъ для любознательнаго читателя, что представляютъ, такъ сказать, нагляднымъ образомъ состояніе критики вообще въ 1830-мъ году. Писавши о моихъ короткихъ пріятеляхъ по настоятельному ихъ желанію, я предупреждалъ ихъ заранѣе, что мои статьи будутъ безпристрастны, что (по крайнему моему разумѣнію) похваливъ хорошее, я непремѣнно замѣчу недостатки. Оба говорили, что они именно того желаютъ — и оба остались недовольны, особенно Кн. Шаховской. Можетъ быть, опасаясь показаться пристрастнымъ, опасаясь, чтобъ моихъ статей не назвали дружескими панегириками, я впалъ въ противоположную крайность: говоря о лирико-патріотическихъ стихотвореніяхъ Князя Шаховскаго, я выразился слишкомъ рѣзко. Разбирая же Юрія Милославскаго и обвиняя автора за слабый характеръ героя въ романѣ, мнѣ

бы слѣдовало вспомнить, что многіе герои въ романахъ Валтеръ-Скотта, не лучше «Юрія Милославскаго» и что мнѣ не слѣдовало подсмѣиваться надъ нимъ. Главное достоинство романа Загоскина — народность, Русскій духъ, которымъ проникнуты многіе дѣйствующія лица,—были мною почти не замѣчены. Двадцатиосьмилѣтній промежутокъ въ нашей литературѣ стоитъ цѣлаго вѣка. Мои статьи служатъ тому убѣдительнымъ доказательствомъ для меня самого.

С. А.

О ЗАСЛУГАХЪ КНЯЗЯ ШАХОВСКАГО

ВЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Странное положеніе нашей словесности, или лучше сказать, литературныхъ мнѣній, которыхъ представителями, къ сожалѣнію часто невѣрными, болѣе или менѣе должны назваться журналы, заставляетъ говорить о томъ, о чемъ говорить еще рано и при другихъ обстоятельствахъ было бы не нужно и неприлично. Но время летитъ, и будущее поколѣніе, будущій историкъ словесности Русской съ негодованіемъ отзовется о нашемъ молчаніи; ибо никогда столь быстро не мѣнялась литературная слава, какъ нынѣ; это правда, — иные потеряли её и справедливо, но за то какою черною неблагодарностью платимъ мы нѣкоторымъ писателямъ, которыхъ имена, по ихъ заслугамъ и талантамъ, должны мы произносить съ почтеніемъ и признательностію. Напоминаю читателямъ, что я принимаю журналы представителями мнѣній литературныхъ цѣлой публики. Не говоря о другихъ, скажемъ только о Князѣ Шаховскомъ: никто не представляетъ разительнѣйшаго при-

мѣра. Двадцать пять лѣтъ Князь Шаховской обогащалъ Русскую сцену новыми піэсами; въ продолженіе этого времени переведено, передѣлано и сочинено имъ 66 или 67 піэсъ; почти всѣ изъ нихъ имѣютъ прямое или относительное достоинство; многія приводили въ восхищеніе зрителей и читателей; многія и теперь доставляютъ имъ истинное, постоянное удовольствіе; вездѣ есть или веселость или остроуміе или неподдѣльное чувство горячей любви ко всему отечественному. Двадцать пять лѣтъ Русская публика веселилась его произведеніями; да и что̀ бы былъ нашъ репертуаръ безъ разнообразнаго и плодовитаго таланта Кн. Шаховскаго? Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, между многими другими написалъ онъ четыре піэсы, утвердившія его славу, казалось на незыблемомъ основаніи (*). Первая изъ нихъ: Пустодомы, оригинальная комедія, отличнаго достоинства, написанная весьма хорошими, а мѣстами прекрасными стихами; въ ней вывелъ Князь Шаховской съ большимъ искусствомъ старое зло въ новомъ костюмѣ: мотовство, или, удачно названное имъ, пустодомство; комедія богата прелестными сценами;

(*) Въ это же время написаны имъ и другія замѣчательныя піэсы; водевили: Езопъ у Ксанфа, Волковъ и Евфратскій пеликанъ. Первый заслуживаетъ вниманіе по необыкновенному искусству въ языкѣ разговорномъ, второй горячимъ чувствомъ народности, живостью и вѣрностью характеровъ, третій остроуміемъ.

разговорный языкъ отличный, и до сего времени не слыханный у насъ на театрѣ. Вторая Финнъ, обязанная своимъ существованіемъ прелестному эпизоду въ поэмѣ Пушкина: Русланъ и Людмила. Въ Финнѣ многія мѣста написаны такими превосходными пламенными стихами, которые во мнѣніи людей безпристрастныхъ поставили Князя Шаховскаго наряду съ первыми Русскими стихотворцами, чего до тѣхъ поръ конечно никто не думалъ. Тотъ же поэтъ (Пушкинъ) внушилъ ему и новое произведеніе: Керимъ-Гирей или Бахчисарайскій фонтанъ, которое снова всѣхъ удивило; ибо въ немъ Князь Шаховской показалъ опытъ прекраснаго лирическаго стихотворства. Наконецъ явился давно ожидаемый Аристофанъ; комедія, исполненная возвышенныхъ чувствъ и богатая сценами изящной красоты, къ сожалѣнію не для всей публики понятными; разговоръ въ ней прекрасный, даже иногда образцовый для комедій такого рода. Я не говорю, чтобъ каждое изъ сихъ четырехъ драматическихъ произведеній не имѣло своихъ недостатковъ; но человѣкъ, написавшій ихъ даже и не въ нашей литературѣ, заслужилъ бы истинную благодарность отъ своихъ современниковъ; а у насъ?... прочтите отзывы о Князѣ Шаховскомъ въ Телеграфѣ и Сѣверной Пчелѣ.... Впрочемъ, я не думаю опровергать ихъ; я пишу свои мысли, предлагаю мои доказательства тѣмъ людямъ, которые, не отнимая у нашего перваго комика, употребляю ихъ выраженіе: *нѣкотораго дарованія*

и заслугъ, обвиняютъ его за то, что онъ написалъ слишкомъ много, а потому будто большая половина піэсъ вышла слабыхъ; за то, что большая часть изъ нихъ переводныя или заимствованныя; что въ піэсахъ его вездѣ почти вставлены музыка и танцы; наконецъ, что онъ пишетъ иногда дурные лирическіе стихи. Здѣсь выходитъ странное противорѣчіе: обвиненія сіи въ частности, порознь, болѣе или менѣе справедливы, а результатъ, выводимый изъ нихъ о Князѣ Шаховскомъ — невѣренъ. — Вотъ мои объясненія и доказательства: Князя Шаховскаго можно обвинять за множество имъ написанныхъ піэсъ потому только, что вѣроятно ихъ количество мѣшало ему обработать ихъ качество; безъ его плодовитой производительности конечно получили бы мы половину изъ нихъ въ совершеннѣйшемъ видѣ; но сіе обстоятельство, вредное *непосредственно* славѣ Шаховскаго, было полезно литературѣ — *относительно.* Онъ перепробовалъ всѣ роды драматической словесности, заимствовалъ содержаніе піэсъ изъ театровъ всѣхъ образованныхъ націй, примѣривалъ ихъ на Русской вкусъ и ладъ, много разъ торжествовалъ, нерѣдко терпѣлъ неудачи, иногда падалъ, но своими паденіями, своими опытами указалъ путь къ надежнымъ успѣхамъ будущему драматику. Когда Князь Шаховской началъ писать, у насъ не только не было драматической литературы, (которой и теперь нѣтъ), но мы даже не знали: какъ она можетъ быть у насъ? что намъ

пригодно? кому мы можемъ или должны подражать? Само собою разумѣется, что у насъ не было разговора на сценѣ; а потому успѣхами стихотворнаго и прозаическаго языка въ театральныхъ сочиненіяхъ мы обязаны Князю Шаховскому, ибо онъ и въ томъ, и другомъ показалъ прекрасные опыты; нужно ли объяснять, что подъ именемъ *разговора на сценѣ* я разумѣю *разговорность языка, сообразную съ характеристикою дѣйствующихъ лицъ*, а не гладкой слогъ, не краснорѣчіе, въ которомъ выказывается, какъ въ зеркалѣ, самъ авторъ со всѣми примѣтами и образомъ мыслей своего времени.

Отъ того, что Князь Шаховской перевелъ, написалъ такъ много, нѣсколько лѣтъ имѣли мы, да и теперь имѣемъ пріятный и разнообразный репертуаръ въ обѣихъ столицахъ. Правда, нѣкоторыя піэсы, принятыя въ свое время съ восторгомъ, надоѣли публикѣ и считаются ею уже пустыми, скучными; но причиною сему не столько переходчивость времени, какъ чрезмѣрно частое ихъ повтореніе и весьма плохое исполненіе сценическое: ибо онѣ, какъ піэсы старыя, избитыя, обставлены самыми дурными актерами. Правда и то, что онѣ были написаны для своего времени, для особенныхъ обстоятельствъ, что нѣкоторыя изъ нихъ должны быть оставлены, какъ средства или орудія, уже исполнившія свое дѣло; но если это назвать недостаткомъ, то ему подвержены всѣ знаменитые комики всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Безпрестанно составляя новыя піэсы, Князь Шаховской имѣлъ еще другую цѣль—и достигъ её: онъ *воспиталъ* ими труппу артистовъ по новой методѣ игры; если ни одного изъ нихъ не вышло великаго по таланту, то неужели и за то обвинятъ Шаховскаго? Но Г-да Брянской, Сосницкой, покойный Ромазановъ, Г-жи Вальберхова (въ комедіяхъ), Дюръ, которой также нѣтъ на свѣтѣ, Сосницкая и нѣкоторые другія — всегда будутъ признаны прекрасными артистами, истинными художниками. Многія піэсы писаны Шаховскимъ именно для нихъ, по мѣрѣ ихъ раскрывающихся дарованій и возрастающаго искусства; ему обязаны мы, что у насъ начали говорить на сценѣ *по-человѣчески*. Пусть только укоренится эта метода и со временемъ, когда явятся у насъ актеры съ талантами и образованіемъ, почувствуютъ цѣну благаго начала, сдѣланнаго Шаховскимъ.

Правда, у Князя Шаховскаго часто некстати бываетъ музыка и танцы; вообще онъ любитъ великолѣпный спектакль, и его обвинители, недоброхоты говорятъ, что онъ дѣлаетъ это съ намѣреніемъ, для поддержанія слабости своихъ произведеній; но съ этимъ никакъ нелязя согласиться. Ясно, что Князь Шаховской имѣлъ другую цѣль: соединеніе на нашей сценѣ всѣхъ изящныхъ искусствъ; что онъ жертвовалъ иногда собою для такихъ опытовъ, ибо часто и очевидно вредилъ себѣ ими, а сценическія выгоды вѣроятно ему слишкомъ хорошо извѣстны. И такъ опытъ

сей, хотя онъ былъ невсегда удаченъ и по моему мнѣнію даже не можетъ имѣть успѣха въ наше время, какъ объяснитель неизвѣстнаго заслуживаетъ нашу благодарность, а не порицаніе. Кажется, что опыту сему болѣе подвергались піэсы бенефисныя.

Наконецъ, Князь Шаховской пишетъ иногда лирическіе дурные стихи и печатаетъ ихъ.... очень жаль, но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что онъ плохой драматикъ? что всё имъ прежде написанное дурно? Державинъ писалъ ужасными стихами уродливыя, драматическія произведенія, но развѣ отъ того онъ менѣе великой безсмертный лирикъ—наша слава, наша народная гордость? Никто не можетъ подумать, чтобъ я ставилъ рядомъ исполинскій геній Державина съ плодовитымъ талантомъ Князя Шаховскаго; но родъ сочиненій сего послѣдняго несравненно труднѣе и важнѣе для общества, нежели вдохновенное пареніе музы перваго: ибо кромѣ таланта, требуетъ великой опытности, искусства, долговременнаго наблюденія нравовъ, познанія сердца человѣческаго. Хотя иные не признаютъ вліянія театра на ходъ образованія и нравственности человѣческой, но кажется въ этомъ нельзя сомнѣваться; конечно никто не выдетъ изъ театра лучшимъ, нежели въ него вошелъ; никакой порочный уже человѣкъ не исправится; но сѣмена, западающія въ сердца невинныя, непримѣтнымъ образомъ для нихъ самихъ пускаютъ ростъ и даютъ благое

25*

направленіе ихъ нравственности, предохраняя её отъ будущихъ уклоненій.

Еще должно съ признательностью сказать, что во всѣхъ 67 піэсахъ Князя Шаховскаго сохранена строжайшая нравственность; что пламенная любовь ко всему народному, Русскому отражается вездѣ, гдѣ она могла имѣть мѣсто; никто не найдетъ въ его сочиненіяхъ ни соблазнительныхъ сценъ, ни экивоковъ, ни вольнодумныхъ выходокъ, столь любимыхъ черныю публики и столь выгодныхъ для автора на сценѣ. Полный театръ Князя Шаховскаго, еслибъ онъ былъ напечатанъ, служилъ бы очевиднымъ и убѣдительнымъ доказательствомъ, что авторъ нигдѣ не упускалъ изъ виду своей цѣли. Конечно, въ этомъ отношеніи не упрекнетъ его ни одинъ отецъ семейства, ни моралистъ, ни гражданинъ, ни христіанинъ. И такъ — благодарность писателю, подвизавшемуся со славою и общею пользою на поприщѣ многотрудномъ, выполнившему такъ много различныхъ условій, удовлетворившему столькимъ требованіямъ, обстоятельствамъ и времени (*).

Маія 17 дня.
Москва.

С. А.

(*) Эта и слѣдующая статья служатъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что значитъ 28 лѣтъ въ нашей словесности. Я самъ не могу безъ улыбки перечитывать нѣкоторыхъ выраженій. С. А.

КРИТИКА.

Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году. Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. Сочиненіе М. Н. Загоскина. Ч. I. с. 236. Ч. II. с. 166. Ч. III с. 263. Москва. Въ Тип. Н. Степанова. 1829.

(Сообщено.)

Радуясь прекрасному явленію въ литературѣ нашей, какъ общему добру, мы съ большимъ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что наконецъ словесность наша обогатилась *первымъ историческимъ романомъ*, первымъ твореніемъ въ этомъ родѣ, которое имѣетъ народную физіономію: характеры, обычаи, нравы, костюмъ, языкъ. Не одинъ разъ прочитавъ его со вниманіемъ и всегда съ наслажденіемъ, мы считаемъ за долгъ сказать свое мнѣніе откровенно и безпристрастно, подкрѣпляя по возможности доказательствами похвалы свои и осужденія, разумѣется кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ и то и другое будетъ основано на чувствѣ чисто эстетическомъ — вкусѣ: онъ у всякаго свой. Елибъ романы Вальтера

Скотта были написаны на Русскомъ языкѣ, и тогда бы Юрій Милославскій сохранилъ свое неотъемлемое достоинство. Это небывалое явленіе на горизонтѣ нашей словесности: романы Нарѣжнаго хотя показываютъ нѣкоторое дарованье въ сочинителѣ, но выполнены слишкомъ дурно во всѣхъ отношеніяхъ; въ другихъ новыхъ нашихъ романахъ нѣтъ ничего національнаго, Русскаго.

Эпоха, или время дѣйствія выбрано самое счастливое; историческіе происшествія и лица вставлены въ раму интриги съ искусствомъ, освѣщены свѣтомъ исторіи прекрасно и вѣрно.

Москва во власти Поляковъ присягнула королевичу Владиславу. Страхъ, своекорыстные виды и неимѣніе другихъ средствъ къ спасенію государства, раздираемаго безначаліемъ, междоусобіемъ и развращеніемъ нравомъ, вслѣдствіе тиранскаго самовластія Іоанна, слабоумія Ѳедора и преступныхъ путей къ престолу Годунова, заставили всѣхъ прибѣгнуть къ сему несчастному поступку. Герой романа, Юрій, сынъ умершаго боярина, Дмитрія Милославскаго, бывшаго воеводой въ Нижнемъ Новгородѣ, извѣстнаго своею ненавистью къ Ляхамъ, присягнулъ вмѣстѣ съ прочими Владиславу. Юный, прекрасный, добродѣтельный, набожный и страстно любящій свое отечество, Юрій — увлекся примѣромъ и обстоятельствами. Личное уваженіе и даже пріязнь соединяетъ его съ Гонсѣвскимъ, начальникомъ Поль-

сихъ войскъ, занимающихъ Москву. Слухъ, что Низовцы, удаленные отъ ужасовъ Московскихъ, слѣдственно лучше другихъ понимающіе настоящее положеніе дѣлъ, уже вразумленные коварствомъ Сигизмунда, собираются возстать народною войною на чуждыхъ утѣснителей, встревожилъ сихъ послѣднихъ, и Гонсѣвскій, вмѣстѣ съ другими, посылаетъ въ Нижній Новгородъ Юрія Милославскаго для усмиренія взволнованныхъ умовъ. Кто лучше его, сына заклятаго врага Поляковъ, добровольно цѣловавшаго крестъ Владиславу, можетъ убѣдить непокорныхъ? Съ этой точки начинается романъ. Разскажемъ въ короткихъ словахъ его содержаніе, обнаживъ главный ходъ отъ явленій эпизодическихъ: влюбленный въ неизвѣстную дѣвушку, видѣнную имъ недавно въ Московской церкви Спаса на Бору, Юрій Милославскій ѣдетъ въ Нижній; въ продолженіе дороги, а особливо въ домѣ боярина Кручины Шалонскаго, глаза его открываются и раскаяніе въ присягѣ Владиславу имъ овладѣваетъ; въ Нижнемъ это чувство возрастаетъ до высочайшей степени, до отчаянія, и Юрій, сказавъ рѣчь въ собраніи сановниковъ Нижегородскихъ, какъ посланникъ Гонсѣвскаго, и спрошенный Мининымъ: *что бы онъ сдѣлалъ на ихъ мѣстѣ?*—не выдержалъ и далъ совѣтъ идти къ Москвѣ, ибо Поляки слабы. Въ тоже время рѣшается онъ и объявляетъ торжественно, что идетъ въ монахи, ибо не можетъ сражаться ни за ту, ни за

другую сторону. Юрій пріѣзжаетъ въ Сергіеву Лавру, объявляетъ Аврааму Палицыну о своемъ желаніи и о причинахъ онаго. Палицынъ принимаетъ его предварительный обѣтъ иночества, разрѣшаетъ отъ клятвы Владиславу и посылаетъ, какъ своего послушника, сражаться съ Поляками подъ Москву. Юрій ѣдетъ; на дорогѣ, чтобъ избавить отъ висѣлицы дочь боярина Шалонскаго, въ которой онъ еще прежде узналъ свою любезную, женится на ней, (это обстоятельство оправдано прекрасно), и тотъ же часъ отвозитъ свою несчастную молодую въ монастырь Хотьковской и прощается съ нею на вѣки. Москву освобождаютъ, Поляки разбиты и бѣгутъ; Юрій открывается Палицыну въ своемъ вынужденномъ бракѣ, и Палицынъ разрѣшаетъ его отъ обѣта идти въ монахи, основываясь на томъ, что бракъ есть уже таинство неразрѣшимое, а послушники могутъ возвращаться въ свѣтъ, и Юрій, какъ видно изъ эпилога, дѣлается счастливымъ супругомъ Анастасіи.

Въ чувствительномъ родѣ лучшія мѣста: возстаніе Нижегородцевъ и смерть боярина Шалонскаго; въ комическомъ: двѣ шутки Кирши, его колдовство и посвященіе въ колдуньи старухи Григорьевны; въ ужасномъ: буйная ярость нищей (Русскихъ Гверилласовъ); въ описательномъ: переправа черезъ Волгу, въ то время, когда ледъ только что тронулся.

Должно замѣтить, что никто не имѣетъ такой комической добродушной веселости, какъ Г. Загоскинъ; въ этомъ отношеніи талантъ его высокаго достоинства и совершенно оригиналенъ. Читая романъ сей, есть гдѣ заплакать отъ душевнаго умиленія и отъ сердца посмѣяться самому невеселому человѣку. Но нельзя сказать, чтобы любопытство и участіе въ развязкѣ были подстрекаемы сильно.

Не говоря уже о характерахъ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, большею частью хорошо выдержанныхъ, разнообразныхъ, прекрасно изобрѣтенныхъ, комическихъ положеніяхъ, объ искусной отдѣлкѣ подробностей, впрочемъ не всѣхъ, главнѣйшее достоинство сего романа состоитъ въ живомъ, вѣрномъ, драматическомъ изображеніи нравовъ, домашняго быта, мѣстностей, особенностей и природы Царства Русскаго. Вотъ языкъ, которымъ должны были, кажется, говорить люди Русскіе въ 1612 году; вотъ ихъ образъ мыслей. Кто знаетъ хорошо свое отечество, тотъ станетъ восхищаться вѣрностью сихъ картинъ; кто не знаетъ его (ибо много есть Русскихъ, не знающихъ ничего въ Россіи кромѣ гостиныхъ Петербурга или Москвы), тотъ, вмѣстѣ съ иностранцами, познакомится съ жизнію нашихъ предковъ и теперешнимъ бытомъ простаго народа.

Интрига романа проста, не запутана эпизодами, хотя ходъ ея не вездѣ равно выдержанъ; нѣкоторыхъ мѣстъ нельзя читать или слышать безъ жи-

вѣйшаго участія, безъ слёзъ; таковы: рѣчь Минина, возстаніе въ Нижнемъ Новгородѣ, смерть боярина Кручины, смерть юродиваго. Впечатлѣніе сего романа самая чистая нравственность: любовь къ отечеству и добродѣтели.

Въ первой части и нѣсколько во второй примѣтна въ романѣ какая-то неполнота въ описаніяхъ, сжатость, неоконченность и даже неясность. Не знаемъ что тому причиною: новость ли труда или торопливость; третій томъ во всѣхъ отношеніяхъ написанъ лучше двухъ первыхъ. Можно замѣтить, что поступокъ Юрія Милославскаго, уже разочарованнаго насчетъ намѣреній Сигизмунда, но продолжающаго дѣйствовать вопреки своему сердцу и даже долгу къ отечеству, и наконецъ въ совѣтѣ сановниковъ Нижегородскихъ, отъ одного вопроса Минина, говорящаго противъ себя и опровергающаго собственныя слова (ну если бы его послушались?)—нѣсколько страненъ. Можно укорить Юрія слабостью ума и характера. Не говоримъ уже о томъ, что Гонсѣвскій и другіе, пославшіе его въ Нижній для укрощенія бунта, были весьма неблагоразумны, даже просты, ибо людей нетвердыхъ и всего болѣе въ половину преданныхъ къ ихъ сторонѣ, не посылаютъ для отвращенія гибели, въ рѣшительную минуту. Шутка Милославскаго съ Паномъ Копычинскимъ, котораго онъ заставляетъ съѣсть цѣлаго гуся, всѣмъ извѣстная быль. она не въ характерѣ Юрія, добраго и

кроткаго человѣка; запорожецъ Кирша гораздо забавнѣе и естественнѣе выгоняетъ лишній народъ изъ избы, сказавъ, что одинъ изъ проѣзжихъ, разбойничій атаманъ, по прозванію *чортовъ усъ*. Изъ всѣхъ лицъ романа, языкъ только одного Юрія иногда отзывается новыми выраженіями и мыслями (*). Вотъ нѣсколько частныхъ замѣчаній:

Часть I.

1) Нельзя *въ началѣ Апрѣля, при необыкновенномъ продолженіи зимы* ѣздить цѣликомъ (ст. 8): глубокіе снѣга около Нижняго того не позволятъ, развѣ по *насту*, но этого необъяснено. Жестокихъ мятелей въ сіе время не бываетъ: снѣгъ получилъ *осадку* и вѣтеръ не можетъ *взрывать* его (ст. 9). Нехороша фраза: *на безчувственномъ лицѣ изобразилась радость* (стр 17)

2) Вначалѣ сказано, что *Смоленскъ во власти Польскаго Короля* (стр. 3), а извѣстіе о взятіи его получено Юріемъ послѣ: въ домѣ Кручины Шалонскаго.

(*) Надобно признаться, что хотя Юрій предобрый и благородный, и храбрый человѣкъ, но слишкомъ горячо къ нему не привязываешься. Какъ скоро онъ дѣйствуетъ съ кѣмъ нибудь вмѣстѣ, онъ уже играетъ второклассное лице; въ немъ ничего нѣтъ славнаго, сильнаго, увлекательнаго, самобытнаго. Его спасаютъ, посылаютъ, освобождаютъ, неслушаютъ, разрѣшаютъ и вѣнчаютъ. Въ своемъ родѣ Кирша нравится гораздо болѣе. Лучше всѣхъ написанный и выдержанный характеръ: это юродивый; за нимъ слѣдуетъ Туренинъ. *Сочин.*

3) Слово *бѣглецъ* (стр. 24) вѣроятно не употреблялось тогда — въ простыхъ разговорахъ, какъ и нынѣ не скажутъ: онъ бѣглецъ, а онъ бѣглый.

4) *Простоволосая* (стр. 38) значитъ не глупую, а неповязанную платкомъ женскую голову, что считалось и считается предосудительнымъ; отсюда въ переносномъ смыслѣ составился глаголъ *опростоволоситься,* то есть дать себя поймать безъ повязки, застать въ расплохъ.

5) Слово *мытъ* (стр. 39) надобно объяснить. Его знаютъ, какъ имя болѣзни.

6) *Я не привыкъ кормиться ничьими остатками* (стр. 77). Дурное и двусмысленное выраженіе. *Объѣдками,* вѣроятно, желалъ сказать сочинитель.

7) Не говорятъ колдуну: *тебя умудрилъ Господь* (стр. 105).

8) Причина недостаточна, почему Поляки не стали осматривать чулана колдуна (стр. 113): *кой чортъ велитъ ему забиться въ эту западню*, говорятъ они, но сія причина и прежде существовала, а они все таки выбили дверь; явно, что это нужно было автору и онъ поступилъ самовластно.

9) *Узда замѣнялась мѣдною цѣпью* (стр. 121). Едва ли? развѣ вмѣсто удилъ и поводьевъ была мѣдная цѣпочка.

10) Колдуны именно не ходятъ въ церковь; имъ за то и вѣрятъ, что они въ связяхъ съ дьяволомъ! (стр. 122).

11) Странно, какъ ускакалъ Алексѣй на своемъ *пѣшемъ* конѣ отъ преслѣдованья Поляковъ? (стр. 125).

12) Выраженія Юрія: *мнѣніе толпы ничего не доказываетъ и сольются поколѣнія въ одинъ народъ....* слишкомъ новы и неумѣстны въ разговорѣ со слугою. Это хотѣлось сказать автору (стр. 127).

13) Не говорится: *зарѣзанный быкъ* (стр. 133), а убитый.

14) *Ревѣлъ нелѣпымъ голосомъ* (стр. 138), выраженіе неточное.

15) *Дурной гражданинъ едва ли можетъ быть хорошимъ отцемъ* (стр. 148). Весьма часто бываетъ: примѣровъ много.

16) Подстилка нѣсколькихъ сноповъ соломы (стр. 161) въ избѣ, куда ждутъ молодыхъ изъ церкви и кучу гостей — невѣроподобна.

17) Дурные стихи плохаго поэта дурно выраженной мысли Байрона, не стоятъ повторенія:

Улыбка горести подобна
На гробъ положеннымъ цвѣтамъ!..

18) *Бѣдненькой охъ, а за бѣдненькимъ Богъ*; зачѣмъ измѣнять народную пословицу въ народномъ романѣ? (стр. 245); надобно сказать: голенькой охъ, а за голенькимъ Богъ!

19) *Воображеніе охладѣло*, и *Юрій заснулъ* (стр. 255). Боже сохрани, только успокоилось.

Часть II.

1) *Въ случаѣ нужды готовъ довольствоваться* (стр. 19); правильнѣе сказать: не готовъ, а можетъ.

2) *Вспорхнулъ на сѣдло* (стр 3), нейдетъ какъ-то къ Запорожскому казаку; лучше: взмахнулъ, а притомъ правильнѣе: вспорхнуть съ гнѣзда, нежели вспорхнуть на дерево.

3) *Народъ отхлынулъ, какъ вода* (стр. 31); непремѣнно надобно сказать: отъ чего? отъ скалы или плотины.

4) Злые кони сбиваютъ сѣдоковъ тѣмъ; что на всемъ скаку бросаются въ сторону: а поворотить круто на скаку, какъ пишетъ сочинитель на стр. 32, никакая лошадь не можетъ; сама упадетъ.

5) Околица не можетъ быть *затворенная* (стр 23), а развѣ ворота.

6) *Юрій съ слугою опередили солнце* (стр. 36); чѣмъ? какъ? Переходъ къ прощанью Юрія съ Шалонскимъ чрезвычайно сжатъ.

7) *Похоронить*, такъ далеко отъ *торопился,* что лучше сказать ужъ: *похоронилъ* (стр. 43).

8) *Соскучивъ не получать отвѣтовъ* (стр. 43); дурная фраза.

9) Кирша говоритъ неправду два раза сряду. Прежде онъ сказывалъ, что казакъ имъ убитъ, а теперь говоритъ: *къ счастью онъ отдохнулъ.* Ко-

рабленниковъ тоже ему не давали, а только хотѣли дать (стр. 47).

10) *Ангелъ красоты* (стр. 50), нейдетъ говорить Юрію: ново.

11) Оправданіе почему Кирша не открылъ опасности Юрію (чтобъ не поссорить его съ отцемъ любезной), весьма выискано и казаку не свойственно (стр. 57).

12) Не хорошо сказать: *Аргамакъ вмѣсто того, чтобъ драться съ лошадью* и пр. (стр. 68).

13) Читатель остается въ незвѣстности, зарядилъ ли пистолетъ свой Юрій? (стр. 71), а это знать нужно.

14) Отвѣтъ запорожца Кирши на вопросъ Алексѣя: для чего онъ не предувѣдомилъ ихъ о разбойникахъ? самый странный; онъ говоритъ: *я боялся, что вы не съумѣете притвориться*, и т. д. Это пустое оправданье; да развѣ онъ не могъ также хватить Омляша по головѣ не доѣзжая до оврага, гдѣ спрятаны его товарищи? Какой опасности подвергалъ онъ и себя и своихъ благодѣтелей, безъ всякой причины! Не понимаемъ даже, для чего автору было это нужно?

15) На стр. 79, опять наши путешественники въ водополь и распутье, только начавшееся, когда глубокіе снѣга напитались водою, ѣздятъ по лѣсу и

оврагамъ безъ дороги. У насъ въ это время почти вовсе проѣзда не бываетъ и по дорогамъ, особливо около Нижняго.

16) *Закраиною* называется ледъ примерзшій къ берегу, а не разсѣлина между льдомъ и берегомъ, какъ выразился сочинитель на стр. 85: *перепрыгнувъ черезъ закраину.*

17) На стр. 89. Юродивый играетъ на песчаной косѣ съ ребятишками; это невозможно: тогда все было еще покрыто льдомъ, снѣгомъ и прибывшею, полою водою.

18) *Милославскій провелъ большую часть ночи, размышляя о своемъ положеніи, которое казалось ему вовсе незавиднымъ* (стр. 108.) Послѣднія слова похожи на шутку, а Юрій былъ въ ужасномъ состояніи.

19) Побасенка Минина объ утопающемъ отцѣ и сыновьяхъ его (стр. 133) разсказана неясно и примѣненіе ея къ положенію Милославскаго невѣрно.

Должно замѣтить, что выраженіе *межъ тѣмъ* чрезмѣрно часто и иногда некстати употребляется въ цѣломъ романѣ. А всего досаднѣе оно послѣ прекраснаго, исполненаго чувства обращенія автора, на стр. 121.

«О какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земнаго усыпленія. Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небес-

наго чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минуту сердца всѣхъ Русскихъ! Нѣтъ, любовь къ отечеству не земное чувство! она слабый, но вѣрный отголосокъ непреодолимой любви къ тому безвѣстному отечеству, о которомъ, не постигая сами тоски своей, мы скорбимъ и тоскуемъ почти со дня рожденья нашего.

«Межъ тѣмъ всѣ спѣшили по домамъ» и пр.

Часть III.

1) Запорожецъ, столько преданный Юрью, узнавъ о мнимой его смерти, вскрикиваетъ: *ахъ Боже мой, Боже мой....* и велитъ казакамъ подать кису съ водкой и пирогомъ.... (стр. 8). Это не въ характерѣ Кирши: онъ слишкомъ горячо привязанъ къ Милославскому.

2) *Лошади шарахнулись и стали* (стр. 16.) Шарахнулись не значитъ испугались, а бросились отъ испуга.

3) *Чтоже прибыли, что Юрій и живъ* (стр. 21); и правильнѣе по смыслу рѣчи, и лучше сказать: *если Юрій и живъ.*

4) Сочинитель говоритъ на одной и той же 58 стр.: *и въ наше время многіе воображаютъ Муромскіе лѣса*

Жилищемъ вѣдьмъ, волковъ,
Разбойниковъ и злыхъ духовъ.

А нѣсколько строкъ пониже: *о вѣдьмахъ не говорятъ уже и въ самомъ Кіевѣ; злые духи остались въ однихъ операхъ*, и пр.

5) Авторъ прекрасно выдержалъ характеръ запорожца Кирши, который не согласился вытащить утопающаго въ болотѣ земскаго ярыжку (стр. 96), но кажется въ оправданіе Кирши надобно бы сказать, что вытаскивая разбойника, подвергались опасности утонуть честные его товарищи. Притомъ не худо объяснить, что дорога по такимъ непроходимымъ топямъ дѣлается изъ гати, которая, перегнивъ превращается въ черноземъ, а по оному растутъ не однѣ уже болотныя травы, и корнями связываютъ зыбкую трясину. Этого не всѣ знаютъ. Стая волковъ, бѣгущая къ утопшему, хотя производитъ эффектъ на читателя, но это несправедливо. Никакое чутье не могло слышать запаха отъ человѣка, затянутаго глубоко въ тину; тѣмъ болѣе по прошествіи одной минуты.

6) *Въ теченіи сего разговора* (стр. 98). Не хорошо. Лучше: *въ продолженіи*.

7) Опять искаженіе пословицы: *Не спросясь броду, не бросайся въ воду*. Надобно сказать: *не суйся въ воду*. При нѣкоторомъ размышленіи всякой почувствуетъ, что *бросаться* и *соваться* не синонимы.

8) На стр. 112 сочинитель говоритъ, что Троицкая Лавра *отстоитъ отъ Москвы недалѣе шести-*

десяти четырехъ верстъ. Тутъ надобно сказать положительно: во столькихъ-то верстахъ.

9) *Я едва смѣю надѣяться, что ты не отринешь* и пр.; не хороша фраза.

10) *Хлѣбы пересидѣли* (стр. 142); говорится: *пересидѣлись.*

11) (стр. 175) невѣроятно, чтобъ у Анастасіи, бывшей въ рукахъ грабителей шишей, нашлись, какъ нарочно, на пальцахъ два золотыхъ перстня для обрученья.

12) *Онъ приподнялъ раненаго, въ которомъ читатели вѣроятно узнали уже боярина Кручину.* Никакъ нельзя узнать: сочинитель описалъ мѣстоположеніе, неизвѣстное читателямъ.

13) Анастасія, обвѣнчавшись съ Юріемъ, черезъ нѣсколько минутъ, прижимаетъ руку его къ своему сердцу и говоритъ: *чувствуешь ли какъ бьется мое сердце? Оно живетъ тобою* и пр.... И дѣйствіе и слова не въ характерѣ того времени. Анастасія могла взять руку Юрія и поцѣловать. Также, прощаясь съ нимъ у воротъ Хотьковскаго монастыря, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы ей поклониться въ ноги своему спасителю, супругу и *господину.*

Искренно признаемся, что большая часть нашихъ замѣчаній маловажны; это послужитъ доказательствомъ автору вниманія, съ которымъ мы читали его сочиненіе, и желанія видѣть трудъ его въ совершен-

нѣйшемъ видѣ. Хотѣли было мы выписать нѣсколько страницъ изъ лучшихъ мѣстъ, но по истинѣ затруднились въ выборѣ: весь романъ есть одна изъ пріятнѣйшихъ и замѣчательныхъ страницъ въ лѣтописяхъ нашей словесности (*).

Къ сожалѣнію должно прибавить, что не смотря на хорошую бумагу и буквы, печать не хороша, и что безчисленное множество знаковъ восклицаній, двоеточій и тире, часто не вѣрно поставленныхъ, досаждаютъ читателю. Правописаніе также нѣсколько капризно. Виньеты гравированы недурно, но нарисованы очень плохо. Мы увѣрены, что скоро понадобится второе изданіе, въ которомъ конечно постараются избѣгнуть этихъ мелочныхъ недостатковъ.

(*) Быть можетъ нѣкоторые изъ читателей спросятъ: не подражаніе ли это Валтеру Скотту? Вотъ наше мнѣніе: еслибъ не писалъ знаменитый Шотландецъ, быть можетъ, не существовалъ бы и Юрій Милославскій или явился въ свѣтъ подъ другою формою, но вотъ все вліяніе Вальтера Скотта, какое только можно допустить. Подражанія мы рѣшительно не замѣтили.

Письмо къ издателю Московскаго Вѣстника.

Не для комплимента вамъ, М. Г, а для правды, надобно сказать, что журналъ вашъ всегда былъ безпристрастнѣе и умѣреннѣе другихъ; должно признаться, что въ нынѣшнемъ году, говоря объ Исторіи Русскаго народа, и вы сбились съ тону; но только *съ тону*, а сказали чистую правду. И такъ позвольте и теперь помѣстить въ вашемъ журналѣ отзывъ человѣка, не принадлежащаго ни къ одной изъ партій, раздѣляющихъ на разные приходы нашу отечественную словесность.

Всегда уважая необыкновенный талантъ А. С. Пушкина и восхищаясь его прелестными стихами, съ неудовольствіемъ читывалъ я преувеличенныя, безусловныя и даже смѣшныя похвалы ему, въ Сынѣ Отечества, въ Сѣверной Пчелѣ и особенно въ Московскомъ Телеграфѣ. Пушкина не разбирали, не хвалили даже, а обожали и предавали анаѳемѣ всѣхъ варваровъ, дерзавшихъ восхищаться не всѣми его произведеніями, и находившихъ въ прекрасныхъ

стихотвореніяхъ его — недостатки!.. Называя Байрона *первымъ поэтомъ человѣчества, своего вѣка*, Телеграфъ, не обинуясь, говаривалъ: *Байронъ, Пушкинъ* и пр. и чтоже теперь?... Если неумѣренныя похвалы возбуждали неудовольствіе въ людяхъ умѣренныхъ, какое же негодованіе должны произвести въ нихъ явныя притязанія оскорбить, унизить всякими, даже не литературными средствами, того же самаго поэта, передъ которымъ тѣже раболѣпные журналы, весьма недавно—пресмыкались во прахъ? Развѣ Пушкина можно ставить въ рядъ съ его послѣдователями, хотя бы и хорошими стихотворцами? Онъ имѣетъ такого рода достоинство, какого не имѣлъ еще ни одинъ Русской поэтъ-стихотворецъ: силу и точность въ изображеніяхъ не только видимыхъ предметовъ, но и мгновенныхъ движеній души человѣческой, свою особенную чувствительность, сопровождаемую горькою усмѣшкою.... Многіе стихи его, огненными чертами врѣзанные въ душу читателей, сдѣлались народнымъ достояніемъ! Объ искусствѣ составленія стиховъ я уже не говорю.

Многіе скажутъ: «*Зачѣмъ узнавать Пушкина въ пародіяхъ? Зачѣмъ относить къ нему разные намеки? Онъ выше ихъ*»... Милостивые Государи, узнавать—не значитъ признавать обвиненія и клеветы справедливыми! Но не узнать нельзя.... Мудрено-ли поддѣлаться къ наружной формѣ, употребя каррикатурно и слова и выраженія поэта?....

Есть и другіе журналы, впрочемъ достойные уваженія, въ которыхъ разбирали Пушкина или съ пустыми привязками, или съ излишнимъ ожесточеніемъ. Послѣднее тѣмъ прискорбнѣе, что встрѣчалось въ рецензіяхъ критика, по видимому имѣющаго обширныя познанія не только въ своей, но въ древнихъ и новѣйшихъ иностранныхъ литературахъ, мысли котораго по большей части свѣжи и глубоки. Я увѣренъ, что онъ отдаетъ полную справедливость Пушкину, и что только нелѣпыя похвалы и вредное для словесности направленіе его послѣдователей, вмѣстѣ съ строгимъ образомъ мыслей самаго критика о нѣкоторыхъ предметахъ, увлекли его въ излишество.... (*)

При нынѣшнемъ, странномъ и запутанномъ положеніи литературныхъ мнѣній, не должно молчать. Пусть публика знаетъ, что многіе, или, лучше сказать, всѣ благомыслящіе люди, радуются, напримѣръ, отпаденію Телеграфа и Сѣверной Пчелы отъ такъ называемыхъ *знаменитыхъ друзей* и ихъ приверженцевъ, ибо всѣ они, болѣе или менѣе, извѣстны своими дарованіями и талантами. Похвалы вышесказанныхъ журналовъ—пятнали славу ихъ!... и да погибнетъ навсегда прозвище *знаменитыхъ друзей*,

---

(*) Это говорилось о Н. И. Надеждинѣ, въ грубыхъ критикахъ котораго всегда было много и дѣльнаго; впослѣдствіи онъ сознавался мнѣ не одинъ разъ, что былъ неправъ передъ Пушкинымъ.

Позднѣйшее примѣчаніе С. А.

не въ добрый часъ данное имъ въ Сынѣ Отечества. Кругъ людей, которыхъ славитъ Телеграфъ и Сѣверная Пчела, до того уменьшился, что имъ приходится хвалить — только другъ друга; брань ихъ — есть уже право на уваженіе просвѣщеннаго общества. Прежде Телеграфъ нападалъ на литераторовъ, не пользующихся громкою славою и на людей ученыхъ (послѣднее весьма понятно): теперь онъ напалъ, или, приличнѣе сказать, *кинулся* на всѣ отличные таланты и на всѣхъ, совершившихъ уже свое литературное поприще, не въ шутку знаменитыхъ и заслуженныхъ корифеевъ нашей словесности.... Въ добрый часъ! .. Но подъ какимъ мѣднымъ щитомъ (*) укроется онъ отъ клейма общественнаго мнѣнія?...

1830 года.

Конецъ.

(*) Вмѣсто слова: щитомъ, стояло «лбомъ»; но издателю показалось это уже слишкомъ рѣзко.

Позднѣйшее примѣчаніе С. А.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

DOBBS BROS.
LIBRARY BINDING
ST. AUGUSTINE
FLA.
32084